МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ М. БАКУНИНА

ПО АРХИВНЫМ ДЕЛАМ Б.б. III ОТДЕЛЕНИЯ и МОРСКОГО МИНИСТЕРСТВА

ТОМ ПЕРВЫЙ

РЕДАКЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ ВЯЧЕСЛАВА ПОЛОНСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ М. БАКУНИНА

ЦЕНТРАРХИВ

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ
БИОГРАФИИ
М. БАКУНИНА

ПО АРХИВНЫМ ДЕЛАМ
Б.б. III ОТДЕЛЕНИЯ и МОР-
СКОГО МИНИСТЕРСТВА

РЕДАКЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
ВЯЧЕСЛАВА ПОЛОНСКОГО

ТОМ
ПЕРВЫЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Гиз. № 4117.
Главлит № 8235. Москва.
Напеч. 7.000 экз. в 1-й Образц.
тип. „Мосполиграф“, Пятницкая, 71.

СОДЕРЖАНИЕ.

стр.

ОТ РЕДАКТОРА . IX

I. ДО АРЕСТА.

Предисловие . 3

1—8. РЕВОЛЮЦИЯ, РОССИЯ и СЛАВЯНСТВО.

1. Отрывок первый. 7
2. » второй. 8
3. » третий. . 8
4. » четвертый. 9
5. » пятый. 9
6. » шестой. 15
7. » седьмой. 19
8. » восьмой. 21
9. Восстание валахов и вмешательство России. 22
10. Письма Андржейковича Бакунину. 25
11. » » » 25
12. » » » 27
13. Письмо Бакунина неизвестному 28
14. Письмо Людвига Штура Бакунину. 28

15—17. ПО ПОВОДУ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ИЗ ПАРИЖА в „Neue Rheinische Zeitung“.

15. Отрывок первый. 29
16. » второй. 30
17. » третий. 31
18. Письмо Бакунина Арнольду Руге. 33
19. Отрывок. 35
20. Письмо Бакунина Э. Сторжевскому. 36

21—24. ПИСЬМА М. ПОЛУДИНСКОЙ М. А. БАКУНИНУ.

21. Письмо первое. . 38
22. » второе. 38
23. » третье. 39

24. Письмо четвертое 40
25. Отрывок из журнала Бакунина. 42

II. В КРЕПОСТЯХ.

26. Письмо М. Бакунина из Кенигштейна адвокату Францу Отто. 47

27—31. БАКУНИН ПЕРЕД АВСТРИЙСКИМ СУДОМ.

Предисловие . . 55
27. Доклад военному суду. 59
Показания свидетелей и заявления соучастников. 75
28. Письмо Бакунина друзьям. 87
29. Письмо Бакунина друзьям (с подписью Максимилиан) 88
30. Протокол военного суда. 89
31. Приговор. . 93
32. ИСПОВЕДЬ.
Предисловие. 95
Исповедь. . . 100

33—35. ПИСЬМА БАКУНИНА РОДНЫМ ИЗ КРЕПОСТИ.

33. Письмо от 4 января 1852 г. . 249
34. Письмо без даты. . . . 251
35. Письмо от 9 апреля 1853 г.. 271
36. Письмо Павла Бакунина Михаилу Бакунину. . 273
37. Перевод Бакунина в Шлиссельбургскую крепость. . 275
38. Прошение В. А. Бакуниной царю. . 276
39. Письмо В. А. Бакуниной Дубельту. . . . 277
40. Письмо В. А. Бакуниной кн. В. А. Долгорукову. . 278
41. Письмо В. А. Бакуниной кн. А. М. Горчакову. . 280
42. Письмо М. Бакунина кн. В. А. Долгорукову. . 281
43. Письмо М. Бакунина ему же. 282
44. Прошение М. Бакунина Александру II. . 284
45. Письмо М. Бакунина брату Алексею. . . 288
46. Письмо М. Бакунина В. А. Долгорукову. . 289

III. В СИБИРИ.

47. Рапорт прапорщика Анисимова. . 295
48. Рапорт капитана Толстого. . 295
49. Рапорт майора Гедде. 295
50. Квитанция в приеме М. Бакунина омским комендантом. . 296
51. Письмо Гасфорда шефу жандармов 296
52. Письмо М. Бакунина кн. В. А. Долгорукову. . . 297
53. Генерал Казимирский—кн. В. А. Долгорукову . 298
54. Письмо М. Бакунина ген. Казимирскому. . . 299
55. Извлечение из письма М. Бакунина к матери. . 302
56. Письмо С. Ланского нач-ку III отделения. . 303
57. Письмо М. Бакунина ген. Озерскому . . . 303
58. Письмо М. Бакунина В. А. Долгорукову. 306
59. Письмо Н. Н. Муравьева-Амурского кн. В. А. Долгорукову. . 308

60. Письмо В. А. Бакуниной кн. В. А. Долгорукову . 308
61. Переезд Бакунина в Иркутск. 309
62. Письмо Н. Н. Муравьева-Амурского кн. В. А. Долгорукову. . 310
63. Прошение В. А. Бакуниной царю. . 312

IV. ПОБЕГ.

Предисловие. . 315

64. Первое извещение о побеге. 320
65. Письмо ген. Корсакова В. А. Долгорукову . . . 321
66. Заключение следственной комиссии А. Ф. Голицына. . 323
67. Уведомление о поднадзорности Бакунина. . 328
68. Письмо В. Котюхова П. Н. Глебову. . 329
69. Письмо В. Котюхова Козакевичу. . 330
70. Письмо Г. Вебера В. Котюхову. 340
71. Протокол следствия по делу о побеге Бакунина. . 347
72. Вид на жительство, выданный Бакунину в Томске. . 356
73. Письмо М. Корсакова В. А. Долгорукову. . . . 357
74. Письмо лейт. Афанасьева подп. Карельскому. . 376
75. Письмо Г. Вебера ген. Лутковскому. . . 389
76. Секретное отношение шефу жандармов. . 391
77. Письмо ген. Потапова Н. Краббе. . . . 392
78. Письмо д-ра Чинского графу Нессельроде. . . 403
79. Письмо ген. Клейнмихеля кн. И. А. Долгорукову. . 405
80. Приказ ген.-фельдцейхмейстера. 406
81. Письмо Л. Дубельта коменданту Петропавловской крепости . 417
82. Письмо гр. Орлова коменданту Шлиссельбургской крепости . . 418
83. Рапорт коменданта Шлиссельбургской крепости 419
84. Квитанция в приеме Бакунина комендантом Шлиссельбургской крепости . 419
85. Рапорт коменданта Шлиссельбургской крепости 420
86. Справка о Бакунине 421
87. Письмо В. А. Долгорукова В. А. Бакуниной . . 423
88. Отправка Бакунина в Сибирь 424
89. Рапорт коменданта Шлиссельбургской крепости . . 426
90. Подписка М. Бакунина 427
91. Справка о М. Бакунине 427
92. Записка В. Котюхова Г. Веберу 429
93. Предписание лейтенанта Афанасьева коменданту клипера „Стрелок“ . 430

Иллюстрации: снимок с наружной страницы обертки „Исповеди“; фототипия с первой и последней страниц „Исповеди“; снимок с предписания лейтенанта Афанасьева командиру клипера „Стрелок“ о принятии на борт Бакунина.

От редактора.

Михаил Бакунин до последнего времени принадлежал к числу тех знаменитых деятелей, которых очень почитают, но плохо знают. Здесь не место говорить о причинах этого обстоятельства. Но констатирования его, думается нам, достаточно, чтобы оправдать появление настоящего собрания «материалов для биографии» М. Бакунина.

Революция, сбив замки с царских архивов, обнаружила целый ряд документов, усиливших интерес к «апостолу всемирного разрушения». Но лишь двум исследователям—Ю. М. Стеклову и автору этих строк—удалось более или менее обстоятельно ознакомиться с ними. Между тем, обширная критическая литература, вызванная работами упомянутых авторов, дает основание полагать, что интерес к Бакунину нисколько не уменьшился, и не мало исследователей будет продолжать изучение жизни и деятельности этого революционера. Само собой разумеется, что при таком положении вещей попытка сделать архивные материалы доступными широкому кругу интересующихся может принести только пользу. Это обстоятельство и заставило автора настоящих строк заняться их публикацией, тем более, что кроме «Исповеди» и «Письма Александру II» обнародовано документов немного, значительная их часть опубликована частично, в выдержках и извлечениях, а весьма большое количество оказалось совершенно неиспользованным. В числе этих последних может быть указан хотя бы документ первостепенной исто-

рической ценности—«доклад военному суду» в Праге, где Бакунин был осужден в 1851 г. Автор этих строк получил возможность затем изучить 4 тома следственного материала о побеге Бакунина из Сибири, хранившегося в архиве б. Морского Министерства и не бывшего в руках исследователей, а также розыскать в б. архиве Военного Министерства небольшое дело об увольнении М. Бакунина в отставку, также остававшееся неизвестным. Наиболее существенные из документов этих «дел» включены в настоящее собрание.

Желая это собрание, охватывающее период жизни Бакунина до 1861 года, сделать более полным и заменить им необходимость непосредственной работы в архиве, мы не ограничились включением в этот том материалов, которые оставались до сих пор неопубликованными. Нами включены в книгу «Исповедь» Бакунина, его письмо Александру II, а также наиболее значительные из документов, целиком или частично опубликованные указанными выше авторами. Мимоходом заметим, что первое издание «Исповеди» появилось с отступлениями от текста подлинника. В настоящем издании этот документ заново проредактирован и может считаться точным воспроизведением бакунинского текста. В соответственном месте настоящей книги об этом говорится более подробно. Сверены с архивными оригиналами, разумеется, и остальные документы, составившие настоящую книгу.

Поставив себе задачей дать точный текст документов, мы столкнулись с особенностями нашей новой орфографии. Воспроизвести все без исключения документы по новой орфографии мы не считали возможным. Характерные особенности старого правописания придают документам тот аромат эпохи, который новой орфографией был бы изгнан совершенно, сохранить же этот «исторический колорит» мы считаем желательным. Это относится, главным образом, к документам, имеющим, кроме исторического, еще

и литературное значение. В то же самое время сохранение старой орфографии нисколько не обязательно при воспроизведении документов, так сказать, второго сорта, например, официальной переписки, писем и документов, не имеющих литературного значения, и т. п. Мы разбили поэтому материал на несколько групп. В первую группу включены документы, которые написаны рукой Бакунина и находятся в нашем распоряжении в подлинниках (письма, отрывки статей, заметки, «Исповедь»). Документы эти мы воспроизводим в полном соответствии с оригиналами, сохраняя характерную транскрипцию и все особенности старой орфографии. Вторую группу составляют документы, хотя и написанные Бакуниным, но дошедшие до нас в копиях, письма его родных и знакомых, и, наконец, официальная переписка. Эти документы воспроизводим по новой орфографии, сохраняя вместе с тем характерные особенности слога и выражений. В третью группу мы относим документы с текстом на иностранных языках, независимо от того, дошли ли они до нас в подлинниках или в копиях. Эти переводы мы публикуем по новой орфографии, не имея, разумеется, возможности соблюдать в переводе какие-нибудь орфографические особенности оригинала.

Выше мы отметили, что публикуем не все материалы, составившие более восьми томов известных нам архивных дел, а лишь те из них, которые, по нашему мнению, имеют существенное значение для биографии Бакунина. Не всякий документ, только потому, что он находится в архиве, заслуживает публикации—вряд ли здесь могут быть два мнения. Другой вопрос—насколько верен был критерий, позволивший редактору этого издания произвести необходимый отбор. Автор этих строк, во всяком случае, полагает, что исследователь, который не удовлетворится настоящим собранием и попытается самостоятельно перелистать использованные нами архивные дела—вряд ли найдет в них что-нибудь, что оправдает его труд

и прибавит хотя одно существенное обстоятельство к фактам и событиям, охваченным настоящей книгой. В этом смысле можно сказать, что предлагаемый том исчерпывает известные нам до сего времени архивные дела, ограничиваясь 1861 годом. В «делах» имеются документы, относящиеся к более позднему периоду. Они будут включены нами во второй том «материалов».

В заключение редактор этого издания считает своим долгом выразить признательность т.т. В. В. Адоратскому и В. В. Максакову, облегчившим ему пользование архивными документами, тов. Зофу, предоставившему ему возможность ознакомиться с архивными делами б. Морского Министерства, и, наконец, тов В. П. Алексееву, который любезно согласился помочь ему в деле самом неблагодарном—в чтении корректурных листов.

Мо[illegible],
июль, 1923.

I. До ареста

(1848—1849)

Из бумаг, отобранных у Бакунина после его ареста в Хемнице.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Печатаемые ниже документы сослужили в свое время службу в качестве обвинительного материала сначала саксонскому, а затем австрийскому суду. Найденные в сундуке Бакунина в Дрездене, они были скопированы и заверены протоколистом—асессором Гаммером, которому, главным образом, было поручено производство следствия. По просьбе русского правительства эти копии были доставлены в Петербург при письме русского посланника в Саксонии фон-Шредера от 8-20 сентября 1849 г. Они находятся в первой части архивного дела «об отставном прапорщике Михаиле Бакунине». Всего бумаг доставлено 30 №№: 10—на русском языке, 18—на немецком и 2—на французском. Надо полагать, что этим числом и ограничилась находка. Мы воспроизводим здесь лишь те из бумаг, которые, по нашему мнению, имеют историческую ценность. Так, например, мы оставляем не воспроизведенными два черновика, представляющие собой варианты некоторых страниц «Воззвания к славянам». В списке *) немецких бумаг они идут под №№ 9 и 14. При сличении этих отрывков с «воззванием», мы не нашли в них ничего, что давало бы им право на воспроизведение. Это первоначальные наброски, развитые и дополненные в печатном экземпляре воззвания. Некоторые отрывки, написанные

*) Каждая группа документов сопровождалась особым списком.

рукой Бакунина, вошли в другие, им же написанные варианты. Мы печатаем эти более полные варианты, полагая излишним воспроизводить варианты менее полные, не заключающие в себе ничего, что не вошло в отрывок более подробный.

Среди бумаг имеется несколько писем к Бакунину М. Полудинской, которые мы воспроизводим. Письма бросают некоторый свет на отношение Бакунина к женщинам. Этот вопрос, совершенно не исследованный, представляет известный интерес, тем более, что в письмах Полудинской имеются кое-какие сообщения о революционной деятельности Бакунина.

Почти все воспроизводимые нами материалы чрезвычайно ценны для характеристики политических воззрений и революционной работы Бакунина эпохи 1848—49 г.г. Здесь мы имеем черновики и отрывки статей, посвященных обоснованию славянского освобождения. Большинство этих черновиков написано в эпоху «Воззвания к славянам» и представляет собой либо первоначальные наброски для этой брошюры, либо проекты статей, развивавших некоторые недостаточно полно развитые в брошюре положения. Далее идут письма, из которых особенно значительны—письмо Сторжевскому и письма, вызванные известной корреспонденцией о Бакунине в «Neue Rheinische Zeitung» в 1848 г. И, наконец, небольшое обозрение, посвященное Молдавии и Валахии. Это «обозрение» дает представление о том, как Бакунин пытался взвесить реальное соотношение сил к моменту революции.

Кроме бумаг, доставленных в Россию фон-Шредером при письме от 8-20 сентября 1849 г. («дело», часть I, л. 186), позднее была найдена еще «переписка Бакунина с его соучастниками в Праге». Об этом сообщает тот же Шредер в депеше своей от 30 июня—12 июля 1850 г. («дело», ч. I, л. 319).

После того, пишет Шредер, как Гейбнеру и Рёкелю, вместе с Бакуниным, обвинявшимся в организации Дрезденского восстания, смертная казнь была заменена пожизненным содержанием в исправительной тюрьме в Вальдгейме, Рёкель, до переезда в Вальдгейм, заявил, что «в гостинице, находящейся за городом, где Бакунин скрывался в течение двух недель перед майским восстанием, находятся еще принадлежащие последнему бумаги.

«Полиция явилась в означенную гостиницу, служившую во все времена местом сборища радикалов, и действительно, в комнате, где жил Бакунин и запертой на ключ, они нашли шкатулку с перепиской Бакунина с его соучастниками в Праге, где он принимал участие в революционном движении.

«Все эти бумаги были заботливо собраны и тотчас же пересланы в Богемию, где Бакунин в настоящее время подвергается допросам».

Этих бумаг, к сожалению, в наших делах не оказалось. Вместе с докладом аудитора Франца военному суду в Праге, который мы печатаем ниже, представлены были всего два письма Бакунина к его друзьям. В цитированной выше депеше Шредер говорит о «шкатулке с перепиской». Это дает основание предположить, что речь идет о значительном количестве бумаг. Исключается предположение, что Шредер, по недоразумению, говорит о тех же самых бумагах, что были найдены ранее в «сундуке» Бакунина, так как первая находка была сделана до суда в Саксонии, последняя—уже после того, как приговор был вынесен. Остается заключить, что «переписка Бакунина с соучастниками» хранится в архивах Праги.

Любопытна оценка бакунинских бумаг, которую николаевский чиновник-дипломат сделал в своем первом из указанных нами писем:

«Все эти бумаги вместе, писал Шредер, носят отпечаток какого-то революционного бреда, внушившего автору их мысли, более или менее смутные, но всегда преступные.

В немецких и французских бумагах можно видеть плоды философии Гегеля, которою Бакунин услаждался во время своего пребывания в Берлине. Его пребывание в Дрездене позволило ему войти в сношения с Руге, употребившим на пользу атеизма подготовительные занятия своего приверженца и молодого друга, с которым он на ты. Французское письмо очень показательно в этом отношении.

В общем, Бакунин лишний раз доказывает, до чего доводят людей заблуждение и забвение долга, когда отсутствие религиозных принципов одерживает верх».

Некоторые из печатаемых материалов были частично использованы Ю. М. Стекловым в его исследовании «Михаил Александрович Бакунин. Жизнь и деятельность. Часть I», а также автором этих строк в книге «Бакунин. Из истории русской интеллигенции, т. I». В примечаниях это обстоятельство указывается по каждому документу в отдельности.

Так как документы печатаются с копий и в переводе,— орфография нами принята новая.

Заголовки принадлежат нам в тех случаях, когда это не оговорено в примечаниях.

РЕВОЛЮЦИЯ, РОССИЯ И СЛАВЯНСТВО.

I.

Никогда, может быть, еще не взирали на Россию с таким боязливым вниманием, как в настоящее время. Еще никогда не стояла она перед миром столь таинственной и угрожающей. Все остальные государства уже высказались и достаточно известны. Хотя и в самой Европе нельзя всего предсказать, потому что и там многое запутано и противоречиво, и может произойти много неожиданного, но во Франции, Англии и Германии известны партии и их тенденции, и возможно, по крайней мере, до известной степени, учесть последствия победы каждой из них. Одна Россия составляет исключение; о России как бы ничего не знаешь: огромное, почти безграничное государство, замкнутое китайской стеной, через которую не проникает ни один живой звук, ни звук страдания, ни звук радости.

Первое опьянение, охватившее всех после удивительных событий последнего времени, прошло. Был момент, когда грезились чудеса людям, увлеченным юношеским и для нашего времени действительно несчастным восторгом; эти люди мечтали: все стремления и глубочайшие вопросы человечества и свободы, как извне, так и внутри, поддадутся разрешению легко, подобно детской игре путем радостных приветствий объединенного в его братском сознании человечества.

Теперь этот срок прошел, мы все снова отрезвились и перешли таким образом от несколько романтической интродукции революционной драмы к тяжкому испытанию первого ее акта.

Между тем Европа глубоко потрясена революцией, и все остальные народы охвачены демоническими силами нашего времени, раздроблены на партии, разделены на два большие лагеря,—на истинный народ и буржуазию,—непримиримой враждой, которая не утихнет, прежде чем один другого вполне не победит и покорит, так как все они готовы упасть в бездну ужасной анархии и страшной, кровавой, неумолимой междоусобной войны [1]).

2.

Для того, чтобы быть в состоянии сказать поднявшимся и стремящимся к свободе народам Европы: «Видите вы, подвластные народы, в то время, как вы, одурманенные ядом новых принципов, раздираемые партийной враждой, охваченные анархией, больные, тяжело изранненные, бессильно повержены в прах, стою я прямо, самодержец шестидесяти миллионов, сильный любовью и поклонением моих объединенных дисциплиной народов, безусловная покорность которых окружает меня как бы железным панцырем. Бойтесь моего гнева и покоритесь моей воле, потому что я велик и могуществен и у порога моего государства умрет революция».

Такою является мощь русского императора при обратных условиях к чести русского народа [2]).

3.

После . . . . .*) 1812 и 1815 г.г. Россия, старая Россия Петра Великого, достигла своего апогея; вся Европа ее признала, слушала и боялась ее. Что могла она после этого делать?—Или путем захватов, оспаривания наследств и завоеваний становиться все страшнее, или обратиться внутрь себя и приступить к внутреннему развитию и свободному развитию так долго молчавших национальностей.

---

*) Пропуск в оригинале.

В течение некоторого времени Александр мечтал. Он не был романтиком, т.-е. человеком, которому присуще сознание лучшего, но которому недостает силы. Но задача была необычайно трудна: дело шло не только о реформе, но о целой революции. Со времен Петра Великого народ, так сказать, совсем не жил политическою жизнью,—вся история была сплошным насилием над его национальной природой с целью сделать его великим, и народ на это соглашался: он давал собой повелевать, при чем его внутреннее «я» не принимало участия в этой жизни. Теперь надлежало принять новое направление, дать народу жить внутренней национальной жизнью,—это значило абсолютно порвать с прошедшим. Это доступно какому-нибудь Петру Великому, а может быть, было бы невозможно даже и ему, потому что легче дисциплинировать и отливать в ту или другую форму народ силой, чем предоставить ему жить свободной жизнью; только сам народ мог себе помочь жить в смысле естественных последствий и условий такого применения: ломки всего прежнего иноземного, германо-прусского управления, (его цели, деньги и солдат) и славянской внешней политики: свободы Польши. После колебаний Александр вернулся к прежней политике. Но теперь это уже не явилось прежней свободной политикой, а реакцией как во внутренней, так и во внешней политике, потому что в России, как и в Европе, уже началась новая жизнь [3]).

4.

Три крупные фактора, служащие точкой отправления новой русской жизни, суть: бунт Пугачева, сожжение Москвы и неудавшееся восстание 1825 года [4]).

5.

Никогда, может быть, не взирали на Россию с таким боязливым напряжением, как в наше время. Никогда еще не стояла она пред миром такой таинственной и такой угрожающей: огромное шестидесятимиллионное государство, спокойно и гордо стоящее среди всеобщего расстройства,

и одно остающееся, по крайней мере до сих пор, убереженным от грома революции и незатронутым ею. В то время как остальные европейские государства, охваченные демоническими силами нашего времени, потрясенные до основания, раздираемые партиями, с роковой быстротой идут навстречу анархии и ужасной, кровопролитной, беспощадной междоусобной войне, собирается она молча с силами и подготовляется к борьбе.—К борьбе с кем и за что? Вот в чем вопрос! Известно только то, что армия более чем в 200 тысяч человек, хорошо вооруженная и готовая к войне, стоит сейчас в Царстве Польском, и другая, почти столь же сильная,—на финляндской границе.

Самые разнообразные и противоречивые слухи ходят касательно цели этих приготовлений и намерений русского императора. Некоторые говорят, будто бы он хочет освободить Царство Польское и стать во главе славянского освободительного движения. Другие, напротив, утверждают, что император Николай не может иметь ничего общего со свободой. Освобождать и даровать свободу не есть его назначение и не входит в его привычки,—ему гораздо более свойственно помогать порабощению. Главной его целью является подавление революции в Европе.

Что меня касается, то я всецело согласен с последним.—Я рассмотрю этот вопрос основательнее.

Когда возник в первый раз слух о том, что будто бы император Николай желает восстановить всю Польшу с герцогом Лейхтенбергским в качестве ее короля?—В апреле и начале мая этого года, в тот момент, когда дела русского господства в Царстве Польском шли очень плохо. Тогда во всем Царстве Польском было не более одного корпуса в 30.000 солдат и требовалось, по крайней мере, 2—3 месяца для того, чтобы стянуть туда значительную армию. Так как европейская революция пришла внезапно и совершенно неожиданно, ничто не было подготовлено, везде царил величайший беспорядок.—Когда пришли первые вести о революции в Париже, русские чиновники и генералы в Варшаве были охвачены паническим страхом: легко себе представить, каково им было, когда вскоре после этого одно за другим последовали известия о революции в Вене и Берлине, о битве за битвой, и

когда они узнали, что Великое Герцогство Позенское, Галиция должны были быть освобождены и что вся Германия в первом порыве своего подъема требует полного восстановления великой, независимой Польши.—Рассказывают, что русские чиновники и генералы были совершенно подавлены страхом: они не спали по ночам; многие уже укладывались, другие посылали своих жен к знакомым полякам для того, чтобы узнать, когда начнется революция и когда они должны уезжать.

Самые злостные, самые прославленные, такие, как начальник полиции Абрамович и другие кровожадные собаки жестокого царя, постыдные поступки и гадости которых вопиют к небу и которые до смерти замучили такую массу благородных польских патриотов,—стали вдруг ручными и гуманными: тюрьмы раскрылись; и,—вещь неслыханная,—Варшава, эта святая страдалица, эта мученица патриотизма и свободы,—Варшава заговорила свободно!—И настроение русской армии, этих 30.000 человек, было таково, что если бы произошло восстание, то половина дезертировала бы и присоединилась бы к восставшим, потому что русские солдаты не чувствуют себя счастливыми на службе и не питают никакой ненависти к полякам.—Доказательство тому, что я говорю: когда они узнали, что в Великом Герцогстве Позенском формируются польские кадры, многие, многие русские солдаты перешли к ним, и если бы кадры эти просуществовали дольше, то число дезертиров страшно бы возросло. С своей стороны, русские офицеры открыто братались с поляками и были с ними заодно, потому что те из них, которые долго оставались в Польше, могли познать справедливость и святость польского дела и поняли, что освобождение Польши является также и освобождением России.

В мае 6 офицеров и 1 полковник были расстреляны за конспирацию с поляками.

Ничто не может сравниться с настроением в Царстве Польском, с радостью и надеждами бывших столь долго порабощенными поляков, со смущенностью русских чиновников, когда стало известным ,что в Позенском Герцогстве уже образуется польский лагерь.

Правда,—и без преувеличения,—если бы тогда небольшая часть в 2.000, даже в 1.000 человек хорошо вооруженных поляков перешла с оружием границу, вся Польша встала бы. Если бы Пруссия тогда этого захотела и вместо того, чтобы нападать на поляков в Познани, позволила бы им действовать собственными силами и только при помощи оружия и денег, то теперь Варшава была бы независимой, и война, революционная война, велась бы у самой русской границы, потому что полная горючего материала Россия ждет только воспламеняющей искры.

Прусское правительство этого не пожелало, потому что оно знало какие последствия будет иметь освобождение Польши для Германии и особенно для Пруссии. Деспотическое русское государство является опорой для деспотизма в Германии; до тех пор, пока внутри России и во внешних ее сношениях все остается неизменным, настоящая, действительная, полная свобода в Пруссии, а следовательно, и в Германии, невозможна.—Своими польскими провинциями Пруссия, а через Пруссию и Германия прикована к России железной цепью. Если представить себе демократическую Польшу, революционную Россию на севере, то разве была бы при этом еще возможна какая-либо реакция в Германии?

Революция в Польше, в России означает революцию во всей Германии; революция в Польше означает гибель Пруссии, как отдельного государства, потому что в таком случае все говорящие по-польски прусские провинции, не исключая даже поляков из Верхней Силезии, неминуемо вернутся к Польше.

Но без этих провинций Пруссия не может существовать как отдельное государство, она была бы вынуждена в таком случае, посредством насилия, увеличиться за счет других германских государств,—будь то Мекленбург, Ганновер или Саксония, или на счет всех их вместе. Но это невозможно; остальная Германия не может этого допустить: это значило бы утвердить во всей Германии прусский деспотизм; таким образом Пруссии не оставалось бы ничего больше, как совершенно перестать существовать в качестве отдельного государства, т.-е. вполне и открыто стать частью Германии,—

но это явилось бы полным революционизированием Германии, потому что Пруссия, могущественнейшее из германских государств, не может раствориться в германском единстве без того, чтобы вместе с нею не исчезли бы подобным же образом и остальные германские государства, как таковые, т.-е. все 34 правящих дома не были бы все сразу лишены владений и объединены под одной властью, что невозможно без глубочайших переворотов и потрясений всей страны.

Таким образом, для того, чтобы остаться отдельным государством, Пруссия не может отказаться ни от одной из своих польских провинций; она должна их сохранить во что бы то ни стало. В этом отношении не следует создавать себе никаких иллюзий: это логическая железная необходимость, и мне кажутся невероятно смешными те, которые хотят, с одной стороны, освобождения Польши, с другой—сохранения Пруссии, как государства.—С этим смешением понятий теперь в большинстве случаев покончено; но в начале революции оно было довольно распространено; и тут надо сказать, что правительство, на которое так сильно нападали, видело гораздо яснее, чем масса сентиментальных и нелогичных половинчатых людей, которые вечно парят вне времени и народов—и никогда не примкнут к тому или другому решительно настроенному человеку—оно исходило из положения, что Пруссия должна остаться отдельным могущественным по своему значению государством; и в таком случае оно должно было действовать, как оно и действовало, уничтожая движения Польши.

С другой стороны, Пруссия, как государство, не может никогда стать вполне свободным государством, потому что первым условием свободы является естественно развившийся организм; Пруссия же есть искусственно, механически составленное, а следовательно, военной силой поддерживаемое государство.—Пруссия, как государство, не может никогда освободиться от влияния России, потому что она прикована к последней своими польскими провинциями. Тем, что она вместе с ней украла в Польше, она продала ей свою душу и свободу своих действий.—Было бы одно средство, если бы его можно было осуществить, но это совершенно невозможно:

история это доказала и никому это до сих пор не удалось; поэтому от него надо навсегда отказаться. Славянская нация от природы живуча и отличается особенным свойством не смешиваться с немецкой нацией и питает к последней, если она ей навязывается, какое-то неопреодолимое нерасположение: она находит ее нелюбезной, и от которой немцы, как разумные и особенно, как честные люди, должны раз навсегда отказаться [5]). Германизация поляков и вообще славян невозможна и остается таковой. Но *немецкое трудолюбие*— как раз аргумент весьма мало трогающий нас, славян; что же касается до *немецкой честности*, то как раз в этом вопросе она проявляется довольно странно. Известная партия в Германии утверждает, что большая часть Великого Герцогства Позенского и вся Богемия уже немецкие, что эти страны завоеваны *немецким трудолюбием* и *немецкой честностью;* но горе немецким обитателям этих местностей, если они еще долго будут придерживаться столь разумных соответственных действий.

Таким образом и прусские поляки останутся вечно поляками; только силой можно будет их удерживать; от этого их ненависть к Пруссии, а через нее и к Германии, будет возрастать с каждым днем; исходной точкой этой ненависти является то, что Россия поддерживает Пруссию; в ее власти всегда поднять эти провинции.—Потому то здесь не следует строить себе никаких иллюзий; если бы было определенно решено, что Пруссия освободит от Германии только свои польские провинции, то, несмотря на всю свою ненависть к русскому деспотизму, поляки этих провинций все-таки сначала были бы на стороне русских против немцев: во-первых потому, что, в конце концов, русские—все-таки славяне и при этом близко родственные и по своим нравам и своей жизнью стоят гораздо ближе к полякам, чем к немцам: немец и славянин диаметрально противоположны друг другу по самому своему существу; во-вторых потому, что они будут надеяться соединить под властью России все остальные, оторванные от Польши части: Великое Герцогство Позенское, Западную Пруссию и Галицию и объединиться, таким образом, опять в большую Польшу, которая тогда сможет легче освободиться и от русского ига.

Таким образом ясно, что до тех пор, пока Пруссия остается государством, она должна силой сохранять польские провинции, т.-е. она остается военным и по меньшей мере на половину деспотическим и зависимым от России государством.— Свобода прусского государства может быть только в высшей степени умеренной, расцветающей под особым влиянием русской дипломатии свободой.—Буду ли я пытаться доказывать, что до тех пор, пока Пруссия остается этим могущественным государством, Германия будет всегда от него зависеть и таким образом она никогда не станет действительно свободной и великой? Это слишком ясно, и достаточно чувствуется и постигается всеми.

Взаимоотношение таково, что если бы Пруссия освободила Польшу и внесла бы в Россию революцию, то она нанесла бы сама себе смертельный удар,—таким образом, посылая своих померанских жителей против поляков, оказала она величайшую услугу русскому императору, и предала свободу, честь и независимость Германии, но в то же время, и именно этим, она, по крайней мере на некоторое время, спасла от гибели прусское государство [6]).

6.

Ни по своему положению, ни по своему характеру Николай не может освободить славян и поляков; он может только порабощать, и цель его—всеми доступными ему средствами подавить свободу в Европе и прежде всего в Германии, и возбудить везде реакцию.

Да будет мне разрешено несколько более подробно исследовать этот вопрос.

Внутренняя и внешняя политика государства связаны неразрывно и обусловливают друг друга, так что одна сторона является всегда сущностью другой. Николай не может желать освободить славян, не освобождая поляков, он не может освободить поляков, не переставая быть деспотом в России, а он не может перестать быть деспотом в России, не разрушив своей мощи, самого существа ее, самого существования своего и своей династии, самого русского государства.

Россия настолько мало известна, на ее счет существует столько предрассудков, что для того, чтобы уяснить ее настоящее состояние, я позволю себе дать некоторые исторические пояснения.

В чем заключается нынешняя сущность русского государства и на чем покоится его мощь (историческое обоснование)?

Из всех славянских племен одно великорусское сохранило свою независимость и свое могущество,—в этом его честь, доказательство присущей ему необыкновенной силы, его право на уважение со стороны братских ему племен, но одновременно в этом же и его бесчестие, его несчастье, потому что оно сохранилось и достигло этого могущества не всегда законными средствами и весьма часто жертвуя своей славянской природой.

Война между Россией и Польшей—это война между славянской свободой и славянской силой.

Во многих отношениях Россия и Польша—обе чисто славянские—решительно противоположны друг другу и потому они в прошедшем так тесно и таким роковым образом связаны друг с другом; именно поэтому они как раз призваны дополнять друг друга.

Только путем этой своей связи выполнят они обе свое назначение: Россия представляет силу, Польша—свободу. Прошедшее России и Польши может быть определено так (конечно, признавая, что все это определено отвлеченно и односторонне): Россия принесла все в жертву силе, а Польша—свободе и, что особенно замечательно, обе пришли этими различными путями к одному и тому же результату: Польша погибла вследствие свободы, Россия вследствие своей силы, своей дисциплины близка к погибели.

В основе мировоззрения русского, так же, как и польского и всякого другого славянского*), лежит патриархально-общинное устройство.

Русское государство ведет начало только с московских князей, с развития под монгольским игом и против него. Зарождение централизации государства, это развитие силы,

---

*) Вероятно, пропущено слово: «племени», или «народа». Примеч. ред.

единства было до сих пор главной сутью русской истории, не одна дипломатия князей, а именно инстинкт всего русского народа, который, движимый, так сказать, чувством предстоящего ему великого будущего, все принес в жертву дисциплине, единству и силе; что это было в то же время и национальным движением—доказывает освобождение Москвы от поляков, явившееся результатом национального подъема (порыв) и имевшее последствием избрание абсолютного монарха.

Петр—исполнитель этого стремления и Петр—олицетворение русской истории, истории силы и единения, так сказать, для себя, в глубине, устремления внутрь. Во времена предшественников Петра Россия уже была известна в Европе, но очень мало, как отдаленная варварская, сказочная страна. История России, начиная с Петра, сводится к стремлению заставить признать русскую мощь и единство за ее пределами,—завоевание Польши до 1812 года, после чего начинается новая жизнь. Какова в сущности основная мысль всех реформ Петра Великого? Сделать Россию могущественной извне и его . . . . . реформа *).

Не вытекающее из жизни нации развитие, а обращение нации в машину, которая давала бы правительству как можно больше солдат и денег—завоевательная машина—и мы видим, что прежде, чем в России появилась аристократия при.....*), было введено, а при Петре закреплено крепостное право просто как полицейская, административная, фискальная и рекрутская система. И, как уже сказано, до 1812 г. народ совершенно согласен с правительством,—восхищающийся победами армии русский народ не имел и не имеет еще сознания государства и интереса к нему. Конечно, с XIV до начала XIX столетия вся жизнь была не чем иным, как только строительством государства.

В течение 5 столетий один главный интерес, одна доминирующая мысль: величие государства, которой все приносилось в жертву (основание—сохранение патриархально-общинной сути, но при этом и центральной власти путем создания служилого дворянства—из этих двух элементов

*) Пропуск в оригинале.

создалась новая Россия); с Петра Великого и вплоть до нашего времени никаких существенных реформ внутри .....*) права дворян (никакой действительной свободы, а гораздо более финансовые) . . . *), чиновники по выбору дворянства, Павел .....**) и в конце университеты, гимназии.— Но это было как бы случайно и имело не те результаты, которые были желательны. Жалобы немецкого аристократа-путешественника на революционный дух славян. Миазмы!— и таким образом все время оставалось две стороны—народ и администрация со стоящим во главе его дворянством; первый не имел со второй ничего общего, но терпел по инстинкту государственности, и между тем имел свою собственную подпольную жизнь, религиозные секты (религиозные секты в то же время и политические)—это постепенное развитие народа, его значение и первый протест народа, первое внешнее проявление его внутренно переработанной жизни: восстание Пугачева—оба его элемента 1-й . . . .*) 2-й союзы против дворян, 3-й—царя.

Царствование Екатерины II завершило систему Петра Великого, его . . . . .**) и высшая точка в 1812 г. С самого начала своего развития Россия должна была бороться с 4-мя врагами своего существования: с татарами, с турками, шведами и поляками; с татарами она справилась прежде всего. Шведы получили при Петре смертельный удар, при Александре . . . . . **) турки также, особенно при Екатерине; борьба с Польшей была самой трудной и имела наибольшее значение для России как в отношении ее внутренней, так и внешней жизни; так как они родственны по происхождению и составляют две наиболее значительные и наиболее сильные ветви славянства, то между ними был, так сказать, спор о том, кто будет представлять славянство,—именно вследствие родственности поляки—злейшие враги России— поляки в Москве.

В конце-концов, поражение поляков — грех России — следствие отвлеченного, неславянского развития, предательство славянства посредством дележа славянского госу-

---

*) Пропуск в оригинале.

**) Слово неразборчиво.

дарства с заклятым врагом славян, — с немецкой жестокостью.

Но здесь становится ясным, что, подобно тому, как поляки не могут существовать угнетением России, так и Россия не может жить угнетением Польши. Ненависть между этими двумя странами есть только обратное выражение их взаимной любви, необходимости друг для друга—ни одна не может существовать без другой, ни та ни другая не может существовать с ненавистью или с угнетением другой, истинное существование обеих в их нераздельной свободе и независимости, и они призваны к тому, чтоб спасти и освободить славянство. Примирение Польши с Россией—разрешение, общее разрешение, славянского вопроса [7]).

7.

В июне Николай мог уже свободно дышать,—первая волна революции, которая могла быть для него столь гибельной, была побеждена; первый удар был нанесен революции в Бадене жестокой, совершенной по отношению к полякам, изменой в Позене, и затем порыв немцев к свободе был убит немецкими же руками в Кракове: Краков и гнусное изгнание польских эмигрантов были неизбежными последствиями. Затем последовало удивительнейшее и грустнейшее явление. Та самая польская эмиграция, которая перед тем совершила триумфальное шествие через всю Германию, была отброшена назад с невыразимой суровостью и грубостью; те самые люди, которые так громко кричали: «да здравствуют поляки!» бранили бедных благородных изгнанников. Обоготворение поляков, любовь к ним превратились вдруг в ненависть: да, я сам слышал, как в демократическом клубе дельные и искренние демократы говорили против поляков; это было удивительнейшее ослепление, и в ослеплении,—отвратительная, грубейшая несправедливость; это было ослепление, потому что несчастие, поражение поляков являлось поражением немецкой свободы; аплодировавшие поражению поляков в Позене и в Кракове приветствовали, таким образом, гибель немецкой свободы. То же самое было и для Праги (рассмотрение славянского вопроса,—немецкое един-

ство, немецкая свобода—солидарность свободы, как и угнетения—Прага—Виндишгрец—Вена). Новым был следующий, поставленный славянством революционный вопрос об уничтожении деспотизма в России. Заявление (annoncirung). —Господин Фридеман и в Бреславле. [8])

После бомбардировки Праги император Николай оказался в самом блестящем положении: кровавые события в Польше и Кракове, бомбардировка Праги, несправедливые постановления франкфуртского парламента вызвали во всем славянстве общий крик негодования. Если бы Николай действительно хотел стать во главе славянского движения, то он мог бы и должен был бы сделать это как раз в июле и августе. Потому что негодование против немцев в славянских землях и во всей Польше, особенно в Позене, где настроение до сих пор таково, что достаточно было бы малейшего движения императора для того, чтобы все немцы и евреи были перебиты, и так как это настроение против немцев и евреев, так сказать, искусственно и как бы старательно поддерживается в поляках через них же самих . . . . . *), празднества и демонстрации говорят о русских агентах,— но для чего нужны агенты, когда немцы сами так хорошо работают на руку русского императора: такое . . . . . *) глупое слово во Франкфурте, в Польше или в Праге сделает больше, чем многие тысячи талеров,—и все это император мог использовать, одно его слово, один жест его руки—и все собрались бы под его знаменами.

Все тогда с напряжением ждали этого слова, этого жеста. Почему он его не произнес, не сделал? И не только это, он сделал обратное. Он варварски прогнал сквозь строй четырех благородных польских юношей и написал собственноручно генералу Виндишгрецу благодарственное письмо за бомбардировку Праги.—Оба шага, именно для этого измышленные, казалось, отрезвили славян от их энтузиазма по отношению к нему. Странное зрелище—в настоящий момент в своей славянской политике делать все для того, чтобы против себя служить императору, а Николай делает все против самого себя для того, чтобы служить немцам.

---

*) Пропуск в оригинале.

Это было не случайно, а имеет глубокий смысл: это показывает, что германские правительства не враги Николая и что Николай не враг германских правительств, а только враг свободы, независимо от того, называется ли она немецкой или славянской свободой [9]).

8.

«Грустно, что здесь, где немцы демократичны, славяне проявляют себя, как противники демократии».

Этими словами кончается последнее письмо Вашего умного венского корреспондента.

Я славянин, я русский, настоящий русский; я люблю свою родину, я, конечно, горячий поборник славянского дела, и все-таки я думаю, что имею право называть себя демократом: дело демократии, т.-е. дело величия, счастия и свободы всего человечества, стоит для меня настолько выше всего, что если бы я думал, что, как славянин и русский, я не смею быть больше демократом, то я скорее перестал бы быть славянином и русским.

Но это не так. Уже по одному тому, что славяне были до сих пор наиболее угнетаемой расой во всей Европе, призваны они, может-быть, глубже и шире всех проводить принцип демократии; наиболее угнетаемыми народами и классами являются всегда именно те, которые были наиболее ярыми борцами за общие человеческие права. Только через демократию могут славяне войти в жизнь, только через нее могут они быть освобождены от столь глубокого как внешнего, так и внутреннего рабства, в котором они теперь томятся.

Но это не так. Несмотря на все, повидимому, противоречащие этому признаки, я, напротив, убежден, что славяне призваны к тому, чтобы, через свою великую нацию, ее прошедшее и ее настоящее положение, внести новый элемент в развитие демократии. Уже из того, что они до настоящего времени были самой угнетенной расой в Европе, что с их освобождением должен измениться основанный на привилегиях и деспотизме политический строй современного мира, который, так сказать, был . . . . . *), главным образом, на

*) Пропуск в оригинале.

их угнетении,—уже из одного этого явствует, что они не могут развиваться иначе, как в интересах демократии. Угнетаемые народы и классы становились всегда самыми ярыми борцами за общечеловеческие права для всех. Демократия—это сила и непреодолимое очарование нашего времени; только через демократию могут быть славяне освобождены, спасены,—только через нее могут они быть призваны от смерти и позора рабства к жизни, иначе их возрождение было бы бессмысленным и невозможным.

Но не только это. Свою веру, свою непоколебимую веру в демократическое будущее славянской расы почерпаю я в особенности из ее природы, в ее внутренней общественной организации, которую сохранили во всей ее чистоте и неприкосновенности все народы этой расы, несмотря на столетия рабства и все насилия и притеснения [10]).

9. Восстание валахов и вмешательство России.

Валахи или румелийцы составляют нацию, насчитывающую 7—8 миллионов душ. Они занимают Бессарабию, оба турецкие княжества (Молдавию и Валахию), Трансильванию и восточную часть Венгрии от реки Тисы.

Бессарабия	500.000
Валахия	2.500.000
Молдавия	1.400.000
Трансильвания . . .	2.700.000
Венгрия	
	7.100.000

Бессарабские жители подвластны России, молдаванские и валахские—вассалы Турции, но пользуются вместе с тем официальным покровительством русского правительства. Трансильванские и венгерские жители подчинены теперь мадьярам.

Они хотят свергнуть это тройное иго и стать независимой нацией. Таким образом они должны бороться с тремя врагами: 1) Россией, 2) Турцией и 3) венграми.

I) *Россия* владеет уже Бессарабией и хочет еще завладеть Молдавией и Валахией для того, чтобы войти в непосред-

ственные сношения с южными славянами и открыть себе путь в Константинополь. При образовании независимой валахской нации и при возвращении Бессарабии, что явилось бы рано или поздно неизбежным последствием такового, Россия потеряла бы устье Дуная. Войти в Константинополь она может, только пройдя по трупам Валахии и Молдавии.

II) *Турция* выиграла бы, может быть, несколько лет существования, если бы допустила валахов образовать независимое государство. Этим она освободилась бы от опасного соседства России. Но Турция неисправима, подобно человеку, носящему в себе зародыши неизбежной смерти. Ничто не может ее спасти, ее могущество чисто искусственное. Чтобы убедиться в этом, достаточно бросить взгляд на составные элементы населения Европейской Турции.

Из 12 миллионов жителей только 700 тысяч турок, остальные делятся так:

6.200.000 славян.	Болгар.	3.600.000
	Сербов.	2.600.000
3.800.000 валахов.	В Валахии.	2.400.000
	В Молдавии. . . .	1.400.000
1.180.000 греков.		
250.000 евреев.		
100.000 армян.		
11.530.000		
700.000 турок		
12.000.000 жителей.		

Все эти народности горят нетерпением свергнуть иго турок, и последние не будут в состоянии их долго сдерживать: *фактически* по своей численности они теряются в массе населения; *морально* силы их еще меньше. Лишенные всякой живой, прогрессивной идеи, они уже не могут двигаться вперед, и их фанатизм является уже не той непреодолимой и молодой силой, которая их толкала вперед, а старческим окаменением, предвещающим смерть. Они обречены на верную гибель. Они это сами чувствуют, они фатально верят в свое падение и со свойственной им покорностью ждут прихода русских в Константинополь. Россия имеет над ними

какую-то магнетическую власть, парализующую остатки их движения и жизни и влечет их, помимо их воли, к гибели. Нет ничего более грустного и вместе с тем более смешного, чем усилия европейской дипломатии в Константинополе. Стараются оживить труп. Оттоманская Порта, чувствуя себя бессильной, разбитая внутри, тем более дорожит внешними признаками, видимостью силы. У нее никогда не хватит энергии, необходимой для того, чтобы отказаться от части своей территории во имя спасения остального. В согласии с Россией она будет бороться с валахами.

III. *Мадьяры.* Мадьяры будут тоже с ними бороться, а между тем они должны бы смотреть с удовольствием на возникновение независимого государства между Россией и Венгрией. Но они сами преследуют цель . . . . *), которая будет для них гибельной, если они не откажутся от нее своевременно. Они мечтают о могущественном, искусственно построенном государстве, основанном на господстве над восьмью миллионами славян и тремя миллионами валахов на 4.000.000 мадьяр.

Население Венгрии, включая Кроацию, Славонию Трансильванию и военную границу:

2.800.000	словаков.	7.400.000	славян.
2.300.000	чехов.	1.100.000	немцев.
1.200.000	русин.	3.700.000	мадьяр.
830.000	кроат.	2.800.000	валахов.
200.000	словенцев.	400.000	евреев и армян.
7.330.000	славян.		

Население Венгрии с Трансильванией и военной границей: 8.000.000 славян, 1.300.000 немцев, 4.000.000 мадьяр, 3.000.000 валахов, итого—16.000.000.

Эта претензия венгров запутывает восточный вопрос. Они хотят несправедливости и даже невозможного. Турецкие валахи призывают венгерских, а также сербов и кроатов на помощь, обещая, взамен этого, поддержать их в их борьбе с мадьярами. Мадьяры рассчитывают на Германию, но немцы столь же заинтересованы и в том, чтобы поддержать валахов.

*) Пропуск в оригинале.

С другой стороны, южные славяне рассчитывают на вероломные обещания русского правительства, которое их в данный момент эксплоатирует для того, чтобы потом покинуть и предать.[11])

10—12. Письма Андржейковича Бакунину.

10.

L'impression que j'ai ressentie en venant à Dresde, c'est comme si l'on m'avait jetté un pôt de chambre sur la tête—nous sommes ici au milieu de la fleur de notre aristocratie, vous pouvez vous imaginer ce que c'est.—Dites-moi je vous prie ce que vous comptez faire—едете в Прагу или нет? Надеетесь ли что-нибудь сделать с тамошней аристократью. Если будет какая-нибудь шанса сделать демократическую революцию, мы там поедем. Магдзинский может доставить 1000 человек самых отчаянных, только недостает денег—черт знает удастся? Прощай друг, скажи что делать? Куда ехать? Варшава! Варшава! Тебе пора поправить движение света ([12]).

Андржейкович.

11.

Вчера вечером получил твой манифест—теперь я его прочел.—Превосходно! Превосходно! Мне слезы выпали, читая, что ты про твой народ пишишь. На нас влияние он сделает ужасное. Перевести его надо—и то как можно поскорей. Я готов это сделать и начну сегодня. Только как я немножко слаб в немецком языке, то пришли мне сейчас экземпляр по-русски или по-французски. У тебя должен ведь быть. Помилуй, пиши ко мне получше, а то я письма твоего не могу прочесть. Что касается печатания, никто в Дрездене печатать не станет, а только в Лейпциге у Бобровича или прямо у Reclama. Не говори никому про то, что я этим займусь. Ты знаешь, я в самом деле намерен возвратиться в Россию, а хотел бы только знать твой совет на этот счет. Напиши мне как ты думаешь, стоит ли возвратиться или нет. Меня посадят на полгода или на год, или пошлют в русские губернии.

Я на это готов, ежели бы знал, что могу там быть полезным? Думаешь ли будет со мною хуже? Думаешь, будет что нибудь можно за границей делать? Во Франции сидят тихо потому, что боятся, дабы *épiciers* во время движения несделали Императором Наполеона. Скажи мне, что значит: cette immense majorité. Мне писали, что провинции хуже реакцийны, чем *l'Assemblée*. Признаюсь тебе, я на Францию надеюсь не много. Скажи мне, откуда ожидать спасения? Откуда? Мне недостает воздуха здесь жить, а Хоецкий пишет из Парижа, что там еще хуже. Он говорит: «Si vous dormez à Dresde, au moins qui dort ne pêche pas,—tandisque quant à ce qui se fait ici, on saurait s' imaginer, dans quel abime de fange et de boue on barbotte». Именно все, все,—которым только поверил народ изменники. Потому то мне хочется ехать домой, я надеюсь там найти живых людей—des hommes à passion et des hommes de bonne foi; в Европе их нет, тут все мошенники. Я знаю, впрочем, что это нужно, что полезно, но трудно вытерпеть. Я здесь от несколько месяцев прямо терплю le mal de mer—а хотя знаю, что еду dans la terre promise, но позволь, что этакая болезнь всегда скучна.

Впрочем, я ни в какую реакцию не верю. Всякое действие есть поступок, а каждый поступь революциею—хорошо понимаю, что Король Прусский, Врангель, Cavaignac, Windischgrätz, Jelachich — первые революционеры, — так как Николай один в России и Польше разрушитель, но повторяю тебе, что все это скучно—стоит много времени—а время—значит жизнь.—Люди ужасно глупы, мне их глупость надоела. Во всем я их извиняю, но позволь, не могу извинить в глупости. Может ли великий, свободный народ, как Франция, употреблять мер, как Наполеона. Ты мне говоришь, что он мостик—я знаю, но скажи мне в Марте, когда все имели правду—думал ли кто о нужде такого мостика? Перед величием революции, перед солнцем нового дня, что значили тогда все живые и мертвые Наполеоны? L'élection de Napoléon n'est que le signe de la décadence du peuple français—décadence qui n'est que l'effet naturel de sa conduite lâche envers l'humanité et la révolution—partout depuis le Février. Lâche et traître—la France n'a mérité que le ridicule de se mettre à elle même au cou le joug de qui? Si c'était au moins d'une

réalité mais non le joug d'une ombre—d'un nom—d'une chimère. Et c'est la fatalité de l'histoire. Impuissance dans le présent, lâcheté et égoisme infâme, voilà les crimes qui l'enchainent au passé. Comme un vieillard caduc elle essaye de vivre de Souvenirs et elle se remet sur le dos—l'habit qu'elle portait quand elle était jeune, croyant que l'habit lui rendra la jeunesse. C'est bien pour avoir chassé les ouvriers irlandais, allemands, savoyards—pour avoir trahi la révolution en Allemagne, en Belgique, en Italie, en Pologne, pour avoir laissé crever de faim, oui littéralement crever de faim des polonais qui quittaient leur pays pour combattre sous ses drapeaux. Non, mon cher, quand un peuple libre, puissant et fort fait tout cela—quand il descend jusqu'à une politique digne des temps de la Dubarry, c'est qu'ils sont bien caducs Messieurs les français et que ce n'est pas à eux qu'il est donné d'accomplir l'oeuvre de l'humanité.

Другое дело мы Славяне—потому то я всего надеюсь от нас—и скажу правду от вас Русских больше, быть может, чем от всех.—Надеюсь и ожидаю, потому хочу ехать домой—там, когда приеду, пошлют меня или не пошлют, то сам отправлюсь в Старорусские губернии — в Москву и познакомлюсь с этим народом. Французы и Немцы надоели мне.

Посылаю тебе брошюру Рачинского, de la part d'un aristocrate ce n'est pas mal dit—et cela peut faire une impression sur les allemands. — Прощай — пиши сейчас — и *réponds moi* sur ce que je dois faire—envoie moi un exemplaire russe ou français—et écris-moi de manière à ce que je puisse te lire—ton frère en revolution.

Отошли назад брошюру [13]).

J. And.

12.

Милый друг—превосходно идет—я не думал никогда, чтобы мне так было легко переводить тебя—ты прямо совершенно пишешь по-польски немецкими словами. Ты не можешь себе вообразить, как манифест по польски хорош. За

два дня он будет готов и начисто переписан. Скажи мне, должен я его послать Бобровичу и заставить его печатать на счет наш—или разве ты иначе обдумал это сделать? В каждом случае я не позволю никогда, чтоб он остался не напечатан и напечатаю его на мой счет. Он будет стоить глупость. Бобрович верно как прочтет, так захочет его напечатать сам, но с ним надо быть осторожным, потому что он большой мошенник. Но помилуй, пиши сейчас и не будь лень, как ты всегда бываешь. Руге здесь от времен нет. Хоецкий в Париже. Виттига видел.—Прощай. Я сам пишу брошюру самую красную, а как кончу, приду наверно к тебе—может быть за дней 10.—Помилуй, сейчас пиши [14]).

13. Письмо Бакунина неизвестному.

Brat, szto delaete wy! Wy gubite slawianszczisny. Wy pozabyli, wy źertwaete welikoe delo slavian u deistwuete tolko w polzy Imperatora i awstriiskoi aristokratii. Wy dumaete szto diplomatia spasit was, ona was pogubit. Wy obiawili woinu revoluciu, wy sluźite reakcii wy kladete bezczestie na wsù Slawianszczisny [15]).

14. Письмо Людвига Штура Бакунину.

Brat: Vcera mi skazal Lubomirsky sto Ti do nego pisali sto choses poznát kak teper stojim. My ocen ljubopittivi byli soznát gde Ty teper: dlá cego neidej k nam kak Ty obéscal. V Zagrebe ozidali Teba s neuzterpeniem, no kak Teba ne bylo, dumali sto se Ti sto ni bud neugodnago sbilo i bojalis. Slava Bogu sto ne tak. Teper izvestujem Teba sto my sich dnei otchodim iz Viena do Karpat k poznatomu délu gde teba budem ozidat kak Ty to obéscal. Pridi na semlju Slavjanskuju, a ostaw Némcev.

Mnogo dumajut na Teba vse kotory posnali Teba. Do svidanja, kak nadejus, do svidanja [16]).

Tvoi brat L. S.

15—17. По поводу корреспонденции из Парижа

в «Neue Rheinishe Zeitung».

15.

Новая Рейнская газета занялась распространением слуха, циркулирующего согласно ее утверждению, в некоторых парижских кругах, что я агент или шпион русского правительства. Г-жа Жорж Занд имеет якобы тому письменные доказательства. Позднее новая Рейнская газета напечатала по определенному требованию г-жи Занд письмо последней, которое это решительно опровергает. Газета объяснила, что намерением ее было оказать мне воспроизведением этого слуха услугу, потому что, таким образом, она давала мне возможность защищаться. Странным кажется мне подобный вид дружеской услуги, между прочим потому, что редакция должна была сообразить, что не все те, кто прочтет первую статью или о ней услышит, будут также осведомлены и об опровержении. Поэтому я не буду пускаться в изыскание другого мотива со стороны вышеназванной газеты. Потому что, во-первых теперь не время особенно заниматься личностями, а затем я частными справками, действительно, убедился, что в некоторых углах обо мне на самом деле ходят подобные слухи. Как ни неприятны подобные случаи, надо быть к ним готовым с того момента, как принимаешь на себя как бы общественную должность; но что меня, действительно, огорчает, это то, что известная часть польских эмигрантов, как я в этом убедился, не осталась непричастной к распространению подобной клеветы. Должен сознаться, я полагал, что могу больше рассчитывать на доверие со стороны польской эмиграции.

Как бы то ни было, я со своей стороны хорошо знаю, что единственным источником распространения против меня клевет является русское правительство. После того, как лет 5 тому назад я, за прежние нападки на него в литературе и за отказ вернуться, был заочно приговорен к каторжным работам в сибирских рудниках, потребовало и добилось оно от г. Гизо, на основании произнесенной мною за год перед тем

на одном польском национальном празднике речи, моего изгнания из Парижа, где я жил как беглец. Но не довольствуясь этим, оно старалось меня уничтожить морально, внушая г-ну Гизо, что я талантливый человек, которым оно пользовалось, но что теперь я зашел слишком далеко, и оно не может меня больше терпеть во Франции. Тогда я отправился в Брюссель, где русское правительство, как это мне определенно известно, старалось, при посредстве г-на Дюшатель, распространить слух, что я бежал из Петербурга не по политическим причинам, а потому, что украл там значительную сумму денег; когда я затем отправился в Берлин, полиция там уже была предупреждена, что я нахожусь на пути в Петербург, чтобы вместе с другими русскими убить императора. Позднее я посылал якобы с этой целью в С.-Петербург двух поляков. В то же время я, однако, русский шпион, на которого, согласно Рейнской газете, падает бóльшая часть вины за недавно арестованных несчастных польских патриотов. Я не могу предвидеть, какая на меня впредь падет вина; но я знаю, что если возбудить злобу русского правительства, то фантазия его работает неутомимо и ни с чем не сообразно. Поэтому впредь я не буду давать себе труда опровергать каждую отдельную клевету, но я изложу на следующих страницах с полной откровенностью мое политическое направление и преследуемые мною цели для того, чтобы раз навсегда исключить со стороны честных и разумных людей всякую возможность подозрений в том, что я действую в интересах нынешнего русского правительства.

16.

Я имел счастье быть в положении, позволившем мне открыто высказать то, что чувствуют, знают и чего желают настолько же, как и я, а может быть, и больше, чем я, огромное число моих соотечественников. И это было в высшей степени неприятно русскому правительству, потому что его политика по отношению к Европе заключается как раз вот в чем: окружить Россию китайской стеной, за пределы которой не проходил бы ни один звук, будь это отклик страдания или возмущенья. Все могущество русского Царя покоится

на лжи: ложь внутри, ложь в отношениях с внешним миром; это грандиозная, художественная система лжи, какой, может быть, еще никогда не существовало в истории мира. Мои друзья и я поставили себе целью всей жизни уничтожение этой системы. Нисколько не скрывая от себя тех невероятных трудностей, с которыми нам придется бороться, мы твердо уверены в том, что цель эта будет достигнута. Потому что, может быть, ни одна страна в Европе не близка настолько к радикальному перевороту и не содержит в себе столько революционных элементов, как Россия [17]).

17.

Только сегодня возвратился я опять в Берлин и прочел ваше, касающееся меня объяснение в № новой Рейнской газеты. Спешу отвечать Вам. Напечатав обращенное к Вам письмо г-жи Жорж Занд, изобличавшее ложь вашего парижского корреспондента, объявляете вы, г. Редактор, вопрос исчерпанным. К сожалению, я не могу с вами в этом согласиться; для меня он только еще начинается. Не склонность к пререканиям и не тщеславное стремление привлечь внимание публики к моей особе побуждают меня продолжать заниматься этим противным инцидентом; если бы я мог следовать своему внутреннему побуждению, я не нарушил бы своего молчания и оставил бы без ответа клевету вашего корреспондента. Переживаемое нами время слишком серьезно для того, чтобы можно было охотно заниматься личностями, да и бывают к тому же нападения настолько неожиданные и бессмысленные, возбуждающие такое отвращение, что право надо делать над собой большое усилие, чтобы обращать на них внимание. Так бы, вероятно, было с вами, если бы кто-нибудь вас обвинил в краже серебряных ложек. К сожалению я не могу уклониться от защиты против брошенного мне и столь мало меня трогающего ..... *); как ни скучно, как ни противно, как даже ни оскорбительно для меня это занятие, я должен продолжать начатое мною расследование до тех пор, пока не получу полного удовле-

*) Слово неразборчиво, вероятно—«обвинения». Прим. ред.

творения. Для всех должно быть ясно, что меня самым гнусным образом оклеветали; я обязан добиться этого ради моей политической деятельности и еще более ради моего отечества, единственным демократическим представителем которого я являюсь в Германии и на германской границе Польши.

Русское правительство является главным источником всех этих клевет; это мой непримиримый враг, потому что я против него тяжело согрешил: в публичной речи я обрисовал его беззакония и его еще большее бессилие; я разрушил старательно им создаваемую видимость его единения с русским народом и того, что оно действует и работает в согласии с живым сознанием нации; я обнаружил отделяющую его от народа пропасть и доказал, что, увеличиваясь с каждым днем, эта пропасть обращается в бездну, в которую оно скоро обрушится со всеми своими низостями и своей ложью. Я предсказал его близкую гибель и возрождение освобожденной русской нации из-под обломков русского государства... И от имени революционных партий в России, от имени всех волнующихся в народе сил, стремящихся к свету и свободе, предложил я польскому народу революционный союз против нашего общего врага, против императора Николая и его правительства.

Это была моя вина, вина тем бóльшая, что я действовал непроизвольно и незаносчиво, не ради тщеславного удовольствия клеймить безнаказанно могущественное правительство, а в полном согласии с моими политическими друзьями в России, и на основании глубокого, твердо обоснованного убеждения. Вина моя была тем более велика, что я высказал не иллюзии или скромные пожелания, но то, что, действительно, сознается народом, и что держал я эту речь не для того, чтобы произносить прекрасные слова, но с твердым решением как можно скорее перейти от слов к делу, и доказать на практике справедливость моих заключений.

Конечно, русское правительство не могло быть мне за это благодарно. Я ему не открыл, правда, ничего нового: оно прекрасно знает, что я сказал только правду,—правду, которая внутри России ежедневно повторяется в каждом доме, только еще с большей энергией и большей яростью;

в конечном итоге моя вина или моя заслуга заключалась лишь в том, что я имел счастье быть в положении, позволившем мне открыто высказать то, что также, а может быть, и еще лучше думают, чувствуют и чего желают массы моих соотечественников; но именно это-то и должно было оказаться особенно неудобным русскому правительству, так как вся его политика по отношению к Европе состоит именно в том, чтобы окружить Россию китайской стеной так, чтобы из этого большого государства не доносился ни один звук: будь то отклик страдания или отклик возмущения. Самая глубина ее души—ложь; вся сила великого Царя покоится на лжи: ложь внутри, ложь во внешних сношениях: это грандиозная художественная система лжи, какой еще никогда не было в истории мира. Было бы невозможно скрыть от мира, что система управления Россией является страшнейшим деспотизмом, постыдной системой розог; но Европа должна думать, что русский народ такой глупый, так низко опустившийся и такой подлый народ, что он любит и боготворит свое правительство: иными словами, это означает, что кнут является выражением его внутреннего существа.

Европа должна считать, что русский народ так странно создан, что он чувствует себя счастливым и довольным, когда его колотят, давят и позорят. Европа должна всему этому верить для того, чтобы верить вообще в мощь русского государства, потому что никакое правительство не может быть сильным вне согласия со своим народом, а подобное согласие было бы возможно для русского народа только при этих позорных условиях. Поэтому, в интересах царя, распространять и укреплять в глазах света этот предрассудок насчет России [1]).

18. Письмо Бакунина Арнольду Руге.

Дорогой Руге!

Наконец, можем мы опять дышать полной грудью! Мы еще раз победили и сумеем, надеюсь, теперь использовать свою победу лучше и успешнее, чем несколько месяцев тому

назад. Так искусно составленный и столь прекрасно примененный, в целях обуздания и удушения революции, план реакционеров, потерпел крушение внезапно, почти в один и тот же день в Берлине, во Франкфурте, в Киле и в Вене. Революция оказалась сильнее интриги, революция получила толчок, сделала большой шаг вперед, да здравствует революция!

Дорогой друг, я иностранец, я русский, настоящий русский, и все-таки я радуюсь вместе с вами, я отождествляю себя с вами; я говорю «мы», а не «вы» и вашу, германскую победу, я называю нашей победой.

Должен ли я доказывать, что имею право так говорить? Тебе, конечно, нет, так как ты не принадлежишь к числу тех людей, которые рассматривают свободу так, и так с ней обращаются, как будто бы она была частным делом одного народа. Ты знаешь, свобода задохнулась бы в таком бессердечном уединении. Ты знаешь, что свобода—это общее дело всего человечества, как всеобщий пожар, который в своем всеуничтожающем распространении не знает никаких границ национальностей или языка, и который горит тем ярче, чем шире распространяется.

Таким образом солидарность народов не является для тебя только сентиментальной фразой, которую ищут ради моды и повторяют в свободное время, как пустой звук, ни мало не думая о возможности ее осуществления, но глубокая практическая истина, единственно разумное основание, на котором теперь можно с уверенностью строить. Ты—немецкий патриот, но ты не германоман, ты желаешь величия и свободы всех народов именно потому, что ты желаешь величия и свободы немецкого народа и потому, что ты очень хорошо знаешь, что порабощающая Германия никогда не перестанет быть Германией порабощенной. В духе этой солидарности ты и говорил недавно в церкви св. Павла, когда горячо протестовал против злодеяний «молодой германской свободы» в Польше, Праге и Италии, и когда ты, среди этого странного, состоявшего из пожирателей французов, италианцев, датчан и славян, одним словом из всевозможных пожирателей, только не пожирателей деспотов, столь же заносчивого, сколь и бессильного франкфуртского собрания

призраков, мужественно воскликнул, что каждый свободолюбивый немец должен радоваться, если Радецкий будет разбит в Италии [19]).

19. Отрывок.

Кто бы мог отрицать, что это не есть истинный, хотя и скрытый смысл недавно опубликованной депеши графа *Нессельроде* на имя русского посольства в Германии. Правда, она так умно написана, заключающаяся в ней угроза прикрыта такими умеренными, добрыми словами, что чистая душа миролюбивого бюргера могла бы почти пролить слезы умиления и восторга по поводу снисходительности такого знатного господина, который, несмотря на всю причиненную ему обиду, так гуманно мыслит, и говорит, и проявляет такое нежное и бескорыстное участие в отношении неблагодарной Германии. Хотелось бы даже сказать, что слышится грустная жалоба отвергнутой любви! Но кто имеет хотя бы малейшее понятие о методах русской дипломатии, тот знает, что она наиболее опасна именно в том случае, когда она стремится показаться бескорыстной и безобидной; достаточно внимательно проследить отдельные пункты этого маккиавеллистического манифеста,—как это уже сделано немецкой демократической прессой,—чтобы убедиться, что он содержит в себе решительную угрозу по адресу демократии и побуждающий стимул в отношении реакции в Германии. И немецкая реакция в Германии вполне понимает этот язык. Достаточно сравнить только ее нынешнее поведение с тем, которое она проявила непосредственно после мартовских дней. Она была разбита, она была уничтожена, она почти погибла от сознания своего собственного ничтожества и падения, стыдилась самой себя и потеряла всякую надежду. Тогда она считала целесообразным и благоразумным отказаться от своих собственных принципов и даже своего существования. Что же дает ей теперь смелость, чтобы снова выступить с такой гордостью? Может быть она нашла в себе самой новую силу, новую мысль? Нет, она лишена мысли, она

импотентна и труслива, как и раньше, но она рассчитывает теперь на поддержку России; русский царь сказал свое слово: он сосредоточил армию более, чем в двести тысяч человек—один только обсервационный корпус—в польском королевстве на границе Германии, и—«верная защита наш Николай!» [20]).

20. Письмо Бакунина Элиодору Сторжевскому.

«Дорогой и уважаемый друг, благодарю, очень благодарю вас за ваше доброе письмо. Друзья, которых я нашел здесь,—друзья только политические, друзья по идеям, которые не заставят меня забыть оставленных в Бреславле друзей сердца. Очень благодарю вас также за, по истине отеческие, советы, которые вы мне даете, я принял их, как новое свидетельство вашей дружбы, которая мне, поверьте, очень дорога. Постараюсь вам ответить в нескольких словах. Вы ошибаетесь, дорогой друг, если думаете, что я не верю в бога; я только вполне отказался от того, чтобы признавать его научно и теоретически. Было время, когда я занимался исключительно философией. В течение нескольких лет подряд моей единственной целью была наука, голова моя была полна самыми пустыми отвлеченностями, и если бы вы меня тогда встретили, вы бы, наверно, смеялись над моими нелепыми претензиями и над моими непонятными разглагольствованиями; я думал только об абсолюте и не мог сказать слова, не прибегая к самым отвлеченным терминам: «субъект, объект, самотворчество мысли» и т. д. Был даже момент безумия, когда мне казалось, что я что-то понимаю и знаю, но скоро, образумившись и вернувшись к жизни, я, в конце-концов, убедился в том, что жизнь, любовь, действие могут быть поняты только через жизнь, через любовь и через действие. Тогда я совершенно отказался от трансцендентной науки,—потому что grau ist alle theorie—и душой и телом погрузился в практическую жизнь. Мне кажется, что вы, дорогой друг, немного слишком презираете землю. Истина, бесконечное находятся как в бесконечно великом, так и в бесконечно малом, и открывать их мы можем при помощи

микроскопа, так же, как и при посредстве телескопа. Я ищу бога в людях, в их любви, в их свободе, и теперь я ищу бога в революции. Я был бы очень счастлив, если хоть сколько-нибудь мог способствовать освобождению славян, освобождению моей родины, был бы очень счастлив умереть за свободу поляков и русских. Вы можете себе представить, насколько глубоко меня интересует все, что происходит теперь в Австрии—я в высшей степени обеспокоен. Бесчестие славян огорчило бы меня более, чем временное их поражение,—после поражения поднимаются, а после бесчестия—никогда. А славяне покроют себя бесчестием, если станут орудием австрийской камарильи, орудием их собственного палача Виндишгреца. Через несколько дней я пришлю вам на французском, польском и немецком языках только что мной оконченное воззвание к славянам; конечно, польский перевод сделаю не я. Мы находимся накануне великих событий, это—критический момент для славян,—да исполнит каждый свой долг и да будет с нами святая божественная истина. Нам нужно много любви для того, чтобы хорошо держать себя в эти трудные времена. Очень вероятно, что на этих днях я решусь поехать в Прагу. Боюсь, что найду там только противников, но справедливость защищаемого мною дела дает мне силу и мужество, необходимые для того, чтобы выполнить неприятный долг высказать правду и достойно ей служить. По крайней мере, я на это надеюсь. А теперь у меня большая просьба к вашим дочерям: в бумагах вашей покойной дочери должен быть манифест, который я составил в Праге. Если бы . . . . .*) умел хорошо писать, я бы обратился к нему с просьбой снять для меня с него копию, потому что я потерял оригинал; скажите вашим дочерям, что я никогда не посмел бы к ним обратиться с подобной просьбой, если бы речь не шла о деле, интересующем их, как полек, также глубоко, как и меня самого. Передайте им мое почтение, так же, как и вашей супруге и да хранит вас всех бог» [21]).

---

*) Пропуск в оригинале. Прим. ред.

21—24. Письма М. Полудинской М. А. Бакунину.

21.

29 марта.

Я хотела ехать в Париж, Михаил Александрович, но мне сказали, что вы скоро будете сюда,—что вы идете в Польшу с поляками сражаться против русских; неужели в самом деле так? Неужели вы думаете, что вы никогда не будете раскаиваться в этом? Бывают такие поступки, которых ничем нельзя загладить, ни искупить. Я начинала к вам писать несколько писем, но мне кажется, что все они не довольно убедительны, не довольно хорошо выражают мои понятия и чувства; мне непременно надобно вас видеть. Пожалуйста скажите мне, когда вы сюда будете и дайте мне честное слово, что вы не уедете, не простившись со мною. Помните, когда вы пришли ко мне, уезжая в Париж, вы говорили мне, что ваша внутренняя борьба так сильна, что вы даже от этого сделались больны, что у вас лихорадка; вот, я почти целый месяц точно в таком состоянии—пожалейте же обо мне хоть один раз в жизни—обо мне никто не сожалеет; я никогда не говорю о своих горестях; это внутреннее достоинство осталось единственным моим утешением, но кто имеет ко мне хоть немного расположения, всякий может видеть, как тяжело и горестно мое положение, особливо в настоящее время. Не обижайте же, не огорчайте меня больше, Михаил Александрович, право я и так довольно несчастна; напишите мне поскорее несколько строчек; я уверена, что вы сейчас, отвечали мне, если бы знали, с каким нетерпением я буду ожидать вашего ответа.

М. Полудинская.

Я много об вас слышала от M-me Wesniar, которая приехала сюда из Варшавы, и от здешних поляков; я все это расскажу вам, когда мы увидимся и покажу вам письма, которые я к вам писала [22]).

22.

Вам верно расскажет...*), какое я имела свидание; с тех пор я совсем больна,—так глубоко меня огорчило все, что я

*)Имя неразборчиво.

тут узнала. Когда брат несчастен, я забываю все его недавние поступки со мною и помню только его прежнюю дружбу. Я не могла отказать себе в удовольствии помочь чем-нибудь его семейству, а этим лишила себя средств быть вам полезной и именно в такую минуту, когда для вас это так необходимо; вы не можете себе представить, как мне это грустно. Посылаю вам немножко денег, но так мало, что мне совестно было сказать...*) сколько вам посылаю; я сказала ему, что прошу вас купить на эти деньги русскую книгу. Прощайте! Пожалуста скажите мне, если что-нибудь знаете об брате от...*) я никогда не узнаю правды [23]).

М. Полудинская.

23.

Брюссель 10 апреля 1848 г.

И на последнее письмо мое, которое я вам писала с теплой искренней дружбой, вы все не отвечали, Михаил Александрович?—Ну зачем же меня так преследовать напрасно. Я уже довольно знаю вас, чтобы не быть уверенной, что когда-нибудь вы будете сожалеть об этом. Пожалуйста же придите поскорее повидаться со мною в Париже, я отправлюсь туда в четверг утром. Мне бы и скорее и лучше было отсюда ехать в Россию и я бы теперь ни за что на свете не поехала в Париж, если бы так не хотелось еще раз увидаться с вами. Мне сказали, что вы будете сюда, но как вы не отвечали на последнее письмо мое, я думаю, что это неправда. До свидания, Михаил Александрович, пожалуйста, не сердитесь.—Жизнь так скоро проходит, зачем же своевольно наполнять ее какою-нибудь горечью для себя и для других [24])

М. Полудинская.

Мне сейчас сказали Саш**), что вас уже нет в Париже, я никак не могу поверить этому, никак не могу понять, чтобы мы навсегда расстались с вами. Неправда ли до свидания, Михаил Александрович?

---

*) Неразборчиво.

**) Фамилия неразборчива.

24.

4 мая.

Зачем же вы мне говорите, что мы расстались навсегда, что нас разделяет неизмеримая пропасть—нет пропасти, через которую твердая воля не проложила бы дорогу; скажите только слово и где бы вы ни были, я найду средства увидеться с вами. Знаете ли, Михаил Александрович, что с тех пор, как я в Париже, я только в первый раз вздохнула свободно, когда получила письмо ваше. До сих пор я не знала, что есть время, что есть дни и ночи, помню только, что я мысленно беспрестанно говорила с вами, старалась пересказать вам все, что я чувствовала и думала с тех пор, как познакомилась с вами, старалась пересказать вам, как я страдаю, и все думала, где бы найти вас. Наконец вы, видно, поняли, как тяжело мне было потерять вас навсегда, не имея даже средств писать к вам, ни об вас слышать чего нибудь верного. На другой день после моего приезда, я пошла к Рейхелю, но мне сказали, что их нет дома, я думала, что они, может быть, не хотят со мною видеться, и я не решилась итти в другой раз; надобно испытать все, что я испытала в жизни, чтобы понять, как с моим доверчивым характером, наконец потеряла всякую надежду на участие в людях и, бог знает, что я всегда готова бы разделить с каждым всякое горе—ну да что об этом,—сколько я ни буду спрашивать у судьбы, почему я ничего не знаю кроме горя, мне на это никто не ответит.—Все самые живые порывы души моей были отвергнуты и излишни, я даже не ожидаю, что и сын мой будет когда-нибудь отвечать на мою беспредельную любовь к нему, я только за то благодарю бога, что несмотря на все, что я перенесла в жизни, я все не теряю силы любить, и до тех пор, пока не оставит меня это чувство, я не могу сказать, чтобы я была совершенно, несчастна.До завтра, Михаил Александрович, сегодня мне что то уж очень грустно, так невольно слезы и льются, а я не люблю плакать понапрасно. Завтра я поеду к Р. . . .*), чтобы взять ваш адрес и пошлю вам это письмо. Сегодня уезжает сестра со своим мужем, я иду сейчас проститься с

*) Имя неразборчиво.

ними; с ними отправляется множество поляков, они идут в Милан, где ожидает их Мицкевич со своим полком, войском,— не знаю право, как это назвать. Мне жаль Лизу, ах как жаль, еслибы вы могли знать. Бог знает, увидимся ли мы с ней когда-нибудь так, как и с вами; но если я только буду жива, я найду средства увидеться с ней и с вами; что же вы меня не познакомили прежде с Рейхелями, Михаил Александрович, какие они милые, добрые люди, я бы с ними непременно подружилась. Рейхель мне еще более нравится, нежели жена его, как он меня мило, ласково принял, как старую добрую знакомую. У них недавно родился сын. Рейхель его любит до безумия, он только и говорит, что про него. Я уже два раза была у них; бедная жена его больна теперь,—кабы вы посмотрели, как он за нее ухаживает. Я теперь понимаю вашу дружбу к Рейхелю.

Вот уже пятое или шестое письмо я начинала писать к вам, и когда кончу, мне кажется, что оно слишком длинно, и я начинаю другое; наконец надобно же которое-нибудь послать на почту. Рейхель сказал мне вчера, что послал вам мои прежние письма, мне досадно это,—они вам ничего не скажут о моих теперешних чувствах. Reichel m'a dit qu'il a envoyé ces lettres, parce que je ne lui ai pas donné d'autres et que ça vous ferait plaisir d'avoir du moins celles-ci, je n'ai rien trouvé à lui répondre, mais cela m'a rendu . . . *) que tout Paris était en fête.

Я до сих пор не знала, на что мне решиться: ехать ли сейчас в Россию, чтобы поскорее сюда возвратиться, подождать ли вас здесь, или ехать в Берлин, где я могу что-нибудь об вас услышать; теперь я решилась на последнее. Пожалуйста же, прошу вас, напишите ко мне в Берлин, где я пробуду дня три, poste restante; когда я что-нибудь об вас узнаю, мне не так грустно будет ехать в Россию; пожалуста же пишите ко мне в Москву; но, если вы имеете ко мне хотя немного дружбы, так бога ради пишите; вот мой адрес: на Ильиной, в Юшковом переулке, в доме И. И. Мещанинова. Как я была бы счастлива, если бы получила письмо ваше вскоре по приезде моем в Москву, а ведь это от вас зависит. Прощайте,

*) Неразборчиво.

я сама сейчас повезу это письмо на почту, мне не хочется долго вас оставить с прежними моими письмами. Elles (ont) été écrites sous une mauvaise impression, j'ai eu bien des désagréments à supporter après notre départ de Bruxelles, je vous raconterai cela dans mes lettres de la Russie: à présent je n'ai qu'une seule idée, c'est d'avoir plus vite de vos nouvelles. Adieu, adieu, ah je ne puis dire au revoir et cependant il ne tiendrait qu'à vous de venir à Berlin, c'est si près de Posen; mais adieu. Que Dieu vous protège et vous conserve, je ne puis que prier pour vous.

M. Poloudin...

Михаил Александрович, пишите ко мне, пожалуйста, знаете ли, мне недолго жить на свете, вам после будет жаль, поверьте, что я говорю правду.

Nous parlons bien souvent de vous avec Nicolas qui, je vous assure, vous aime de tout son coeur.

Я буду в Берлине 15 или 16 Мая. [25]).

25. Отрывок из журнала Бакунина.

11 сентября 1848 г.

До обеда: *у Липского, Костельского,* у *Шумана* (с последним долгий разговор о польском и славянском вопросе). Правда ли, что *Любомирский* перешел в реакционерную партию? Мар. . . *) говорит, что он принадлежит к партии *Палацкого* и читает только «Presse»—вероятно, а может быть Мар... *) и врет. После обеда читал газеты, пил кофе с Oppenheim и . . . . . !)—спал—потом в hôtel Milius, где собирается оппозиция—потом у . . . . *) потом опять у Milius—разговаривал с Reichenbach и Stein. Сегодня поутру министр президент Ауерсбах прочел в национальном собрании ответ и решение короля: министерство в убеждении, что решение национального собрания 7-го сентября совершенно противно основным правилам конституционной монархии и правам короля, но, не чувствуя себя способным вследствие личного

*) Имя неразборчиво.
**) Слово неразборчиво.

недоверия нац. собрания в нем и т. д. король принимает их отставку, но объявляет себя совершенно согласным с правилами выступающего министерства. Таким образом король бросает перчатку представителям народа. Оппозиция отступить не может и, чувствуя всю важность вопроса, кажется, намерена выдержать до конца, что будет. Я думаю Бекерат, которому поручено составить новое министерство, исполнит только *формально* волю национального собрания и будет стараться добыть большинство дипломатическим обходом его решения.

Австрия приняла посредство Франциии Англии, и Bastide, министр иностранных дел во Франции, объявил вследствие этого национальному собран.,что есть надежда на уменьшение военных расходов. Поэтому, вероятно, войны в Италии не будет. Франкфурт еще ничего не решил, Шлезвиг-Гольштейн может быть еще . . . . . *) войны—но все правительства, кажется, избегают войны, чувствуя, что война ускорит, усилит и распространит революцию в целой Германии. Впрочем, глубокое недовольствие царствует в целой Германии. Сегодня 75 больных холерою [26]).

*) Слово неразборчиво.

II. В крепостях

(1849—1857)

26. ПИСЬМО М. БАКУНИНА ИЗ КЕНИГШТЕИНА АДВОКАТУ ФРАНЦУ ОТТО.

Я намерен был прежде прислать вам все мое оправдание, надеясь гораздо раньше оное приготовить, но вижу теперь, что дело это не может итти так скоро. Записка моя, хотя больше чем в половину готова уже, но не будучи в состоянии свободно выражаться по-немецки, я боюсь, чтобы она не заняла меня еще неделю, и потому для выиграния времени, я решился послать вам часть моего объяснения,—о том, что относится лично до меня,—остальное же, касающееся моральных причин моих действий, я доставлю вам при первой возможности.

Я должен начать с того, чтобы вам вкратце изложить политические начала, на которых я основывался во всем том, что я писал и делал. Я не имею счастья быть с вами знакомым, наше знакомство началось в тюрьме, где мы имели слишком мало случая говорить между собою, известности я не имею никакой, и потому я должен указать вам основание, которым вы, мой защитник, должны руководствоваться при ваших обо мне суждениях, если желаете быть справедливым, в чем я, разумеется, ни мало не сомневаюсь.

Я—русский и сердечно люблю мое отечество, но вольность я люблю еще более; а любя вольность и ненавидя деспотизм, я ненавижу русское правительство, которое считаю злейшим врагом свободы, благосостояния и чести России. Основание сих чувств, я изложу вам в следующем моем объяснении. Российское правление не имеет другой цели существования и другой возможности поддержать себя, как только завоевывать свободные народы и обращать их в рабство. Оно должно уничтожать свободу и самостоятельность Европы

во всей Германии, иначе само должно погибнуть.—Таким образом оно покорило Польшу и стремится тихим, но верным путем завладеть всеми славянскими поколениями в Австрии, Пруссии и Турции. Подробное доказательство сего вы также найдете в следующей моей записке [27]). Правительство это есть естественный враг свободы немцев, ибо она может иметь последствием единство и могущество Германии, за которыми неминуемо последует война с Россиею, а с нею восстановление Польши и уничтожение царства.

Здесь возникает вопрос: деспотическая Россия, усиленная славянами, задавит ли Европу и всю Германию, или свободная Европа с освобожденными, и самостоятельными уже славянами, внесет под покровительством Польши свободу в Россию? Последнее, по моему мнению, есть главная современная дилемма, которая не допускает другого решения, и так как я из всеобщей любви к свободе и из особенной любви к моему отечеству, не желаю, чтобы русский кнут одержал победу над европейскою свободою, так как я знаю, что народ русский есть невольное орудие русского властолюбия, что его несчастие, его рабство усиливается с распространением границ России и что нестерпимое уже теперь состояние русского народа делается хуже с каждым новым завоеванием; так как я вообще завоевания в Европе считаю политикою безнравственною и гибельною для свободы, и так как я враг русского правления, и вижу, что все могущество оного заключается только в насильстве,—то я и враг иностранной его политики.

Как враг русского правления я желаю всего, что противоположно настоящему стремлению России, и чистосердечно желаю Германии свободы, единства и могущества истинно германского. Это должно служить и ответом моим на замечание, сделанное в обвинительном акте вследствие принятого мною с двумя поляками участия,—что не непризнание франкфуртского парламента, а что нибудь другое было поводом к сражению в Дрездене: «Участие русского *Бакунина* и незадолго до него прибывших из Парижа польских выходцев *Гельтмана* и *Крыжановского*, которым едва ли можно доверить успех в деле германского уложения и проч.».

Я желаю германского могущества и германского величия, но не угнетения славян Германиею. Знаю очень хорошо, что славяне не так легко могут сделаться германцами, тем менее еще искоренить свою национальность, ибо, благодаря бога, они не северо-американские индейцы. В несправедливом к тому стремлении германцев, я вижу величайшую опасность как для самой Германии, так и для общей свободы, ибо оно есть вернейший способ отдать всех славян в руки России. Кто знает славян хотя немного, тот не может сомневаться в том, что славяне скорее отдадут себя под защиту русского кнута, нежели согласятся обратиться в немцев. Итак скажу в нескольких словах: что единство и величие Германии и вместе с сим свобода и величие славян, дружеское обоих их согласие как в охранении цивилизации и прав человечества, так и в освобождении русского народа от деспотизма, есть все, что я желал и чего желаю теперь с такою искренностию и силою воли.

Эти же самые мысли я говорил громко в Париже до февральской революции, 29 ноября 1847 г. в одном торжественном польском собрании. Я старался вразумить поляков, что устроить свою судьбу они могут только вместе с устроением судьбы России, и что они должны внести в Россию свободу, и, дабы свергнуть русское иго, подать руку русским, как единоплеменным своим братьям, несмотря на то, что теперь они их притеснители; эта речь моя была переведена на немецкий язык и вы этот перевод найдете, может быть, в Дрездене. Речью этой я навлек на себя большую грозу,—я приобрел себе чрез нее могущественного и непримиримого врага. Российский посланник сейчас же потребовал от бывшего тогда под влиянием России и Австрии министра иностранных дел Гизо моего изгнания из Франции, что и было обещано. Российское посольство не довольствовалось этим, оно уверило французское правительство, разумеется в большой тайне, что я был агент русского правительства, имел от оного поручения, но выйдя из пределов данной мне инструкции, не мог быть терпим во Франции. Гизо вверил эту важную тайну некоторым знатным полякам и таким образом я прослыл русским шпионом. Когда же я приехал в Бельгию, я нашел там другой обо мне отзыв, полученный прямо из

французского министерства к брюссельскому начальству: что я бежал из своего отечества не по политическому делу, но вследствие похищения мною ста тысяч франков. После разразившихся в Париже, Вене и Берлине революций, все ожидали общей войны освобожденной Европы против России. Доказывать вам то, что действительно так думали не только во Франции, но и в Германии и в самом Берлине, я считаю излишним. Каждый листок, даже консервативные газеты того времени, наполнены нареканиями (Rodomontaden) против русского царя и выражали симпатию к полякам. Ни о чем более не было тогда говорено, как о том, чтобы Россию отбросить в Азию. Мне, как русскому, было это слишком уже чувствительно. Я желал войны европейской, войны против русского правления для освобождения Польши, а не для уничтожения русского народа, который я душевно уважаю. Я знал также, что не так легко уничтожить 40 миллионов народа, и я был уверен, что если подобная война против России будет предпринята, то она будет столь же неудачна, как была для Наполеона в 1812 году, и что чрез это самое деспотизм в моем отечестве еще более утвердится. Я думал и думаю еще теперь, что Польша только в согласии с русским народом может освободить себя и уничтожить русское царство. Чтобы содействовать таковому согласию, я решился в конце марта 1848 г. отправиться в Великое Герцогство Познанское с возвращавшимися туда поляками.

Как я был задержан в Берлине, вам это уже известно. Там меня обвинили, что я агент Ледрю-Роллена и что я хотел отправиться в Польшу и Россию от польского революционного комитета, чтобы посягнуть на жизнь российского императора. К большому моему удивлению нахожу я опять это самое обвинение в обвинительном акте, хотя комиссия неоднократно сама повторяла, что она этому не придает большой важности, потому что донос о сем поступил к здешнему начальству от берлинской полиции без подписи и без доказательства.

В обвинительном акте значится:

«По Акту стр. 65, под лит. В, № 37 1-й части *Бакунин* состоит эмиссаром Ледрю-Роллена для возмущения славянских народов, для обращения их в республику и для

возбуждения войны между Пруссиею и Россиею; также послан от парижского революционного комитета с особенным поручением в Великое Герцогство Познанское и для убиения российского *императора* и наконец в Берлине состоял в тесной связи с левою партиею».

После того, что я слышал от комиссии, я мог бы избавить себя от труда возражать на столь нелепый донос. Но так как это помещено в означенном обвинительном акте и, вероятно, включено в оный не без намерения, то я должен отвечать на это хотя в нескольких словах:

1) Мог ли кто-нибудь в продолжение моей жизни заметить во мне малейшую способность к человекоубийству?

2) Гласность моих поступков и всегдашняя откровенность, с какою я высказал все желания мои, согласуются ли с боязливою осторожностию убийцы?

3) Убийством я гнушаюсь, а над невежами настоящего времени смеюсь, считая их сумасбродными.

4) Если бы я имел личное знакомство с столь замечательным человеком, как Ледрю-Роллен, я бы мог этим гордиться, но я должен, по справедливости, сказать, что во всю мою жизнь я только один раз и притом не более пяти минут говорил с ним.

5) Когда я прибыл в Бреславль из Берлина, я к сожалению должен сказать, что я узнал там, что демократические поляки распустили молву о том, что я русский шпион. Мне кажется этого довольно, чтобы доказать несправедливость сделанного на меня доноса.

К сему еще присовокупляю, что в продолжение кратковременного заключения в Берлине, мне официально было сказано, что сей донос поступил от российского посольства и что оно, как я узнал из полуофициальных источников, три раза в продолжение моего в Пруссии задержания, с начала мая до половины октября,—требовало под теми же самыми предлогами выдачу меня и что в этом было оному отказано: даже все это время—с дозволения прусского правительства—я мог оставаться в Пруссии, и только в октябре месяце, без всякого основательного повода, изгнан оттуда, после столь долгого задержания прусскою полициею, которая однакож, как мне известно и как само собою разумеется,

следила за каждым моим шагом и ничего другого не могла на меня показать, как только то, что значится в гнусном на меня доносе; а потому из этого можно заключить как о том, что объявление, сделанное против меня есть ложное, также и то, как неоднократно я объяснял комиссии, что я никогда не вмешивался ни в какие дела Германии.

Что же касается до того, что я делал и что хотел сделать, будучи членом славянского конгресса в Праге, то вы это уже знаете из моего воззвания к славянам и также из прежних моих показаний и из того, что я в письме сем выше объяснил. Дальнейшее по этому предмету объяснение я изложу вам в следующей моей записке. После насильственного разрушения славянского конгресса, возвратясь в Пруссию, я оставался там, как выше сказано, до половины октября, если не ошибаюсь. Причину того, что я остался в Германии, легко можно объяснить: я ждал лучшей погоды и не хотел удаляться с театра, где только один я мог действовать. Вся деятельность моя в Германии заключалась в следующем: я старался употребить по возможности в пользу мои знания и отношения, чтобы привести в Германии в действие переворот мнений образа мыслей славян. Почему я желал сего, это объясняется из вышесказанного. Что при этом я был более в сообществе с демократами, это объясняется тем, что эти люди вообще не разделяют мнения прочих партий в Германии относительно образа мыслей польских славян; что же касается того, что я до восстания в Дрездене не вмешивался ни в какие политические общества, это я думаю уже достаточно доказано.

Теперь о Саксонии. Относительно пребывания моего в Лейпциге и Дрездене до Дрезденского восстания я сказал уже все, что знал, и не имею ничего прибавить к этому. Никогда ни к какому саксонскому клубу и парижскому собранию я не принадлежал, и никогда не слыхал о каких-либо тайных движениях, приготовлениях или обществах и даже по сие время не знаю о существовании оных. Я не ожидал революции в Дрездене, и ни словом, ни делом, ниже другим каким-либо способом не участвовал в оной. Она меня поразила удивлением и первою моею мыслию было удалиться оттуда. Того же мнения, как мне известно, были *Крыжа-*

новский и *Гельтман*, которые, как сами мне говорили приехали из Парижа в Дрезден не по Дрезденскому делу, но по делу Польши, которая, как известно, ближе к Дрездену, нежели к Парижу. Чтобы не удалиться от театра действий славянского предприятия и венгерского дела, после вмешательства в оное России, я остался однако в Дрездене. Остальное вам все известно и я только сделаю еще некоторые замечания против моего обвинительного акта.

Оставаться без всякого в деле участия было мне невозможно. Об образе и о подробностях участия моего в Дрезденской революции я достаточно объяснил комиссии и повторяю еще раз: ничего более, ничего менее того, что я сказал.

Я полагаю, что следствием это подтвердилось, и поэтому меня удивило, когда я прочел в акте следующее против меня обвинение:

4.

«С сего времени, именно после удаления поляков, *Бакунин* один управлял войною, обнаруживая притом неограниченную власть».

В Полномочии стр. 12 части 1 сказано:

«*Гейбнер* называет его начальником генерального штаба».

Я объяснил ясно и надеюсь доказать, что я никогда на себя начальства не принимал и не хотел оного принять. Никогда я не был предводителем войны и никогда не имел неограниченной власти. По моему убеждению и по всему, что я видел в этом сражении, не было в нем предводителя, ибо *Гейнце* ничего хорошего не сделал и никто не предводительствовал им. Что подразумевал *Гейбнер* под названием Начальника Генерального Штаба, я не знаю, ко мне же это звание относиться не может, потому что мне неизвестна и местность Дрездена. Полномочия на неограниченную власть я никогда не желал и не получал. Всякой шаг моих действий известен, как из моих собственных показаний, так и из показаний других и все это должно бы убедить, что я никогда не был предводителем в сражении. Из одного самолюбия я бы не должен был отрицать взведенное на меня обвинение в управлении сею войною, однакож, я думаю все-таки, что

сделал лучше, не приняв на себя этого звания, по незнанию мною военного искусства.

В этой войне я участвовал симпатиею и, с помощью моих ограниченных сил, делал все, что только мог для пользы оной. Я не буду повторять моих прежних показаний, но я подтверждаю все без исключения, потому что в оных заключается совершенная истина. Я не был ни зачинщиком, ни предводителем сей революции, даже не знаю, имела ли таковых эта революция.

После удаления поляков я остался здесь потому, что, будучи русским, считал бегство позором.

Был ли я зачинщиком Дрезденской революции, о том вы можете лучше меня судить будучи юристом, я же в защиту мою более ничего не могу присовокупить.

Извините мне несвязность сего письма; сегодня я торопился и от этого хуже и неправильнее писал по-немецки, чем пишу обыкновенно: но я надеюсь, вы будете более довольны моею следующею запискою, я буду стараться как можно скорее представить вам ее.

Ваш покорнейший слуга *М. Бакунин.*

Еще обращаюсь к вам с частною просьбою: не можете ли вы одолжить мне на некоторое время полное издание творений Виланда или купить мне его, если оно не слишком дорого. Заключение мое столь сухо, что я должен его хоть немного украсить присутствием Граций, а Виланд один из лучших немецких сочинителей. Еще желал бы иметь для моих занятий географию, статистику, в особенности Германии, Австрии, Италии и Турции, с картою. Извините меня, что беспокою вас столь многими просьбами [28]).

17 марта 1850 г.

Бакунин перед австрийским судом.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Доклад аудитора майора Франца военному суду в Праге послужил обвинительным актом для вынесения приговора Бакунину. К этому докладу дополнениями являются: 1) Письмо Михаила Бакунина из Дрездена от 30 апреля 1849 г., имеющее обращение «дорогие и уважаемые друзья»; 2) письмо его же, подписанное «ваш Максимилиан»; 3) протокол военного суда в Ольмюце от 15 мая 1851 года, и 4) приговор, вынесенный военным судом в Ольмюце.

Мы воспроизводим в переводе копии этих документов, написанные на немецком языке и заверенные майором и аудитором Иосифом Францем, производившим следствие. На копиях имеются собственноручные подписи Франца, скрепленные сургучными печатями военного суда.

Когда в России получилось первое известие об аресте Бакунина, русское правительство принялось хлопотать о его выдаче. Но прошло целых два года, пока хлопоты эти увенчались успехом. В ожидании, когда закончатся судебные мытарства пленника в Саксонии и Австрии, русское правительство весьма интересовалось обстоятельствами дела своего неверного подданного, и барон Мейендорф, чрезвычайный царский посол в Вене, «выразил желание» гр. Шварценбергу, председателю совета министров и министру иностранных дел Австро-Венгерской монархии, получить для

ознакомления материал по делу Бакунина. Удовлетворяя это желание, гр. Шварценберг при письме от 23 июля 1851 года направил ему важнейшие акты процесса, возбужденного против Михаила Бакунина по обвинению в «государственной измене»,—те самые, которые мы ныне публикуем, и которые немедля были переотправлены в Петербург.

Письмо Шварценберга, написанное по-французски, вместе с документами было доложено Николаю, который на письме наложил резолюцию:

«вели здѣлать мнѣ подробную выписку».

Эта «подробная выписка» была сделана. Она представляет собой краткое изложение основных частей следственного материала [29]). Этим кратким изложением пользовались исследователи, писавшие о Бакунине.

Значение публикуемых документов для изучения Михаила Бакунина огромно. Мы имеем здесь материал, характеризующий поведение Михаила Бакунина на суде; имеем показания самого Бакунина, рисующие его, как революционера вообще, и как идеолога славянского освобождения в самый ответственный момент его революционной деятельности первого периода; характеристика этого периода дана Бакуниным позднее в «Исповеди»—и публикуемые документы позволяют сопоставить оба эти свидетельства, возникшие в обстановке совершенно различной. У нас оказывается возможность, таким образом, проверить некоторые показания «Исповеди»: узнаем затем некоторые, весьма существенные, частности его революционных предприятий (организация, например, тайного революционного комитета в Праге незадолго до дрезденского восстания); большую ценность имеют показания других подсудимых—соучастников Бакунина. Мы получаем его характеристику, сделанную третьими лицами, вместе с ним и под его руководством принимавшими участие в движении.

Мы не будем здесь производить работу по сличению показаний Бакунина, данных на следствии в Австрии, с повторенными позднее в «Исповеди». Заметим лишь, что в общем они совпадают. В этом смысле печатаемые материалы устанавливают ценность «Исповеди», как исторического источника, в тех ее частях, где Бакунин излагает события своей революционной деятельности и планы организации славянской революции. Мы получаем, наконец, документальное указание, свидетельствующее о подаче Бакуниным прошения о помиловании саксонскому королю. До сего времени мы знали об этом со слов Герцена [30]). Но указание автора «Былого и Дум» не могло почитаться достоверным. Сам Бакунин об этом обстоятельстве не упоминал.

Любопытна стремительность, с какой было произведено судилище над Бакуниным. Вначале он был включен в общее число подсудимых по процессу о пражском восстании, вместе с другими участниками восстания. Этот процесс происходил в Праге, и следствие вел тот же аудитор, майор Франц. Но в виду опасений, явившихся у австрийского правительства насчет сохранности Бакунина, его из Праги перевели в Ольмюц, и дело о нем было выделено. Следствие, которое производил в Ольмюце майор Франц, затянулось и закончено им еще не было, когда 11 мая военное министерство приказало начать военный суд «безотлагательно 15 мая». Приказ был исполнен в точности. 15 мая был представлен военному суду Kriegsrechts - Vortrag, наспех составленный Францем, в тот же день открылось заседание суда «в полном составе», прочитан обвинительный акт, выслушаны показания подсудимого, подписан протокол суда и вынесен приговор, присуждавший Бакунина к смерти. Военно-полевая быстрота, с которой была решена участь подсудимого, говорит о том, что все разбирательство было комедией, стыдливо прикрывавшей еще

до суда заготовленное решение. У нас имеется и косвенное указание на это. 7 марта 1851 года, т.-е. еще до окончания следствия, гр. Нессельроде, со слов австрийского министра-президента, сообщил гр. Орлову, что Бакунин «по всей вероятности» *будет* приговорен уголовным судом к смертной казни «в конце нынешнего марта месяца». Штрих, не лишенный некоторого колорита.

27. ДОКЛАД ВОЕННОМУ СУДУ

(Kriegsrechts-Vortrag)

для вынесения приговора русскому подданному Михаилу *Бакунину*.

Последний, согласно его собственного показания, родился в Торжке, Тверской губернии, в России, в 1814 году, христианского вероисповедания греческой церкви; 14-летним мальчиком поступил в артиллерийскую школу в С.-Петербурге, где оставался до 1831 или 1832 года, вышел оттуда артиллерийским офицером, служил таковым два года, затем вышел в отставку по прошению и посвятил себя литературе, живя все еще в России. В 1840 году он отправился в Берлин, занимался там историей и философией в продолжение двух лет, затем путешествовал по Германии, Швейцарии, Бельгии и, в конце концов, поехал во Францию, где и жил с 1844 года, решив не возвращаться более в Россию. В конце 1847 года он был выслан тогдашним министром Гизо, повидимому, по просьбе русского посла, за какую-то речь, которую он произнес в Париже в собрании французов и поляков, происходившем ежегодно со времени польской революции, в ее годовщину. Он тотчас же направился в Брюссель, где оставался до начала Парижской февральской революции 1848 года и затем снова вернулся в Париж. В конце марта 1848 года он оставил опять Париж, намереваясь отправиться в Познань вместе с направлявшимися туда молодыми поляками; в этом намерении, будто бы, ему помешало прусское правительство, не разрешившее ему в Берлине дальнейшее путешествие в Познань, но позволившее ему отправиться в Бреславль, где он затем и стал жить. В мае 1848 года он отправился в Прагу на состоявшийся там Славянский кон-

гресс, членом которого он, по его словам, стал, и состоял в польской секции; он уверяет, однако, что он добивался на этом конгрессе лишь соглашения и единения славян между собою, признаваясь в то же время, что его *личное* стремление клонилось к объединению австрийских славян с поляками для освобождения Польши, как ближайшей цели, а посредством нее—освобождения России, а также с целью противодействовать находящейся в Праге панславистской партии и чтобы убедить ее не рассчитывать на русское правительство. Славянский конгресс в Праге был, как известно, прерван июньским восстанием, во время которого Бакунин покинул Прагу, возвратился в Бреславль и жил частью там, частью в Берлине, до осени 1848 года, когда он был выслан из Пруссии ее правительством. Затем он направился в Кётен, где написал известную брошюру «Воззвание к славянам»; на эту брошюру, а также на другое свое воззвание к славянам, написанное во время вступления русских в Австрию в 1849 году, он ссылается, говоря о своих политических взглядах и намерениях, присовокупляя, что они выражены там вполне открыто. В последних числах декабря 1848 года он уехал из Кётена и отправился в Лейпциг, где скрывался и жил частью в гостинице «Петух», частью у книгопродавца Шрека. По его словам, он отправился в конце февраля или в начале марта в Дрезден, так как считал, будто бы, свое пребывание в Лейпциге опасным из-за своих брошюр; в Саксонии же он надеялся быть в безопасности, благодаря своим друзьям в Дрездене; он особенно желал этого, по его словам, оттого, что он оттуда легче мог наблюдать за положением в Богемии, Венгрии, Польше и России. В Дрездене он оставался до начала мая 1849 года, когда там разразилось восстание, скрываясь там все время. После своего участия в этом восстании он был арестован в Хемнице, выдан королевской саксонской судебной власти и по приговору апелляционного суда в Дрездене приговорен к смертной казни за государственную измену; этот приговор был утвержден королевским саксонским высшим апелляционным судом 6 апреля 1850 г., но вследствие поданного прошения о помиловании, вынесенный смертный приговор был всемилостивейше заменен его величеством королем

пожизненным заключением 2-й степени. Вследствие соглашения, состоявшегося между австрийским и королевским саксонским правительствами, Михаил Бакунин был тотчас же передан в распоряжение первого и предан имп. кор. суду в Праге для производства следствия, так как по произведенному дознанию по вопросу о демагогических выступлениях в Праге весною 1849 года выяснилось, что Бакунин руководил этими выступлениями из Саксонии; в виду этого обстоятельства, следственное производство и приговор по делу входит в компетенцию того суда. Хотя он иностранец, и оказался виновным в инкриминируемых ему выступлениях против Австрии за границей, однако производить следствие и выносить приговор о нем в праве австрийское правительство, независимо от того, что с ним происходило ранее в другом государстве, именно в Саксонии; с одной стороны потому, что королевское саксонское правительство одновременно с его выдачей потеряло на него все права; с другой стороны потому, что это предусмотрено австрийским уголовным уложением от 3 сентября 1803 года, I часть § 32, где сказано:

«Если иностранец совершил за границей преступление, направленное против основных законов, государственных кредитных билетов или монетной системы этого государства, то его следует судить по сему закону, наравне с жителями этой страны».

Передача его, для производства следствия, пражскому военному суду имеет своим основанием то обстоятельство, что производство всего следствия по делу о возникших в Богемии весной 1849 г. выступлениях, носивших характер государственной измены, было передано военному суду; а то, что он в настоящее время находится под судом в Ольмюце, имеет своим основанием то обстоятельство, что он, по высочайшему приказу, в виде предохранительной меры, переведен в Ольмюц из Праги и что его императорское величество изволил повелеть, чтобы это следствие было доведено до конца в Ольмюце нижеподписавшимся аудитором, который вел дело в военном суде в Праге. Так как предмет суда и следствия над Михаилом Бакуниным составляет обвинение его в том, что он руководил выступлениями, носившими

изменнический характер, весной 1849 года в Богемии и особенно в Праге, то прежде всего должно быть доказано, что таковое изменническое выступление действительно имело место в вышеуказанное время, что явствует из следующего: *)

Вышеизложенным установлена наличность преступления, заключающегося в государственной измене, совершонного в этой стране весной 1849 г. Теперь остается только вопрос о выяснении личного участия в нем подсудимого Михаила Бакунина. Обстоятельства дела явствуют из следующего его признания, удовлетворяющего всем требованиям закона, а именно: он признает, что уже с 1847 года он отдался политике, указывая началом этой деятельности тот день, когда он, по случаю празднования годовщины польской революции, в 1848 г. [31]), в Париже, произнес речь в собрании польских эмигрантов. Речь эта имела целью начало соглашения между поляками и русскими, как народами, для восстановления Польши и освобождения России. Он признает, что именно это было целью его политической деятельности. Далее, он признает, что в своих политических стремлениях он, в частности в отношении к Австрии, имея в виду восстановление свободы в стране, добивался соединения австрийских славян с мадьярами и немцами. Далее, он признает, что желал полного распада австрийской империи, состоящей из столь многочисленных народностей, так как, по его убеждению, австрийская монархия совершенно несовместима с понятием свободы. С крушением же австрийской империи, как резуль-

*) См. соответствующий доклад, приложенный к делу о составе преступления, затем сущность содержания общего допроса подсудимого д-ра Карла Циммера от 10 апреля 1850 г., выдержки из показаний жестяных дел мастера Иосифа Бронислава Менцля 10 августа и 27 сентября 1850 г., Иосифа Новака 13 августа 1850 г., Марии Менцль 1 окт. 1850 г., Франца Бретислава Пауля 27 сент. 1850 г., из допроса Франца Гиргля 5 июля и 27 авг. 1850 г., Густава Страка 4 и 24 сент. 1850 г. и Карла Слодковского 1 сент. 1849 г. с продолжением,—из протокола показаний Карла Августа Рёкеля в Кенигштейне 18 июня 1850 г. и Вальдгейме 22—24 окт. 1850 г.,—из допроса по пунктам Карла Сабины от 3 дек. 1850 г. и 1 апр. 1851 г. и Эммануила Арнольда 9 и 10 апреля 1851 г.; наконец, из существенных выдержек показаний о содержащихся в Смечна и показаний Карла Калауса, патера Андрея Красного, мельника Франца Мушка и Франца Вохоча.

тата этого распадения, он, по его словам, мог только желать самостоятельной организации народностей; форма этой организации, а именно государственное устройство отдельных народностей должно было зависеть только от их потребностей и их собственного желания, и ни в коем случае не могло быть предрешено заранее; государственное устройство зависит от слишком многих причин и может, таким образом, явиться скорее результатом событий, а не быть предрешенным заранее. Он признает, что венские октябрьские события 48 г., особенно поведение бана барона Елачича, побудили его написать брошюру под заглавием: «Воззвание к славянам», где он открыто излагает свои политические воззрения и призывает славянские народы Австрии к единению с целью разрушения Австрии, путем бурной революции *).

Далее он признает, что он напечатал эту брошюру и стремился к возможно большему ее распространению, чтобы добиться успеха. Когда он ее писал в Кётене, то он желал провести в жизнь изложенные в ней идеи, не признавая в то же время фактической возможности этого и не делая ничего для этой цели. Когда же он оставил Кётен и поселился в Лейпциге, тогда только у него яснее возникла в мыслях возможность вызвать восстание в Богемии, и эта мысль стала понемногу созревать и далее. В частности, он имел в этом случае в виду Богемию, так как она казалась ему тогда, за исключением Галиции, единственной славянской страной в австрийской монархии, в которой, по ее политическому положению и уже известным ему обстоятельствам в Богемии, возможно было провести подобное намерение. Никаких других причин к тому не было, кроме именно этих обстоятельств, его политических воззрений и желания итти по уже раз избранному пути.

Подсудимый Михаил Бакунин признает далее, что он сначала искал для своих целей в Лейпциге знакомства с молодыми людьми славянского происхождения и знакомил их, в свою очередь, между собой и с людьми немецкого про-

*) См. соответственные места этой брошюры, приложенной к следственным актам Карла Сабины.

исхождения, чтобы, таким образом, положить начало связи между славянской и немецкой национальностью. Далее он признает, что через этих лиц он завязывал сношения с участниками движения в Праге. А именно, он признает, что с этой целью он воздействовал на двух молодых людей из Богемии, изучавших теологию в Лейпциге, Густава и Адольфа Страка, и побудил их принять участие в приготовлениях к предполагавшейся в Богемии революции, и что он сначала, в конце января 1849 г., отправил Густава Страка в Прагу, дав ему двойное поручение: во-первых, к редактору Эммануилу Арнольду, чтобы побудить его явиться для переговоров к нему, Бакунину, в Лейпциг; во-вторых, к редактору *листка* «Новины Славянской Липы», по имени Карл Сабина, с письмом для передачи находящемуся в Праге союзу «Славянской Липы», каковое письмо, как дальнейшее развитие изложенных в «Воззвании к слэвянам» идей, содержало в себе призыв соединиться с демократией в Германии и с мадьярами для совместных действий против реакции. Цель передачи этого письма заключалась, по его словам, в том, чтобы привлечь на сторону идей, заключенных в «Воззвании к славянам», союз «Славянская Липа». От самого Сабины он на это не получил ответа, а узнал только от Густава Страка, по его прибытии в Лейпциг, что Сабина принял письмо, но заявил, что при тогдашнем настроении невозможно было передать его «Славянской Липе». Кроме того, он признает, что еще тогда, когда он посылал Густава Страка в Прагу, он переслал, знакомому ему еще со времени Славянского конгресса, пивовару Францу Ванку письмо, в котором он просил у него денег, так как он как раз в то время нуждался; он говорил в письме, что употребит эти деньги на агитацию в России, но это было только предлогом, а деньги были ему нужны для агитации в Богемии; на эту просьбу он не получил от Ванка ответа. Зато Арнольд, действительно, вскоре приехал к нему в Лейпциг, и подсудимый признает, что конечная цель, ради которой он завязал сношения с Арнольдом, была та же, что и цель его письма «Славянской Липе», а именно,—объединение немцев и мадьяр со славянами для противодействия реакции. Он признает, что суть того, что он обсуждал с Арнольдом в Лейпциге, заключалась в

необходимости организации демократической пропаганды в «Славянской Липе», имевшей в то время связи во всей Богемии; при этом, он, подсудимый, имел в виду, главным образом, молодежь: отчасти оттого, что она в большинстве состояла в «Славянской Липе», отчасти же оттого, что молодежь, вообще, более восприимчива и энергична. В то время Арнольд обещал ему очень много, но, насколько ему известно, ничего не сдержал и не исполнил.

Далее подсудимый признает, что при возникновении революции в Германии, которую он считал неминуемой вследствие реакционных действий правительства, его желанием было, чтобы и в Богемии произошла революция и об этом желании он говорил с Арнольдом, утверждая, однако, что за исключением вышесказанного, он никаких особых поручений Арнольду на сей предмет не давал. Он признает, однако, что между ним и Арнольдом были условлены адреса для корреспонденции, долженствовавшей содержать сообщения с его стороны о положении в Богемии; несмотря на это, Арнольд ни разу не написал ему.

Далее подсудимый признает, что он воспользовался неким лицом, по имени Геймбергер (по происхождению поляком, называвшим себя также Лассогорским), когда последний, как он говорил, по собственному побуждению не пожелал оставаться долее в Лейпциге и поселился в Праге; подсудимый получал от него сообщения о настроении в Праге, равно как посылал и ему некоторые сообщения, при чем пользовался полученным от Арнольда адресом. Другой обязанностью Геймбергера было извещать его о том, что ему мог сообщить Арнольд по этому вопросу.

Подсудимый отказался сообщить, какие сведения пересылал ему Арнольд через Геймбергера. Далее, подсудимый признает, что в конце февраля или начале марта 1849 года он оставил Лейпциг и поселился в Дрездене, так как не считал себя в Лейпциге в безопасности. Он, однако, желал оставаться в Саксонии, так как мог оттуда лучше всего следить за положением в Богемии, Венгрии, Польше и России. В Дрездене же именно он хотел оставаться для того, чтобы быть ближе к Богемии, где в то время у него уже были

завязаны сношения. Далее Бакунин утверждает, что когда после этого Адольф Страка, по его словам, по собственному побуждению, отправился в Богемию, он воспользовался также и им, как средством для наблюдения за настроением в Богемии и сообщения об этом ему, Бакунину.

Далее Бакунин признает, что по получении письма от Геймбергера, в котором последний извещает его, что ему, Бакунину, очень симпатизируют в Праге и что в студенческой среде, равно как и в «Славянской Липе», царит сильное возбуждение,—он уехал из Дрездена в Прагу с тою же целью, как и в предыдущих подобных случаях. В Праге он жил то у заготовщика красок Пауля, то у некоего Прейсса, то у жестяных дел мастера Менцля в Каролинентале; у первого и последнего имел свидания только с отдельными лицами, а именно — с бывшими депутатом рейхстага Францем Гавличком и с секретарем магистрата Руппертом (о котором он не дает более подробных показаний); затем с Арнольдом, Адольфом Страка и Геймбергером,встречаясь с каждым из них в отдельности. При этом он признает, что вследствие выраженного им желания переговорить с Сабиной, в квартире Прейсса имело место собрание нескольких человек, из которых он, по его словам, с уверенностью может назвать только своего квартирохозяина, Сабину, Арнольда и Геймбергера. Бакунин утверждает, что на этом собрании он действовал по трем направлениям: во-первых, с целью узнать, чего желал каждый в отдельности; во-вторых, с целью убедить присутствующих в том, насколько необходимо отложить одностороннюю чешскую политику и присоединиться к общему движению демократии в Европе, а, в частности, в настоящий момент—к немцам, мадьярам и полякам; наконец, с целью убедить присутствующих в необходимости оставить чистую теорию и воспользоваться затруднениями австрийского правительства, чтобы выступать практически, т.-е. организовать восстание. Он заметил, однако, что эти люди были склонны очень много говорить и хвастать, но не годились для практических действий, держали себя нерешительно, боязливо и озабоченно; ему объявили, что народ в Богемии в настоящую минуту еще недостаточно подготовлен для подобных выступлений. Подсудимый отрицает,

впрочем, что он, как было упомянуто в показаниях Карла Сабины, в данном случае побуждал или намеревался вводить социалистическую систему. Признает, однако, что он говорил о применении социалистических мероприятий для организации движения; чтобы успешно организовать подобное движение, необходимы таковые мероприятия, поскольку для этого будет налицо практическая возможность их применения; например, уничтожение закладных на земельную собственность,—что составляет весьма практическое средство, благодаря тому, что оно облегчает положение землевладельцев, главным образом, крестьян, и улучшает их материальное благосостояние. Подсудимый признает далее, что ему при этом много возражали, даже выражали недовольство (которое он рассматривает отчасти, как недоверие к его личности), но он твердо оставался при своих взглядах и пытался побороть эти возражения; однако, в конце собрания, у него осталось впечатление, что ему ни в коем случае не удалось привлечь присутствующих на свою сторону. Что касается его свидания с одним Арнольдом, то Бакунин утверждает, что разговор между ними шел о тех же его воззрениях, которые он неоднократно излагал и разве еще содержал в себе выговор Арнольду со стороны подсудимого за его бездеятельность, который на все уговоры и упреки Бакунина отвечал почти каждый раз одно и то же: «Ах, если бы только у меня не было подагры!»

Подсудимый Михаил Бакунин признает далее, что когда он из Праги вернулся в Дрезден, он делал вид, что ожидал от предполагаемой революции большего, чем это было на самом деле, чтобы не лишать мужества тех людей, с которыми он был в сношениях, при чем он исходил из убеждения, что мнение, какое человек имеет о каком-либо деле, т.-е. вера в него, также есть сила.

Вскоре после этого Геймбергер также вернулся из Праги в Дрезден и привезенные им Бакунину известия были опять более благоприятные, чем то, что он сам видел там; но как эти, так и все позднейшие, полученные из Праги, сведения, носили столь общий характер, что он, Бакунин, не может дать о них особых показаний. Он не имел, далее, никаких сношений с Геймбергером, который с этого времени заболел,

и, вследствие своего прежнего поведения, оказался для него непригодным.

Как явствует из показаний Густава Страка, он, находясь в то время в Лейпциге, был вызван Бакуниным в Дрезден, по возвращении последнего из Праги, и был уговорен им также отправиться в Прагу, но Густав Страка должен был еще подождать, пока придут деньги, за которыми Бакунин обращался в Париж. Когда Геймбергер прибыл из Праги, Густав Страка был уже в Дрездене и должен был тотчас же по прибытии Геймбергера написать письмо по обычному адресу «Николандеру» с надписью на конверте: «Купцу Фишеру в Праге»; письмо предназначалось либо его брату Адольфу, либо прямо Арнольду с извещением, что Бакунин позаботится о деньгах и о польских офицерах в Познани.

Велел ли Бакунин писать письмо в указанном Густавом Страка смысле,—он утверждает, что не помнит, присовокупляя, однако, что этим он не хотел сказать, будто показание последнего неверно. Он признает, что обещал позаботиться о деньгах и польских офицерах, но отказывается назвать тех лиц, которым он это обещал. Далее, Бакунин признает, что воспользовался в то время случайным отъездом в Париж одного знакомого ему поляка, фамилию которого он, однако, не называет, чтобы обратиться с просьбой о деньгах в Польский Центральный Комитет в Париже; что результат этого обращения был неблагоприятен, вследствие чего названный поляк, по собственному усмотрению, совершенно неизвестным ему, Бакунину, способом обратился к графу Телеки, послу Кошута в Париже, и получил на это ответ, что у Телеки деньги есть, но что он их дает не иначе, как по специальному предписанию Кошута. Об этих обстоятельствах он получил извещение не от того лица, а от другого, прибывшего из Парижа в Дрезден поляка, по имени Крыжановского.

Подсудимый признает далее по существу, что он перед отъездом Густава Страка в Прагу дал ему несколько указаний относительно его поведения там, а именно, поручил образовать в Праге комитет, который бы занялся приготовлениями к революции, т.-е. подготовил бы почву среди сту-

дентов, рабочих и вообще среди пролетариата, также среди обывателей (Bürger) и привлек их симпатии на сторону своих планов. Время для революции в Богемии он потому считал благоприятным, что там царило недовольство по поводу роспуска рейхстага и потому, что как раз в это время в стране было мало войска.

Далее он признает, что поручил Страка формирование отдельных групп из двух или пяти человек, но заметил ему, чтобы он, в качестве приезжего, не слишком бы обращал на себя внимание в Праге, имел бы сношения только с Арнольдом и членами Комитета и действовал в дальнейшем только через этих членов; ему же, Бакунину, он должен был от времени до времени сообщать о достигнутых успехах. Он признает, что вообще говорил всем, с кем имел сношения, чтобы они никогда особенно не выдвигались и не делали бы этого также из тщеславия там, где выдвигаются другие, а, наоборот, еще более выдвигали бы таких людей, ибо это лучшее средство оставаться самому незаметным.

Далее он признает,—частью безусловно, частью как возможное,—то обстоятельство, что он давал указания Густаву Страка узнавать о настроении некоторых лиц в Праге, о количестве живущих там поляков, а в особенности о верности дошедшего до него с разных сторон слуха о пребывании в Праге генерала Дивернцкого и сообщать ему обо всех этих обстоятельствах и вообще об успехах. Он дал Густаву Страка список букв и слогов, необходимых для обозначения в корреспонденции, находившихся в Праге лиц и для других сообщений. Он утверждает, однако, что полученные им затем сведения были так неполны, даны в столь общих выражениях, и, благодаря неправильному применению вышеуказанных обозначений, столь мало понятны, что для него осталось неясным положение в Праге, и он не может ничего сказать о специальных мерах, предпринятых там для подготовки революции. Наконец, относительно того открывшегося обстоятельства, что он дал обещание самому приехать в Прагу вместе с нужными для этого поляками, как только там будет все подготовлено для революции и он получит об этом извещение,—подсудимый признает, что он, действительно, дал такое обещание за себя лично,

а в отношении поляков он дал обещание лишь постольку, поскольку они и сами должны были приехать туда.

Относительно тех средств и путей, какие он употреблял, чтобы привлечь к себе поляков для поднятия восстания в Богемии, Бакунин заявляет, что он должен хранить об этом полнейшее молчание, но признает, что он, действительно, пытался привлечь на свою сторону польских офицеров; однако, эти попытки, направленные не к определенным лицам, остались, по его словам, бесплодными.

Далее он признает, что, действительно, возбудил интерес к этому плану восстания в Богемии двух поляков—Гельтмана и Крыжановского,—помогавших ему также и позднее, во время восстания в Дрездене. Хотя они смотрели на дрезденское восстание, как на дело, их не касающееся и потому, якобы, не желали им интересоваться, но подсудимый все-таки склонил их к этому, указав им на то, как восстание в Богемии необходимо для польского дела, вследствие влияния подобного восстания на положение дел в Венгрии; а для восстания в Богемии необходимо восстание в Саксонии. По отношению же к остальным полякам, в большом числе находившимся в Дрездене, он хранил строгое молчание, так как считал их слишком болтливыми и ненадежными. Относительно показаний Иосифа Фритча, содержащихся в докладе с изложением сущности дела (im objectiven Thatbestands-Vortrage), подсудимый Михаил Бакунин признает, что в Дрездене его, действительно, посетили Фритч и находившийся в то время в Праге поляк Аккорт, хотя он их и не призывал. Относительно Аккорта он заявляет, однако, что тот не был с ним близок и что подсудимый узнал про него от находившихся в Дрездене поляков, будто он намеревался отправиться в Прагу, узнав, что там готовятся какие-то события и надеясь найти там занятие. Это случилось в то время, когда Бакунин сам намеревался отправиться в Прагу. Судя по тому, что ему было известно об Аккорте, он был решительно против того, чтобы тот отправился в Прагу, а так как последний все-таки сделал это, то это случилось без ведома его, Бакунина, и даже против его желания. Ему было также неприятно посещение Аккорта совместно с Фритчем, так как он узнал, что Аккорт посещал польское общество в Дрездене и хва-

лился там своею деятельностью в Праге, не имевшей, конечно, никакого значения. Напротив, Фритча, он, Бакунин, ценил по той причине, что тот энергично действовал во время восстания в Праге в 1848 году. По существу Бакунин признает, что он обсуждал с Фритчем предполагавшуюся революцию в Богемии и что он давал ему некоторые указания по вопросу о приготовлениях к ней, в особенности же поручил ему сделать их как можно скорее. Относительно указанных ему уже известных показаний Иосифа Фритча по вопросу об их соглашении, подсудимый Бакунин признает их правильными и замечает, что он вообще говорил с Фритчем так, как это ему казалось уместным с подобной личностью. Однако Бакунин дал особые разъяснения по поводу упоминаемого Фритчем обстоятельства, а именно, будто первый намекнул при этом также о долженствовавшей разразиться революции в Саксонии. По его словам, нельзя было отрицать того, что в то время в Саксонии и вообще в Германии ожидали и много говорили о предстоявшей вскоре революции, о ее необходимости и неизбежности, как следствии реакционной политики правительства; однако он держится того убеждения, что относительно восстания в Дрездене не существовало определенного, заранее выработанного плана; но он не может отрицать того, что по всей Саксонии происходила агитация, заставлявшая ожидать, что при подходящих условиях дело разгорится и по всей Германии. Таким образом нельзя было определить, произойдет ли революция сначала в Праге, а затем в Германии, или же, наоборот, а можно было только при подобных обстоятельствах ожидать совместных действий; Бакунин признает, что его стремление клонилось к тому, чтобы, когда выступит одна сторона, то другая была бы настолько подготовлена, чтобы не оказывать упорного противодействия из националистических чувств. Он признает также, что если он настаивал на быстром и решительном образе действий по отношению к восстанию в Богемии, то это делалось, главным образом, для того, чтобы этой настойчивостью возбудить энергию, так как по его приезде в Богемию, он не нашел нужных элементов для революции, и в умах преобладала известная неподвижность.

Далее он признает также, что поручил Фритчу пригласить Сабину и Арнольда в Дрезден, желая уговориться с ними и познакомить их с Крыжановским. Неверно, говорит Фритч, будто Бакунин дал ему на помощь Аккорта, напротив, он настоятельно просил Фритча ни во что не посвящать Аккорта и использовать его, если понадобится, лишь в момент восстания и то только в подчиненной, а не самостоятельной роли. Наконец, Бакунин признает, что он дал в то время Фритчу несколько золотых на дорогу.

Относительно имевшей место в богемских деревнях агитации, Бакунин показывает, что он, действительно, получил извещение об агитации в стране, но и эти сведения были такого общего характера, что он не мог об этом узнать ничего определенного. Относительно поднятого во время производства следствия вопроса о том, будто он ожидал поддержки революции из России, Бакунин заявил, что это вздор, но признает, что он вообще старался вкоренить, особенно у чехов, ту мысль, будто в России находится очень много революционных элементов; он делал это для возбуждения мужества и чтобы в то же время противодействовать существовавшей и еще существующей партии, возлагающей свои панславистские надежды на царскую Россию. По вопросу о своих взглядах на революцию в России, он указывает на свое «Воззвание к славянам», но заявляет, что он считал революцию в России делом очень отдаленного будущего, при чем он в настоящее время питает убеждение, что революции в России безусловно должно предшествовать восстановление Польши.

Что касается немецких кругов в Богемии, то Бакунин заявляет, что он вообще слыхал, будто в этой среде велась агитация, но не желает указать источников этих сведений. Впрочем, он признает, что желал на самом деле подобной агитации, и там, где ему удавалось встречать казавшихся ему подходящими для этой цели людей, он старался воздействовать на них в этом смысле. Так, когда его знакомые направлялись из Саксонии в Богемию или в пограничные местности, или когда кто-нибудь возвращался из пограничных местностей в Дрезден, он старался убедить их вести пропаганду в Богемии, чтобы, когда разразится восстание в

Праге, немцы не противодействовали ему, как это было в 1848 году. Впрочем, он получал неблагоприятные и крайне редкие известия об этой агитации в немецких кругах, и первым человеком, сообщившим ему об этом нечто благоприятное, был называемый им мадьярским агентом барон Бейер; он сообщил ему при случайном свидании во время дрезденского восстания, что он приехал из Тёчена и что там, как вообще во всей немецкой Богемии, царит сильное возбуждение.

Особенным другом и политическим единомышленником Бакунина в Дрездене был музыкант Карл Август Рёкель, член 2-й саксонской палаты, который, как явствует из доклада с изложением обстоятельств дела, появился в Праге в начале мая 1849 г. и агитировал там в интересах революции.

После роспуска саксонских палат Рёкель решил оставить Дрезден, так как против него было возбуждено несколько процессов по делам печати, и с прекращением своей депутатской деятельности он не считал себя в безопасности. Бакунин увидел, якобы из его слов, что тот сам еще не знал, куда едет, и предложил ему тогда отправиться в Прагу, заметив, что этим будет достигнута двойная цель: во-первых, он лично убедится в положении вещей в Праге, во-вторых, то, что чехи познакомятся с экземпляром немецкого демократа, от чего он, Бакунин, ожидает соглашения между народностями. Рёкель согласился на это, и Бакунин признает, что он дал ему оба найденных у него затем письма, а именно: письмо к «Милым и уважаемым друзьям» и записку за подписью «Максимилиан»; первое из них было адресовано Сабине и Арнольду, а второе—братьям Страка. Содержание обоих этих писем, признанных Бакуниным за написанные им собственноручно, не оставляет никаких сомнений в его намерениях (см. оба эти документа, приложенные к делу: «Доказательства против дирижера Карла Августа Рёкеля» под № 3 и 8). Бакунин признает, что когда Рёкель, взяв эти письма, уезжал в Прагу, он, за неимением возможности переговорить с ним как следует, дал ему только наставление ознакомиться с общим положением, говорить с людьми и убеждать их торопиться. Что касается содержания письма, то Бакунин заявляет, что под *мадьярским агентом* следует подразумевать вышеупомянутого барона Бейера, но утвер-

ждает, что сношения с последним не были серьезными, а служили лишь к тому, чтобы доказать чехам, что уже положено начало сношения с мадьярами. Относительно упомянутой присылки денег из Парижа он признает, что, действительно, ждал денег из того же источника, как и раньше; говоря вообще — от Польского Центрального Комитета в Париже; эти деньги предназначались на сей раз не ему лично, а Гельтману и Крыжановскому, т.-е. обоим полякам, упоминаемым в письме. Впрочем, Бакунин уверяет, что ему ничего не известно о деятельности Рёкеля в Праге, так как раньше, чем он мог получить от него известия из Праги, вскоре после его отъезда разразилось восстание в Дрездене. Только во время восстания 6 или 7 мая 1849 года он увиделся с Рёкелем в помещении временного правительства в Дрездене при таких обстоятельствах, что он только краем уха имел время слушать то, что ему говорил Рёкель; это было всего несколько слов, смысл которых, кажется ему, был тот, что все обстоит благополучно.

Наконец Бакунин признает, что он имел в Дрездене свидание также с бывшим депутатом рейхстага, д-ром Циммером. Каким образом тот приехал в Дрезден—ему неизвестно; он узнал о его присутствии от некоего Оттендорфера. Так как д-р Циммер был родом из Богемии и состоял депутатом крайней левой, то это было достаточным основанием для него, Бакунина, чтобы пожелать переговорить с ним, в целях осуществления своих намерений относительно Богемии. Он высказал это желание Оттендорферу, который, будучи знаком с д-ром Циммером, привел его к Бакунину в тот же день пополудни. После беседы об общем положении в Богемии, Бакунин спросил Циммера, как стали бы держать себя немцы в Богемии в случае восстания в Праге,—остались ли бы они нейтральными, или, как в 1848 году, будут ему противиться. Так как д-р Циммер заявил, что в этом отношении от чехов ждать нечего и вообще говорил о них с явной антипатией, то Бакунин, по собственному признанию, пустил в ход все свое красноречие, чтобы побороть эту антипатию и склонить его к примирению и согласованной деятельности с чехами, после чего Циммер, наконец, переменил свое отношение к делу и высказал пред-

положение, что в случае чешского восстания в Богемии, немецкие круги также присоединятся к движению, и что он сам будет оказывать воздействие в этом смысле.

Показания свидетелей и заявления соучастников.

Густав Страка, лейпцигский теолог, но родом из Богемии, показывает, что он 31 декабря 1848 года познакомился с Бакуниным в Лейпциге и с тех пор встречался с ним вместе со своим братом, Адольфом Страка, и некоторыми другими молодыми людьми различных национальностей, при чем Бакунин стремился убедить их в том, что для славянства и свободы необходима связь славян с венграми и немецкими демократами, что ему, наконец, и удалось. К концу января 1849 года Бакунин спросил его, Густава Страка, не знает ли он в Богемии людей, принадлежащих к партии движения, при чем он желал с ними познакомиться и войти в сношения. Вследствие сделанного им, Густавом Страка, указания на находящегося в Праге редактора Эммануила Арнольда, Бакунин пожелал переговорить с таковым сам, и с этой целью послал в Прагу его, Страка, с двойным поручением: передать написанное Бакуниным письмо существовавшему в Праге союзу «Славянская Липа»; письмо содержало в себе то же, что и бакунинское «Воззвание к славянам», только в особом применении к «Славянской Липе»; затем — склонить Эммануила Арнольда, чтобы он, лично, приехал к Бакунину в Лейпциг. Для покрытия издержек на поездку в Прагу он получил от Бакунина 15 талеров. В Праге он передал письмо Карлу Сабине, дав его наперед прочитать Арнольду и исполнил поручение к Арнольду, убедив его приехать к Бакунину в Лейпциг; только Арнольд прибыл в Лейпциг 2 или 3 днями позднее его, Страка. Третье, полученное им от Бакунина в Прагу, поручение состояло в том, чтобы передать пивовару Ванка письмо, которого он сам, правда, не читал; по собственному же заявлению Бакунина, содержание письма состояло в том, что Ванка должен был переслать последнему сумму в 100 талеров для русской пропаганды. Это было, по словам Бакунина, только предлогом, так как он хотел получить эти деньги для пропаганды

в Германии и Богемии. Он, Страка, передал письмо Ванка, но тот заявил, что не будет на него отвечать, чем дело и кончилось. Как сказано, Арнольд, действительно, приехал в первых числах февраля 1849 г. в Лейпциг к Бакунину, беседовал с ним и с бывшими у него известными демократами, Дестером и Гексамером, и, наконец, получил поручение от Бакунина и Дестера позаботиться о том, чтобы при возникновении революции в Германии, началась также революция и в Богемии, или, если это невозможно, то, по крайней мере, начались бы демонстрации в Богемии, чтобы помешать использованию австрийских войск в Германии. Арнольд также получил от Бакунина поручение—давать время от времени сведения о положении дел в Богемии, при чем были обусловлены и адреса для корреспонденции, а именно,—для Арнольда под именем «Николандера», а снаружи на конверте на имя купца Фишера на Малой Иезуитской улице. Бакунин тотчас же обработал обоих Страка и остальных более близко стоящих к нему лиц в революционном смысле; он имел намерение насильственными мерами произвести переворот во всех существующих отношениях как в области государственного управления, так и в общественной жизни. Исходя, главным образом, из социалистических воззрений, Бакунин назвал то, что он желал «Демократической Социальной Республикой»; ее форму Бакунин не определял более точно, говоря, что она образуется сама собой.

Далее Густав Страка показывает, что только появление октроированной конституции в Австрии побудило его и его брата Адольфа присоединиться к революционным планам Бакунина, с которыми тот выступал все более настойчиво и которые клонились в общем к тому, чтобы вызвать революцию в Германии и Богемии одновременно, и чтобы она распространилась через Польшу в Россию. Бакунин никогда и никому не сообщал о своих сношениях с Россией, согласно своему принципу никого не называть и не говорить ничего, кроме самого необходимого. Однако он, вероятно, состоял в сношениях с Россией через Польшу, так как он с уверенностью рассчитывал на то, что, при распространении революции в Богемии, Германии и Польше, разразится революция также и в России. Бакунин сам говорил ему, что

в России существуют великолепные предпосылки для революции, и как раз в социальном смысле. В то время уже возникли слухи о союзе Австрии с Россией по случаю венгерской войны и о посылке правительством последней вспомогательных войск, вследствие чего Бакунин написал второе воззвание к славянам; оно предназначалось к распространению в Богемии, чтобы настроить население против интервенции русских. Это воззвание было переведено Адольфом Страка на чешский язык и напечатано у Госсфельда в Лейпциге, где он, Густав Страка, держал его корректуру, а распространение его в Дрездене было произведено Виттигом. В то время Бакунина не было в Лейпциге, он поселился в Дрездене, куда за ним отправился Адольф Страка, а затем поехал в Богемию.

Далее Густав Страка показывает, что вскоре затем Бакунин вызвал и его в Дрезден и там уговаривал его бросить университет и посвятить себя всецело пропаганде; сам Бакунин выехал из Дрездена в Прагу, чтобы на месте, лично, ознакомиться с настроениями и войти в сношения с членами партии освободительного движения. Но после упомянутого отъезда Бакунина, он, Страка, вернулся в Лейпциг, но по возвращении Бакунина был снова вызван к нему в Дрезден; там он застал Бакунина, хотя и недовольного тем, что он узнал, но более чем когда-либо решительно и непреклонно настроенного к тому, чтобы вызвать революцию в Праге.

Далее Густав Страка показывает, что Бакунин убедил его самого поехать в Прагу и содействовать там приготовлениям к революции и что ему было только предложено подождать, пока Бакунин получит деньги из Парижа, хотя эти деньги не пришли; он, Страка, все же отправился после этого в Прагу, причем Бакунин дал ему некоторые необходимые для его цели указания и условился с ним также относительно корреспонденции особыми письменными знаками. Наконец, Густав Страка подробно показывает, как он действовал в Праге, подготовляя революцию в качестве члена революционного комитета, состоявшего из него, его брата Адольфа, Иосифа Фритча, Венцля, Павла Клейнерта, Франца Гиргля и некоторых других; как он делал об этом периодические сообщения Бакунину; наконец, о том, как друг Бакунина, Карл

Август Рёкель, в начале мая 1849 года также прибыл в Прагу и действовал там в интересах революции и как он, Густав Страка, 9 мая выехал из Праги, чтобы ехать за Бакуниным и двумя преданными ему поляками и привезти их из Дрездена для организации восстания, и как ему в этом помешала революция в Дрездене.

Эммануил Арнольд (расследование о коем еще не закончено) показывает, что зимой 1849 года старший Страка (Густав), с которым он уже раньше был знаком, пришел к нему и сообщил, что он прислан к нему от Бакунина; последний желает, чтобы Арнольд приехал к нему в Лейпциг для переговоров о том, какие шаги следует предпринять для противодействия реакции. Поэтому он прибыл в Лейпциг, был у Бакунина и застал у него много людей, которые приходили и уходили, из которых он может назвать только Дестера и Гексамера. То, о чем, главным образом, говорил и чего желал Бакунин, были цели социализма и он требовал, чтобы Арнольд склонял народ на сторону социализма в редактируемой им газете «Občanske Nowiny». Он признает также, что уговорился с Бакуниным относительно переписки и адреса «Николандер» в конверте на имя купца Фишера, но отрицает, будто он когда-либо писал Бакунину или получал от него письма с названным адресом. Пришедшие с этим адресом письма были перехвачены неким Геймбергером, знакомым Бакунина, жившим здесь в Праге у него, Арнольда; он сам никогда не узнал содержания этих писем. Однажды Геймбергер сообщил ему, что Бакунин сам приедет в Прагу для свидания с более молодыми демократами и переговоров с ними.

Далее Арнольд признает, что когда Бакунин затем, действительно, прибыл в Прагу, то у него, в квартире некоего Карла Прейсса, состоялось собрание нескольких демократов, на котором присутствовал и он. На этом собрании Бакунин в общих чертах сообщил присутствующим, что в Германии существует организация демократии и что надо озаботиться устройством и здесь, в Богемии, такой же организации, целью которой было бы противодействие реакции. Затем Арнольд признает, что он еще два раза встречался с Бакуниным и тот несколько раз говорил о своих намерениях

организовать демократию в Богемии. До сих пор Арнольд отрицает какую бы то ни было иную связь с Бакуниным, но признает, что позже его навестил здесь, в Праге, Рёкель, который был ему представлен братьями Страка и извещен последними о том, что здесь, в Праге, готовится восстание; Рёкель подчеркивал, что здесь, в Праге, необходимо действовать в согласии с демократами в Саксонии для того, чтобы, когда там поднимется восстание, начать таковое и здесь, с целью не допустить реакции в политической жизни. Взгляды Рёкеля были приблизительно такие же, какие вначале высказывал Бакунин. Наконец, Арнольд говорит про одного студента, имени которого он, по его словам, не знает, но которого он встречал у Бакунина в Лейпциге, что тот навестил его и говорил в духе Бакунина также об уже организованной в Саксонии демократии, о необходимости сплочения чехов и немцев в Богемии и организации местной демократии в Богемии; Рёкель считал его посланцем Бакунина. Из допроса Арнольда не выяснилось более ничего, что бы имело отношение к Бакунину.

Карл Прейсс (квартирохозяин Бакунина) и *Вильгельм Гаутч*, присутствовавшие оба в квартире первого на имевшем место у Бакунина собрании демократов, подтверждают, что Бакунин, действительно, находился в то время в Праге, что собрание происходило у него и что он говорил на нем в революционном духе; они приближаются в своих показаниях к вышеприведенным показаниям Арнольда.

Карл Сабина (литератор и бывший редактор органа оппозиции «Nowini Slowanske Lipi»), показывает, что он присутствовал на этом собрании, и что Бакунин держал себя так, что была ясна цель его пребывания там ради революции, и что он говорил об этом деле с такой решительностью, как будто все уже условлено, вполне подготовлено и ожидалось только начало. По существу речи Бакунина сводились к тому, чтобы не медлить, а решительно приниматься за дело. Сабина рисует его как бы «выкованного из стали демагога», который, не зная препятствий, преследовал неуклонно свою цель, не считаясь ни с какими возражениями, словом—вел себя таким решительным образом, какой Сабина, по его словам, ранее не считал возможным. Что же касается наме-

рений Бакунина в случае успеха революции, то в его речах не было никаких намеков на то, чтобы дело шло о завоевании лучшей конституции или о чем-либо подобном; Бакунин определенно высказывался в том смысле, что не следует придавать значения ничьим словам о рейхстаге или о другой, лучшей, конституции; это все глупости; словом, он желал только, чтобы дело поскорее началось и не высказывался относительно своих целей. Но когда разговор перешел в область теорий, то он, Сабина, понял, что Бакунин желал провести в жизнь то, что говорилось с философской точки зрения о социальных отношениях.

Сабина признает также, что еще задолго до вышеупомянутого свидания с Бакуниным в Праге, он получил однажды от последнего послание через Густава Страка, с надписью: «Комитету Славянской Липы» и подписью: «Бакунин, член Славянского Конгресса». Сущность содержания рукописи, содержавшей около 8 листков, заключалась в том, что славянство, в той форме, какую оно приняло, представляет не то, чем оно должно быть, так как оно идет по стопам ученых; Бакунин указывал на свою брошюру, изданную в Кётене, «Воззвание к славянам», и говорил, что надо делать то, что указано в этой брошюре. Сабина утверждает, однако, что он не решился распространять далее это послание, а сжег его.

Далее Сабина показывает, что он однажды, уже после приезда Бакунина в Прагу, пришел к Арнольду и встретил там Иосифа Фритча, который отозвал его в сторону и сообщил, что он был у Бакунина в Дрездене, привез от него ему, Сабине, поклоны и просьбу приехать к Бакунину. Правда, Фритч не назвал определенно имени Бакунина, а употребил выражение «оттуда», однако Сабина был уверен, что при таких поручениях могла быть речь только о Бакунине.

Вскоре затем Арнольд и младший Страка стали уговаривать его, Сабину, отправиться в Дрезден, так как в этом была сильная необходимость. Один мадьяр, граф Телеки, прибыл из Парижа в Дрезден, чтобы условиться там с Сабиной обо всех предположениях, планах и принятых мерах, а также передать ему деньги. Но он, Сабина, не согласился

на эту поездку в Дрезден. Наконец, Сабина признает, что, когда он, будучи политически скомпрометированным, однажды скрывался из боязни перед арестом, к нему пришел человек, присланный Арнольдом и Адольфом Страка и назвавший себя депутатом саксонского парламента. Он уговаривал Сабину поехать в Дрезден, говоря, что оттуда можно будет получить деньги и т. п. Сабина говорит, что не помнит, упоминал ли этот незнакомец о Бакунине, делал ли он эти сообщения устно или давал ему читать какое-либо письмо или таковое только показывал. Последнее кажется ему наиболее вероятным. Хотя, как уже сказано, показания Сабины в этом отношении очень неопределенны, но все же, на основании их и в связи с другими показаниями, не подлежит никакому сомнению, что этот незнакомец был Карл Август Рёкель, который использовал у Сабины письмо Бакунина «Милым и уважаемым друзьям» от 30 апреля 1849 г. из Дрездена; стало быть, он на самом деле действовал по поручению и в духе Бакунина. Впрочем, Сабина показывает, что этот человек настоятельно требовал от него скорейшего начала действий, чтобы не оставить без поддержки единомышленников в Саксонии и Тюрингии, где тоже должна была начаться революция, и чтобы все действовали одновременно.

Что касается вышеупомянутого пребывания Бакунина в Праге, то оно подтверждается также показаниями жителя Каролиненталя, жестяных дел мастера Иосифа Менцля и его супруги Марии, из слов которых видно, что Бакунин, по рекомендации здешнего гражданина Пауля, жил некоторое время у них в квартире, что его навещали Арнольд, Пауль, Страка и один молодой поляк, с которыми он вел тайные беседы.

Иосиф Фритч показывает, что, когда он узнал от жившего в Праге у Арнольда Адольфа Страка, что Бакунин желал поднять революцию, он почувствовал недоверие к этому Страка и решил сначала самому переговорить с Бакуниным. Поэтому он, в сообществе одного поляка, называвшего себя Аккортом, часто бывавшего у Арнольда и говорившего, что находится в Праге по поручению Бакунина, после Пасхи 1849 года поехал в Дрезден и там посетил Бакунина. Он признает, что они обсуждали положение и

обстоятельства в Праге на случай предстоящей революции, что Бакунин особенно волновался по случаю вступления русских войск в Австрию, так как видел в этом союзе победу деспотизма. Последний предложил ему, Фритчу, найти порядочных и надежных для революции людей среди студентов в Праге, а именно, среди чехов (при чем он сам хотел другим путем позаботиться о немецких студентах), и как можно скорее подготовить все для революции в Праге. Бакунин требовал также, чтобы чехи прекратили национальные распри с немцами и совместно преследовали только цели демократии. Целью революции Бакунин называл ему восстановление Польши, разгром России и самостоятельность Богемии. Каким путем должны были быть достигнуты эти цели, какие должны быть введены формы правления, все это должно было зависеть от степени удачи в ходе революции и согласоваться с характером каждого народа; конечной же целью был союз всех свободных народов. Бакунин, считавший Богемию очагом (центром) предполагавшейся революции, осведомился через него о различных местностях Праги, о находящихся в Праге венгерских войсках и обещал, что когда все будет как следует подготовлено и сообщено ему, то он пошлет в Прагу нескольких поляков.

Бакунин расспрашивал также о некоторых лицах в Праге, известных своими демократическими настроениями, и дал ему, наконец, поручение передать Сабине, чтобы тот приехал к нему, Бакунину, в Дрезден, так как он желает привлечь Сабину на свою сторону и изложить ему свои планы. После этих переговоров с Бакуниным, Фритч вернулся в Прагу с Аккортом и с тех пор сделался членом образовавшегося там комитета, ведавшего приготовлениями к революции. Фритч признает также, что он получил в то время от Бакунина сумму в 2 или 3 дуката золотом на путевые издержки.

Карл Август Рёкель, признавая свои дружеские отношения с Бакуниным, показал при допросах, что он, интересуясь действительно движением в Богемии, отправился в Прагу после роспуска саксонского парламента в начале мая 1849 года, чтобы подготовить ожидавшуюся в Праге революцию и, желая посоветоваться со своими единомышленниками о мерах, какие следует предпринять для того, чтобы

признанная необходимой революция не потерпела неудачу. Он признает, что знал Густава Страка и его отношения к Бакунину и что, по прибытии в Прагу, он вошел в сношения с ним и его братом Адольфом Страка, а затем и с доктором Циммером, с которым познакомился у Бакунина еще до отъезда из Дрездена; он обращался также к д-ру Бруна, Карлу Слодковскому, Иосифу Фритчу и Эммануилу Арнольду, в особенности же оказывал воздействие на Бруна и Слодковского, чтобы привлечь их к участию в революции, и старался убедить д-ра Бруна выдать на революционные цели находившиеся в его руках деньги польских легионов (Legions-Gelder).

Он признает также, что перед отъездом из Дрездена он получил от Бакунина уже упомянутое письмо «К милым и уважаемым друзьям» и записку с подписью «Максимилиан», в качестве открытых рекомендательных писем; первое, прежде всего—для Сабины, Фритча и Арнольда, а вторую—для Густава Страка. Он признает также, что посетил в Праге Сабину и передал ему поручение Бакунина, познакомив его с упомянутым письмом Бакунина; беседовал с ним о начале революции в Праге и наиболее целесообразных мероприятиях в этом направлении и предложил принять в них самое живое участие; он настаивал также на том, чтобы начинать революцию в Праге как можно скорее. Рёкель признает также, что при взрыве революции Бакунин сам приехал бы в Прагу, а также, что он, Рёкель, остался бы в Праге и присоединился к революции, если бы она не началась раньше в Дрездене и это не заставило его как можно скорее вернуться туда.

Доктор Карл Циммер показывает, что он в конце апреля 1849 г. прибыл в Дрезден и благодаря, якобы, происками еще раньше знакомого ему некоего Оттендорфера (в настоящее время бежавшего), попал к Бакунину и познакомился там с Рёкелем. Он показывает, что среди разговоров о политическом положении в Австрии, Бакунин расспрашивал его о том, что бы стали делать немцы, если бы началось восстание среди чешского населения Богемии; поднимутся ли и немцы. На это он отвечал, что он это предполагает и в этом случае деятельно примкнет к движению. Далее, он при-

знает, что затем он несколько раз встречался с Рёкелем здесь, в Праге, и получал от него сведения о предполагавшемся здесь восстании.

Таково существенное содержание показаний и других результатов расследований по предстоящему процессу о государственной измене, которые могли быть изложены лишь с величайшей краткостью, так как нижеподписавшийся аудитор, прибыв утром 13-го мая для продолжения допросов Бакунина в Ольмюц, согласно приказа военного министерства от 11-го мая с. г. за № 1743/М. К., получил письменное предписание начать военный суд безотлагательно 15-го мая, вследствие чего могли быть приготовлены только вышеприведенные краткие извлечения, которые, однако, в достаточной мере дают картину общего положения дел.

Согласно § 52 ст. 6 ч. I уголовного уложения, тот совершает государственную измену, который предпринимает что-либо, клонящееся к насильственному изменению государственного строя, стремится навлечь или увеличить опасность для государства извне, действуя при этом открыто или же тайно, единолично или сообществами, побуждением, советом или собственным деянием, при посредстве оружия или без него, посредством передачи ведущих к этой цели секретов или организации заговоров, подстрекательством, вербовкой, шпионством или другим, направленным на то же деянием. Далее, уже в начале этого доклада упоминалось, что уголовное уложение (§ 32 часть I) указывает на то, что и иностранец может оказаться виновным в государственной измене против Австрии, даже и за границей, и должен быть судим в этом преступлении по нашим законам, как здешний уроженец.

Подсудимый Михаил Бакунин признает, что, независимо от своих других демагогических стремлений, по отношению к австрийской империи разрушение австрийского государства и самостоятельная организация живущих в нем народностей входили в его желания и планы; признает также попытку осуществить их, указывая на целый ряд действий, предпринятых им с целью вызвать мятеж в Богемии, т.-е. вооруженное восстание. Он говорит, что будущее государственное устройство народностей не могло быть им предре-

шено заранее, так как это зависит от хода событий; но что после насильственного разрушения австрийской империи всякая конституция была бы не только изменением существующей, но таковая будет так же разрушена, как и сама империя.

Посему, не подлежит никакому сомнению, что § 52 ст. 6 ч. I уголовного уложения соответствует образу действий подсудимого Михаила Бакунина и что вменяемое ему в вину преступление есть «государственная измена». Состав этого преступления вполне доказан признанной за свою подсудимым брошюрой «Воззвание к славянам»; далее, подтверждающими в главном его слова показаниями его сообщников: Густава Страка, Иосифа Фритча, Эммануила Арнольда, Карла Сабины, Карла Августа Рёкеля, доктора Карла Циммера, Карла Прейсса и Вильгельма Гаутча; далее, показаниями жестяных дел мастера Иосифа Менцля и его супруги Марии; наконец, найденными у Августа Рёкеля собственноручным письмом Бакунина «К милым и уважаемым друзьям» из Дрездена, от 30 апреля 1849 года и запиской с подписью «Максимилиан» (оба эти документа подсудимый признает за написанные им) — согласно с указаниями 2 и 3 глав, затем § 400 ч. I уголовного уложения и с содержанием доклада о составе преступления, в особенности касательно подсудимого Михаила Бакунина.

Доказательство представляет сознание подсудимого, удовлетворяющее всем требованиям закона.

Приложимый в данном случае закон—кроме вышеупомянутого § 52 уголовного уложения, квалифицирующего преступление государственной измены,— есть § 53 того же уложения, по которому за это преступление, хотя бы оно оказалось безуспешным и оставалось лишь покушением, виновные подвергаются смертной казни, которая, согласно § 13 того же закона, должна быть произведена через повешение.

Величайшее значение имеют сопровождающие это преступление отягчающие обстоятельства, так как из всего следствия явствует, что Бакунин собственно был зачинщиком затевавшегося плана государственной измены, что он преследовал свою цель с неуклонной последовательностью, из убеждений, в высшей степени опасных, и со вполне осознанным намерением; наконец, что он не только сам склонял

многих других лиц к тому же преступлению, но и был причиной того, что, благодаря его советам и указаниям, большое количество в большинстве случаев молодых людей оказалось вовлеченным в преступное деяние и теперь должно искупать это, согласно законам.

Важность и опасность его явствует также из имеющихся его писаний, характеризующих его,—скитавшегося в течение целого ряда лет по Европе, без родины и без определенных занятий,—как настоящего демагога по профессии. Смягчающих обстоятельств не имеется решительно никаких.

Следует еще упомянуть об издержках по производству следствия, относительно которых ч. I § 537 уголовного уложения и императорский декрет от 20 апреля 1809 года за № 888 (I. G. S.) постановляют, что когда обвиняемый будет признан подлежащим наказанию, то в приговоре следует упоминать о возмещении судебных издержек и что соучастники общего преступления солидарно ответственны за издержки производства.

Принимая в соображение изложенные факты и доказательства, равно как и действующие законы, *предлагаю:*

Подсудимый Михаил Бакунин, за преступление в государственной измене, должен быть наказан смертной казнью через повешение и присужден вместе со своими сообщниками солидарному возмещению уголовному фонду судебных издержек по настоящему делу.

Ольмюц, 15 мая 1851 г.

Иосиф Франц

майор и аудитор.

Настоящая копия соответствует подлиннику доклада военному суду о русском Михаиле Бакунине и дословно тождественна с таковым.

Императорского и королевского военного суда в Градчине, в Праге 14 июля 1851 г.

Иосиф Франц

майор и аудитор.

Сургучная печать с двуглавым орлом и надписью:

K. K. Kriegsgericht in Prag.

28—29. Приложения.

28.

«Милые и уважаемые друзья!

Рекомендую вам подателя этого письма Рёкеля, депутата только что распущенной второй палаты, одного из лидеров демократической партии в Саксонии, как одного из моих лучших друзей и *вполне* надежного и энергичного человека.

Он обращается к вам, чтобы сговориться с вами и вместе с вами связать чешское движение с движением в Германии.

Нам более нельзя терять времени, его нам остается очень мало на подготовку этого дела; если вскоре не начнется восстание, то придут русские, так как реакция в Европе действует по одному плану, а опорой всех реакционных предприятий является Россия. Мы вступили здесь в сношения с одним мадьярским агентом; через два-три дня мы, вероятно, получим деньги из Парижа, тотчас же пошлем вам некоторую сумму, в зависимости от того, сколько мы получим сами.

Я бы очень желал вашего приезда сюда, чтобы вы условились с нами, т.-е. с вышеуказанными мадьяром, двумя поляками, прибывшими из Парижа для работы с нами, и со мной. Если это еще возможно, приезжайте в Дрезден и обратитесь к Виттигу, редактору «Дрезденской газеты» (Ostra-Allee,—редакция «Дрезденской газеты»).

Будьте здоровы и до скорого свидания.

30 апреля.
Дрезден.
1849 г.

Ваш
М. Бакунин.

Тотчас же сожгите это письмо» [32]).

Соответствует и дословно тождественно с подлинным, признанным им собственноручным, письмом Михаила Бакунина, приложенным к следственному делу литератора Карла Сабины.

Императорского королевского суда в Градчине, в Праге 14 июля 1851 г.

Печать.

Иосиф Франц

майор и аудитор.

29.

«Милые друзья, вам уже известен податель этой записки,— окажите ему полное доверие. Он является к вам по моему поручению.

Ваш
Максимилиан».

Соответствует и дословно тождественно с оригиналом, признанным Михаилом Бакуниным, приложенным к следственному делу литератора Карла Сабины.

Императорского и королевского суда в Градчине, в Праге 14 июля 1851 г.

Иосиф Франц

майор и аудитор.

30. ПРОТОКОЛ ВОЕННОГО СУДА.

Составленный в военном суде в полном составе, созванном по предписанию его превосходительства господина генерал-майора императорской и королевской армии Иоганна Эдлер-фон-Клейнберга, (ad latus des Landes Militär-Komandanten) военного коменданта в Богемии по соглашению с его высокопревосходительством господином генералом от кавалерии и губернатором крепости в Ольмюце бароном фон-Бёмом для вынесения приговора подсудимому Михаилу Бакунину.

После того, как собрался военный суд в полном составе, был приведен подсудимый Михаил Бакунин и допрошен:

1. Имеет ли он какие-нибудь обоснованные возражения против кого-либо из сообравшихся судей?

Ответ первый:

Нет.

Затем, после соответственного регламенту напоминания собравшемуся военному суду была в присутствии подсудимого принесена предписанная законом судебная присяга, затем ему были еще раз прочитаны его показания и после того ему был задан вопрос.

2. Подтверждает ли он эти свои показания и не желает ли что-либо к ним прибавить?

Ответ второй:

Я подтверждаю данные мною показания, ничего не имею более к ним добавить, но вынужден повторить свой протест, заявленный в начале моего произведенного по пунктам допроса, против вторич-

ного вынесения приговора по моему делу; я это делаю только ради формы, хотя знаю, что он не действителен или, скорее, останется здесь без последствий.

Прочитанное подтверждает ***Михаил Бакунин.***

После приложения подписи и последовавшего увода подсудимого, было прочитано изложение состава преступления вместе с другими относящимися до сего важнейшими документами; затем заседатели военного суда удалились для совещания по чинам (klassenweise Berathung), затем они были снова вызваны также по чинам (klassenweise) и их голоса запротоколированы, как следует ниже:

Рядовые приговорили:

Подсудимый Михаил Бакунин за государственную измену подлежит смертной казни через повешение и обязан вместе с другими лицами, признанными виновными, солидарно возместить Уголовному фонду издержки по настоящему следствию.

Иоган Тишлер *рядовой.* ***Антон Гоблер*** *рядовой.*

Ефрейторы приговорили:

Подсудимый Михаил Бакунин за государственную измену подлежит смертной казни через повешение и обязан, вместе с другими лицами, признанными виновными, солидарно возместить Уголовному фонду издержки по настоящему следствию.

Винценц Клука *ефрейтор.* ***Демут Венделин*** *ефрейтор.*

Капралы приговорили:

Подсудимый Михаил Бакунин за государственную измену подлежит смертной казни через повешение и обязан, вместе

с другими лицами, признанными виновными, возместить Уголовному фонду издержки по настоящему следствию.

Теодор Ноппес *капрал.* ***Людвиг Никсцайер*** *капрал.*

Фельдфебели приговорили:

Подсудимый Михаил Бакунин за государственную измену подлежит смертной казни через повешение и обязан, вместе с другими, признанными виновными, лицами солидарно возместить Уголовному фонду все издержки по настоящему следствию.

Иоганн Шмидт *фельдфебель.* ***Эдуард Рейниш*** *фельдфебель.*

Господа поручики приговорили:

Подсудимый Михаил Бакунин за государственную измену подлежит смертной казни через повешение и обязан, вместе с другими лицами, признанными виновными, солидарно возместить Уголовному фонду все издержки по настоящему следствию.

Оттмар граф Меравиглия *поручик.* ***Генрих Росси*** *поручик.*

Господа ротные командиры приговорили:

Подсудимый Михаил Бакунин за государственную измену подлежит смертной казни через повешение и обязан вместе с другими лицами, признанными виновными, солидарно возместить Уголовному фонду все издержки по настоящему следствию.

Фон-Бранни Владислав *ротн. командир.* ***Альфред фон-Дюрие*** *ротн. командир.*

Господин подполковник и председатель приговорил:

Подсудимый Михаил Бакунин за государственную измену подлежит смертной казни через повешение и обязан вместе

с другими лицами, признанными виновными, солидарно возместить Уголовному фонду все издержки по настоящему следствию.

Франц Шульц фон-Штернвальд
подполковник в качестве председателя.

Нижеподписавшийся приговорил:

Подсудимый Михаил Бакунин за государственную измену подлежит смертной казни через повешение и обязан, вместе с другими лицами, признанными виновными, солидарно возместить Уголовному фонду все издержки по настоящему делу.

Иосиф Франц
майор и аудитор.

Принимая во внимание, что таким образом постановление было вынесено единогласно, то, соответственно с этим, должен быть изготовлен приговор.

Подпись как выше.

Франц Шульц фон-Штернвальд
подполковник и председатель.

Иосиф Франц
майор и аудитор.

Признан соответствующим и дословно тождественным с подлинником.

Императорского и королевского военного суда в Градчине, в Праге 14 июля 1851 года.

Иосиф Франц
майор и аудитор.

31. ПРИГОВОР

вынесенный военным судом в полном составе, созванным по предписанию его превосходительства господина генерал-майора императорской и королевской армии Иоганна Эдлер фон-Клейнберга, военного коменданта в Богемии, по соглашению с его высокопревосходительством господином генералом от кавалерии и комендантом крепости в Ольмюце бароном фон-Бёмом, над подсудимым *единогласно*.

Михаил Бакунин, из Торжка Тверской губернии в России, родившийся в 1814 году, греческой церкви, холостой, расследованием, произведенным военно-судебным порядком вследствие объявленного от 10 мая 1849 г. в Праге и окрестностях осадного положения, на основании законно установленных фактов и его признания, удовлетворяющего всем требованиям закона,—уличен *в государственной измене против Австрийской Империи и за это преступление* подлежит согласно §§ 32, 52, ст. 6 и 53 уголовного уложения от 3 сентября 1803 г. ч. I, смертной казни через повешение, а согласно § 537 того же закона и императорского декрета (Hofdecret) от 20 апреля 1809 № 888 I. G. S. обязуется совместно с другими лицами, признанными виновными по этому делу, возместить Уголовному фонду все издержки по настоящему следствию.

Вынесен на военном суде в Ольмюце 15 мая 1851 г. с сохранением судебных прав Верховной Власти.

Франц Шульц фон-Штернвальд
подполковник императорской и королевской армии в качестве председателя

Иосиф Франц
майор и аудитор.

В судебном порядке—утвержден. В порядке помилования смертная казнь заменена пожизненным тяжким тюремным заключением (Schwerer Kerker).

Клейнберг
генерал-майор.

Признан соответствующим и дословно тождественным с подлинником.

Императорского и королевского военного суда в Градчине, в Праге 14 июля 1851 года.

Иосиф Франц
майор и аудитор [33]).

32. ИСПОВЕДЬ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Первое издание «Исповеди» *) грешит целым рядом дефектов. Недоразумения начинаются с предисловия «от Редакции». Открывается предисловие следующим утверждением: ,,Исповедь Бакунина и его прошение Александру II найдены в архиве III Отделения «собственной е. и. в. канцелярии» в деле «об отставном прапорщике Михаиле Бакунине». Дело это состоит из 5-ти частей: ч. I—«О революционных действиях его за границей»; ч. II—«О передаче его австрийским правительством в наши пределы и заключении в крепость»; ч. III—«Об освобождении его из крепости и об отправлении в Сибирь на поселение»; ч. IV—«О побеге его из Сибири за границу»; и V—«Копии с бумаг по делу Бакунина». Всего сто пятьдесят один перенумерованный полулист''. Далее говорится, что ,,кроме того, к делу присоединен был «особо запечатанный пакет», заключавший переписанный для Николая I экземпляр «Исповеди» Бакунина с пометками Николая''.

Эта копия находилась *вне* дела. Подлинный экземпляр, собственноручно Бакуниным написанный, хранился особым

*) Редакция журнала «Исторический Архив».—М. А. Бакунин. Исповедь и письмо Александру II. Вступительная статья «Михаил Бакунин в эпоху сороковых-шестидесятых годов» Вяч. Полонского. Госуд, Издательство. Москва 1921 г.

порядком,—в секретном шкафе управляющего III отделением ген. лейт. Дубельта (см. «дело», ч. II, л. 72).

Это первая неточность предисловия. Далее: часть V представляет собой черновики памфлета о Бакунине. «Михаил Бакунин, сам себя изображающий», подготовлявшийся некоим гр. Мандерштремом для издания в Швеции в 1863 году. Памфлет этот составлялся по документам четырех частей «дела» и по «Исповеди». Считать это собрание черновиков «пятой» частью «дела о Бакунине» нельзя. Редакция совершает, наконец, грубую ошибку, указав число перенумерованных полулистов 151. Это количество полулистов заключает в себе только та «часть», которую редакция «Ист. Архива» считала «пятой». Первые же 4 части, кроме пятой, имеют перенумерованных полулистов: I ч.—324, II ч.—303, III ч.—90, IV ч.—216, а всего 993 полулиста.

Смущает затем исследователя, да и просто внимательного читателя, такое заявление редакции: «Орфография рукописей в *характерных своих особенностях* сохранена». (Курсив мой. *Вяч. П.*) А не в характерных? Но какие именно особенности, в таком случае, редакция считала нехарактерными? На эти вопросы мы не имеем ответа. Если редакция первого издания «Исповеди» руководствовалась желанием сделать ее доступной широкому кругу читателей без каких-либо серьезно-научных целей, строго судить редакцию в таком случае нельзя. Кое-что исправив, она в общем и целом дала читателю текст интереснейшего документа. Но если отнестись к этому документу строже и потребовать в первую очередь абсолютную точность текста, с сохранением всех особенностей оригинала, тогда придется первое издание признать из рук вон плохим.

Характерная для современной эпохи транскрипция слов не соблюдена; иногда «ѣ» сохраняется, иногда заменяется буквой «е», понаставлены запятые и тире там, где в подлин-

нике их не имелось. Даже коротенькие резолюции Николая воспроизведены не всегда точно, а в резолюцию Александра II на прошении Бакунина редакция ухитрилась вставить предлог «въ», хотя в подлиннике предлога этого не было, и, включенный без нужды, он придавал резолюции неграмотный вид. В нескольких случаях к резолюциям редакция приставляет восклицательные знаки, в подлиннике относящиеся к некоторым местам бакунинской исповеди; изменены некоторые падежи; не показаны слова, вначале Бакуниным написанные, а затем зачеркнутые, иной раз восстановлено зачеркнутое слово—без оговорки, а бывает и так, что целое слово исчезает. Таковы погрешности текста, допущенные редакцией, вольные и невольные, которые пригладили, причесали, приутюжили шершавый бакунинский оригинал,—и этим самым лишили его качества, каким должен обладать печатный текст исторического документа: полного тождества с подлинником. В общей сложности всяческих исправлений, после сличения с подлинником, оказалось приблизительно свыше 300, — которые перечислять здесь нет надобности. Искажений смысла нет, нет и существенных пропусков, но перечисленные мелкие недостатки говорят об образцовой неряшливости, с какой воспроизведен был бакунинский текст.

Из сделанных замечаний, полагаем, становится ясной задача, которую мы поставили себе, переиздавая «Исповедь» Бакунина. Нами она воспроизводится в том виде, в каком была написана, без каких бы то ни было изменений или поправок. Слова, зачеркнутые Бакуниным, напечатаны в прямых скобках [ ]. Резолюции Николая печатаются нами на полях документа, около соответственных строк бакунинского текста, как они имеются в архивном экземпляре. В соответственных местах на полях воспроизведены и другие пометки Николая. Он ставил нотабене, восклицательные знаки, подчеркивал

некоторые строки горизонтальной чертой под строкой или вертикальной на полях. Значки эти и подчеркивания на своих местах нами воспроизводятся. В тех же случаях, когда в нашем издании имеется *разрядка* — это значит, что строки, набранные разрядкой, подчеркнуты самим Бакуниным.

Устраним мимоходом ошибку, допущенную одним исследователем. Л. К. Ильинский в статье своей (Голос Минувшего. 1920—1921 г., стр. 131, «старые и новые материалы о Бакунине») утверждает, будто резолюция Николая на «Исповеди»—«стоит тебе прочесть, весьма любопытно и поучительно» обращена к Орлову. Это неверно. Л. К. Ильинский, вероятно, второпях не обратил внимания на обстоятельство, ему известное, а именно: «Исповедь» Николай получил из рук Орлова. Таким образом шеф жандармов успел ознакомиться с содержанием «Исповеди» до того, как ее прочитал царь. Это во-первых. Во-вторых, мы имеем в деле следующее указание (ч. II, стр. 282): в справке, приложенной по приказу Долгорукова к просьбе В. Бакуниной о помиловании сына, говорится, между прочим: «его величество, найдя письмо Бакунина заслуживающим внимания и весьма любопытным и поучительным, изволил передать оное для прочтения царствующему ныне государю императору». Наследнику и была адресована резолюция Николая.

Пользуюсь случаем отметить, что участие редактора настоящей книги в первом издании «Исповеди» Бакунина ограничилось лишь тем, что он написал вступительную статью. Никакого касательства к редактированию и подготовке рукописи к печати он не имел [34]).

Г. Императоръ Величайше повелѣлъ
отпечатать въ III отдѣленіи, пять нужды
что разными руками, подъ строгимъ
присмотромъ и вѣрнымъ людьми.
Я съ своей стороны прошу первые
двѣ и послѣдніе двѣ тетради наивѣрнѣйшій
описать. и когда будутъ готовы мнѣ
предложить
Г. Бреве
Отъ Коменданта Санктпетербургской крѣпости.

Переписанный экземпляръ
врученъ Государю Императору
13го Августа 1851 года, при
собственно-ручной запискѣ
Графа Орлова

Л. Дубенецъ

Стоитъ тебѣ прочесть, весьма любопытно и поучительно.

Собственною *Его Величества* рукою написано карандашемъ:
«Стоитъ тебѣ прочесть, весьма любопытно и поучительно».

27 Сентября 1851 г.
Генералъ-Лейтенантъ *Дубельтъ*.

Ваше Императорское Величество!

Всемилостивѣйшій Государь!

Когда меня вѣзли изъ Австріи въ Россію, зная строгость русскихъ законовъ, зная ВАШУ непреоборимую ненависть ко всему что только похоже на непослушанье, не говоря ужъ о явномъ бунтѣ противу воли ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,—зная также всю тяжесть моихъ преступленій которыхъ не имѣлъ ни надежды ни даже намѣренья утаить или умалить передъ судомъ,—я сказалъ себѣ что мнѣ остается только одно: терпѣть до конца, и просилъ у Бога силы для того чтобъ выпить достойно и безъ подлой слабости горькую чашу мною же самимъ уготованную.—Я зналъ, что лишенный дворянства, тому назадъ нѣсколько лѣтъ, приговоромъ Правительствующаго Сената и Указомъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, я могъ быть законно подверженъ тѣлесному наказанью, и ожидая худшаго, надѣялся только на одну смерть, какъ на скорую избавительницу отъ всѣхъ мукъ и отъ всѣхъ испытаній.

Не могу выразить, ГОСУДАРЬ, какъ я былъ пораженъ, глубоко тронутъ благороднымъ, человѣческимъ, снисходительнымъ обхожденьемъ встрѣтившимъ меня при самомъ моемъ въѣздѣ на русскую границу! Я ожидалъ другой встрѣчи. Что я увидѣлъ, услышалъ, все что испыталъ въ продолженіе цѣлой дороги, отъ Царства Польскаго до Петро-Павловской крѣпости, было такъ противно моимъ боязненнымъ ожиданьямъ, стояло въ такомъ притивурѣчіи со всѣмъ тѣмъ что я самъ, по слухамъ, и думалъ и говорилъ и писалъ о жестокости Русскаго Правительства, что я, въ первый разъ усумнившись въ истиннѣ прежнихъ понятій, спросилъ себя съ изумленьемъ: не клеветалъ ли я?—Двухмѣсячное пребыванье въ Петро-Павловской крѣпости окончательно убѣдило меня въ совершенной неосновательности многихъ старыхъ предубѣжденій.

Не подумайте впротчемъ ГОСУДАРЬ, чтобы я, поощряясь таковымъ человѣколюбивымъ обхожденьемъ, воизимѣлъ какую нибудь ложную или суетную надежду. Я очень хорошо понимаю что строгость законовъ не исключаетъ человѣколюбья, точно также какъ и обратно, что человѣколюбье не исключаетъ строгаго исполненья законовъ. Я знаю сколь велики мои преступленья и, потерявъ право надѣятся, ничего не надѣюсь,— и сказать ли ВАМЪ правду ГОСУДАРЬ, такъ постарѣлъ и отяжелѣлъ душею въ послѣдніе годы, что даже почти ничего не желаю.

Графъ Орловъ обьявилъ мнѣ отъ имяни ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, что ВЫ желаете ГОСУДАРЬ чтобъ я ВАМЪ написалъ полную Исповѣдь всѣхъ своихъ прегрѣшеній.—ГОСУДАРЬ! Я не заслужилъ такой милости и краснѣю вспомнивъ все что [я] *) дерзалъ гово-

*) В прямые скобки заключены слова, зачеркнутые Бакуниным. Отметки на полях и резолюции принадле-

рить и писать о неумолимой строгости ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Какъ же я буду писать? Что скажу я страшному Русскому Царю, грозному Блюстителю и Ревнителю законовъ? Исповѣдь моя ВАМЪ, какъ моему ГОСУДАРЮ, заключалась бы въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: ГОСУДАРЬ! я кругомъ виноватъ передъ ВАШИМЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ и передъ законами Отечества. ВЫ знаете мои преступленья, и то что ВАМЪ извѣстно достаточно для осужденья меня по законамъ на тягчайшую казнь существующую въ Россіи. Я былъ въ явномъ бунтѣ противу ВАСЪ ГОСУДАРЬ и противъ ВАШЕГО Правительства; дерзалъ противустать ВАМЪ какъ врагъ, писалъ, говорилъ, возмущалъ умы противъ ВАСЪ, гдѣ и сколько могъ. Чего же болѣе? Велите судить и казнить меня ГОСУДАРЬ; и судъ ВАШЪ и казнь ВАША будутъ законны и справедливы.— Чтожъ болѣе могъ бы я написать своему ГОСУДАРЮ?

Но Графъ Орловъ сказалъ мнѣ, отъ ИМЯНИ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, слово которое потрясло меня до глубины души и переворотило все сердце мое: «Пишите, сказалъ онъ мнѣ, пишите къ ГОСУДАРЮ какъ бы вы говорили съ своимъ духовнымъ Отцемъ».

Да, ГОСУДАРЬ, буду исповѣдываться ВАМЪ какъ духовному Отцу отъ котораго человѣкъ ожидаетъ не здѣсь, но для другаго міра прощенья;— и прошу Бога чтобъ онъ мнѣ внушилъ слова простыя, искреннія, сердечныя, безъ ухищренья и лѣсти, достойныя однимъ словомъ найти доступъ къ сердцу ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Молю ВАСЪ только о двухъ вещахъ ГОСУДАРЬ! Во-первыхъ, не сомнѣвайтесь въ истиннѣ

жат Николаю. Строки, подчеркнутые линейкой,—подчеркнуты Николаем. *Прим. ред.*

словъ моихъ; клянусь ВАМЪ, что никакая ложь, ниже тысячная часть лжи не вытечетъ изъ пера моего. А во-вторыхъ молю ВАСЪ ГОСУДАРЬ, не требуйте отъ меня чтобъ я Вамъ исповѣдывалъ чужіе грѣхи. Ведь на духу никто не открываетъ грѣхи другихъ, только свои. Изъ совершеннаго кораблекрушенья постигшаго меня, я спасъ только одно благо: честь и сознанье что я для своего спасенья, или для облегченья своей участи, нигдѣ, ни въ Саксоніи ни въ Австріи, не былъ предателемъ. Противное же сознанье, что я измѣнилъ чьей нибудь довѣренности или даже перенесъ слово сказанное при мнѣ по неосторожности, было бы для меня мучительнѣе самой пытки. И въ ВАШИХЪ собственныхъ глазахъ ГОСУДАРЬ, я хочу быть лучше преступникомъ заслуживающимъ жесточайшей казни чѣмъ подлецомъ.

Этимъ уже уничтожаетъ всякое довѣріе; ежели онъ чувствуетъ всю тяжесть своихъ грѣховъ, то одна полная исповедь, а не условная, можетъ почесться исповедью.

И такъ я начну свою Исповѣдь.

Для того чтобъ она была совершенна, я долженъ сказать нѣсколько словъ о своей первой молодости.—Я учился три года въ Артиллерійскомъ Училищѣ, былъ произведенъ въ офицеры въ 19-омъ году отъ рожденья, а въ концѣ четвертаго *) своего ученья бывши въ первомъ офицерскомъ классѣ, влюбился, сбился съ толку, пересталъ учиться, выдержалъ экзаменъ самымъ постыднымъ образомъ или лучше сказать совсѣмъ не выдержалъ его, а за это былъ отправленъ служить въ Литву съ опредѣленьемъ, чтобъ въ продолженьи трехъ лѣтъ меня обходили чиномъ и до подпорудчичьяго чина ни въ отставку, ни въ отпускъ не отпускали.—Такимъ образомъ моя служебная карьера испортилась въ самомъ началѣ, моею собственною виною и не смотря на истинно отеческое попеченье обо мнѣ Михайла Михайловича Кованьки бывшаго тогда командиромъ Артиллерійскаго Училища [35]).

*) В оригинале, повидимому, пропущено слово «года». Прим. ред.

Прослуживъ одинъ годъ въ Литвѣ, я вышелъ съ большимъ трудомъ въ отставку, совершенно противъ желанья отца моего. Оставивъ же военную службу выучился по нѣмецки и бросился съ жадностью на изученье германской философіи отъ которой ждалъ свѣта и спасенья. Одаренный пылкимъ воображеньемъ и, какъ говорятъ французы: d'une grande dose d'exaltation [36])—простите ГОСУДАРЬ, не нахожу русскаго выраженья, я причинилъ много горю своему старику отцу, въ чемъ теперь отъ всей души, хотя и поздно каюсь!—Только одно могу сказать въ свое оправданье: мои тогдашнія глупости, а также и позднѣйшія грѣхи и преступленья, были чужды всѣмъ низкимъ, своекорыстнымъ побужденьямъ; происходили же большею частью отъ ложныхъ понятій, но еще болѣе отъ сильной и никогда не удовлетворенной потребности знанья, жизни и дѣйствія.

Въ 1840-мъ году, въ двадцать же седьмомъ отъ рожденья, я съ трудомъ выпросился у своего отца за границу, для того чтобъ слушать курсъ наукъ въ Берлинскомъ университетѣ.—Въ Берлинѣ учился полтора года. Въ первомъ году моего пребыванья за границею и въ началѣ втораго, я былъ еще чуждъ, равно какъ и прежде въ Россіи, всѣмъ политическимъ вопросамъ, которые даже презиралъ, смотря на нихъ съ высоты философской абстракціи; мое равнодушье къ нимъ простиралось такъ далеко что я не хотѣлъ даже брать газетъ въ руки. Занимался же науками, особенно Германскою метафизикою въ которую былъ погруженъ исключительно, почти до сумасшествія, и день и ночь ничего другаго не видя кромѣ категорій Гегеля.—Впротчемъ сама же Германія излѣчила меня отъ преобладавшей въ ней философской болѣзни; познакомившись поближе съ метафизическими вопросами, я довольно скоро убѣдился въ ничтожности и суетности всякой метафизики: я искалъ въ ней жизни а въ ней смерть

и скука, искалъ дѣла а въ ней абсолютное бездѣлье. Немало къ сему открытью способствовало и личное знакомство съ нѣмецкими профессорами, ибо что можетъ быть уже, жальче, смѣшнѣе нѣмецкаго профессора, да и нѣмецкаго человѣка вообще! Кто узнаетъ короче нѣмецкую жизнь, тотъ не можетъ любить нѣмецкую науку; а нѣмецкая философія есть чистое произведенье нѣмецкой жизни, и занимаетъ между дѣйствительными науками то же самое мѣсто, какое сами Нѣмцы занимаютъ между живыми народами. Она мнѣ наконецъ опротивела, я пересталъ ею заниматься.—Такимъ образомъ излѣчившись отъ Германской метафизики, я не излѣчился однако отъ жажды новаго, отъ желанья и надежды сыскать для себя въ Западной Европѣ благодарный предметъ для занятій и широкое поле для дѣйствія. Несчастная мысль не возвращаться въ Россію уже начинала мелькать въ умѣ моемъ: я оставилъ философію и бросился въ Политику.

Находясь въ семъ переходномъ состояніи, я переселился изъ Берлина въ Дрезденъ; сталъ читать политическіе журналы.—Со вступленьемъ на престолъ нынѣ царствующаго Прусскаго Короля, Германія приняла новое направленье: Король своими рѣчами, обѣщаньями, нововведеньями, взволновалъ, привелъ въ движенье не только Пруссію но и всѣ протчія нѣмецкія земли; такъ что Dr. Ruge не безъ основанья прозвалъ его первымъ Германскимъ революціонеромъ, — простите ГОСУДАРЬ что я выражаюсь такъ смѣло говоря о вѣнценосной особѣ.—Тогда появилось въ Германіи множество брошюръ, журналовъ, политическихъ стихотвореній,—и я читалъ все съ жадностью. Въ это же время въ первый расъ услышалось слово о Комунизмѣ; вышла книга: «Die Socialisten in Frankreich» Доктора Stein произведшая почти такое же сильное и общее впечатлѣнье, какъ прежде книга Доктора Strauss «Das

Leben Jesu», а мнѣ открывшая новый міръ въ который я бросился со всею пылкостью алчущаго и жаждущаго. Мнѣ казалось что я слышу возвѣщенье новой благодати, откровенье новой религіи возвышенья, достоинства, счастья, освобожденья всего человѣческаго рода; я сталъ читать сочиненья французкихъ демократовъ и соціалистовъ, и проглотилъ все что могъ только достать въ Дрезденѣ.—Познакомившись вскорѣ съ Dr. Arnold Ruge издававшимъ тогда «Die deutsche Jahrbücher», журнал находившійся въ это время почти въ такомъ же переходѣ изъ философіи въ политику, я написалъ для него философски-революціонерную статью подъ заглавьемъ «Die Parteien in Deutschland», подъ псевдонимомъ Jules Elyzard; и такъ несчастлива и тяжела была рука моя съ самаго началу, что лишь только появилась эта статья, то и самый журналъ запретили.— Это было въ концѣ 1842-го года.

Тогда пріѣхалъ изъ Швейцаріи въ Дрезденъ политическій поэтъ Georg Herwegh, носимый на рукахъ цѣлой Германіи и принятый съ почестью самимъ Прусскимъ Королемъ изгнавшимъ его вскорѣ потомъ изъ своихъ владѣній. Оставляя въ сторонѣ политическое направленіе Гервега, о которомъ не смѣю говорить передъ ВАШИМЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ, я долженъ сказать что онъ человѣкъ чистый, истинно благородный, съ душею широкою что рѣдко бываетъ у нѣмца,—человѣкъ ищущій истинны, а не своей корысти и пользы. Я съ нимъ познакомился, подружился и остался съ нимъ до конца въ дружеской связи. — Вышеупомянутая статья въ «Deutsche Jahrbücher», знакомство съ Руге и съ его кружкомъ, особенно же моя дружеская связь съ Гервегомъ который громко называлъ себя республиканцомъ, впротчемъ связь еще не политическая хотя и основанная на сходствѣ мыслей, потребностей и направленій,—не политическая же потому что не имѣла

рѣшительно никакой положительной цѣли,—все это обратило на меня вниманіе Посольства въ Дрезденѣ. Я услышалъ что будто бы ужъ начали говорить о необходимости вернуть меня въ Россію; но возвращенье въ Россію мнѣ казалось смертью! Въ Западной Европѣ передъ мной открывался горизонтъ безконечный, я чаялъ жизни, чудесъ, широкаго раздолья; въ Россіи же видѣлъ тьму, нравственный холодъ, оцѣпенѣнье, бездѣйствіе,—и рѣшился оторваться отъ родины. Всѣ мои послѣдовавшіе грѣхи и несчастья произошли отъ этаго легкомысленнаго шагу. Herwegh долженъ былъ оставить Германію, я отправился съ нимъ вмѣстѣ въ Швейцарію,—еслибъ онъ ѣхалъ въ Америку я и туда поѣхалъ бы съ нимъ,—и поселился въ Цюрихѣ, въ Генварѣ 1843-го года.

Равно какъ въ Берлинѣ я по немногу сталъ излѣчаться отъ своей философской болѣзни такъ въ Швейцаріи начались мои политическія разочарованья. Но такъ какъ политическая немощь тяжелѣе, вреднѣе, глубже вкореняется въ душу чѣмъ философская, то и для излѣченья отъ нее требовалось болѣе времяни, болѣе горькихъ опытовъ; она привела меня въ то незавидное положенье, въ которомъ нынѣ обретаюсь, да и теперь еще самъ не знаю, выздоровѣлъ ли я отъ нее совершенно? NB

Я не смѣю занимать вниманье ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА описаньемъ внутреннѣй Швейцарской политики; по моему мнѣнью она можетъ быть выражена двумя словами: грязная сплетня. Бо́льшая часть швейцарскихъ журналовъ находится въ рукахъ Нѣмецкихъ переселенцевъ,—я говорю здѣсь только о Нѣмецкой Швейцаріи,—а Нѣмцы вообще до такой степени лишены общественнаго такту, что всякая полемика въ ихъ рукахъ обыкновѣнно обращается въ грязную брань въ которой мѣлкимъ и гнуснымъ личностямъ нѣтъ конца. Въ Цюрихѣ я познакомился съ знакомыми и пріятелями Гервега, которые

мнѣ впрочемъ такъ мало понравились что въ продолженье всего времяни проведеннаго мною въ семъ городѣ, я избѣгалъ частой встрѣчи съ ними и только съ однимъ Гервегомъ находился въ близкой связи. — Тогда управлялъ Цюрихскою республикою Staatsrath Bluntschli, глава консервативной партіи; журналъ его «Der Schweizerische Beobachter» велъ жестокую брань съ органомъ демократической партіи «Der Schweizerische Republikaner» издаваемомъ Юліусомъ Фрёбель, знакомымъ и даже пріятелемъ Гервега. Не смѣю также говорить о предметѣ ихъ тогдашняго спора; въ немъ слишкомъ много грязи. Это не былъ чисто политическій споръ какъ случается иногда между враждующими партіями въ другихъ Государствахъ; въ немъ участвовали также и религіозные шарлатаны, пророки, Мессіи вмѣстѣ же и благородные рыцари вольнаго пропитанья, просто воры, и даже непотребныя женщины, которыя сидѣли потомъ на одной скамьѣ съ Господиномъ Bluntschli, какъ свидѣтельницы и какъ обвиненныя, въ публичномъ процессѣ окончившемъ сію скандалезную брань. Bluntschli и его пріятели братья Rhomer, одинъ называвшій себя Мессіею и другой пророкомъ, были осуждены и осрамлены, вмѣстѣ съ сими дамами. Демократы торжествовали, хотя впрочемъ и сами вышли изъ постыднаго дѣла не безъ стыда; а Bluntschli для того чтобъ отомстить имъ—а вѣроятно также повинуясь требованью Прусского Правительства, изгналъ совершенно невиннаго Гервега изъ Цюрихскаго кантона.

Я же жилъ въ сторонѣ отъ всѣхъ дрязгъ, рѣдко кого видя кромѣ Гервега; не былъ знакомъ ни съ Господиномъ Bluntschli ни съ его пріятелями; читалъ, учился и думалъ о средствахъ честнымъ образомъ снискать себѣ пропитанье, ибо изъ дому не получалъ болѣе денегъ. Но Bluntschli вѣроятно узнавъ о моей дружеской связи съ Гервегомъ,—

чего не знаютъ въ маленькомъ городкѣ,—а можетъ быть и для того чтобы выслужиться передъ Русскимъ Правительствомъ, захотѣлъ запутать и меня къ чему ему представился скоро слѣдующій удобный случай:

Гервегъ, находясь уже въ Арговійскомъ кантонѣ, прислалъ ко мнѣ, съ рекомендательною запискою, комуниста портнаго Вейтлинга который, отправляясь изъ Лозанны въ Цюрихъ, на дорогѣ зашелъ къ нему для того чтобъ съ нимъ познакомиться; Гервегъ же, зная какъ меня [даже] интересовали тогда соціальные вопросы, рекомендовалъ его [ко] мнѣ. Я былъ радъ этому случаю узнать изъ живаго источника о комунизмѣ начинавшемъ тогда ужъ обращать на себя общее вниманіе. Вейтлингъ мнѣ понравился; онъ человѣкъ необразованный, но я нашелъ въ немъ много природной смѣтливости, умъ быстрый, много энергіи, особенно же много дикаго фанатизму, благородной гордости и вѣры въ освобожденье и будущность порабощеннаго большинства. Онъ впротчемъ не долго сохранилъ сіи качества, испортившись скоро потомъ въ обществѣ комунистовъ-литераторовъ;—но тогда онъ пришелся мнѣ очень по сердцу; я такъ былъ прикормленъ приторною бѣседою мѣлко характерныхъ Нѣмецкихъ профессоровъ и литераторовъ, что радъ былъ встрѣтить человѣка свѣжаго, простаго и необразованнаго, но энергическаго и вѣрующаго. Я просилъ его посѣщать меня; онъ приходилъ ко мнѣ довольно часто, излагая мнѣ свою теорію и разказывая много о французкихъ комунистахъ, о жизни работниковъ вообще, о ихъ трудахъ, надеждахъ, увеселеньяхъ, а также и о нѣмецкихъ только что начинавшихся комунистическихъ обществахъ. Противъ теоріи его я спорилъ, факты же выслушивалъ съ большимъ любопытствомъ: тѣмъ ограничились мои отношенія съ Вейтлингомъ. Другой связи у меня ни съ нимъ, ни съ другими ко-

мунистами, ни въ это время ни потомъ, рѣшительно не было, и я самъ никогда не былъ комунистомъ.

Я остановлюсь здѣсь, ГОСУДАРЬ, и войду нѣсколько глубже въ этотъ предметъ, зная, что неоднократно былъ обвиненъ передъ Правительствомъ въ дѣятельномъ сообществѣ съ комунистами, сначала черезъ Господина Bluntschli, потомъ же вѣроятно и другими. Я хочу одинъ разъ навсегда очиститься отъ несправедливыхъ обвиненій; на мнѣ ужъ такъ много, такъ много тяжкихъ грѣховъ, зачѣмъ же мнѣ брать еще на себя грѣхи въ которыхъ рѣшительно не былъ повиненъ!—Я зналъ въ послѣдствіи многихъ Французскихъ, Нѣмецкихъ, Бельгійскихъ и Англійскихъ соціалистовъ и комунистовъ, читалъ ихъ сочиненья, изучалъ ихъ теоріи, но самъ не принадлежалъ никогда ни къ какой сектѣ, ни къ какому обществу и рѣшительно оставался чуждъ ихъ предпріятьямъ, ихъ пропагандѣ и дѣйствіямъ. Я слѣдовалъ съ постояннымъ вниманьемъ за движеньемъ соціализма, особенно же комунизма, ибосмотрѣлъ на него, какъ на естественный, необходимый, неотвратимый результатъ экономическаго и политическаго развитія Западной Европы *); видѣлъ въ немъ юную, элементарную, себя еще не знающую силу призванную или обновить или разрушить въ конецъ западныя Государства.—Общественный порядокъ, общественное устройство сгнили на Западѣ и едва держатся болѣзненнымъ усильемъ; симъ однимъ могутъ объясниться и та невѣроятная слабость и тотъ паническій страхъ которые въ 1848-мъ году, постигли всѣ Государства на Западѣ, исключая Англіи; но и ту кажется постигнетъ въ скоромъ времяни та же самая

*) Я говорю только о Западной Европѣ, потому что на Востокѣ и ни въ одной Славянской землѣ, — развѣ только кромѣ Богеміи и отчасти Моравіи и Шлезіи,—комунизмъ не имѣетъ ни мѣста ни смысла.

участь. Въ Западной Европѣ куда не обернешся, вездѣ видишь дряхлость, слабость, безвѣрье, и развратъ, развратъ происходящій отъ безвѣрья; начиная съ самаго верьху общественной лѣстницы, ни одинъ человѣкъ, ни одинъ привилигированный классъ не имѣетъ вѣры въ свое призванье и право; всѣ шарлатанятъ другъ передъ другомъ и ни одинъ другому, ниже себѣ самому не вѣритъ: привилегіи, классы и власти едва держутся эгоизмомъ и привычкою,—слабая препона противъ возрастающей бури! Образованность сдѣлалась тождественна съ развратомъ ума и сердца, тождественна съ безсильемъ!—и посреди сего всеобщаго гніенья, одинъ только грубый, непросвѣщенный народъ, называемый чернью, сохранилъ въ себѣ свѣжесть и силу, не такъ впротчемъ въ Германіи, какъ во Франціи. Кромѣ этаго, всѣ доводы и аргументы служившіе сначала Аристократіи противъ Монархіи, а потомъ среднему Сословью противъ Монархіи и Аристократіи, нынѣ служатъ, и чуть ли еще не съ большею силою, народнымъ массамъ противъ Монархіи, Аристократіи и Мѣщанства.— Вотъ въ чемъ состоитъ, по моему мнѣнью, сущность и сила комунизма, не говоря о возрастающей бѣдности рабочаго класса, естественнаго послѣдствія умноженья пролетарьята, умноженья въ свою очередь необходимо связаннаго съ развитіемъ фабричной индустріи, такъ какъ она существуетъ на Западѣ. Комунизмъ по крайнѣй мѣрѣ столько же произошелъ и происходитъ съ верьху, сколько и съ низу; въ низу, въ народныхъ массахъ, онъ растетъ и живетъ какъ потребность не ясная, но энергическая, какъ инстинктъ возвышенья; въ верхнихъ же классахъ, какъ развратъ, какъ эгоизмъ, какъ инстинктъ угрожающей заслуженной бѣды, какъ неопредѣленный и безпомощный страхъ слѣдствіе дряхлости и нечистой совѣсти; и страхъ сей и безпрестанный крикъ противъ комунизма чуть ли не болѣе способствовали къ распростра-

Разительная истинна.

ненью послѣдняго чѣмъ самая пропаганда комунистовъ *). Мнѣ кажется что этотъ неопредѣленный, невидимый, неосязаемый, но вездѣ присутствующій Комунизмъ, живущій, въ томъ или другомъ видѣ, во всѣхъ безъ исключенья, въ тысячу разъ опаснѣе того опредѣленнаго и приведеннаго въ систему который проповѣдуется только въ немногихъ организированныхъ тайныхъ или явныхъ комунистическихъ обществахъ. Безсилье послѣднихъ явно оказалось въ 1848-мъ году въ Англіи, во Франціи, въ Бельгіи, а особливо въ Германіи; и нѣтъ ничего легче какъ отъ отыскать нелѣпость, противурѣчье и невозможность въ каждой доселѣ извѣстной соціальной теоріи, такъ что ни одна не въ состояньи выдержать даже трехъ днєй существованья.

Правда.

Простите, ГОСУДАРЬ, сіе краткое разсужденье; но мои прегрѣшенья такъ тѣсно связаны съ моими грѣшными мыслями, что я не могу исповѣдывать однихъ совершенно не упомянувъ о другихъ. Я долженъ былъ показать, по чему я не могъ принадлежать ни къ одной сектѣ соціалистовъ или комунистовъ, какъ меня въ томъ несправедливо обвиняли. Разумѣя причину существованья сихъ сектъ, я не любилъ ихъ теорій; не раздѣляя же послѣднихъ не могъ быть органомъ ихъ пропаганды; а наконецъ и слишкомъ цѣнилъ свою независимость для того чтобъ согласиться быть рабомъ и слѣпымъ орудьемъ какого бы то не было тайнаго общества, не говоря ужъ о такомъ котораго я не могъ раздѣлять мнѣній.—Въ это же время, т.-е. въ 1843-мъ году комунизмъ въ Швейцаріи состоялъ изъ малаго числа нѣмецкихъ ра-

*) Брошюра Bluntschli напр. изданная имъ въ 1843-мъ году отъ имяни Цюрихскаго Правительства, по случаю процесса Вейтлинга, была, вмѣстѣ съ упомянутою книгою Штейна, одною изъ главныхъ причинъ распространенья коммунизма в Германіи.

ботниковъ; въ Лозаннѣ и Женевѣ явно, въ видѣ обществъ для пѣнья, чтенья и для общаго хозяйства, въ Цюрихѣ же состоялъ изъ пяти или шести портныхъ и сапожниковъ. Между Швейцарами Комунистовъ не было: природа Швейцаръ противна всякому Комунизму, а нѣмецкій комунизмъ былъ тогда еще въ пеленкахъ. Но для того чтобъ придать себѣ важность въ глазахъ Правителей Европы, отчасти же въ тщетной надеждѣ скомпрометировать Цюрихскихъ радикаловъ, Bluntschli составилъ фантастическаго Страшилу. Онъ, по собственному признанью, зналъ о приходѣ Вейтлинга въ Цюрихъ, терпѣлъ его присутствіе два или три мѣсяца, потомъ велелъ схватить его, надѣясь найти въ его бумагахъ довольно важныхъ документовъ для того чтобъ замѣшать Цюрихскихъ радикаловъ, и ничего не нашелъ, кромѣ глупой переписки и сплетней *),—а противъ меня два или три письма Вейтлинга въ которыхъ онъ говоритъ обо мнѣ нѣсколько незначительныхъ словъ, извѣщая въ одномъ своего пріятеля, что онъ познакомился съ однимъ Русскимъ и называя меня по фамиліи, въ другомъ же называя меня «der Russe» съ прибавленьемъ: «der Russe ist ein guter, или ein prächtiger Kerl», [37])

*) Въ доказательство что всѣ обвиненья, заключенья, догадки Господина Bluntschli, и все на нихъ основанное зданье были суетны и ложны, я приведу только одно: Вейтлингъ былъ осужденъ приговоромъ Верховнаго Суда на годовое или двухгодовое содержанье въ тюрьмѣ, и не за комунизмъ, а за глупую книгу *), напечатанную имъ не за долго передъ тѣмъ въ Цюрихѣ. Немедленно по произнесеньи приговора, Bluntschli посадилъ Вейтлинга не въ тюрьму, а выдалъ его Прусскому Правительству, которое разсмотрѣвъ дѣло, черезъ мѣсяцъ выпустило Вейтлинга на свободу.

*) Речь идет об «Евангелии бедного грешника». Бакунин ошибается. Вейтлинга обвинили в богохульстве не за самую книгу, которая еще не была напечатана, а лишь за напечатание подробного объявления о скором выходе этой книги. *Прим. ред.*

и тому подобное. Вотъ на чемъ были основаны обвиненья господина Bluntschli противъ меня; другого же основанья и быть не могло, ибо мое знакомство съ Вейтлингомъ ограничилось однимъ любопытствомъ съ моей и охотою расказывать съ его стороны; а кромѣ Вейтлинга, я ни одного коммуниста въ Цюрихѣ не зналъ.—Услышавъ однакожъ, не знаю справедливъ ли былъ этотъ слухъ или нѣтъ, что Bluntschli имѣлъ даже намѣренье арестовать меня, и опасаясь послѣдствій, я удалился изъ Цюриха.—Жилъ нѣсколько мѣсяцовъ въ городкѣ Nyon на берегу Женевскаго озера, въ совершенномъ уединеньи и борясь съ нищетою, а потомъ въ Бернѣ, гдѣ и узналъ, въ Генварѣ или въ Февралѣ 1844-го года, отъ Господина Струве, Секретаря Посольства въ Швейцаріи, что оное, получивъ доносъ противъ меня отъ Bluntschli, писало о томъ въ Петербургъ, откуда и ждало приказаній.—Въ этомъ доносѣ, по сказанью Господина Струве, Bluntschli не довольствуясь обвиненьемъ меня въ комунизмѣ, утверждалъ еще ложно, что будто бы я писалъ или сбирался писать, противъ Русскаго Правительства, книгу о Россіи и Польшѣ.

Для обвиненья меня въ комунизмѣ была хоть тѣнь правдоподобія: мое знакомство съ Вейтлингом; но послѣднее обвиненье было решительно лишено всякаго основанья и доказало мнѣ ясно злое намѣренье Bluntschli; ибо не только что у меня еще тогда и въ мыслѣ не было писать или печатать что объ Россіи, но я старался даже не думать объ ней, потому что память о ней меня мучила; умъ же мой былъ исключительно устремленъ на Западную Европу. Чтожъ касается до Польши, то могу сказать что, въ это время, я даже не помнилъ о ее существованьи: въ Берлинѣ избѣгалъ знакомства съ Поляками, видѣлся съ нѣкоторыми только въ Университетѣ; въ Дрезденѣ же и въ Швейцаріи ни одного Поляка не видѣлъ.

До 1844-го года, ГОСУДАРЬ, мои грѣхи были грѣхи внутренніе, умственные, а не практическіе: я съѣлъ не одинъ а много плодовъ отъ запрещеннаго древа познанья добра и зла,—великій грѣхъ, источникъ и начало всѣхъ послѣдовавшихъ преступленій, но еще не опредѣлившійся тогда еще ни въ какое дѣйствіе, ни въ какое намѣренье. По мыслямъ, по направленью, я былъ ужъ совершеннымъ и отчаяннымъ демократомъ, а въ жизни неопытенъ, глупъ и почти невиненъ какъ дитя.— Отказавшись ѣхать въ Россію, на повелительный зовъ Правительства, я совершилъ свое первое положительное преступленье.

Въ слѣдствіе этаго я оставилъ Швейцарію и отправился въ Бельгію, въ обществѣ моего друга Рейхеля. Я долженъ сказать о немъ нѣсколько словъ, [ибо] имя его упоминается довольно часто въ обвинительныхъ документах: Adolph Reichel прусскій подданный, компонистъ и піанистъ, чуждъ всякой политики, а если и слышалъ объ ней, такъ развѣ только чрезъ меня. Познакомившись съ нимъ въ Дрезденѣ и встрѣтившись потомъ опять въ Швейцаріи, я съ нимъ сблизился, подружился; онъ мнѣ былъ постоянно истиннымъ и единственнымъ другомъ; я жилъ съ нимъ неразлучно, иногда даже и на его счетъ, до самаго 1848-го года. Когда я былъ принужденъ оставить Швейцарію, не захотѣвъ меня оставить, онъ поѣхалъ со мной въ Белгію.

Въ Брюсселѣ я познакомился съ Лелевелемъ. Тутъ въ первый разъ мысль моя обратилась къ Россіи и къ Польшѣ; бывши тогда уже совершеннымъ демократомъ, я сталъ смотрѣть на нихъ демократическимъ глазомъ, хотя еще не ясно и очень неопредѣленно: національное чувство, пробудившееся во мнѣ отъ долгаго сна, въ слѣдствіе тренья съ Польскою національностью, пришло въ борьбу съ демократическими понятіями и выводами.—Съ Лелевелемъ я видѣлся часто, рас-

прашивалъ много о Польской революціи, о ихъ намѣреньяхъ, планахъ въ случаѣ побѣды, о ихъ надеждахъ на будущее время,—и не разъ споривалъ съ нимъ, особенно же на счетъ Малороссіи и Бѣлоруссіи, которыя по ихъ понятьямъ должны бы были принадлежать Польше, по моимъ же, особенно Малороссія, должны были ненавидѣть ее как древнюю притѣснительницу. — Впротчемъ, изъ всѣхъ Поляковъ пребывавшихъ тогда въ Брюсселѣ, зналъ и видѣлъ я только одного Лелевеля, да и съ нимъ отношенія мои, хоть мы и часто видѣлись, никогда не выходили изъ границъ простого знакомства. Правда, что я перевелъ было на русскій языкъ тотъ Манифестъ къ Русскимъ, за который онъ былъ изгнанъ изъ Парижа; но это было безъ послѣдствій: переводъ остался ненапечатанный въ моихъ бумагахъ.

Пробывъ нѣсколько мѣсяцовъ въ Брюсселѣ, я отправился съ Рейхелемъ въ Парижъ, отъ котораго, равно какъ и преждѣ отъ Берлина, и потомъ отъ Швейцаріи, ждалъ теперь себѣ спасенья и свѣта.—Это въ Іюлѣ 1844-го года.

Парижъ подѣйствовалъ на меня съ начала какъ ушатъ холодной воды на горячешнаго; нигдѣ я не чувствовалъ себя до такой степени уединеннымъ, отчужденнымъ, дезоріентированнымъ, — простите это выраженье ГОСУДАРЬ, какъ въ Парижѣ. Общество мое въ первое время почти исключительно состояло изъ Нѣмцевъ демократовъ, или изгнанныхъ или самовольно пріѣхавшихъ изъ Германіи, для того чтобъ основать здѣсь демократическій Французско-Нѣмецкій журналъ, съ цѣлью привести въ согласье и связь духовные и политическіе интересы обоихъ народовъ. Но такъ какъ Нѣмецкіе литераторы не могутъ жить между собою безъ ссоръ, брани и сплетней, то и все предпріятье, возвѣщенное съ большимъ шумомъ, кануло въ воду, окончившись несчастнымъ и подлымъ еженедѣльнымъ

листомъ «Vorwärts» который также прожилъ не долго, потонувъ скоро въ своей собственной грязи; да и самихъ Нѣмцовъ выгнали изъ Парижа, къ моему не малому облегченью.

Въ это время, т.-е. въ концѣ осени 1844-го года, я въ первый разъ услышалъ о приговорѣ осудившемъ меня вмѣстѣ съ Иваномъ Головинымъ на лишенье дворянства и на каторжную работу; услышалъ же не офиціально, но отъ знакомаго, кажется отъ самаго Головина, который по этому случаю написалъ и статью въ «Gazette des tribunaux» о мнимыхъ правахъ русской аристократіи будто бы оскорбленныхъ и попранныхъ въ нашемъ лицѣ; ему же въ отвѣтъ и въ опроверженье я написалъ другую статью въ демократическомъ журналѣ «Réforme», въ видѣ письма къ редактору.—Это письмо, первое слово сказанное мною печатнымъ образомъ о Россіи, было моимъ вторымъ положительнымъ преступленьемъ. Оно явилось въ журналѣ «Réforme» съ моею подписью, въ концѣ 1844-го года, не помню какого мѣсяца, и находится безъ сомнѣнья въ рукахъ Правительства въ числѣ обвинительныхъ документовъ.

По отъѣздѣ моемъ изъ Брюсселя я не видалъ ни одного Поляка до самаго этаго времяни. Моя статья въ «Réforme» была поводомъ къ новому знакомству съ нѣкоторыми изъ нихъ. Во первыхъ, пригласилъ меня къ себѣ князь Адамъ Чарторижскій черезъ однаго изъ своихъ приверженцовъ; я былъ у него одинъ разъ и послѣ этаго никогда съ нимъ болѣе не виделся. Потомъ получилъ изъ Лондона поздравительное письмо съ комплиментами отъ Польскихъ демократовъ, съ приглашеньемъ на траурное торжество совершаемое ими ежегодно въ память Рылеева, Пестеля и протч. Я отвѣчалъ имъ подобными же комплиментами, благодарилъ за братскую симпатію, а въ Лондонъ не поѣхалъ, ибо не опредѣлилъ еще въ своемъ умѣ то отношенье, въ которомъ я, хоть и демократъ

но всетаки Русскій, долженъ былъ стоять къ Польской Эмиграціи, да и къ западной Публикѣ вообще; опасался же еще громкихъ, пустыхъ и безполѣзныхъ демонстрацій и фразъ до которыхъ никогда не былъ я большой охотникъ. Тѣмъ кончились на этотъ разъ мои отношенья съ Поляками, и до самой весны 1846-го года я не видѣлся болѣе ни съ однимъ, исключая Алоиза Біернацкого (занимавшаго мѣсто мичистра финансовъ во время Польской революціи), добраго, почтеннаго старика, съ которымъ я познакомился у Николая Ивановича Тургенева и который, живя въ далекѣ отъ всѣхъ политическихъ эмиграційныхъ партій, занимался исключительно своею Польскою школою. Также видѣлъ иногда и Мицкевича, котораго уважалъ въ прошедшемъ, какъ великаго Славянскаго поэта, но о которомъ жалѣлъ въ настоящемъ, какъ о полуобманутомъ полуобманывающемъ апостолѣ и пророкѣ новой нелѣпой религіи и новаго Мессіи. Мицкевичъ старался обратить меня, потому что по его мнѣнью достаточно было чтобъ одинъ Полякъ, одинъ Русскій, одинъ Чехъ, одинъ Французъ и одинъ Жидъ согласились жить и дѣйствовать вмѣстѣ въ духѣ Товянскаго для того чтобъ переворотить и спасти міръ; Поляковъ у него было довольно, и Чехи были, также были Жиды и Французы, Русскаго только недоставало; онъ хотѣлъ завербовать меня, но не могъ.

Между Французами у меня были слѣдующіе знакомые. Изъ конституціонной партіи: Chambolle, Rédacteur du «Siecle», Merrucau, Gérant du «Constitutionnel», Emile Girardin, Rédacteur de la «Presse», Durieux, Rédacteur du «Courier Français», Lecn Faucher, Frédéric Bastiat и Wolowsky, économiste и протч. Изъ партіи политическихъ республиканцовъ: Béranger, Lamenais, François, Etienne и Emanuel Arago, Marast et Bastide, Rédacteur du «National»; изъ партіи Демократовъ:

покойный Cavagnac, брат генерала, Flocon и Louis Blans, Rédacteurs de la «Réforme», Victor Considérant, Fourieriste et Rédacteur de la «Démocratie Pacifique», Pascal Dupart, Rédacteur de la «Revue Indepéndante», Felix Piat, Victor Schölcher, le négrophile, Michelet et Quinet, professeur, Proudon, utopiste и несмотря на это, без всякаго сомнѣнья одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ Французовъ, наконецъ George Sand, да еще нѣсколько другихъ менѣе извѣстныхъ.— Съ одними видѣлся рѣже, съ другими чаще, не находясь ни съ однимъ въ близкихъ отношеньяхъ. Посѣтилъ также нѣсколько разъ, въ самомъ началѣ моего пребыванья въ Парижѣ, французскихъ увріеровъ: общество комунистовъ и соціалистовъ, не имѣя впротчемъ къ тому ни какого другаго побужденья, ни цѣли, кромѣ любопытства; но скоро пересталъ ходить къ нимъ, во первыхъ для того чтобъ не обратить на себя вниманье Французскаго Правительства и не навлечь на себя напраснаго гоненья, а главное потому что не находилъ въ посѣщеньи сихъ обществъ ни малѣйшей для себя пользы.—Чаще же всѣхъ бывалъ,—не говоря о Рейхелѣ съ которымъ жилъ неразлучно,—бывалъ чаще у своего стараго пріятеля Гервега переселившагося также въ Парижъ и занимавшагося въ это время почти исключительно естественными науками; и у Николая Ивановича Тургенева; послѣдній живетъ семейно, далеко отъ [всякого] всего политическаго движенья и можно сказать [далеко] отъ всякаго общества и, сколько я могъ по крайнѣй мѣрѣ замѣтить, ничего такъ горячо не желаетъ какъ прощенья и позволѣнья возвратиться въ Россію, для того чтобъ прожить послѣдніе годы на родинѣ о которой вспоминаетъ съ любовью, не рѣдко со слезами. У него я встрѣчалъ иногда Италіянца Графа Mammiani бывшаго потомъ Папскимъ Министромъ въ Римѣ, и Неаполитанскаго Генерала Pépé.

Видѣлъ также иногда и Русскихъ пріѣзжавшихъ въ Парижъ. Но молю ВАСЪ ГОСУДАРЬ, не
№ требуйте отъ меня имянъ. Увѣряю ВАСЪ только,—
и вспомните ГОСУДАРЬ, что въ началѣ письма, я ВАМЪ клялся что никакая ложь, ниже тысячная часть лжи не осквернитъ чистоты моей сердечной исповѣди,—и теперь клянусь ВАМЪ, что ни съ однимъ Русскимъ, ни тогда, ни потомъ, я не находился въ политическихъ отношеньяхъ и не имѣлъ ни съ однимъ даже и тѣни политической связи ни лицемъ къ лицу, ни черезъ третьяго человѣка, ни перепискою. Русскіе пріѣзжіе и я жили въ совершенно различныхъ сферахъ: они богато, весело, задавая другъ другу пиры, завтраки и обѣды, кутили, пили, ходили по театрамъ и баламъ avec grisettes et lorettes,—образъ жизни къ которому у меня не было ни чрезвычайной склонности, а еще мѣнѣе средствъ. Я же жилъ въ бѣдности, въ болѣзненной борьбѣ съ обстоятельствами и съ своими внутренними, никогда не удовлетворенными потребностями жизни и дѣйствія, и не раздѣлялъ съ ними ни ихъ увеселеній, ни своихъ трудовъ и занятій. Я не говорю чтобъ я не пробовалъ никогда,—а имянно начиная отъ 1846-го года — обратить нѣкоторыхъ къ своимъ мыслямъ и къ тому что я называлъ и считалъ тогда добрымъ дѣломъ; но и одна попытка моя не имѣла
№ успѣха: они слушали меня съ усмѣшкою, называли меня чудакомъ, такъ что послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ усилій я совсѣмъ отказался отъ ихъ обращенья. Вся вина нѣкоторыхъ состояла въ томъ, что видя мою нищету, они мнѣ иногда и то весьма изрѣдко помогали.

Я жилъ большею частью дома, занимаясь отчасти переводами съ нѣмецкаго для своего пропитанья, отчасти же науками: исторіею, статистикою, политическою экономіею, соціально-экономическими системами, спекулятивною политикою, т.-е. политикою безъ всякаго примѣненья,

а также нѣсколько и математикою и естественными науками. Тутъ долженъ я сдѣлать одно замѣчанье къ своей собственной чести: парижскіе, а также и нѣмецкіе книгопродавцы неоднократно уговаривали меня писать объ Россіи, предлагая мнѣ довольно выгодныя условья; но я всегда отказывался, не хотя дѣлать изъ Россіи предметъ торгово-литературной сдѣлки; я никогда не писалъ о Россіи за деньги, и неиначе qu'á mon corps défendant, [38]) могу сказать съ неохотою, почти противъ воли и всегда подъ своимъ собственнымъ имянемъ.—Кромѣ вышеупомянутой статьи въ «Réforme», да еще другой статьи въ «Constitutionnel», да той несчастной рѣчи, за которую былъ изгнанъ изъ Парижа, я о Россіи не напечаталъ ни слова. Я не говорю здѣсь о томъ, что писалъ послѣ Февраля 1848-го года, находясь уже тогда въ опредѣленной политической дѣятельности. Впрочемъ и тутъ мои публикаціи ограничиваются двумя воззваньями и нѣсколькими журнальными статьями.

Тяжело, очень тяжело мнѣ было жить въ Парижѣ ГОСУДАРЬ! Не столько по бѣдности которую я переносилъ довольно равнодушно, какъ потому что, пробудившись наконецъ отъ юношескаго бреду и отъ юношескихъ фантастическихъ ожиданій, я обрелъ себя вдругъ на чужой сторонѣ, въ холодной нравственной атмосферѣ, безъ родныхъ, безъ семейства, безъ круга дѣйствія, безъ дѣла и безъ всякой надежды на лучшую будущность. Оторвавшись отъ родины и заградивъ себѣ легкомысленно всякій путь къ возвращенью, я не умѣлъ сдѣлаться ни Нѣмцомъ, ни Французомъ; напротивъ чѣмъ долѣе жилъ за границею тѣмъ глубже чувствовалъ что я Русскій и что никогда не перестану быть Русскимъ. Къ русской же жизни не могъ иначе возвратиться какъ преступнымъ революціонернымъ путемъ, въ который тогда еще плохо вѣрилъ, да и въ послѣд-

ствіи, если правду сказать, вѣрилъ только черезъ болѣзненное, сверьхъестественное усилье, черезъ насильственное заглушенье внутренняго голоса безпрестанно шептавшаго мнѣ о нелѣпости моихъ надеждъ и моихъ предпріятій.—Мнѣ такъ бывало иногда тяжело, что не разъ останавливался я вечеромъ на мосту, по которому обыкновѣнно возвращался домой, спрашивая себя, не лучше-ли я сдѣлаю, если брошусь въ Сену и потоплю въ ней безрадостное и безполѣзное существованье?

Къ тому же въ это время весь міръ былъ погруженъ въ тяжелую летаргію. Послѣ короткой суматохи происшедшей было въ Германіи по вступленьи на Прусскій престолъ нынѣ царствующаго Короля, и послѣ эфемернаго движенья, произведеннаго нѣсколько мѣсяцевъ [позже] позже въ цѣлой Европѣ, восточнымъ вопросомъ, въ кратковременное министерство Тьерса,—міръ казалось заснулъ и заснулъ такъ глубоко что никто, ниже самые эксентрическіе демократы не вѣрили въ его скорое пробужденье. Тогда еще никто не предвидѣлъ что эта тишина была тишина передъ бурею; Французы же какъ извѣстно отлагали всѣ свои надежды до смертнаго часу покойнаго Короля Людвига Филиппа. Правда что еще въ концѣ 1844-го года, мнѣ Marast разъ сказалъ: «La révolution est imminente, mais on ne peut jamais prédire quand et comment se fera une révolution française; la France est comme ce chaudron à vapeur, toujours pret à éclater et dont nul ne sait prevoir l'explosion»[39]). Но и Marast и его пріятели и вообще всѣ демократы ходили еще тогда повеся носъ и находились въ превеликомъ унынь. Консервативная же партія торжествовала, обѣщала себѣ жизнь безъ конца; а публика отъ скуки занималась скандалёзными Электоральными и Іезуитическими происшествіями, да еще заморскимъ движеньемъ англійскихъ free-traders.

Въ серединѣ 1845-го года показались послѣ долгаго безвѣтрія, не всѣмъ а только слѣдовавшимъ за Германскимъ развитьемъ, показались, говорю я, первыя слабыя волны на политическомъ океанѣ: въ Германіи появились двѣ новыя религіозныя секты: die Licht-freunde und die Deutsch-Katholiken. Во Франціи иные надъ ними смѣялись, другіе же видѣли въ нихъ, и мнѣ кажется не безъ основанья, знаки времяни, предзнаменованья погоды. Секты сіи, ничтожныя сами въ себѣ, были важны тѣмъ что онѣ переводили на религіозный, т.-е. на народный языкъ современныя понятья и требованья. Онѣ не могли имѣть большаго вліянья на образованные классы, но за то дѣйствовали на воображенье массъ всегда болѣе склонныхъ къ религіозному фанатизму. Къ тому же Нѣмецкій Католицизмъ былъ изобрѣтенъ и пущенъ въ міръ, съ целью чисто политическою, демократическою партіею въ Прусской Шлезіи *); онъ былъ дѣйствительнѣе своей старшей протестантской сестры, которая въ свою очередь была честнѣе; [въ немъ] между его апостолами и проповѣдниками было много грязныхъ шарлатановъ, но также и много людей даровитыхъ, и [воз]можно сказать что подъ видомъ общаго причащенья, будто бы возобновленнаго со времянъ первоначальной церкви, Нѣмецкій Католицизмъ явно проповѣдывалъ Коммунизмъ.

Но весь интересъ пробужденный появленьемъ сихъ сектъ испарился, когда пронесся вдругъ слухъ что Король Фридрихъ Вильгельмъ IV далъ Государству своему конституцію. Германія опять взволновалась и Франція какъ будто бы въ первый разъ воспрянула отъ тяжкаго сна. За симъ послѣдовали скоро, и какъ громовой ударъ за ударомъ, сначала Польское движенье, потомъ Швейцарскія и Итальянскія происшествія, а на-

*) Т.-е. Силезіи. *Прим. ред.*

конецъ революція 1848-го года.—Я остановлюсь на Польскомъ возстаньи, ибо оно составляетъ эпоху въ моей собственной жизнѣ.—

До 1846-го года я былъ чуждъ всѣмъ политическимъ предпріятьямъ. Съ Польскими демократами не былъ знакомъ; Нѣмцы кажется тогда еще рѣшительно ничего не предпринимали; Французы же, съ которыми я былъ знакомъ, мнѣ ничего не говорили. Находясъ издавна въ тѣсной связи съ Польскими демократами, они безъ всякаго сомнѣнья знали о готовившемся Польскомъ возстаніи; но Французы умѣютъ держать тайну, а такъ какъ отношенья мои съ ними ограничивались простымъ внѣшнимъ знакомствомъ, то я и не могъ узнать отъ нихъ ничего; такъ что Познанскіе замыслы, попытки въ Царствѣ Польскомъ, Краковское возстанье и происшествія въ Галиціи меня по крайнѣй мѣрѣ столько же поразили какъ и всю протчую публику. Впечатлѣнье же произведенное ими въ Парижѣ было неимовѣрно: въ продолженье двухъ или трехъ дней все народосѣленье жило на улицѣ; незнакомый говорилъ съ незнакомымъ, всѣ требовали новостей и всѣ ожидали извѣстій изъ Польши съ трепетнымъ нетерпѣньемъ.—Это внѣзапное пробужденье, это всеобщее движенье страстей и умовъ обхватило также и меня своими волнами, я самъ какъ будто бы проснулся,—и рѣшился во что бы то не было вырваться изъ своего бездѣйствія и принять дѣятельное участье въ готовившихся происшествіяхъ.

Для этого я долженъ былъ вновь обратить на себя вниманье Поляковъ уже успѣвшихъ позабыть обо мнѣ, и съ такою цѣлью написалъ статью о Польшѣ и о Бѣлорусскихъ Уніятахъ о которыхъ была тогда рѣчь во всѣхъ Западно-Европейскихъ журналахъ. Сія статья явившаяся въ «Constitutionnel» въ началѣ весны 1846-го года находится безъ сомнѣнья въ рукахъ Правительства.— Когда я отдалъ ее Merrucau, Gérant du «Constitutionnel»,

онъ мнѣ сказалъ: «qu'on mette le feu aux quatre coins du monde pourvu que nous sortions de cet état honteux et insupportable»![40])—Я ему напомнилъ этѣ слова въ Февралѣ 1848-го года, но онъ ужъ тогда каялся, испугавшись, равно какъ и всѣ протчіе либералы династической опозиціи, страшной и вмѣстѣ странной революціи ими же самими накликанной.

До 1846-го года, грѣхи мои не были грѣхи намѣренные, но болѣе легкомысленные и какъ бы сказать юношескіе; возмужавъ лѣтами, я еще долго оставался неопытнымъ юношею. Съ этаго же времяни я сталъ грѣшить съ сознаньемъ, намѣренно и съ болѣе или менѣе определенною цѣлью.—ГОСУДАРЬ! я не буду стараться извинять свои неизвинимыя преступленья, ни говорить ВАМЪ о позднем раскаяньи:—раскаянье в моем положеньи столь же безполезно как и раскаянье грешника после смерти,—а буду просто разсказывать факты и не утаю, не умалю ни однаго.

Неправда, всякаго грешника раскаяніе, но чистосердечное, можетъ спасти.

Вскорѣ по появленіи вышерѣченной статьи, я отправился въ Версаль, безъ всякаго зову, собственнымъ движеньемъ, для того чтобъ познакомиться и если [будетъ] было бы возможно сблизиться и согласиться на общее дѣло съ пребывавшимъ тамъ тогда членами Централизаціи Польскаго демократическаго общества. Я хотѣлъ имъ предложить совокупное дѣйствіе на Русскихъ обретавшихся въ Царствѣ Польскомъ, въ Литвѣ и въ Подоли, предполагая что они имѣютъ въ сихъ провинціяхъ связи достаточныя для дѣятельной и успѣшной пропаганды. Цѣлью же поставлялъ русскую революцію и республиканскую Федерацію всѣхъ Славянскихъ земѣль,—основанье единой и нераздѣльной Славянской республики, федеративной только въ административномъ, центральной же въ политическомъ отношеніи.

Попытка моя не имѣла успѣха. Я видѣлся съ Польскими демократами нѣсколько разъ, но не

могъ съ ними сойтиться: во первыхъ, въ слѣдствіе разногласья въ нашихъ національныхъ понятьяхъ и чувствахъ; они мнѣ показались тѣсны, ограниченны, исключительны, ничего не видѣли кромѣ Польши, не понимая перемѣнъ происшедшихъ въ самой Польшѣ со времяни ея совершеннаго покоренья;—отчасти же потому что они мнѣ и не довѣряли, да и не обѣщали себѣ вѣроятно большой пользы отъ моего содѣйствія. Такъ что, послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ свиданій въ Версалѣ, мы совсѣмъ перестали видѣться,—и движенье мое, преступное въ цѣли, не могло имѣть на сей разъ никакаго преступнаго послѣдствія.

Отъ конца лѣта 1846-го года до Ноября 1847-го я опять оставался въ полномъ бездѣйствіи, занимаясь по старому науками, слѣдуя съ трепетнымъ вниманьемъ за возраставшимъ движеньемъ Европы и горя нетерпѣньемъ принять въ немъ дѣятельное участье, но не предпринимая еще ничего положительнаго. Съ Польскими демократами болѣе не видѣлся, а видѣлъ много молодыхъ Поляковъ бѣжавшихъ изъ краю въ 1846-мъ году и которые въ послѣдствіи почти всѣ обратились въ Мистицизмъ Мицкевича.—Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, я былъ болѣнъ и сидѣлъ дома съ выбритою головою, когда ко мнѣ пришли двое изъ сихъ молодых людей, предлагая произнесть рѣчь на торжествѣ совершаемомъ ежегодно Поляками и Французами, въ память революціи 1831-го года. Я съ радостью ухватился за эту мысль, заказалъ парикъ и приготовивъ рѣчь въ три дня произнесъ ее въ многолюдномъ собраніи 17-го/29-го Ноября 1847-го года.—ГОСУДАРЬ! ВЫ можетъ быть знаете эту несчастную рѣчь, начало моихъ несчастныхъ и преступныхъ похожденій. За нее, по требованью
№ Русскаго Посольства, я былъ изгнанъ изъ Парижа и поселился въ Брюсселѣ.

Тамъ меня встрѣтилъ Лелевель новымъ торжествомъ; я произнесъ вторую рѣчь которая

была бы напечатана если бъ не помѣшала февральская революція. Въ этой рѣчи бывшей какъ бы развитьемъ и продолженьемъ первой, я много говорилъ о Россіи, о ее прошедшемъ развитіи, много о древней враждѣ и борьбѣ между Россиею и Польшею; говорилъ также и о великой будущности Славянъ, призванныхъ обновить гніющій западный міръ; потомъ сдѣлавъ обзоръ тогдашняго положенья Европы и предвѣщая близкую Европейскую революцію, страшную бурю, особенно же неминуемое разрушенье Австрійской Имперіи, я кончилъ слѣдующими словами: «préparons nous et quand l'heure aura sonné que chacun de nous fasse son devoir»[41]). Впротчемъ и въ это время, кромѣ взаимныхъ комплиментовъ и болѣе или менѣе симпатическихъ фразъ, не смотря на мое сильное желанье сблизиться съ Поляками, я ни съ однимъ не могъ сблизиться. Наши природы, понятья, симпатіи находились въ слишкомъ рѣзкомъ противурѣчіи, для того чтобъ было возможно между нами дѣйствительное соединенье. Къ тому же въ это самое время, Поляки болѣе чѣмъ когда нибудь стали смотрѣть на меня съ недовѣрьемъ: къ моему удивленью и не малому прискорбью пронесся въ первый разъ слухъ, что будто бы я тайный агентъ Русскаго Правительства. Слышалъ я потомъ отъ Поляковъ, что будто бы Русское Посольство въ Парижѣ, на вопросъ Министра Guizot обо мнѣ, отвѣчало: «S'est un homme qui ne manque pas de talent, nous l'employons, mais aujourd'hui il est allé trop loin»[42]), и что Guizot далъ знать объ этомъ князю Чарторижскому; слышалъ также что министръ Duchatel писалъ обо мнѣ къ Бельгійскому Правительству что я не политическій эмигрантъ, а просто воръ укравшій въ Россіи значительную сумму, потомъ бѣжавшій, и за воровство и за бѣгство осужденъ на каторжную работу. — Какъ бы то не было, но этѣ слухи, вмѣстѣ съ другими вышеупомянутыми при-

чинами, сдѣлали всякую связь между Поляками и мною невозможною.

Въ Брюсселѣ, меня было ввели въ общество соединенныхъ Нѣмецкихъ и Белгійскихъ комунистовъ и радикаловъ, съ которыми находились въ связи и Англійскіе Шартисты и французскіе демократы,—общество впрочемъ не тайное, съ публичными засѣданьями; были вѣроятно и тайныя сходбища, но я въ нихъ не учавствовалъ, да и публичныя то посѣтилъ всего только два раза; потомъ же пересталъ ходить, потому что манеры и тонъ ихъ мнѣ не понравились, а требованья ихъ были мнѣ нестерпимы, такъ что я навлекъ даже на себя ихъ неудовольствіе, и можно сказать ненависть Нѣмецкихъ комунистовъ, которые громче другихъ стали кричать о моемъ мнимомъ предательствѣ.—Жилъ же я болѣе въ кругу аристократическомъ; познакомился съ генераломъ Скрыжènецкимъ, а черезъ него съ графомъ Mèrodé, бывшимъ министромъ, и съ французомъ Графомъ Montalambert зятемъ послѣдняго; т.-е. жилъ въ самомъ центрѣ Іезуитической пропаганды. Меня старалисъ обратить въ католическую вѣру, и такъ какѣ о моемъ душевномъ спасеньи, вмѣстѣ съ Іезуитами пеклись также и дамы, то мнѣ было въ ихъ обществѣ довольно весело. Въ то же время я писалъ статьи для «Constitutionnel» о Белгіи и белгійскихъ Іезуитахъ, не переставая однако слѣдовать за ускорявшимся ходомъ политическихъ происшествій въ Италіи и во Франціи.

[Межь тѣмъ я узналъ, что въ Парижѣ дерутся].

Наконецъ грянула Февральская революція.—Лишь только я узналъ что въ Парижѣ дерутся, взявъ у знакомаго на всякій случай пашпортъ, отправился обратно во Францію. Но пашпортъ былъ ненуженъ; первое слово встрѣтившее насъ на границѣ было: «lá République est proclamée à Paris»[43]). У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ, когда я услышалъ это извѣстіе; въ Valencienne

пришелъ пѣшкомъ потому что желѣзная дорога была сломана; вездѣ толпа, восторженные клики, красныя знамена на всѣхъ улицахъ, плацахъ и на всѣхъ публичныхъ зданьяхъ. Я долженъ былъ ѣхать объѣздомъ, желѣзная дорога была сломана во многихъ мѣстахъ, и пріѣхалъ въ Парижъ 26-го Февраля, на [третій] третій день по объявленьи республики.—На дорогѣ мнѣ было весело, чтожъ скажу ВАМЪ, ГОСУДАРЬ, о впечатленіи произведенномъ на меня Парижемъ! Этотъ огромный городъ, центръ Европейскаго просвѣщенья, обратился вдругъ въ дикій Кавказъ: на каждой улицѣ, почти на каждомъ мѣстѣ, барикады взгроможденныя какъ горы и досягавшія крышъ, а на нихъ, между каменьями и сломанною мебелью, какъ Лезгинцы въ ущельяхъ, работники въ своихъ живописныхъ блузахъ, почернѣвшіе отъ пороху и вооруженные съ головы до ногъ; изъ оконъ выглядывали боязливо толстые лавочники, épiciers, съ поглупѣвшими отъ ужаса лицами; на улицахъ, на бульварахъ ни одного экипажа; исчезли всѣ молодые и старые франты, всѣ ненавистные львы съ тросточками и лорнетами, а на мѣсто ихъ мои благородные увріеры, торжествующими, ликующими толпами, съ красными знаменами, съ патріотическими пѣснями, упивающіеся своею побѣдою! И посреди этаго безграничнаго раздолья, этаго безумнаго упоенья, всѣ были такъ незлобивы, сострадательны, человѣколюбивы, честны, скромны, учтивы, любезны, остроумны, что только во Франціи, да и во Франціи только въ одномъ Парижѣ, можно увидѣть подобную вѣщь!—Я жилъ потомъ съ работниками болѣе недѣли въ caserne de Tournons, въ двухъ шагахъ отъ Люксембурскаго дворца; казармы сіи были преждѣ казармами муниципальной Гвардіи, въ то же время обратились со многими другими въ червленно-республиканскую крѣпость, въ казармы для Коссидіеровской Гвардіи. Жилъ

№

же я въ нихъ по приглашенью знакомаго демократа, командовавшаго отдѣленьемъ пятисотъ работниковъ. Такимъ образомъ я имѣлъ случай видѣть и изучать сихъ послѣднихъ съ утра до вечера.—ГОСУДАРЬ! увѣряю ВАСЪ, ни въ одномъ классѣ, никогда и нигдѣ, не нашелъ я столько благороднаго самоотверженья, столько истинно трогательной честности, столько сердечной деликатности въ обращеньи и столько любезной веселости соединенной съ такимъ героизмомъ, какъ въ этихъ простыхъ необразованныхъ людяхъ, которые всегда были и будутъ въ тысячу разъ лучше всѣхъ своихъ предводителей! Что въ нихъ особенно поразительно, это глубокій инстинктъ дисциплины; въ казармахъ ихъ не могло существовать ни установленнаго порядка, ни законовъ, ни принужденья, но дай Богъ чтобъ любой вымуштрованный солдатъ умѣлъ такъ точно повиноваться, отгадывать желанья своихъ начальниковъ и такъ свято соблюдать порядокъ, какъ эти вольные люди; они требовали приказаній, требовали начальства, повиновались съ педантизмомъ, со страстью, голодали на тяжкой службѣ по цѣлымъ суткамъ и никогда не унывали, и всегда были веселы и любезны.—Еслибъ эти люди, еслибъ французские работники вообще нашли себѣ достойнаго предводителя, умѣющаго понимать и любить ихъ, то онъ сдѣлалъ бы съ ними чудеса.

ГОСУДАРЬ! Я не въ состояньи отдать ВАМЪ яснаго отчета въ мѣсяцѣ, проведенномъ мною въ Парижѣ, потому что это былъ мѣсяцъ духовнаго пьянства. Не я одинъ, всѣ были пьяны: одни отъ безумнаго страху, другіе отъ безумнаго восторга, отъ безумныхъ надеждъ. Я вставалъ въ пять, въ четыре часа поутру а ложился въ два; былъ цѣлый день на ногахъ, учавствовалъ рѣшительно во всѣхъ собраньяхъ, сходбищахъ, клубахъ, процессіяхъ, прогулкахъ, демонстраціяхъ; однимъ словомъ, втягивалъ въ себя всѣми чувствами, всѣми порами

упоительную революціонерную атмосферу. Это былъ пиръ безъ начала и безъ конца; тутъ я видѣлъ всѣхъ и никого не видѣлъ, потому что всѣ терялись *) въ одной гуляющей безчисленной толпѣ; говорилъ со всѣми и не помнилъ ни что имъ говорилъ, ни что мнѣ говорили, потому что на каждомъ шагу новые предметы, новыя приключенья, новыя извѣстья. Къ поддержанью и усиленью всеобщей горячки не мало способствовали также извѣстья приходившія безпрестанно изъ протчей Европы; бывало только и слышишь: «On se bat á Berlin; le roi a pris la fuite, aprés avoir prononcé un discours!—On s'est battu á Vienne, Metternich s'est enfui, la République y est proclamée! Toute l'Allemagne se soulève. Les Italiens ont triomphé à Milan, à Venise; les Autrichiens ont subi une honteuse defaite!—La République y est proclamée; toute l'Europe devient République. Vive la République!» [44])

Казалось что весь міръ переворотился; невѣроятное сдѣлалось обыкновѣннымъ, невозможное возможнымъ, возможное же и обыкновѣнное безсмысленнымъ. Однимъ словомъ, умы находились тогда въ такомъ состояньи, что еслибъ кто пришелъ и сказалъ «le bon Dieu vient d'être chassé du ciel, la république y est proclamée!» [45]). Такъ всѣ бы повѣрили и никто бы не удивился. И не одни только демократы находились въ такомъ опьяненьи; напротивъ демократы первые отрезвились, потому что должны были приняться за дѣло и укрѣпить за собою власть, упавшую въ ихъ руки какимъ то неожиданнымъ чудомъ. Консервативная Партія и династическая опозиція, сдѣлавшаяся черезъ день консервативнѣе самихъ консерваторовъ, однимъ словомъ, люди стараго порядка вѣрили во всѣ чудеса и во всѣ невозможности болѣе чѣмъ всѣ демократы; они

*) Конец п е р в о й тетради оригинала в пять писчих листов (или 20 страниц). *Прим. ред.*

ужъ думали что дважды два перестало быть четыре, и самъ Tiers объявилъ: «il ne nous reste plus qu'une chose, c'est de nous faire oublier» [46]).— Симъ однимъ объясняются и та поспѣшность и то единодушье, съ которымъ всѣ города провинціи и классы во Франціи признали распублику.

Но пора возвратиться мнѣ къ своей собственной исторіи. Послѣ двухъ или трехъ недѣль такого пьянства, я нѣсколько отрезвился и сталъ себя спрашивать: что жъ буду я теперь дѣлать? Не въ Парижѣ и не во Франціи мое призванье, мое мѣсто на русской границѣ; [теперь] туда стремится теперь Польская Эмиграція, готовясь на войну противъ Россіи; тамъ долженъ быть и я для того чтобъ дѣйствовать въ одно и то же время на Русскихъ и на Поляковъ, для того чтобъ не дать готовящейся войнѣ сдѣлаться войною Европы противъ Россіи: «pour refouler ce peuple barbare dans les deserts de l Asie» [47]), какъ они иногда выражались; и стараться чтобъ это не была война онѣмечившихся Поляковъ противъ русскаго народа, но Славянская война, война соединенныхъ вольныхъ Славянъ противъ Русскаго Императора.

ГОСУДАРЬ! Я не скажу ни слова о преступности и о донъ-кихотскомъ безумьи моего предпріятья; остановлюсь только здѣсь для того чтобъ яснѣе опредѣлить свое тогдашнее положенье, средства и связи. Я считаю необходимымъ войти въ подробное объясненье на сей счетъ, ибо знаю что мой выѣздъ изъ Парижа былъ предметомъ многихъ ложныхъ обвиненій и подозрѣній.

Вопервыхъ, мнѣ извѣстно что многіе меня называли агентомъ Ledru-Rollin. ГОСУДАРЬ! Въ этой Исповѣди я не скрылъ отъ ВАСЪ ничего, ни однаго грѣха, ни однаго преступленья; я обнажилъ передъ ВАМИ всю душу; ВЫ видѣли мои заблужденья, видѣли какъ я впадалъ изъ безумья въ безумье, изъ ошибки въ грѣхъ, а изъ грѣха въ преступленье... Но ВЫ повѣрите мнѣ ГОСУДАРЬ

когда я Вамъ скажу что, при всемъ безумьи, при всей преступности моихъ помысловъ и моихъ предпріятій, я все таки сохранилъ слишкомъ много гордости, самостоятельности, чувства достоинства и наконецъ любви къ родинѣ, для того чтобъ согласиться быть противъ нее презрѣннымъ агентомъ, слѣпымъ и грязнымъ орудьемъ какой бы то не было партіи, какого бы то не было человѣка! — [Въ] Я изьяснялъ неоднократно въ моихъ показаньяхъ что я съ Ledru-Rollin почти не былъ знакомъ, видѣлъ его только разъ въ жизни и едва сказалъ съ нимъ десять незначительныхъ словъ; и теперь повторяю то же, потому что это есть истинна. Гораздо ближе былъ я знакомъ съ Louis Blanc и Flocon, а съ Albert познакомился только по моемъ возвращеньи изъ Франціи *). Въ продолженьи всего мѣсяца, проведеннаго мною въ Парижѣ, обѣдалъ три раза у Louis Blanc и былъ разъ у Flocon въ домѣ, да еще нѣсколько разъ обѣдалъ у Коссидіера, революціонернаго префекта полиціи, у котораго нѣсколько разъ видѣлъ Albert; съ другими членами провизорнаго Правительства я въ это время не видѣлся.—Только одно обстоятельство могло подать поводъ къ вышерѣченному обвиненью; но это обстоятельство кажется осталось неизвѣстнымъ моимъ обвинителямъ:

Рѣшившись ѣхать на русскую границу и не имѣя денегъ для этой поѣздки, я долго искалъ у пріятелей и у знакомыхъ, и не найдя ничего, скрѣпя сердце, рѣшился прибѣгнуть къ демократическимъ членамъ провизорного Правительства; въ слѣдствіе этаго написалъ и послалъ въ четырехъ экземплярахъ къ Flocon, Louis Blanc, Albert и Ledru-Rollin короткую записку слѣдующаго содержанья: «Изгнанный изъ Франціи падшимъ Правительствомъ, возвратившись же въ нее послѣ

*) Повидимому, описка: следует читать—из Бельгии. *Прим. ред.*

февральской революціи, и теперь намѣреваясь ѣхать на русскую границу, въ герцогство Познанское, для того чтобъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Польскими Патріотами, я нуждаюсъ въ деньгахъ и прошу демократическихъ членовъ провизорнаго Правительства дать мнѣ 2000 франковъ, н е д а р о в о ю п о м о щ ь ю, н а к о т о р у ю н е и м ѣ ю н и ж е л а н ь я, н и п р а в а, н о в ъ в и д ѣ з а й м а, *) обѣщая возвратить эту сумму когда будетъ только возможно».—Получивъ сію записку, Flocon просилъ меня къ себѣ и сказалъ мнѣ что он и друзья его въ провизорномъ Правительствѣ готовы мнѣ ссудить сію незначительную сумму и, если я потребую, болѣе, но что преждѣ онъ долженъ переговорить съ Польскою Централизаціею, ибо находясь съ нею въ обязательныхъ отношеньяхъ, они связаны ею во всемъ что хоть нѣсколько касается Польши. Какого рода были эти переговоры и что Польскіе демократы сказали обо мнѣ Flocon, мнѣ неизвѣстно; знаю только что на другой день онъ мнѣ предлагалъ гораздо большую сумму, что я взялъ у него 2000 франковъ и что прощаясь, онъ меня просилъ писать ему, [для] его журнала «Reforme», изъ Германіи и Польши.—Я писалъ ему два раза: изъ Кёльна въ самомъ началѣ, потомъ изъ Кётена въ самомъ конце 1848-го года, при посылкѣ своего «воззванья къ Славянамъ». Отъ него же не получалъ ни писемъ, ни порученій и не имѣлъ съ нимъ никакихъ другихъ ни прямыхъ, ни косвенныхъ отношеній.—Денегъ не отдалъ потому что жилъ въ Германіи въ постоянной бѣдности.

№

Во-вторыхъ, меня обвиняли или лучше сказать подозрѣвали,—для обвиненья не нашлось положительныхъ фактовъ,—подозрѣвали, говорю я, что я отправляясь изъ Парижа, находился въ

---

*) Подчеркнутое въ подлиннике Бакунинымъ набирается разрядкой. *Примеч. ред.*

тайной связи съ Польскими демократами, действовалъ съ ними заодно, по ихъ порученью и по преждѣ составленному плану. Такое подозрѣнье было весьма естественно, но также лишено всякого основанья. —Въ эмиграціяхъ должно различать двѣ вѣщи: толпу шумящую, и тайныя общества всегда состоящія изъ немногихъ предпріимчивыхъ людей которые ведутъ толпу невидимою рукою и готовятъ пердпріятье въ тайныхъ засѣданьяхъ.—Я зналъ въ это время толпу польскихъ эмигрантовъ и она меня знала, знала даже лучше чѣмъ я могъ знать каждаго, потому что они были безъ числа, я же только одинъ Русскій посреди ихъ; слышалъ что они говорили: ихъ гасконады, фантазіи, надежды,—слышалъ однимъ словомъ то, что всякій могъ бы слышать еслибъ только захотѣлъ; но не учавствовалъ въ засѣданьяхъ и не былъ повѣреннымъ тайнъ дѣйствительныхъ заговорщиковъ. Въ это время въ Парижѣ существовали только два [строго] серьезныя Польскія общества: общество Чарторижскаго и общество демократовъ. Съ партіей Чарторижскаго я никогда не имѣлъ сношеній, его же видѣлъ всего одинъ разъ. Въ 1846-мъ году я хотѣлъ было войти въ связь съ демократическою Централизаціею, но попытка моя не имѣла успѣха, а въ Парижѣ, послѣ февральской революціи, я не встрѣтилъ даже ни одного изъ ея членовъ; такъ что я въ это время гораздо мѣнѣе зналъ о замыслахъ [предпріятьяхъ] Польскихъ демократовъ, чѣмъ о бельгійскихъ, италіянскихъ, особенно же о нѣмецкихъ современныхъ предпріятьяхъ. Между Итальянцами я зналъ Mammiani, генерала Pépé, не принадлежавшихъ ни какимъ обществамъ. Между Бельгійцами зналъ нѣкоторыхъ предводителей, слышалъ о ихъ намѣреньяхъ, но не вмѣшивался въ ихъ дѣла. Ближе же и лучше зналъ дѣла Нѣмецкія, находясь въ дружеской связи съ Гервегомъ который принималъ

въ нихъ дѣятельное участье. Я видѣлъ начало несчастнаго похода Гервега въ Баденъ, зналъ его средства, его помощниковъ, его вооруженье, обѣщанья провизорнаго Правительства и число работниковъ, вписавшихся въ его полкъ, а также и его отношенья съ Баденскими демократами; зналъ много потому что былъ другъ Гервегу, но никакимъ образомъ не связывалъ ни себя ни свои намѣренья съ его намѣреньями.

Для дополненья картины моего тогдашняго положенья и для того чтобъ не оставить въ ней ни одной ложной тѣни, я долженъ наконецъ сказать нѣсколько словъ и о Русскихъ. Ведь назвавъ ихъ моими знакомыми, я немогу скомпрометировать ихъ болѣе, чѣмъ они сами скомпрометировали себя въ Парижѣ.—Иванъ Головинъ, Николай Сазоновъ, Александръ Герценъ и может быть еще Николай Ивановичь Тургеневъ, вотъ единственные Русскіе про которыхъ можно бы было съ нѣкоторымъ основаньемъ подумать, что я находился съ ними въ политическихъ отношеньяхъ.—Но Головина я не любилъ, не уважалъ, всегда держалъ себя отъ него въ далекомъ разстояньи, а послѣ февральской революціи кажется даже ни разу не встрѣтилъ.—Николай Сазоновъ человѣкъ умный, знающій, даровитый но самолюбивый и себялюбивый до крайности. Сначала онъ былъ мнѣ врагомъ за то что я не могъ убѣдиться въ самостоятельности русской аристократіи, которой онъ считалъ себя тогда не послѣднимъ представителемъ; потомъ сталъ называть меня своимъ другомъ; я въ дружбу его не вѣрилъ, но видѣлъ его довольно часто, находя удовольствіе въ его умной и любезной бесѣдѣ. По возвращеньи моемъ изъ Бельгіи, я встрѣтилъ его нѣсколько разъ у Гервега; онъ на меня дулся и, какъ я потомъ услышалъ, первый сталъ распространять слухъ о моей мнимой зависимости отъ Ledru-Rollin. Гораздо болѣе лежало у меня сердце

къ Герцену. Онъ человѣкъ добрый, благородный, живой, остроумный, нѣсколько болтунъ и эпикуреецъ; я видѣлъ его въ Парижѣ лѣтомъ въ 1847 году; тогда онъ не думалъ еще емигрировать и болѣе всѣхъ другихъ смѣялся надъ моимъ политическимъ направленьемъ, самъ же занимался всевозможными вопросами и предметами, особенно литературою.—Въ концѣ лѣта 1847-го года онъ уѣхалъ въ Италію и возвратился въ Парижъ лѣтомъ 1848-го, два или три мѣсяца спустя по [слѣ моего] моемъ отъѣздѣ изъ онаго, такъ что мы разъѣхались съ нимъ, никогда болѣе не видались и не переписывались. [Однако жъ кажется] Одинъ разъ онъ мнѣ только прислалъ денегъ черезъ Рейхеля.—Наконецъ о Н. И. Тургеневѣ я могу сказать только, что онъ въ это время болѣе чѣмъ когда держалъ себя въ сторонѣ отъ цѣлаго міра и какъ богатый собственникъ и «rentier» былъ таки не мало испуганъ приключившеюся революціею.—Я видѣлъ его мѣлькомъ и какъ бы сказать мимоходомъ.

Однимъ словомъ ГОСУДАРЬ, я имѣю полное право сказать что я жилъ, предпринималъ, дѣйствовалъ внѣ всякаго общества, независимо отъ всякаго чуждаго побужденья и вліянья: безумье, грѣхи, преступленья мои принадлежали и принадлежатъ исключительно мнѣ.—Я много, много виноватъ, но никогда не унижался до того чтобъ быть чужимъ агентомъ, рабомъ чужой мысли.

Наконецъ есть противъ меня еще одно гнусное обвиненье:

Меня обвиняли что будто бы я хотѣлъ, въ сообществѣ двухъ Поляковъ которыхъ теперь позабылъ и фамилью, что будто бы я намѣревался посягнуть на жизнь ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.—Не стану входить въ подробности такой клеветы; я подробно отвѣчалъ на нее въ своихъ заграничныхъ показаньяхъ и стыжусь говорить много объ этомъ предметѣ. Одно только скажу

ГОСУДАРЬ: я преступникъ передъ ВАМИ и передъ закономъ, я знаю великость своихъ преступленій, но знаю также что никогда душа моя не была способна ни къ злодѣйству ни къ подлости. Мой политическій фанатизмъ, жившій болѣе въ воображеньи чѣмъ въ сердцѣ, имѣлъ также свои крѣпко-опредѣленныя границы, и никогда ни Брутъ, ни Равальякъ, ни Алибо не были моими героями. Къ тому же ГОСУДАРЬ, въ душѣ моей собственно противъ ВАСЪ никогда не было даже и тѣни ненависти. Когда я былъ юнкеромъ въ Артиллерійскомъ Училищѣ, я, также какъ и всѣ товарищи, страстно любилъ ВАСЪ. Бывало когда ВЫ пріѣдите въ лагерь, одно слово: «Государь ѣдитъ» приводило всѣхъ въ невыразимый восторгъ и всѣ стремились къ ВАМЪ на встрѣчу. Въ ВАШЕМЪ присутствіи мы не знали боязни; напротивъ, возлѣ ВАСЪ и подъ ВАШИМЪ покровительствомъ, искали прибѣжища отъ начальства; оно не смѣло идти за нами въ Александрію. Я помню, это было во время холеры: ВЫ были грустны ГОСУДАРЬ; мы молча окружали ВАСЪ, смотрѣли на ВАСЪ съ трепетнымъ благоговѣньемъ, и каждый чувствовалъ въ душѣ своей ВАШУ великую грусть, хоть и не могъ познать ее причины,—и какъ счастлив былъ тотъ которому ВЫ скажете бывало слово!—Потомъ, много лѣтъ спустя, за границей, когда я сдѣлался ужъ отчаяннымъ демократомъ, я сталъ считать себя обязаннымъ ненавидѣть ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ; но ненависть моя была въ воображеньи, въ мысляхъ, не въ сердцѣ: я ненавидѣлъ отвлеченное политическое лице, Олицетворенье Самодержавной Власти въ Россіи, притѣснителя Польши, а не то ЖИВОЕ ВЕЛИЧЕСТВЕННОЕ ЛИЦЕ, которое поразило меня въ самомъ началѣ жизни и запечатлѣлось въ юномъ сердцѣ моемъ. Впечатлѣнья юности не легко изглаживаются ГОСУДАРЬ!—Да и въ самом разгарѣ моего политическаго фанатизма, безумье мое

сохранило извѣстную мѣру; мои нападки противъ ВАСЪ никогда не выходили изъ политической сферы: я дерзалъ называть ВАСЪ жестокимъ, железнымъ, немилосерднымъ деспотомъ, проповѣдывалъ ненависть и бунтъ противъ ВАШЕЙ власти; но никогда не дерзалъ и не хотѣлъ и не могъ коснуться святотатственнымъ языкомъ собственно до ВАШЕГО ЛИЦА ГОСУДАРЬ, и какъ бы выразить это [рѣшительно] не нахожу словъ хоть и глубоко чувствую [разни] различье,—никогда однимъ словомъ я не говорилъ, не писалъ, какъ подлый лакѣй который ругается надъ своимъ [бариномъ] Господиномъ, и хулитъ и клевещетъ, потому что знаетъ что баринъ или не слышитъ или слишкомъ отдаленъ отъ него для того чтобы задѣть его своею дубинкой. Наконецъ ГОСУДАРЬ! даже и въ самое послѣднее время, на перекоръ всѣмъ демократическимъ понятьямъ и какъ бы противъ воли, я глубоко, глубоко почиталъ ВАСЪ!—Не я одинъ, множество другихъ, Поляковъ и Европейцевъ вообще, сознавали со мною, что между всѣми нынѣ царствующими Вѣнценосными, ВЫ только одинъ ГОСУДАРЬ сохранилъ вѣру въ свое ЦАРСКОЕ ПРИЗВАНЬЕ.—Съ такими чувствами, съ такими мыслями, не смотря на все политическое безумье, я не могъ быть Цареубійцою, и Вы повѣрите ГОСУДАРЬ, что это обвиненье ни что иное какъ гнусная клевета.

Теперь же возвращусь къ своему повѣствованью.—Взявъ деньги у Flocon, я пошелъ за пашпортомъ къ Коссидіеру; взялъ же у него не одинъ а два пашпорта, на всякій случай, одинъ на свое имя, другой же на мнимое, желая по возможности скрыть свое присутствіе въ Германіи и въ Познанскомъ Герцогствѣ. Потомъ отобѣдавъ у Гервега и взявъ у него письма и порученья къ Баденскимъ демократамъ сѣлъ въ дилижансъ и поѣхалъ на Страсбургъ. -Если бъ меня кто въ

дилижансѣ спросилъ о цѣли моей поѣздки и я бы захотѣлъ отвѣчать ему, то между нами могъ бы произойти слѣдующій разговоръ:

«Зачѣмъ ты ѣдишъ?»—Ѣду бунтовать.—«Противъ кого?»—Противъ Императора НИКОЛАЯ.—«Какимъ образомъ?»—Еще самъ хорошо не знаю.—«Куда жъ ты ѣдишъ теперь?»—Въ Познанское Герцогство.—«Зачѣмъ имянно туда?»—Потому что слышалъ отъ Поляковъ что теперь тамъ болѣе жизни, болѣе движенья, и что оттуда легче дѣйствовать на Царство Польское чѣмъ изъ Галиціи.—«Какія у тебя средства?»—2000 франковъ.—«А надежды на средства?»—Никакихъ опредѣленныхъ, но авось найду.—«Есть знакомые и связи въ Познанскомъ Герцогствѣ?»—Исключая нѣкоторыхъ молодыхъ людей которыхъ встрѣчалъ довольно часто въ Берлинскомъ Университетѣ, я тамъ никого не знаю.—«Есть рекомендательныя письма?»—Ни однаго.—«Какъ же ты безъ средствъ и одинъ хочешъ бороться съ Русскимъ Царемъ?»—Со мной революція, а въ Позенѣ надѣюсь выйти изъ своего одиночества.—«Теперь всѣ Нѣмцы кричатъ противъ Россіи, возносятъ Поляковъ и сбираются вмѣстѣ съ ними воевать противъ Русскаго Царства. Ты Русскій, неужели ты соединишся съ ними?»—Сохрани Богъ! лишь только Нѣмцы дерзнутъ поставить ногу на Славянскую землю, я сдѣлаюсь имъ непримиримымъ врагомъ; но я затѣмъ то и ѣду въ Позенъ чтобъ всѣми силами воспротивиться неестественному соединенью [Нѣмцовъ] Поляковъ съ Нѣмцами противъ Россіи.—«Но Поляки одни не въ состояньи бороться съ Русскою силою?»—Одни нѣтъ, но въ соединеньи съ другими Славянами, особенно же если мнѣ удастся увлечь Русскихъ въ Царствѣ Польскомъ...—«На чемъ основаны твои надежды, есть у тебя съ Русскими связи?»—Никакой, надѣюсь же на пропаганду и на могучій духъ революціи, овладѣвшій нынѣ всѣмъ міромъ!

Не говоря о великости преступленья, ВАМЪ должно быть очень смѣшно ГОСУДАРЬ, что я одинъ, безимянный, безсильный, шелъ на брань против ВАСЪ, ВЕЛИКАГО ЦАРЯ ВЕЛИКАГО ЦАРСТВА! Теперь я вижу ясно свое безумье, и самъ бы смѣялся еслибъ мнѣ было до смѣху, и по неволѣ вспоминаю одну баснь Ивана Андреевича Крылова...—Но тогда ничего не видѣлъ, ни о чемъ не хотѣлъ думать, а шелъ какъ угорѣлый на явную гибель. И если что можетъ хоть нѣсколько извинить, не говорю преступность, а нелѣпость моей выходки, такъ развѣ только то что я ѣхалъ изъ пьянаго Парижа, и самъ былъ пьянъ, да и всѣ вокругъ меня были пьяны!

Пріѣхавъ во Франкфуртъ, въ первыхъ числахъ Апрѣля, я нашелъ тутъ безчисленное множество Нѣмцовъ, собравшихся изъ цѣлой Германіи на Vor-Parlament [48]) познакомился почти со всѣми демократами, отдалъ письма и порученья Гервега, и сталъ наблюдать, стараясь найти смыслъ въ Нѣмецкомъ хаосѣ и хоть зародышъ единства въ семъ новомъ Вавилонскомъ Столпотвореньи. Во Франкфуртѣ я пробылъ около недѣли, былъ въ Майнцѣ, въ Мангеймѣ, въ Гейдельбергѣ; былъ свидѣтелемъ многихъ народныхъ вооруженныхъ и не вооруженныхъ собраній, посѣщалъ Нѣмецкіе клубы, зналъ лично главныхъ предводителей Баденскаго возстанья и о всѣхъ предпріятьяхъ, но ни въ одномъ не принималъ дѣятельнаго участья, хоть и симпатизировалъ съ ними и желалъ имъ всякаго успѣха; оставаясь во всемъ что касалось собственно до меня и до моихъ собственныхъ замысловъ, въ прежнемъ совершенномъ уединеньи.—Потомъ на дорогѣ въ Берлинъ, пробылъ нѣсколько дней въ Кёльнѣ, ожидая тамъ свои вѣщи изъ Брюсселя. Чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ холоднѣе становилось мнѣ на душѣ; въ Кёльнѣ мной овладѣла тоска невыразимая, какъ будто бы предчувствіе будущей гибели! Но ничто

не могло остановить меня.—На другой день моего пріѣзда въ Берлинъ, я былъ арестованъ, сначала бывъ принятъ за Гервега, а потомъ въ наказанье за то что я ѣхалъ съ двумя пашпортами. Впрочемъ меня продержали только день, а потомъ отпустили, взявъ съ меня слово что я не поѣду въ Познанское Герцогство и не останусь въ Берлинѣ, а поѣду въ Бреславль. Президентъ Полиціи Minatoli удержалъ у себя пашпортъ написанный на мое собственное имя, но возвратилъ мнѣ другой на имя небывалаго Леонарда Неглинскаго; отъ себя же далъ еще другой пашпортъ на имя Вольфа или Гофмана, не помню, желая вѣроятно чтобъ я не терялъ привычки ѣздить съ двумя пашпортами. Такимъ образомъ ничего другаго почти не увидѣвъ въ Берлинѣ кромѣ полицейскаго дома, я отправился далѣе и пріѣхалъ въ Бреславль въ концѣ Апрѣля или въ самомъ началѣ Мая.

Въ Бреславлѣ пробылъ безвыѣздно до самаго Славянскаго Конгресса, т.-е. до конца Мая, почти мѣсяцъ.—Первымъ дѣломъ моимъ было знакомство съ бреславскими демократами; вторымъ же, отыскивать Поляковъ съ которыми бы могъ соединиться. Первое было легко, а второе не только что трудно, но оказалось рѣшительно невозможнымъ. Въ это время въ Бреславлѣ съѣхалось много Поляковъ изъ Галиціи, изъ Кракова, изъ Герцогства Познанскаго, наконецъ Эмигранты изъ Парижа и Лондона. Это было нѣчто въ родѣ Польскаго Конгресса. Конгрессъ сей, сколько мнѣ по крайнѣй мѣрѣ извѣстно, не имѣлъ важныхъ результатовъ; я не присутствовалъ въ его засѣданьяхъ, но слышалъ что было много шуму, сильная распря и разноголосица провинцій и партій, въ слѣдствіе чего всѣ Поляки разъѣхались не положивъ ничего существеннаго.—Мое положенье между ними было съ самого начала тяжелое и странное: всѣ знали меня, были со мной очень любезны, говорили мнѣ тьму компли-

ментовъ; но я чувствовалъ себя между ними чужимъ; чѣмъ слаще были слова ихъ тѣмъ холоднѣе становилось мнѣ на сердцѣ, и ни я съ ними ни они со мною не могли сойтиться. Къ тому же въ это самое время, вторично и сильнѣе чѣмъ въ первый разъ, пронесся между ними слухъ о моемъ мнимомъ предательствѣ; болѣе всѣхъ вѣрили этому слуху и распространяли его Эмигранты, особенно же члены демократическаго общества. Они потомъ, гораздо позже, извинялись, складывая всю вину на стараго болтуна Графа Ледуховскаго котораго будто бы предостерегъ Lamartine, а онъ поспѣшилъ предостеречь всѣхъ Польскихъ демократовъ.—Поляки видимо ко мнѣ охладѣли и я, потерявъ наконецъ терпѣнье, сталъ отъ нихъ удаляться, такъ что до Пражскаго Конгресса не имѣлъ съ ними никакихъ сношеній, видѣлся же только съ немногими, безъ политической цѣли.

Чаще бывалъ за то между Нѣмцами, посѣщалъ ихъ демократическій клубъ и пользовался между ними въ то время такою популярностью, что единственно только мочмъ стараньемъ Arnold Ruge, мой старый пріятель, былъ избранъ Бреславлемъ во Франкфуртское Національное Собранье. Нѣмцы смѣшной но добрый народъ, я съ ними почти всегда умѣлъ ладить; исключая впрочемъ Литераторовъ-Комунистовъ.—Въ это время Нѣмцы играли въ политику, и слушали меня какъ оракула. Заговоровъ и серьезныхъ предпріятій между ними не было, а шуму, пѣсней, потребленья пива и хвастливой болтовни много: все дѣлалось и говорилось на улицѣ, явно; не было ни законовъ, ни начальства: полная свобода, и каждый вечеръ, какъ бы для забавы, маленькое возмущенье. Клубы же ихъ были не что иное, какъ упражненья въ краснорѣчьи или лучше сказать въ пусторѣчьи.

Въ продолженьи всего Мая я оставался въ полномъ бездѣйствіи; скучалъ, тосковалъ и ждалъ

удобнаго часу. Къ унынью моему не мало способствовали также и тогдашнія политическія обстоятельства: Неудачное возстанье Познанскаго Герцогства, хоть и постыдное для прусскаго войска, изгнанье Поляковъ (Эмигрантовъ) изъ Кракова и вскорѣ потомъ и изъ Пруссіи, совершенное кораблекрушенье Баденскихъ демократовъ, наконецъ первое пораженье демократовъ въ Парижѣ были явными предзнаменованьями тогда уже начавшагося революціонернаго отлива. Нѣмцы этаго не видѣли и не понимали, но я понималъ и въ первый разъ усумнился въ успѣхѣ.—Наконецъ стали говорить о Славянскомъ конгрессѣ; я рѣшился ѣхать въ Прагу, надѣясь найти тамъ Архимедовскую точку опоры для дѣйствія.

До тѣхъ поръ, исключая Поляковъ и не говоря ужъ о Русскихъ, я не былъ знакомъ ни съ однимъ Славяниномъ, и также никогда не бывалъ въ Австрійскихъ владѣньяхъ. Зналъ же о Славянахъ по расказамъ нѣкоторыхъ очевидцевъ да по книгамъ. Слышалъ также въ Парижѣ о клубѣ основанномъ Cyprica Robert, замѣстившемъ Мицкевича на кафедрѣ Славянскихъ Литературъ, но не ходилъ въ этотъ клубъ, не желая мѣшаться съ Славянами предводимыми французомъ. Поэтому знакомство и сближенье съ Славянами было для меня опытомъ новымъ и я много ждалъ отъ Пражскаго Конгресса, особенно надѣясь, съ помощью протчихъ Славянъ, побѣдить тѣсноту Польскаго Національнаго Самолюбья.

Ожиданья мои, хоть и не сбылись во всей полнотѣ, не совсѣмъ были обмануты. Славяне въ политическомъ отношеньи дѣти, но я нашелъ въ нихъ неимовѣрную свѣжесть и несравненно болѣе природнаго ума и энергіи чѣмъ въ Нѣмцахъ. Трогательно было видѣть ихъ встрѣчу, ихъ дѣтскій но глубокій восторгъ; сказалъ бы, что члены однаго и того же семейства, разбросанные грозною судьбою по цѣлому міру, въ первый разъ

свидѣлись послѣ долгой и горькой разлуки: они плакали, они смѣялись, они обнимались,—и въ ихъ слезахъ, въ ихъ радости, въ ихъ радушныхъ привѣтствіяхъ не было ни фразъ, ни лжи, ни высокопарной напыщенности; все было просто, искренно, свято.—Въ Парижѣ я былъ увлеченъ демократическою Экзальтаціею, героизмомъ народнаго класса; здѣсь же увлекся искренностью и теплотою простаго, но глубокаго Славянскаго чувства. Во мнѣ самомъ пробудилось Славянское сердце, такъ что въ первое время я было почти совсѣмъ позабылъ всѣ демократическія симпатіи связывавшія меня съ западною Европою.—Поляки смотрѣли на протчихъ Славянъ съ высоты своего политическаго значенья, держали себя нѣсколько въ сторонѣ, слегка улыбаясь. Я же смѣшался съ ними и жилъ съ ними и дѣлилъ ихъ радость отъ всей души, отъ полнаго сердца; и потому былъ ими любимъ и пользовался почти всеобщимъ довѣрьемъ.

Чувство преобладающее въ Славянахъ есть ненависть къ Нѣмцамъ. Энергическое, хоть и не учтивое выраженье «проклятый Нѣмецъ» выговариваемое на всѣхъ славянскихъ нарѣчьяхъ почти одинаковымъ образомъ, производитъ на каждаго Славянина неимовѣрное дѣйствіе; я нѣсколько разъ пробовалъ его силу и видѣлъ какъ оно побѣждало самихъ Поляковъ. Достаточно было иногда побранить кстати Нѣмцовъ для того, чтобъ они позабыли и польскую исключительность и ненависть къ Русскимъ и хитрую, хоть не безполѣзную политику, заставляющую ихъ часто кокетничать съ Нѣмцами,—однимъ словомъ, для того чтобъ вырвать ихъ совершенно изъ той тѣсной, болѣзненной, искусственно-хладной оболочки въ которой они живутъ по неволѣ, въ слѣдствіе великихъ національныхъ несчастій; для того чтобъ пробудить въ нихъ живое Славянское сердце и заставить ихъ чувствовать за одно со всѣми Сла-

вянами.—Въ Прагѣ гдѣ поношенью Нѣмцовъ не было конца, я и съ самими Поляками чувствовалъ себя ближе. Ненависть къ Нѣмцамъ была неистощимымъ предметомъ всѣхъ разговоровъ; она служила вмѣсто привѣтствія между незнакомыми: когда два Славянина сходились, то первое слово между ними было почти всегда противъ Нѣмцовъ, какъ бы для того чтобъ увѣрить другъ друга что они оба истинные, добрые Славяне. Ненависть противъ Нѣмцовъ есть первое основанье Славянскаго единства и взаимнаго уразумѣнья Славянъ; она такъ сильна, такъ глубоко врѣзана въ сердцѣ каждаго Славянина, что я и теперь увѣренъ, ГОСУДАРЬ, что рано или поздно, однимъ или другимъ образомъ, и какъ бы не опредѣлились политическія отношенья Европы, Славяне свергнутъ нѣмецкое иго и что прійдетъ время когда не будетъ болѣе ни Прусскихъ, ни Австрійскихъ, ни Турецкихъ Славянъ.

Важность Славянскаго Конгресса состояла, по моему мнѣнію, въ томъ что это было первое Свиданье, первое знакомство, первая попытка соединенья и уразумѣнья Славянъ между собою. Что жъ касается до самаго Конгресса, то онъ, равно какъ и всѣ другіе современные конгрессы и Политическія Собранья, былъ рѣшительно пустъ и безсмысленъ.—О происхожденьи же Славянскаго Конгресса я знаю слѣдующее.

Въ Прагѣ существовалъ уже съ давнихъ временъ ученый литературный кругъ имѣвшій цѣлью сохраненье, поднятье и развитье Чешской литературы, Чешскихъ національныхъ обычаевъ, а также и Славянской національности вообще, подавляемой, стѣсняемой, презираемой Нѣмцами, равно какъ и Мажіарами *). Кружокъ сей находился въ живой и постоянной связи съ подобными кружками между Словаками, Хорва-

*) Т.-е. мадьярами. *Прим. ред.*

тами, Словенцами, Сербами, даже между Лужитанами въ Саксоніи и Пруссіи,—и былъ какъ бы сказать ихъ главою. Палацкій, Шафарикъ, Графъ Тунъ, Ганка, Коларъ, Урбанъ, Людвигъ Штуръ и нѣсколько другихъ были предводителями Славянской пропаганды, сначала литературной, потомъ уже возвысившейся и до политическаго значенья. Австрійское Правительство ихъ не любило, но терпѣло, потому что они противудѣйствовали Мажіарамъ. Въ доказательство же и въ примѣръ ихъ дѣятельности я приведу только одно обстоятельство: тому назадъ десять, много пятнадцать лѣтъ въ Прагѣ никто, рѣшительно, ни одна душа не говорила по Чешски, развѣ только чернь и работники; всѣ говорили и жили по нѣмецки, стыдились Чешскаго языка и Чешскаго происхожденья; теперь же напротивъ ни одинъ человѣкъ, ни женщины, ни дѣти не хотятъ говорить по нѣмецки, да и сами Нѣмцы въ Прагѣ [даже] выучились понимать и обьясняться по Чешски. Я привелъ въ примѣръ только Прагу, но то же самое произошло и во всѣхъ другихъ, богемскихъ, моравскихъ, словацкихъ, большихъ и маленькихъ городахъ; села же никогда и не переставали жить и говорить по Славянски.—ВАМЪ ГОСУДАРЬ, извѣстно сколь глубоки и сильны симпатіи Славянъ къ могучему Русскому Царству отъ котораго они надѣялись опоры и помощи, и до какой степени Австрійское Правительство, да и Нѣмцы вообще боялись и боятся русскаго Панславизма!—Въ послѣдніе годы невинный литературно-ученый кружокъ расширился, укрѣпился, обхватилъ и увлекъ за собою всю молодежъ, пустилъ корни въ народныя массы,—и литературное движенье превратилось вдругъ въ политическое;—Славяне ожидали только случая чтобъ явить себя міру.

Въ 1848-мъ году этотъ случай обрелся. Австрійская Имперія чуть было не распалась на

свои многоразличные, враждебно противуположные, несовмѣстимые элементы, и если на время спаслась, то не своею одряхлѣвшею силою, только ВАШЕЮ помощью, ГОСУДАРЬ! Возстали Итальянцы, возстали Мажіары и Нѣмцы, возстали наконецъ и Славяне. Австрійское или лучше сказать Инспрукское Правительство, ибо тогда Австрійскихъ Правительствъ было много, по крайнѣй мѣрѣ два: одно дѣйствительное въ Инспрукѣ, другое офиціальное и конституціонное въ Венѣ,—не говоря ужъ о третьемъ Венгерскомъ, также офиціально признанномъ Правительствѣ;—и такъ Династическое Правительство въ Инспрукѣ, покинутое всѣми и лишенное почти всякихъ средствъ, стало искать спасенья въ національномъ движеньи Славянъ.

Первая мысль собрать въ Прагѣ Славянскій конгрессъ принадлежитъ Чехамъ, а имянно Шафарику, Палацкому и Графу Туну. Въ Инспрукѣ ухватились за нее съ радостью, потому что надѣялись, что Славянскій Конгрессъ будетъ служить противуядьемъ конгрессу Нѣмцовъ во Франкфуртѣ. Графъ Тунъ, Палацкій, Браунеръ создали тогда въ Прагѣ нѣчто въ родѣ провизорнаго Правительства; были признаны Инспрукомъ и относились съ нимъ [прямо] прямо, помимо Вѣнскихъ Министровъ которыхъ не хотѣли ни признавать ни слушаться, видя въ нихъ враждебныхъ представителей Германской Національности. Такимъ образомъ составилась полу-офиціальная Чешская Партія, Полу-Славянская и Полу-Правительственная; правительственная, потому что она хотѣла спасти династію, Монархическое Начало и [Цѣлость] Цѣлость Австрійской Монархіи; однако не безусловно, требуя за то: во первыхъ Конституціи, во вторыхъ, перенесенья Имперской Столицы изъ Вѣны въ Прагу, что имъ и было дѣйствительно обѣщано, разумѣется съ твердымъ намѣреньемъ не сдержать обѣщанья; и наконецъ

совершеннаго превращенья Австрійской Монархіи изъ Нѣмецкой въ Славянскую, такъ что ужъ не Нѣмцы болѣе и не Мажіары притѣсняли бы Славянъ, но обратно.—Все это выразилъ Палацкій, въ своей тогда явившейся брошюрѣ, слѣдующими словами: «Wir wollen das Kunststück versuchen, die bis zu ihrem tiefsten Wesen erschütterten Osterreichische Monarchie auf unserem slavischen Boden und mit unsern slavischen Kraft zu beleben, zu heilen und zu befestigen» [49]). — Предпріятье невозможное въ которомъ они должны были быть или обманутыми или обманщиками.

Но Чешская партія не довольствовалась симъ общимъ преобладаньемъ Славянскаго Элемента въ Австрійской Имперіи. Опираясь на свой полуофиціальный характеръ и на льстивыя Инспрукскія обѣщанья, она хотѣла еще устроить въ свою пользу нѣчто въ родѣ Чешской гегемоніи и утвердить между самими Славянами преобладанье Чешскаго языка, Чешской національности. Не говоря ужъ о Моравіи, она намѣревалась [еще] присоединить еще къ Богеміи Словацкую землю, Австрійскую Шлезію и даже Галицію, угрожая Полякамъ, въ случаѣ непокоренья, возмущеньемъ Руссиновъ;—хотѣли однимъ словомъ создать сильное Богемское королевство.

Таковы были притязанья Чешскихъ Политиковъ. Они разумѣется встрѣтили сильное сопротивленье въ Словакахъ, въ Шлензакахъ, болѣе же всего въ Полякахъ. Послѣдніе пріѣхали въ Прагу совсѣмъ не для того чтобъ покориться Чехамъ, да если правду сказать, такъ и не въ слѣдствіе чрезвычайнаго влеченья къ Славянскимъ братьямъ и къ Славянской мысли, а просто въ надеждѣ найти тутъ опору и помощь для своихъ особенныхъ національныхъ предпріятій. — Такимъ образомъ, съ самыхъ первыхъ дней, произошла борьба, не между массами пріѣзжихъ Славянъ, только между ихъ предводителями, силь-

нѣе же всѣхъ, борьба между Поляками и Чехами, между Поляками и Руссинами,—борьба кончившаяся ни чѣмъ какъ и весь Славянскій Конгрессъ.—Южные Славяне были чужды всѣмъ преньямъ и занимались исключительно пріуготовленьями къ Венгерской войнѣ, уговаривая и протчихъ Славянъ отложить всѣ внутренніе вопросы до совершеннаго низложенья Мажіаръ, и какъ иные говорили, до совершеннаго изгнанья оныхъ изъ Венгріи. Поляки ни на то, ни на другое не соглашались, предлагали же свое посредничество, котораго ни Южные Славяне да, сколько я слышалъ, и самые Мажіары не захотѣли принять.—Однимъ словомъ всѣ тянули на свою сторону, и всѣ желали сдѣлать себѣ изъ другихъ скамью для своего собственнаго возвышенья; болѣе всѣхъ Чехи, избалованные Инспрукскими Комплиментами, а потомъ и Поляки, избалованные не судьбою, но комплиментами Европейскихъ демократовъ.

Конгрессъ состоялъ изъ трехъ отдѣленій: С ѣ в е р н о е, въ которомъ были: Поляки, Руссины, Шлензаки; З а п а д н о е, состоявшее изъ Чеховъ, Моравовъ, Словаковъ, и Ю ж н о е, въ которомъ засѣдали Сербы, Хорваты, Словенцы и Далматы. По первоначальному опредѣленью Палацкаго, главнаго изобрѣтателя и руководителя Славянскаго Конгресса, Конгрессъ сей долженъ былъ исключительно состоять изъ Австрійскихъ Славянъ, не Австрійскіе же должны были присутствовать въ немъ только какъ гости; но опредѣленье сіе было въ самомъ началѣ отвергнуто; вошли въ Конгрессъ не какъ гости, но какъ дѣйствительные члены, много Поляковъ изъ Познани, Польскіе Эмигранты, нѣсколько Турецкихъ Сербовъ, и наконецъ двое Русскихъ: я, да еще одинъ старообрядческій попъ, котораго позабылъ фамилью,—ее можно впротчемъ найти въ печатномъ отчетѣ Шафарика о Славянскомъ Конгрессѣ,—попъ или вѣрнѣе монахъ изъ старообрядческаго мона-

стыря существовавшаго въ Буковинѣ съ своимъ особеннымъ митрополитомъ и уничтоженнаго кажется въ это же самое время по требованью Русскаго Правительства; онъ ѣздилъ съ отставленнымъ митрополитомъ въ Вѣну, потомъ, услышавъ о Славянскомъ Конгрессѣ, пріѣхалъ одинъ въ Прагу.

Я вступилъ въ Сѣверное, т.-е. въ Польское отдѣленье, и при вступленьи произнесъ [корэт] короткую рѣчь въ которой сказалъ, что Россія отторгнувшись отъ Славянской братіи черезъ порабощенье Польши, особенно же предавъ ее въ руки Нѣмцовъ, общихъ и главныхъ враговъ всего Славянскаго племени, не можетъ иначе возвратиться къ Славянскому единству и братству, какъ черезъ освобожденье Польши, и что по этому, мое мѣсто на Славянскомъ Конгрессѣ, должно быть между Поляками. Поляки приняли меня съ рукоплесканьями и выбрали депутатомъ въ [южно] южно-Славянское отдѣленье, сообразно съ моимъ собственнымъ желаньемъ. Старообрядческій попъ вмѣстѣ со мною вступилъ въ отдѣленье Поляковъ и по моему ходатайству былъ даже избранъ ими въ Общее Собранье состоявшее изъ депутатовъ трехъ главныхъ груповъ.—Я не скрою отъ ВАСЪ ГОСУДАРЬ, что мнѣ приходило на мысль употребить этаго попа на революціонерную пропаганду въ Россіи. Я зналъ что на Руси много старообрядцевъ и другихъ расколовъ и что русскій Народъ склоненъ къ религіозному фанатизму. Попъ же мой былъ человѣкъ хитрый, смышленный, настоящій русскій плутъ и пройдоха, бывалъ въ Москвѣ, зналъ много о старообрядцахъ да и расколахъ вообще въ Русской Имперіи, да кажется что и монастырь то его находился въ постоянной связи съ русскими старообрядцами. Но я не имѣлъ времяни заняться имъ, сомнѣвался отчасти въ нравственности такаго сообщества, не имѣлъ еще опредѣленнаго плана для дѣйствія, ни связей,

а главное не имѣлъ денегъ; безъ денегъ же съ такими людьми и говорить нечего. Къ тому же я былъ въ это время исключительно занятъ Славянскимъ вопросомъ, видѣлъ его рѣдко а потомъ и совсѣмъ потерялъ его изъ виду.

Дни текли, Конгрессъ не двигался. Поляки занимались регламентомъ, парламентскими формами, да Руссинскимъ вопросомъ; вопросы болѣе важные переговаривали не на Конгрессѣ; и въ собраньяхъ особенныхъ [и] не такъ многочисленныхъ. Я въ сихъ собраньяхъ не учавствовалъ, слышалъ только что въ нихъ продолжались отчасти Бреславскія распри и была сильно рѣчь о Коссутѣ *) и о Мажіарахъ съ которыми, если не ошибаюсь, Поляки уже въ то время начинали имѣть положительныя сношенья, къ великому неудовольствію протчихъ Славянъ.—Чехи были заняты своими честолюбивыми планами, Южные Славяне предстоявшей войною. Объ общемъ Славянскомъ вопросѣ мало кто думалъ. Мнѣ опять стало тоскливо и я началъ чувствовать себя въ Прагѣ въ такомъ же уединеньи, въ какомъ былъ прежде въ Парижѣ и въ Германіи.—Я нѣсколько разъ говорилъ въ Польскомъ, въ Южно-Славянскомъ а также и въ общемъ Собраніи; вотъ главное содержанье моихъ рѣчей:

«Зачѣмъ вы съѣхались въ Прагу? Для того ли чтобъ толковать здѣсь о своихъ провинціальныхъ интересахъ? Или для того чтобъ слить всѣ частныя дѣла Славянскихъ народовъ, ихъ интересы, требованья, вопросы въ одинъ нераздѣльный, великій Славянскій вопросъ? Начните же заниматься имъ и покорите всѣ частныя требованью Славянскому дѣлу. Наше Собранье есть первое Славянское собранье; мы должны положить здѣсь [первое основанье] начало новой Славянской жизни, провозгласить и утвердить единство всѣхъ Сла-

*) Т.-е. Кошуте. *Прим. ред.*

вянскихъ племенъ, соединенныхъ отнынѣ въ одно нераздѣльное и великое политическое тѣло».

«И во первыхъ спросимъ себя. наше Собранье есть ли только собранье Австрійскихъ Славянъ или вообще Славянское Собранье? Какой смыслъ выраженья: Австрійскіе Славяне? Славяне живущіе въ Австрійской Имперіи, не болѣе, а если вы хотите, такъ пожалуй: Славяне порабощенные Австрійскими Нѣмцами. Если жъ вы хотите ограничить ваше собранье представителями только Австрійскихъ Славянъ, какимъ правомъ называете вы его Славянскимъ? Вы исключаете [большинство] всѣхъ Славянъ Россійской Имперіи, Славянъ подданныхъ Пруссіи, Турецкихъ Славянъ; меньшинство исключаетъ огромное большинство и смѣетъ называть себя Славянскимъ! Называйте жъ себя Нѣмецкими Славянами и Конгрессъ вашъ Конгрессомъ Нѣмецкихъ рабовъ, а не Славянскимъ Конгрессомъ.

«Я знаю, многіе изъ васъ надѣятся на опору Австрійской династіи. Она теперь вамъ все обѣщаетъ, она вамъ льститъ потому что вы ей необходимы; но сдержитъ ли она свои обѣщанья и будетъ ли имѣть возможность сдержать ихъ, когда вашею помощью возстановитъ свою падшую власть? Вы говорите что сдержитъ, я же увѣренъ что нѣтъ. Первый законъ всякаго Правительства есть законъ самосохраненья; ему покорены всѣ нравственные законы, и нѣтъ еще въ Исторіи примѣра, чтобъ какое Правительство сдержало безъ принужденья обѣщанья данныя имъ въ критическую минуту. Вы увидите, Австрійская династія не только что позабудетъ ваши услуги, но будетъ мстить вамъ за свою прошедшую постыдную слабость принуждавшую ее унижаться передъ вами и льстить вашимъ крамольнымъ требованьямъ [Австр.]. Исторія Австрійской династіи богаче другихъ такими примѣрами, и вы ученые Чехи, вы знающіе такъ хорошо и такъ подробно про-

шедшія несчастія своей родины, вы должны бы были понимать лучше другихъ что не любовь къ Славянамъ, и не любовь къ Славянской независимости и къ Славянскому языку и къ Славянскимъ правамъ и обычаямъ, но единственно только желѣзная необходимость заставляетъ ее нынѣ искать вашей дружбы.

«Наконецъ предположивъ даже невозможное, предположивъ что Австрійская династія захочетъ въ самомъ дѣлѣ и будетъ въ состояньи соблюсти данное слово, какія будутъ ваши пріобрѣтенья? Австрія изъ полу-Нѣмецкаго Государства превратится въ полу-Славянское; это значитъ что вы изъ притѣсняемыхъ превратитесь въ притѣснителей, изъ ненавидящихъ въ ненавистныхъ; это значитъ что вы малочисленные Австрійскіе Славяне отторгнетесь отъ Славянскаго большинства, что вы сами разрушите всякую надежду на соединенье Славянъ, на то великое Славянское Единство, которое по крайнѣй мѣрѣ въ вашихъ словахъ есть первый и главный предметъ вашихъ желаній.—Славянское единство, Славянская свобода, Славянское возрожденье не иначе возможны какъ черезъ совершенное разрушенье Австрійской Имперіи.

«Не менѣе ошибаются и тѣ которые для возстановленья Славянской Независимости надѣются на помощь Русскаго Царя. Русскій Царь заключилъ новый тѣсный союзъ съ Австрійскою Династіею, не за васъ но противъ васъ, не для того чтобъ помогать вамъ, а для того чтобъ возвратить васъ насильно, васъ равно какъ и всѣхъ прочихъ бунтующихъ Австрійскихъ подданныхъ, въ старое подданство, къ старому безусловному повиновенью, Императоръ Николай не любитъ ни народной свободы, ни конституцій; вы видѣли живой примѣръ въ Польшѣ. Я знаю что Русское Правительство уже съ давнихъ временъ обрабатываетъ васъ, равно какъ и Турецкихъ Славянъ,

своими агентами, которые объѣзжаютъ Славянскія земли, распространяя между вами Панславистическія мысли, обольщая васъ надеждою на скорую помощь, на приближающееся будто бы освобожденье всѣхъ Славянъ могучею силою Русскаго Царства! и не сомнѣваюсь что оно видитъ въ далекой, въ весьма далекой будущности, моментъ когда всѣ Славянскія земли войдутъ въ составъ Россійской Имперіи. Но никто изъ насъ не доживетъ до желаннаго часу, хотите вы ждать до тѣхъ поръ? Не вы одни, Славянскіе Народы успѣютъ одряхлѣть до [тѣхъ поръ] того времяни.—Теперь же вамъ нѣтъ мѣста въ недрахъ Русскаго Царства: вы хотите жизни, а тамъ мертвое молчанье; требуете Самостоятельности, движенья, а тамъ механическое послушанье. Желаете воскрѣсенья, возвышенья, просвѣщенья, освобожденья, а тамъ смерть, темнота и рабская работа. Войдя въ [гробъ] Россію Императора Николая вы вошли бы во гробъ всякой народной жизни и всякой свободы.—Правда что безъ Россіи Славянское единство не полно и нѣтъ Славянской силы; но безумно было бы ждать спасенья и помощи для Славянъ отъ настоящей Россіи. Что жъ остается Вамъ? Соединитесь сначала внѣ Россіи, не исключая ее, но ожидая, надѣясь на ее скорое освобожденье; и она увлечется вашимъ примѣромъ и вы будете освободителями Россійскаго Народа, который въ свою очередь будетъ потомъ вашею силою и вашимъ щитомъ.

«Начните же свое соединенье слѣдующимъ образомъ: объявите что вы Славяне не Австрійскіе а живущіе на Славянской Землѣ въ такъ называемой Австрійской Имперіи, сошлись и соединились въ Прагѣ для заложенья перваго основанья будущей вольной и великой федераціи всѣхъ Славянскихъ Народовъ и что, въ ожиданьи присоединенья Славянскихъ братій въ Русской Имперіи, въ Прусскихъ владѣньяхъ, въ Турціи,—

вы Чехи, Моравы, Поляки изъ Галиціи и Кракова, Руссины, Шлензаки, Словаки, Сербы, Словенцы, Хорваты и Далматы заключили между собою крѣпкій и неразрывный, оборонительный и наступательный союзъ, на слѣдующихъ основаньяхъ»:

Я не стану высчитывать здѣсь всѣхъ пунктовъ придуманныхъ мною; скажу только что проектъ сей, напечатанный потомъ, впротчемъ безъ моего вѣдома и только отрывкомъ въ одномъ изъ Чешскихъ журналовъ, былъ составленъ въ демократическомъ духѣ; что онъ оставлялъ много простору національнымъ и провинціальнымъ различьямъ во всемъ что касалось административнаго управленья, полагая впротчемъ и тутъ нѣкоторыя основныя опредѣленья, общія и обязательныя для всѣхъ; но что во всемъ касавшемся внутренней какъ и внѣшней политики, власть была перенесена и сосредоточена въ рукахъ Центральнаго Правительства. Такимъ образомъ и Поляки и Чехи должны были исчезнуть со всѣми своекорыстными и самолюбивыми притязаньями въ общемъ Славянскомъ союзѣ.—Я совѣтовалъ также Конгрессу требовать отъ Инспрукскаго, тогда еще всеуступавшаго Двора офиціальнаго признанья Ссюза и тѣхъ же самыхъ уступокъ которыя оно не за долго передъ тѣмъ сдѣлало Мажіарамъ, а посему не могло отказать своимъ добрымъ и вѣрнымъ Славянамъ; какъ-то: особеннаго Славянскаго Министерства, особеннаго Славянскаго войска съ Славянскими офицерами и особенныхъ Славянскихъ финансъ.—Совѣтовалъ также требовать возвращенья Хорватскихъ [войскъ] и другихъ Славянскихъ полковъ изъ Италіи; совѣтовалъ наконецъ послать повѣреннаго въ Венгрію, къ Косуту, уже не отъ имяни Бана Іелачича, но во имя всѣхъ соединенныхъ Славянъ, для того чтобъ разрѣшить мирнымъ образомъ Мажіаро-Славянскій вопросъ и предложить Мажіарамъ

равно какъ и Седьмиградскимъ Валахамъ вступить въ [восточный] Славянскій, или пожалуй въ восточно-республиканскій Союзъ, на правахъ равныхъ со всѣми Славянами.

Признаюсь ГОСУДАРЬ, что подавая такой проектъ Славянскому Конгрессу, я имѣлъ въ виду совершенное разрушенье Австрійской Имперіи, разрушенье въ обоихъ случаяхъ: въ случаѣ принужденнаго согласья, а также и въ случаѣ [отклоненья] отказа, который бы привелъ Династію въ гибельную коллизію съ Славянами. Другая же и главная цѣль моя была, найти въ соединенныхъ Славянахъ точку отправленья для широкой, революціонерной пропаганды въ Россіи, для начала борьбы противъ ВАСЪ ГОСУДАРЬ!—Я не могъ соединиться съ Нѣмцами: это была бы война Европы, и что еще хуже война Германіи противъ Россіи; съ Поляками также не могъ соединиться; они мнѣ плохо вѣрили, да и мнѣ самому, когда я узналъ ближе ихъ національный характеръ, ихъ неизцѣлимый, хоть исторически и понятный мнѣ эгоизмъ, мнѣ самому [сдѣлалось] стало ужъ совѣстно и совершенно невозможно мѣшаться съ Поляками, дѣйствовать съ ними за одно противъ родины. Въ Славянскомъ же союзѣ я видѣлъ [только] напротивъ отечество еще шире, въ которомъ, лишь бы только Россія къ нему присоединилась, и Поляки и Чехи должны бы были уступить ей первое мѣсто.

Я нѣсколько разъ употребилъ выраженье: «революціонерная пропаганда въ Россіи»; пора же мнѣ наконецъ объяснить какимъ образомъ я разумѣлъ сію пропаганду, какія у меня были на то надежды и средства.—Прежде всего ГОСУДАРЬ, я долженъ торжественно объявить ВАМЪ, что у меня ни прежде, ни въ это время, ни потомъ не было не только что связей, но даже ни тѣни, ниже начала сношеній съ Россіею и съ Русскими, и ни съ однимъ человѣкомъ живущимъ въ пре-

дѣлахъ ВАШЕЙ Имперіи. Отъ 1842-го года я не получилъ изъ Россіи болѣе десяти писемъ и самъ едва написалъ столько же; въ письмахъ же сихъ не было даже и воспоминанья о политикѣ. Въ 1848-мъ году я надѣялся было войти въ сношенья съ Русскими живущими на Познанской и Галиційской границахъ; для этаго мнѣ была необходима помощь Поляковъ, но съ Поляками, какъ я уже нѣсколько разъ изъяснялъ, я не могъ или не умѣлъ сойтиться; самъ же не былъ ни разу ни въ Познанскомъ Герцогствѣ, ни въ Краковѣ, ни въ Галиціи, а также и не зналъ ни однаго жителя сихъ провинцій про котораго могъ бы утвердительно и по совѣсти сказать что онъ имѣлъ отношенье съ Царствомъ Польскимъ или съ Украйною. Да и не думаю чтобъ Поляки въ это время имѣли частыя сношенья съ пограничными Провинціями Россійской Имперіи: они жаловались на трудность сообщеній, на живую, непроходимую стѣну которою она себя окружила. Доходили же только глухіе, большею частью безсмысленные слухи: такъ напримѣръ пронесся разъ слухъ о бунтѣ въ Москвѣ и о будто бы вновь открытомъ русскомъ заговорѣ; другой разъ, что будто бы русскіе офицеры заколотили пушки на Варшавской Цитадели, и тому подобные пустяки, въ которые я, несмотря на все безумье въ которое былъ самъ погруженъ, никогда не вѣрилъ.

Всѣ мои предпріятья остались въ мыслѣ, не потому чтобъ я тогда не хотѣлъ, но потому что не могъ дѣйствовать, не имѣя ни путей, ни средствъ для пропаганды.—Графъ Орловъ сказалъ мнѣ, что Правительству было донесено, что будто бы я говорилъ за границею о своихъ сношеньяхъ съ Россіею особенно съ Малороссіею. На это я могу сказать только одно: я никогда не любилъ лгать, а потому и не говорилъ и не могъ говорить о сношеньяхъ которыхъ у меня не было. Слышалъ же объ Украйнѣ отъ Поль-

скихъ помѣщиковъ живущихъ в Галиціи, слышалъ что будто бы въ слѣдствіе освобожденья Галицій-скихъ крестьянъ въ началѣ 1848-го года, и Малороссійскіе крестьяне въ Волынѣ, въ Подоли, равно какъ и въ Кіевской Губерніи, пришли въ такое сильное волненье, что многіе помѣщики, опасаясь за жизнь свою, уѣхали въ Одессу.—Вотъ рѣшительно все что я слышалъ о Малороссіи; очень можетъ быть что потомъ я публично говорилъ о семъ извѣстіи, потому что хватался рѣшительно за все что хоть нѣсколько могло поддержать или лучше сказать пробудить въ Европейской [публикѣ] особенно же въ Славянской публикѣ, вѣру въ возможность, въ необходимость русской ревлюціи.

Я долженъ сдѣлать тутъ одно замѣчанье.—Обреченный предыдущею жизнью, понятьями, полсженьемъ, неудовлетворенною потребностью дѣйствія, а также и волею, на несчастную революціонерную карьеру, я не могъ оторвать ни природы, ни сердца, ни мыслей своихъ отъ Россіи; въ слѣдствіе этаго не могъ имѣть другаго круга дѣйствія кромѣ Россіи; въ слѣдствіе этаго долженъ былъ вѣрить или лучше сказать долженъ былъ заставлятъ себя и другихъ вѣрить въ русскую революцію. То что въ этомъ письмѣ, я сказалъ о Мицкевичѣ, можетъ быть [хоть] и не въ томъ размѣрѣ примѣнено ко мнѣ самому: я былъ въ тоже время обманутымъ и обманщикомъ, обольщалъ себя и другихъ, какъ бы насильствуя мой собственный умъ и здравый смыслъ моихъ слушателей.—По природѣ я не шарлатанъ, ГОСУДАРЬ; напротивъ ничто такъ не противно мнѣ какъ ш а р л а т а н и з м ъ, и никогда жажда простой, чистой истинны не угасала во мнѣ; но неестественное, несчастное положенье, въ которое я впротчемъ самъ привелъ себя, заставляло меня иногда быть шарлатаномъ противъ воли. Безъ связей, безъ средствъ, одинъ съ своими замыслами посреди чуждой толпы, я имѣлъ только одну сподвижницу:

вѣру, и говорилъ себѣ что вѣра переноситъ горы, разрушаетъ преграды, побѣждаетъ непобѣдимое и творитъ невозможное; что одна вѣра есть уже половина успѣха, половина побѣды: совокупленная съ сильною волею, она рождаетъ обстоятельства, рождаетъ людей, собираетъ, соединяетъ, сливаетъ массы въ одну душу и силу; говорилъ себѣ что вѣруя самъ въ русскую революцію и заставивъ вѣрить въ нее другихъ, Европейцовъ, особливо Славянъ, въ послѣдствіи же и Русскихъ, я сдѣлаю революцію въ Россіи возможною, необходимою. Однимъ словомъ, я хотѣлъ вѣрить, хотѣлъ чтобъ вѣрили и другіе. Не безъ труда и не безъ тяжкой борьбы доставалась мнѣ сія ложная, искусственная, насильственная вѣра; не разъ въ уединенныхъ минутахъ находили на меня мучительныя сомнѣнья, сомнѣнья и въ нравственности и въ возможности моего предпріятья; не разъ слышался мнѣ внутренній, укоряющій голосъ и не разъ повторялъ я себѣ слова сказанныя Апостолу Павлу, когда онъ назывался еще Савломъ: «Жестоко же есть противу рожна прати»!— но все было напрасно; я заглушалъ въ себѣ совѣсть и отвергалъ сомнѣнья какъ недостойныя.—Я зналъ Россію мало; восемь лѣтъ жилъ за границею, а когда жилъ въ Россіи былъ такъ исключительно занятъ Нѣмецкою философіею, что ничего вокругъ себя не видѣлъ. Къ тому же изученье Россіи, [безъ] безъ особеннсй помощи Правительства, трудно, почти невозможно даже и тѣмъ которые стараются знать ее; а изученье простаго народа, крестьянъ, мнѣ кажется трудно и самому Правительству.—За границею, когда вниманье мое устремилось въ первый разъ на Россію, я сталъ вспоминать, собирать старыя, безсознательныя впечатлѣнія, и отчасти изъ нихъ, отчасти изъ разныхъ доходившихъ до меня слуховъ, создалъ себѣ фантастическую Россію, готовую къ революціи, — натягивая или обрѣзывая, на Прокрустовской кровати моихъ

демократическихъ желаній, каждый фактъ, каждое обстоятельство.—Вотъ какимъ образомъ я обманывалъ себя и другихъ. Я никогда не говорилъ ни о своихъ связяхъ, ни о своемъ вліяньи въ Россіи: это была бы ложь, а ложь была мнѣ противна; но когда вокругъ меня предполагали что я имѣю вліянье, имѣю положительныя связи, я молчалъ, не противурѣчилъ, ибо въ этомъ мнѣньи находилъ почти единственную опору для своихъ предпріятій. Такимъ образомъ должны были произойти многіе пустые, ни на чемъ не основанные слухи дошедшіе вѣроятно потомъ и до Правительства.

Русской пропаганды не было по сему и въ зародышѣ, она существовала только въ моей мыслѣ. Но какимъ образомъ существовала она въ моей мыслѣ? Постараюсь отвѣчать на этотъ вопросъ со всевозможною искренностью и подробностью.—ГОСУДАРЬ! тяжелы мнѣ будутъ сіи признанья!—Не то чтобъ я опасался возбудить ими праведный гнѣвъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и навлечь на себя казнь жесточайшую;—отъ 1848-го года, особенно же со времяни моего заключенья, я успѣлъ перейти черезъ столько различныхъ положеній и впечатлѣній: ожиданій, горькихъ опытовъ и горькихъ предчувствій, надеждъ, опасеній и страховъ, что душа моя наконецъ окалилась, притупилась, и мнѣ кажется что и надежда и страхъ потеряли на нее всякое вліянье!—Нѣтъ ГОСУДАРЬ, но мнѣ тяжко, совѣстно, стыдно говорить ВАМЪ въ глаза о преступленьяхъ, замышленныхъ мною собственно противъ ВАСЪ и противъ Россіи, хоть преступленья сіи были только преступленья въ мыслѣ, въ намѣреньи и никогда не переходили въ дѣйствіе.

Если бъ я стоялъ передъ ВАМИ ГОСУДАРЬ только какъ передъ ЦАРЕМЪ-СУДЬЕЮ я могъ бы избавить себя отъ сей внутренней муки, не входя въ безполѣзныя подробности. Для праведнаго примѣненья карающихъ законовъ довольно бы

было еслибъ я сказалъ: «я хотѣлъ всѣми силами и всѣми возможными средствами вдохнуть революцію въ Россію; хотѣлъ ворваться въ Россію и бунтовать противъ Государя и разрушить въ конецъ существующій порядокъ. Еслижъ не бунтовалъ и не начиналъ пропаганды то единственно только потому что не имѣлъ на то средствъ, а не по недостатку воли».—Законъ былъ бы удовлетворенъ ибо такое признанье достаточно для осужденья меня на жесточайшую казнь существующую въ Россіи.—Но по чрезвычайной милости ВАШЕЙ ГОСУДАРЬ я стою теперь не такъ передъ ЦАРЕМЪ-СУДЬЕЮ какъ передъ ЦАРЕМЪ ИСПОВѢДНИКОМЪ, и долженъ показать Ему всѣ сокровенные тайники своей мысли.—Буду же самъ себя исповѣдывать передъ ВАМИ; постараюсь внести свѣтъ въ хаосъ своихъ мыслей и чувствъ, для того чтобъ изложить ихъ въ порядкѣ; буду говорить перед ВАМИ какъ бы говорилъ передъ самимъ Богом котораго нельзя обмануть ни лѣстью, ни ложью. ВАСЪ же молю ГОСУДАРЬ! позвольте мнѣ позабыть на минуту, что я стою передъ великимъ и страшнымъ ЦАРЕМЪ передъ КОТОРЫМЪ дрожатъ милліоны, въ присутствіи КОТОРАГО никто не дерзаетъ не только произнести, но даже и возимѣть противнаго мнѣнья! — дайте мнѣ подумать что я теперь говорю только передъ своимъ духовнымъ Отцемъ.

Я хотѣлъ революціи въ Россіи.—П е р в ы й в о п р о с ъ: почему я желалъ оной? — В т о р о й в о п р о с ъ: какого порядка вѣщей желалъ я на мѣсто существующаго порядка? и наконецъ, т р е т і й в о п р о с ъ: какими средствами и какими путями думалъ я начать революцію въ Россіи?

Когда обойдешъ міръ, вездѣ найдешъ много зла, притѣсненій, неправды, а въ Россіи, можетъ быть болѣе чѣмъ въ другихъ Государствахъ. Не оттого чтобъ въ Россіи люди были хуже чѣмъ въ запад-

ной Европѣ; напротивъ, я думаю что русскій человѣкъ лучше, добрѣе, шире душой чѣмъ западный; но на Западѣ противъ зла есть лѣкарство: публичность, общественное мнѣнье, наконецъ свобода облагораживающая и возвышающая всякаго человѣка. Это лѣкарство не существуетъ въ Россіи. Западная Европа потому иногда кажется хуже что въ ней всякое зло выходитъ въ наружу, мало что остается тайнымъ. Въ Россіи же всѣ болѣзни входятъ во внутрь, съѣдаютъ самый внутренній составъ общественнаго организма. Въ Россіи главный двигатель страхъ, а страхъ убиваетъ всякую жизнь, всякій умъ, всякое благородное движенье души. Трудно и тяжело жить въ Россіи человѣку любящему правду; человѣку любящему ближняго; уважающему равно во всѣхъ людяхъ достоинство и независимость безсмертной души; человѣку терпящему однимъ словомъ не только отъ притѣсненій которыхъ онъ самъ бываетъ жертва, но и отъ притѣсненій падающихъ на сосѣда!—Русская общественная жизнь есть цѣпь взаимныхъ притѣсненій: Высшій гнететъ Низшаго; сей терпитъ, жаловаться не смѣетъ, но за то жметъ еще Низшаго, который также терпитъ и также мститъ на ему Подчиненномъ. Хуже же всѣхъ приходится простому народу, бѣдному русскому мужику который, находясь на самомъ низу общественной лѣстницы, ужъ никого притѣснять не можетъ и долженъ терпѣть притѣсненья отъ всѣхъ, по этой русской же пословицѣ: «Насъ только лѣнивый не бьетъ!»

Вездѣ воруютъ и берутъ взятки и за деньги творятъ неправду!—и во Франціи, и въ Англіи, и въ честной Германіи; въ Россіи же думаю болѣе чѣмъ въ другихъ Государствахъ. На западѣ публичный воръ рѣдко скрывается, ибо на каждаго смотрятъ тысяча глазъ и каждый можетъ открыть воровство и неправду, и тогда ужъ ни какое министерство не въ силахъ защитить вора.—Въ

Россіи же иногда и всѣ знаютъ о ворѣ, о притѣснителѣ, о творящемъ неправду за деньги; всѣ знаютъ, но всѣ же и молчатъ, потому что боятся; и само начальство молчитъ, зная и за собою грѣхи, и всѣ заботятся только объ одномъ, чтобъ не узнали Министръ, да ЦАРЬ—А до ЦАРЯ далеко ГОСУДАРЬ, такъ же какъ и до Бога высоко!—Въ Россіи трудно и почти невозможно чиновнику быть не воромъ. Во первыхъ, всѣ вокругъ него крадутъ; привычка становится природою, и что преждѣ приводило въ негодованье, казалось противнымъ, скоро становится естественнымъ, неизбѣжнымъ, необходимымъ; во вторыхъ, потому что подчиненный долженъ самъ часто, въ томъ или другомъ видѣ, платить подать начальнику; и наконецъ потому что если кто и вздумаетъ остаться честнымъ человѣкомъ то и товарищи и начальники его возненавидятъ; сначала прокричатъ его чудакомъ, дикимъ, необщественнымъ человѣкомъ, а если неисправится [тогда] такъ пожалуй и либераломъ, опаснымъ вольнодумцемъ, и тогда ужъ не успокоятся преждѣ чѣмъ его совсѣмъ не задавятъ и не сотрутъ его съ лица земли.—Изъ низшихъ же чиновниковъ, воспитанныхъ въ такой школѣ, дѣлаются со времянемъ высшіе, которые въ свое очередь, и тѣмъ же самымъ способомъ, воспитываютъ вступающую молодежь:—и воровство и неправда и притѣсненья въ Россіи [какъ] живутъ и растутъ какъ тысячочленный полипъ, котораго какъ не руби и не рѣжь, онъ никогда не умираетъ.

Одинъ страхъ противу сей всепоѣдающей болѣзни не дѣйствителенъ. Онъ приводитъ въ ужасъ, останавливаетъ на время, но на короткое время. Человѣкъ привыкаетъ ко всему, даже и къ страху: Везувій окруженъ селеньями и самое то мѣсто гдѣ зарыты Геркуланъ и Помпея покрыто живущими; въ Швейцаріи, многолюдныя деревни живутъ иногда подъ треснувшимъ утесомъ, и всѣ знаютъ что онъ каждый день, [можетъ] каждый часъ

можетъ повалиться и что въ страшномъ паденьи онъ обратитъ въ прахъ все подъ нимъ обретающееся; и никто не двинется съ мѣста, утѣшая себя мыслью что авось еще [не] долго не упадетъ. Такъ и русскіе чиновники, ГОСУДАРЬ! Они знаютъ сколь гнѣвъ ВАШЪ бываетъ ужасенъ и ВАШИ наказанья строги, когда до ВАСЪ доходитъ извѣстье о какой неправдѣ, о какомъ воровствѣ; и всѣ дрожатъ при одной мысли ВАШЕГО гнѣва и все таки продолжаютъ и красть и притѣснять и творить неправду! Отчасти потому что трудно отстать отъ старой, закоренѣлой привычки; отчасти потому что каждый затянутъ, запутанъ, обязанъ другими вмѣстѣ съ нимъ воровавшими и ворующими ворами; болѣе же всего потому что всякій утѣшаетъ себя мыслью что онъ будетъ дѣйствовать такъ осторожно и пользуется такою сильною воровскою же протекціею, что никогда его прегрѣшенья не дойдутъ до ВАШЕГО слуха.

Одинъ страхъ недѣйствителенъ. Противъ такого зла необходимы другія лѣкарства: благородство чувствъ, самостоятельность мысли, гордая безбоязненность чистой совѣсти, уваженье человѣческаго достоинства въ себѣ и другихъ, а наконецъ и публичное презрѣнье ко всѣмъ безчестнымъ, безчеловѣчнымъ людямъ, общественный стыдъ, общественная совѣсть! Но этѣ качества, силы цвѣтутъ только тамъ гдѣ есть для души вольной просторъ, не тамъ гдѣ преобладаютъ рабство и страхъ; сихъ добродѣтелей въ Россіи боятся, не потому чтобъ ихъ не любили, но опасаясъ чтобъ съ ними не завелись и вольныя мысли...

Я не смѣю входить въ подробности ГОСУДАРЬ! Смѣшно и дерзко было бы если бъ я сталъ говорить ВАМЪ о томъ что ВЫ сами въ милліонъ разъ лучше знаете чѣмъ я.—Я не мало знаю Россію, и что зналъ объ ней высказалъ въ своихъ немногочисленныхъ статьяхъ и брошюрахъ, а так-

же и въ защитительномъ письмѣ написанномъ мною въ крѣпости Königstein. Я говорилъ въ нихъ часто въ выраженьяхъ дерзостныхъ и преступныхъ противъ ВАСЪ ГОСУДАРЬ, въ болѣзненно-горячешномъ духѣ и тонѣ, грѣша противъ русской пословицы: «изъ избы сору не выносить»,—но сообразно своимъ тогдашнимъ убѣжденьямъ, такъ что все ложное и невѣрное въ нихъ можетъ быть приписано незнанью Россіи, моему немощному уму, а не сердцу.

Болѣе всего поражало и смущало меня несчастное положенье въ которомъ обретается нынѣ такъ называемый черный народъ, русскій добрый и всѣми угнетенный мужикъ. Къ нему я чувствовалъ болѣе симпатіи чѣмъ къ прочимъ классамъ, несравненно болѣе чѣмъ къ безхарактерному и блудному сословью русскихъ дворянъ. На немъ основывалъ всѣ надежды на возрожденье, всю вѣру на великую будущность Россіи; въ немъ видѣлъ свѣжесть, широкую душу, умъ свѣтлый, не зараженный заморскою порчею и русскую силу;—и думалъ, чтобы былъ этотъ народъ еслибъ ему дали свободу и собственность, еслибъ его выучили читать и писать! и спрашивалъ, почему нынѣшнее Правительство, Самодержавное, вооруженное безграничною властью, не ограниченное по закону и въ дѣлѣ, ни какимъ чуждымъ правомъ, ни единою соперничествующею Силою,—почему оно не употребитъ своего Всемогущества на освобожденье, на возвышенье, на просвѣщенье русскаго Народа? И много другихъ вопросовъ, связанныхъ съ симъ главнымъ, основнымъ, представлялись душѣ моей!—и вмѣсто того чтобъ отвѣчать на нихъ, какъ долженъ отвѣчать, на подобныя сомнѣнья, каждый подданный ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА: «Не мое дѣло разсуждать о сихъ предметахъ; знаютъ ГОСУДАРЬ да начальство, мое же дѣло повиноваться»; вмѣсто другаго отвѣта также не лишеннаго осно-

ванья и служащаго основаньемъ первому: Правительство смотритъ на всѣ вопросы съ верьху, обнимая всѣ въ одно время; я же смотря на нихъ съ низу, не могу видѣть всѣхъ препятствій, всѣхъ трудностей, обстоятельствъ и ссвременныхъ условій какъ внутренней такъ и внѣшней политики; поэтому и не могу опредѣлить [какъ оно] удобнаго часу для всякаго дѣйствія;—вмѣсто сихъ отвѣтовъ, я дерзостно и крамольно отвѣчалъ въ умѣ и въ писаньяхъ своихъ: «Правительство не освобождаетъ Русскаго Народа, во первыхъ потому что, при всемъ Всемогуществѣ Власти, неограниченной по Праву, оно въ самомъ дѣлѣ ограничено множествомъ обстоятельствъ, связано невидимыми путями, связано своею развращенною администраціею, связано наконецъ эгоизмомъ дворянъ. Еще же болѣе потому что оно дѣйствительно не хочетъ [дѣйст] ни свободы, ни просвѣщенья, ни возвышенья Русскаго Народа, видя въ немъ только бездушную машину для завоеваній въ Европѣ!»— Отвѣтъ сей, совершенно противный моему вѣрноподданническому долгу, не противорѣчилъ моимъ демократическимъ понятьямъ. NB

Могли бы спросить меня: Какъ думаешь ты теперь?—ГОСУДАРЬ! Трудно мнѣ будетъ отвѣчать на этотъ вопросъ!—Въ продолженье болѣе чѣмъ двухлѣтняго одинокаго [содер.] заключенья, я успѣлъ многое передумать и могу сказать, что никогда въ жизнѣ такъ серьезно не думалъ какъ въ это время: я былъ одинъ, далеко отъ всѣхъ обольщеній, былъ наученъ живымъ и горькимъ опытомъ. Еще болѣе усумнился я въ истиннѣ многихъ старыхъ мыслей, когда въѣхавъ въ Россію, нашелъ въ ней такую человѣколюбивую, благородную, сострадательную встрѣчу, вмѣсто ожидаемого жестокаго и грубаго обхожденья. На дорогѣ, я услышалъ многое чего прежде не зналъ и чему бы за границей никогда бы не повѣрилъ. Многое, очень многое во мнѣ измѣнилось; но могу

ли сказать по совѣсти, чтобъ во мнѣ не осталось также и много, много слѣдовъ стэрой болѣзни?— Одну истинну понялъ я совершенно: что Правительственная наука и Правительственное дѣло такъ велики, такъ трудны, что мало кто въ состояньи постичь ихъ простымъ умомъ, не бывъ къ тому приготовленъ особеннымъ воспитаньемъ, особенною атмосферою, близкимъ знакомствомъ и постояннымъ обхожденьемъ съ ними [пока]—что въ жизни Государствъ и Народовъ есть много высшихъ условій, законовъ, не подлежащихъ обыкновѣнной мѣркѣ, и что многое что кажется намъ въ частной жизни неправеднымъ, тяжкимъ, жестокимъ, становится въ высшей политической области необходимымъ. Понялъ что Исторія имѣетъ свой собственный, таинственный ходъ, логическій, хоть и противорѣчащій часто логикѣ міра, Спасительный, хоть и не всегда соотвѣтствующій нашимъ частнымъ желаньямъ,—и что, кромѣ нѣкоторыхъ исключеній весьма рѣдкихъ въ Исторіи, какъ бы допущенныхъ Провидѣньемъ и освященныхъ признаньемъ Потомства, ни одинъ частный человѣкъ, какъ бы искренни, истинны, святы не казались впротчемъ его убѣжденья, не имѣетъ ни призванья, ни права воздвигать крамольную мысль и безсильную руку противъ неисповѣдимыхъ высшихъ Судебъ.—Понялъ однимъ словомъ, что мои собственные замыслы и дѣйствія были въ высшей степени смѣшны, безсмысленны, дерзостны и преступны; —преступны противъ ВАСЪ моего ГОСУДАРЯ, преступны противъ РОССІИ, моего Отечества, преступны противъ всѣхъ политическихъ и нравственныхъ, божественныхъ и человѣческихъ законовъ!—Но возвращусь къ своимъ крамольнымъ, демократическимъ вопросамъ.

Я спрашивалъ себя также: «Какая польза Россіи въ ея завоеваньяхъ? И если ей покорится Полъ-свѣта будетъ ли она тогда счастливѣе, вольнѣе, богаче? Будетъ ли даже сильнѣе? И не

распадется ли могучее Русское Царство, и нынѣ ужъ столь пространное, почти необъятное, не распадется ли оно наконецъ когда еще далѣе распространитъ свои предѣлы? Гдѣ послѣдняя цѣль его расширенья? Что принесетъ оно порабощеннымъ народамъ замѣсто похищенной независимости?—О свободѣ, просвѣщеньи и народномъ благоденствіи и говорить нечего, развѣ только свою національность стѣсненную рабствомъ! Но Русская или, вѣрнѣе, Великороссійская Національность должна ли и можетъ ли быть національностью цѣлаго міра? Можетъ ли Западная Европа когда сдѣлаться русскою языкомъ, душею и сердцемъ? Могутъ ли даже всѣ Славянскія Племена сдѣлаться русскими? Позабыть свой языкъ,—котораго сама Малороссія не могла еще позабыть—свою литературу, свое родное просвѣщенье, свой теплый домъ однимъ словомъ, для того чтобъ совершенно потеряться и «слиться въ русскомъ Морѣ», по выраженью Пушкина? Что пріобрѣтутъ они, что пріобрѣтетъ сама Россія черезъ такое насильственное смѣшенье? Они, то же что пріобрѣла Бѣлоруссія въ слѣдствіе долгаго подданства у Польши: совершенное истощенье и поглупѣнье Народа. А Россія? Россія должна будетъ носить на плечахъ своихъ всю тяжесть сей необъятной, многосложной насильственной Централизаціи. Россія сдѣлается ненавистна всѣмъ прочимъ Славянамъ такъ, какъ она теперь ненавистна Полякамъ; будетъ не освободительницею, а притѣснительницею родной Славянской Семьи; [притѣснительницею] ихъ врагомъ противъ воли, на счетъ собственнаго благоденствія и на счетъ своей собственной Свободы,—и кончитъ наконецъ тѣмъ что, ненавидимая всѣми, сама себя возненавидитъ, не найдя въ своихъ принужденныхъ побѣдахъ ничего кромѣ мученій и рабства! Убьетъ Славянъ убьетъ и себя!—Таковъ ли долженъ быть конецъ

едва только что начинающейся Славянской жизни и Славянской Исторіи»?

ГОСУДАРЬ! Я не старался смягчать выраженья! Представилъ же ВАМЪ вопросы, волновавшія тогда мою душу, во [всѣхъ] всей ихъ сырой наготѣ, надѣясь на ВАШЕ милостивое *) снисхожденье и для того чтобъ хоть нѣсколько объяснить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, какимъ образомъ идя, или лучше сказать шатаясь отъ вопроса къ вопросу, отъ вывода къ выводу, я успѣлъ отчасти увѣрить себя въ необходимости и нравственности русской революціи.

Я довольно сказалъ чтобъ показать сколь была велика необузданность моей мысли. Теперь же, съ опасностью погрѣшить противъ логики и связи, спѣшу перескочить черезъ множество подобныхъ вопросовъ и мыслей, приведшихъ меня къ окончательному революціонерному заключенью. Трудно ГОСУДАРЬ и неимовѣрно какъ тяжело мнѣ говорить ВАМЪ объ этихъ предметахъ. Трудно, потому что не знаю какимъ образомъ я долженъ объясняться: если стану смягчать выраженья, то ВЫ можете подумать что я хочу скрыть или умалить дерзость своихъ мыслей и что исповѣдь моя не искренна, не совершенна;—еслижъ стану повторять выраженья которыя употреблялъ когда находился въ самомъ разгарѣ политическаго безумья, то ВЫ пожалуй подумаете ГОСУДАРЬ что я, отъ чего сохрани меня Богъ! хочу еще передъ ВАМИ САМИМИ щеголять вольнодумствомъ. Кромѣ этаго, высчитывая подробно всѣ старыя мысли, я долженъ бы былъ различать между тѣми которыя ужъ совершенно отбросилъ и тѣми которыя отчасти или вполнѣ сохранилъ, долженъ бы былъ войти въ безконечныя объясненья, разсужденья, которыя были бы здѣсь не только что неприличны, но совершенно противны духу и един-

*) Конец второй тетради оригинала в шесть писчих листов (или 24 страницы; 1—20; 21—44).

ственной цѣли сей исповѣди, долженствующей содержать только простой, и нелицемѣрный расказъ всѣхъ моихъ прегрѣшеній. — Но не такъ еще трудно, какъ тяжело мнѣ, ГОСУДАРЬ, говорить ВАМЪ о томъ что я дерзалъ думать о направленьи и духѣ ВАШЕГО управленья! тяжело во всѣхъ отношеньяхъ: тяжело по положенью, ибо я предстою ВАМЪ моему ГОСУДАРЮ какъ осужденный преступникъ!—тяжело моему самолюбью: мнѣ такъ и слышится что ВЫ ГОСУДАРЬ, говорите: мальчишка болтаетъ о томъ чего не знаетъ! А болѣе всего тяжело моему сердцу, потому что стою передъ ВАМИ какъ блудный, отчудившійся, развратившійся сынъ передъ оскорбленнымъ и гнѣвнымъ Отцемъ!

Напрасно бояться, личное на меня, всегда прощаю отъ глубины сердца!

Однимъ, словомъ ГОСУДАРЬ я увѣрилъ себя что Россія, для того чтобъ спасти свою честь и свою будущность, должна совершить революцію, свергнуть ВАШУ ЦАРСКУЮ ВЛАСТЬ, уничтожить монархическое правленье и, освободивъ себя такимъ образомъ отъ внутренняго рабства, стать во главѣ Славянскаго движенья: обратить оружье свое противъ Императора Австрійскаго, противъ Прусскаго Короля, противъ Турецкаго Султана, а если нужно будетъ, также и противъ Германіи и противъ Мажіаръ, однимъ словомъ противъ цѣлаго свѣта, для окончательнаго освобожденья всѣхъ Славянскихъ племенъ изъ подъ чуждаго ига. Половина Прусской Шлезіи, большая часть Западной и Восточной Пруссіи, однимъ словомъ всѣ земли, говорящія по Славянски, по Польски, должны были отдѣлиться отъ Германіи. Мои фантазіи простирались и далѣе: я думалъ, я надѣялся, что Мажіарская Нація, принужденная обстоятельствами, уединеннымъ положеньемъ посреди Славянскихъ племенъ, а также и своею болѣе восточною чѣмъ западною природою,— что всѣ Молдавы и Валахи, [а] наконецъ даже и Грѳція войдутъ въ Славянскій Союзъ, и что такимъ

образомъ сожиздется единое вольное восточное Государство и какъ бы Восточный возродившійся міръ, въ противоположность Западному, хоть и не во враждѣ съ онымъ, и что Столицею его будетъ Константинополь.

Вотъ какъ далеко простирались мои революціонерныя ожиданья! впротчемъ не замыслы моего личнаго честолюбья, клянусь ВАМЪ, ГОСУДАРЬ!— и смѣю надѣятся что ВЫ САМИ въ томъ скоро убѣдитесь. Но преждѣ я долженъ отвѣчать на вопросъ: какой формы Правленья я желалъ для Россіи? Мнѣ будетъ очень трудно отвѣчать на него, такъ мысли мои на сей счетъ были неясны и неопредѣленны. Проживъ восемь лѣтъ за границей, я зналъ что я Россію не зналъ и говорилъ себѣ что не мнѣ, еще же менѣе внѣ самой Россіи, опредѣлять законы и формы для ея новаго существованья. Я видѣлъ что [даже] и въ самой западной Европѣ, гдѣ условья жизни опредѣлены уже довольно ясно, гдѣ несравненно болѣе самосознанья чѣмъ въ Россіи,—я видѣлъ что даже и тамъ никто не былъ въ состоянии предугадать не только что постоянныхъ формъ будущности, но даже и перемѣнъ будущаго дня; и говорилъ себѣ: теперь Россію никто не знаетъ, ни Европейцы, ни Русскіе, потому что Россія молчитъ; молчитъ же она не оттого чтобъ ей нечего было говорить, а только потому что и языкъ и всѣ движенья ее связаны. Пусть она воспрянетъ и заговоритъ, и тогда мы узнаемъ и что она думаетъ и чего она хочетъ; она сама покажетъ намъ какія формы и какія учрежденья ей нужны.—Еслибъ въ то время былъ возлѣ меня хоть одинъ Русскій съ которымъ бы я могъ говорить о Россіи, то вѣроятно въ умѣ моемъ образовались бы, не говорю лучшія и разумнѣйшія, по крайнѣй мѣрѣ болѣе опредѣленныя понятья. Но я былъ совершенно одинъ съ своими замыслами, тысячи смутныхъ, другъ другу противурѣчащихъ фантазій толпи-

лись въ моемъ умѣ; я не могъ привесть ихъ въ порядокъ и убѣжденный въ невозможности выйти изъ сего лабиринта своею одинокою силою, отлагалъ разрѣшенье всѣхъ вопросовъ до вступленья на русскую почву.—Я желалъ республики. Но какой республики? Не парламентской. Представительное Правленье, Конституціонныя формы, Парламентская аристократія и такъ называемый экилибръ властей въ которомъ всѣ дѣйствующія силы такъ хитро расположены, что ни одна дѣйствовать не можетъ, однимъ словомъ весь этотъ узкой, хитросплетенный и безхарактерный политическій Катехизисъ западныхъ либераловъ никогда не былъ предметомъ ни моего обожанья, ни моего сердечного участья, ни даже моего уваженья; и въ это время я сталъ презирать его еще болѣе, видя плоды Парламентскихъ [нравовъ] формъ во Франціи, въ Германіи, даже на Славянскомъ Конгрессѣ, особенно же въ Польскомъ отдѣленьи, гдѣ Поляки также играли въ Парламентъ, какъ Нѣмцы играли въ революцію.—Къ тому же русскій Парламентъ, да и Польскій также, былъ бы только составленъ изъ дворянъ,—въ Русскій могло бы еще войти купечество,—огромная же масса Народа, тотъ Настоящій Народъ, оплотъ и сила Россіи, въ которомъ заключается ея жизнь и вся ея будущность, Народъ, думалъ я, остался бы безъ представителей и былъ бы притѣсненъ и обиженъ тѣмъ же самымъ дворянствомъ, которое тѣснитъ его нынѣ. Я думаю что въ Россіи болѣе чѣмъ гдѣ будетъ необходима сильная диктаторская власть, которая бы исключительно занялась возвышеньемъ и просвѣщеньемъ Народныхъ Массъ; — власть свободная по направленью и духу, но безъ парламентскихъ формъ; съ печатаньемъ книгъ свободнаго содержанья но безъ свободы книгопечатанья; окруженная единомыслящими, освѣщенная ихъ совѣтомъ, укрѣпленная ихъ вольнымъ содѣйствіемъ, но не огра-

ниченная ни кѣмъ и ни чѣмъ.—Я говорилъ себѣ, что вся разница между такимъ диктаторствомъ и между Монархическою властью будетъ состоять въ томъ, что первое, по духу своего установленья, должно [стремиться] стремиться къ тому чтобъ сдѣлать свое существованье какъ можно скорѣе ненужнымъ, имѣя въ виду только свободу, самостоятельность и постепенную возмужалость Народа; въ то время какъ Монархическая власть должна напротивъ стараться о томъ чтобъ существованье ее не переставало бы никогда быть необходимымъ, и потому должно содержать своихъ подданныхъ въ неизмѣняемомъ дѣтствѣ.

Что будетъ послѣ диктаторства, я не зналъ, да и думалъ что этого предугадать теперь никто не можетъ.—А кто будетъ диктаторомъ? Могли бы подумать что я себя готовилъ на это высокое мѣсто. Но такое предположенье было бы рѣшительно [неосновательно] несправедливо. Я долженъ сказать, ГОСУДАРЬ, что кромѣ экзальтаціи, иногда фанатической, но фанатической болѣе въ слѣдствіи обстоятельствъ и неестественнаго положенья чѣмъ отъ природы, во мнѣ не было ни тѣхъ блестящихъ качествъ, ни тѣхъ сильныхъ пороковъ, которые творятъ или замѣчательныхъ политическихъ людей или великихъ Государственныхъ Преступниковъ.—Во мнѣ и прежде и въ это время было такъ мало честолюбья что я охотно подчинился бы каждому, лишь бы только увидѣлъ въ немъ способность и средства и твердую волю служить тѣмъ началамъ, въ которыя я вѣрилъ тогда какъ въ абсолютную истинну; и съ радостью послѣдовалъ бы ему и ревностно сталъ бы повиноваться, потому что всегда любилъ и уважалъ дисциплину когда она основана на убѣжденьи и вѣрѣ.—Я не говорю чтобъ во мнѣ не было самолюбья, но никогда не было оно во мнѣ преобладающимъ; напротивъ я долженъ былъ преодолѣвать себя и шелъ какъ бы на перекоръ своей природѣ

когда сбирался или говорить публично или даже писать для публики. Не было во мнѣ и тѣхъ огромныхъ пороковъ à la Danton или à la Mirabeau, того ненасытнаго, широкаго разврату, который для своего утоленья готовъ поставить въ верхъ дномъ цѣлый міръ. А если во мнѣ и былъ эгоизмъ, то онъ единственно состоялъ въ потребности движенья, въ потребности дѣйствія. Въ моей природѣ былъ всегда коренной недостатокъ; это любовь къ фантастическому, къ необыкновѣннымъ, неслыханнымъ приключеньямъ, къ предпріятьямъ открывающимъ горизонтъ безграничный и которыхъ никто не можетъ предвидѣть конца. Мнѣ становилось и душно и тошно въ обыкновѣнномъ спокойномъ кругу. Люди обыкновѣнно [ищутъ] ищутъ спокойствія и смотрятъ на него какъ на высочайшее благо; меня же оно приводило въ отчаянье; душа моя находилась въ неусыпномъ волненьи, требуя дѣйствія, движенья и жизни. Мнѣ слѣдовало бы родиться гдѣ нибудь въ Американскихъ лѣсахъ, между Западными Колонистами, тамъ гдѣ цивилизація едва разсвѣтаетъ и гдѣ вся жизнь есть безпрестанная борьба противъ дикихъ людей, противъ дикой природы, а не въ устроенномъ гражданскомъ обществѣ. А также еслибъ судьба захотѣла сдѣлать меня съ молоду морякомъ, я былъ бы вѣроятно и теперь очень порядочнымъ человѣкомъ, не думалъ бы о политикѣ и не искалъ другихъ приключеній и бурь кромѣ морскихъ. Но судьба не захотѣла ни того ни другого и потребность движенья и дѣйствія осталась во мнѣ неудовлетворенною. Сія потребность соединившись въ послѣдствіи съ демократическою экзальтаціею, была почти моимъ единственнымъ двигателемъ. Что жъ касается до послѣдней, то она можетъ быть выражена въ немногихъ словахъ: любовь къ свободѣ и неотвратимая ненависть ко всякому притѣсненью, еще болѣе когда оно падало на другихъ чѣмъ на меня

самого. Искать своего счастья въ чужомъ счастьи, своего собственнаго достоинства въ достоинствѣ всѣхъ меня окружающихъ, быть свободнымъ въ свободѣ другихъ,—вотъ вся моя вѣра, стремленье всей моей жизни. Я считалъ священнымъ долгомъ возставать противъ всякаго притѣсненья, откуда бы оно не происходило и на кого бы не падало. Во мнѣ было всегда много Донъ-Кихотства, не только политическаго, но и въ частной жизнѣ; я не могъ равнодушно смотрѣть на несправедливость, не говоря ужъ о рѣшительномъ утѣсненьи, вмѣшивался часто, безъ всякаго призванья и права, и не давъ себя времяни обдумать, въ чужія дѣла, и такимъ образомъ, въ продолженье своей многоволнуемой но пустой и безполезной жизни, надѣлалъ много глупостей, навлекъ на себя много непріятностей и пріобрелъ себѣ нѣсколько враговъ, самъ почти никого не ненавидя. Вотъ ГОСУДАРЬ! истинный ключъ ко всѣмъ моимъ безсмысленнымъ поступкамъ, грѣхамъ и преступленьямъ.—Я говорю о томъ съ такою увѣренностью и такъ положительно, потому что въ послѣдніе два года имѣлъ довольно досуга на изученье себя [и] для того чтобъ обдумать всю прошедшую жизнь; а теперь смотрю на себя хладнокровно какъ можетъ только смотрѣть [на себя] умирающій или даже совершенно умершій.

Съ такимъ направленьемъ мыслей и чувствъ я не могъ думать о своемъ собственномъ Диктаторствѣ, не могъ питать въ душѣ своей честолюбивыхъ помысловъ. Напротивъ, я былъ такъ увѣренъ что погибну въ неравной борьбѣ, что нѣсколько разъ даже писалъ другу Рейхелю что я съ нимъ простился на вѣкъ; что если я не погибну въ Германіи, такъ погибну въ Польшѣ, если жъ не въ Польшѣ такъ въ Россіи. Не разъ также говаривалъ Нѣмцамъ и Полякамъ, когда въ моемъ присутствіи они спорили о будущихъ

формахъ правленья: «мы призваны разрушать а не строить; строить будутъ другіе, которые и лучше и умнѣе и свѣжѣе насъ».—Того же самаго надѣялся и для Россіи, я думалъ что изъ революціонернаго движенья выйдутъ люди новые, сильные, и что они овладѣютъ имъ и поведутъ его къ цѣли.

Могли бы спросить меня: Какъ же ты при такой неопредѣленности мыслей, не зная самъ что выйдетъ изъ твоего предпріятья, какъ же ты могъ рѣшиться на такую страшную вѣщь, какова р у с с к а я революція? Развѣ ты не слыхалъ о Пугачевскомъ бунтѣ? или не знаешь до какого варварства, до какой зверской жестокости могутъ дойти русскіе взбунтовавшіеся мужики? и не помнишь словъ Пушкина: «избави насъ Богъ отъ русскаго бунта, безсмысленнаго и безпощаднаго!..»

ГОСУДАРЬ! На этотъ вопросъ, на этотъ упрекъ мнѣ будетъ тяжелѣе отвѣчать чѣмъ на всѣ предыдущія. Оттого тяжелѣе, что хоть преступленье мое не выходило изъ области мысли, я въ мыслѣ ужъ и тогда чувствовалъ себя преступникомъ, и самъ содрогался отъ возможныхъ послѣдствій моего преступнаго предпріятья,—и не отказывался отъ него! Правда, что я старался обманывать себя пустою надеждой на возможность остановить, укротить опьянѣлую ярость разнуздавшейся толпы; но плохо надѣялся, оправдывалъ же себя софизмомъ, что иногда и страшное зло бываетъ необходимымъ, а наконецъ утѣшалъ себя мыслью, что если и будетъ много жертвъ, то и я паду вмѣстѣ съ ними... и Богъ знаетъ! достало ли бы у меня довольно характера, силы и злости для того чтобъ, не говорю совершить, но для того чтобъ начать преступное дѣло. Богъ знаетъ? Хочу вѣрить что нѣтъ, а можетъ быть и да. Чего не дѣлаетъ фанатизмъ! И не даромъ же говорятъ, что въ зломъ дѣлѣ только первый шагъ труденъ.—

Я много и долго думалъ объ этомъ предметѣ, и до сихъ поръ не знаю что сказать, а благодарю только Бога, что онъ не далъ мнѣ сдѣлаться извергомъ и палачемъ моихъ соотечественниковъ!

На счетъ средствъ и путей которые я думалъ употребить для пропаганды въ Россіи, я также не могу дать опредѣленнаго отвѣта. Я не [могъ] имѣлъ и не могъ имѣть опредѣленныхъ надеждъ, ибо находился внѣ всякаго прикосновенья съ Россіею; но [гот] готовъ былъ ухватиться за всякое средство которое бы мнѣ представилось: заговоръ въ войскѣ, возмущенье русскихъ солдатъ, увлеченье русскихъ пленныхъ, еслибъ такіе нашлись, для того чтобъ составить изъ нихъ начатокъ русскаго революціонернаго войска, наконецъ и возмущенье крестьянъ... однимъ словомъ ГОСУДАРЬ, моему преступленью противъ ВАШЕЙ СВЯЩЕННОЙ ВЛАСТИ, въ мыслѣ и въ намѣреньяхъ, не было ни границъ, ни мѣры! и еще разъ благодарю Провидѣнье что, остановивъ меня во время, Оно не дало мнѣ ни совершить, ни даже начать ни однаго изъ моихъ гибельныхъ предпріятій противъ ВАСЪ, моего ГОСУДАРЯ и противъ моей Родины.—Тѣмъ не менѣе я знаю что не такъ само дѣйствіе какъ намѣренье дѣлаетъ преступника и, оставивъ въ сторонѣ мои Нѣмецкіе грѣхи за которые былъ осужденъ сначала на смерть, потомъ на вѣчное заключенье въ рабочемъ домѣ, я вполнѣ и отъ глубины души сознаю, что болѣе всего я преступникъ противъ ВАСЪ ГОСУДАРЬ, преступникъ противъ Россіи, и что преступленья мои заслуживаютъ казнь жесточайшую!

Повинную голову мечь не сечетъ, прости ему Богъ!

Самая тяжелая часть моей исповѣди кончена. Теперь мнѣ остается исповѣдывать ВАМЪ грѣхи Нѣмецкіе, правда болѣе положительныя, и не ограничившіяся ужь одною мыслью, но тѣмъ не менѣе несравненно легче лежащія на моей совѣсти, чѣмъ тѣ мысленные, противъ ВАСЪ ГОСУДАРЬ и противъ Россіи, которыхъ я окончилъ

подробное и нелицемѣрное описанье.—Обращусь опять къ своему расказу.

Я искалъ въ то время точки опоры для дѣйствия. Не найдя оной въ Полякахъ, по всѣмъ вышеупомянутымъ причинамъ, я сталъ искать ее въ Славянахъ. Убѣдившись также потомъ что и въ Славянскомъ Конгрессѣ я ничего не найду, я сталъ собирать людей внѣ Конгресса и составилъ было тайное общество, первое въ которомъ я участвовалъ, общество подъ названьемъ: «Славянскихъ друзей». Въ него вошло нѣсколько Словаковъ, Моравовъ, Кроатовъ и Сербовъ. Позвольте мнѣ ГОСУДАРЬ не называть ихъ имянъ; довольно, что кромѣ меня въ немъ не участвовалъ ни одинъ подданный ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и что само общество просуществовало едва нѣсколько дней, бывъ разсѣяно вмѣстѣ съ Конгрессомъ Пражскимъ возстаньемъ, побѣдою войскъ и принужденнымъ выѣздомъ всѣхъ Славянъ изъ города Праги. Оно не успѣло ни организироваться, ни даже положить первыхъ основаній для своего дѣйствія, но разсѣялось во всѣ стороны, не условившись ни въ сношеньяхъ, ни въ перепискѣ, такъ что послѣ этаго я не имѣлъ и не могъ имѣть связи ни съ однимъ изъ его бывшихъ членовъ, и оно въ моихъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ осталось безъ всякаго вліянья.—Упомянулъ же я объ немъ только для того чтобъ не пропустить ничего въ моемъ подробномъ отчетѣ.

Славянскій Конгрессъ въ послѣднее время измѣнилъ нѣсколько свое направленье; отчасти уступая напору Поляковъ, отчасти же и моимъ содѣйствіемъ, а также и содѣйствіемъ единомыслящихъ со мною Славянъ. Онъ сталъ двигаться по немногу въ духѣ болѣе обще-Славянскомъ, либеральномъ, не говорю демократическомъ, и пересталъ служить особеннымъ видамъ Австрійскаго Правительства: Это было его смертнымъ приговоромъ. Пражское возстанье было впротчемъ

произведено не Конгрессомъ а Студентами и Партіею такъ называемыхъ Чешскихъ демократовъ. Послѣдніе были тогда еще весьма не многочисленны и кажется не имѣли опредѣленнаго политическаго направленья, придерживались же бунту потому что бунтъ былъ тогда въ общей модѣ. Въ это время я былъ съ ними мало знакомъ, ибо они почти совсѣмъ не посѣщали засѣдачья Конгресса, а находились большею частью внѣ Праги, въ окружныхъ деревняхъ, гдѣ возбуждали мужиковъ къ принятью участья въ приготовленномъ ими возстаньи. Я ничего не зналъ ни о ихъ планахъ, ни даже о замышляемомъ движеньи и былъ имъ столько же пораженъ сколько и всѣ протчіе члены Славянскаго Конгресса. Только вечеромъ наканунѣ назначеннаго дня, и то неопредѣленно и смутно, услышалъ я въ первый разъ о имѣвшемъ быть возстаньи Студентовъ и рабочаго класса, и вмѣстѣ съ другими уговаривалъ Студентовъ отказаться отъ невозможнаго предпріятья и не давать Австрійскому войску случая къ легкой побѣдѣ. Явно было что генералъ Князь Виндишгрецъ ничего такъ ревностно не желалъ какъ такого случая для возстановленья упавшаго духа солдатъ и ослабѣвшей воинской дисциплины, для того чтобъ послѣ столькихъ постыдныхъ пораженій, подать Европѣ первый примѣръ побѣды войскъ надъ крамольными массами. Онъ многими мѣрами какъ бы хотѣлъ раздразнить Пражскихъ жителей, явно вызывалъ ихъ на бунтъ, а глупые студенты своими неслыханными требованьями которыхъ ни одинъ Генералъ не могъ бы исполнить не обезчестившись передъ цѣлымъ войскомъ, подали ему желанный поводъ къ началу военныхъ дѣйствій.

Я пробылъ въ Прагѣ до самой капитуляціи, отправляя службу волонтера: ходилъ съ ружьемъ отъ одной барикады къ другой, нѣсколько разъ стрѣлялъ, но былъ впротчемъ во всемъ этомъ

дѣлѣ болѣе какъ гость, не ожидая отъ него болѣшихъ результатовъ. Однако напослѣдокъ совѣтовалъ Студентамъ и другимъ участвовавшимъ свергнуть ратушу, которая [дня четыре] вела тайные переговоры съ Княземъ Виндишгрецомъ, и посадить на ее мѣсто военный комитетъ съ диктаторскою властью; моему совѣту хотѣли было послѣдовать, но поздно; Прага капитулировала, я же на другой день рано отправился обратно въ Бреславль, въ которомъ и пробылъ сей разъ, если не ошибаюсь, до первыхъ чиселъ Іюля.

Описывая впечатлѣнье произведенное на меня первою встрѣчею съ Славянами въ Прагѣ, я сказалъ что во мнѣ пробудилось тогда Славянское сердце и новыя Славянскія чувства заставившія меня почти позабыть весь интересъ связывавшій меня съ демократическимъ движеньемъ Западной Европы. Еще сильнѣе подѣйствовалъ на меня безсмысленный крикъ [противъ] Нѣмцовъ противъ Славянъ, поднявшійся по распущеньи Славянскаго Конгресса со всѣхъ концовъ Германіи, а болѣе всего во Франкфуртскомъ народномъ собраньи. Это ужъ былъ не демократическій крикъ, а крикъ Нѣмецкаго національнаго эгоизма; Нѣмцы хотѣли свободы для себя, не для другихъ. Собравшись во Франкфуртѣ, они ужъ въ самомъ дѣлѣ думали что сдѣлались единою и сильною Націею и [что] что имъ теперь рѣшать судьбы міра! «Das deutsche Vaterland» [50]) существовавшее до сѣлѣ только въ ихъ пѣсняхъ да еще въ разговорахъ за табакомъ и за пивомъ, должно было сдѣлаться отечествомъ половины Европы. Франкфуртское Собранье вышедшее само изъ бунта, основанное на бунтѣ и существовавшее только бунтомъ, стало ужъ называть Итальянцевъ и Поляковъ бунтовщиками, смотрѣть на нихъ какъ на крамольныхъ и преступныхъ противниковъ Нѣмецкаго величья и Нѣмецкаго Всемогущества! Оно называло Нѣмецкую войну за Шлезвигъ-

Прекрасно!

Голштейнъ «Stammverwandt und meer umschlûngen» [51]) святою войною, а войну Италіянцовъ за свободу Италіи, и предпріятья Поляковъ въ Герцогствѣ Познанскомъ преступными!—Но сильнѣе еще обратилась Нѣмецкая національная ярость противъ Славянъ Австрійскихъ собравшихся въ Прагѣ. Нѣмцы уже съ давнихъ временъ привыкли смотрѣть на нихъ какъ на своихъ крѣпостныхъ и не хотѣли имъ позволить даже и дохнуть по Славянски! Въ сей ненависти противъ Славянъ, въ сихъ Славянопожирающихъ крикахъ учавствовали рѣшительно всѣ Нѣмецкія партіи; ужъ не одни только Консерваторы и Либералы, какъ противъ Италіи и Польши, демократы кричали противъ Славянъ [гро] громче другихъ: въ газетахъ, въ брошюрахъ, въ законодательныхъ и въ народныхъ собраньяхъ, въ клубахъ, въ пивныхъ лавкахъ, на улицѣ... это былъ такой гулъ, такая неистовая буря, что еслибъ Нѣмецкій крикъ могъ кого убить или кому повредить, то Славяне уже давно бы всѣ перемерли.—Передъ поѣздкой въ Прагу, я пользовался между Бреславскими демократами большимъ почетомъ, но все мое вліянье утратилось и обратилось въ ничто когда, по возвращеньи, я сталъ защищать въ демократическомъ клубѣ право Славянъ; на меня всѣ вдругъ закричали и договорить даже не дали, и это была моя послѣдняя попытка краснорѣчья въ Бреславскомъ клубѣ, да и вообще во всѣхъ нѣмецкихъ клубахъ и публичныхъ собраньяхъ.—Нѣмцы мнѣ вдругъ опротивѣли, опротивѣли до такой степени что я ни съ Пора было! днимъ не могъ говорить равнодушно, не могъ слышать нѣмецкаго языка и нѣмецкаго голоса, и помню что когда ко мнѣ разъ подошелъ нѣмецкій нищій мальчишка, просить милостыню, я съ трудомъ воздержался отъ того чтобы не поколотить его.

Не я одинъ, всѣ Славяне, ничуть не исключая Поляковъ, также чувствовали. Поляки обману-

тые Французскимъ революціонернымъ Правительствомъ, обманутые Нѣмцами, оскорбленные Нѣмецкими Жидами—Поляки стали говорить громко что имъ остается одно: прибѣгнуть къ покровительству Русскаго Императора и просить у него какъ милости присоединенья всѣхъ Польскихъ, Австрійскихъ и Прусскихъ Провинцій къ Россіи. Таковъ былъ общій голосъ въ Познанскомъ Герцогствѣ, въ Галиціи и въ Краковѣ; одна только эмиграція противурѣчила, но эмиграція въ то время была почти безъ вліянья. Можно было бы подумать что Поляки лицемѣрили, хотѣли только напугать Нѣмцовъ; но они говорили о томъ не Нѣмцамъ, только между собою, и говорили съ такою страстью и въ такихъ выраженьяхъ, что я и тогда не могъ сомнѣваться въ ихъ искренности, да и теперь еще убѣжденъ, что еслибъ ВЫ ГОСУДАРЬ, захотѣли тогда поднять славянское знамя, то они безъ условій, безъ переговоровъ, но слѣпо предавая себя ВАШЕЙ волѣ, они и все что только говоритъ по Славянски въ Австрійскихъ и въ Прусскихъ владѣньяхъ, съ радостью, съ фанатизмомъ бросились бы подъ широкія крылья Россійскаго Орла и устремились бы съ яростью не только противъ ненавистныхъ Нѣмцовъ но и на всю западную Европу.

Не сомневаюсь, т.-е. я бы сталъ въ голову революціи Славянскимъ Mazaniello; спасибо!

Тогда во мнѣ родилась странная мысль. Я вздумалъ вдругъ писать къ ВАМЪ ГОСУДАРЬ! и началъ было письмо; оно также содержало родъ исповѣди, болѣе самолюбивой, фразистой чѣмъ та которую теперь пишу,—я былъ тогда на свободѣ и не наученъ еще опытомъ—но впрочемъ довольно искренной и сердечной: я каялся въ своихъ грѣхахъ; молилъ о прощеньи; потомъ, сдѣлавъ нѣсколько натянутый и напыщенный обзоръ тогдашняго положенья Славянскихъ Народовъ, молилъ ВАСЪ ГОСУДАРЬ во имя всѣхъ утѣсненныхъ Славянъ прійти имъ на помощь, взять ихъ подъ СВОЕ могучее Покровительство, быть

Жаль что не прислалъ!

ихъ Спасителемъ, ихъ Отцемъ и объявивъ Себя Царемъ всѣхъ Славянъ, водрузить наконецъ Славянское Знамя въ восточной Европѣ на страхъ Нѣмцамъ и всѣмъ протчимъ притѣснителямъ и врагамъ Славянскаго племени!—Письмо было многосложное и длинное, фантастическое, необдуманное, но написанное съ жаромъ и отъ души; оно заключало въ себѣ много смѣшнаго, нелѣпаго, но также и много истиннаго, однимъ словомъ, было вѣрнымъ изображеньемъ моего душевнаго безпорядка и тѣхъ безчисленныхъ противурѣчій которыя волновали тогда мой умъ.—Я разорвалъ это письмо и сжегъ его, не докончивъ. Я [опомнился] о п о м н и л с я и подумалъ, что ВАМЪ ГОСУДАРЬ покажется необыкновенно какъ смѣшно и дерзко что я, подданный ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, еще же не простой подданный а государственный преступникъ, осмѣлился писать ВАМЪ, и писать, не ограничиваясъ мольбою о прощеньи, но дерзая подавать ВАМЪ совѣты, уговаривая ВАСЪ на измѣненье ВАШЕЙ политики!.. Я сказалъ себѣ, что письмо мое оставшись безъ всякой пользы, только скомпрометируетъ меня въ глазахъ демократовъ, которые не равно могли бы узнать о моей неудачной, странной, совсѣмъ не демократической попыткѣ. Но болѣе чѣмъ всѣ другія причины заставили меня отказаться отъ сего намѣренья слѣдующія два обстоятельства, встрѣтившіися страннымъ образомъ въ одно и то же время:

Во первыхъ, я узналъ, могу сказать изъ офиціальнаго источника, именно отъ Президента Полиціи въ Бреславлѣ, что Русское Правительство требовало моей выдачи отъ Прусскаго, основываясь на томъ, что будто бы я съ вышеупомянутыми Поляками,—съ двумя братьями, фамиліи которыхъ я преждѣ никогда не слыхалъ, а теперь не помню,—намѣревался посягнуть на жизнь ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. Я ужъ отвѣчалъ

на сію клевету, и молю ВАСЪ ГОСУДАРЬ, позвольте мнѣ болѣе не упоминать о ней!—Во вторыхъ же, слухъ о моемъ шпіонствѣ ужъ не ограничился глухою болтовнею Поляковъ, но нашелъ мѣсто въ Нѣмецкихъ журналахъ: Dr. Marx, одинъ изъ предводителей Нѣмецкихъ комунистовъ въ Брюсселѣ, возненавидившій меня болѣе другихъ за то что я не захотѣлъ быть принужденнымъ посѣтителемъ ихъ обществъ и собраній, былъ въ это время редакторомъ «Rheinische Zeitung» выходившей въ Кёльнѣ. Онъ первый напечаталъ корреспонденцію изъ Парижа въ которой меня упрекали, что будто бы я своими доносами погубилъ многихъ Поляковъ; а такъ какъ «Rheinische Zeitung» была любимымъ чтеньемъ Нѣмецкихъ демократовъ, то всѣ вдругъ и вездѣ, и ужъ громко заговорили о моемъ мнимомъ предательствѣ.—Съ обѣихъ сторонъ стало мнѣ тѣсно: въ глазахъ Правительствъ я былъ злодѣемъ замышлявшимъ Цареубійство, въ глазахъ же Публики подлымъ шпіономъ!—Я былъ тогда убѣжденъ что оба клеветливые слухи происходили изъ одного и того же источника. Они безвозвратно опредѣлили мою участь: я поклялся въ душѣ своей, что не отстану отъ своихъ предпріятій и не собьюсь съ дороги разъ начатой и пойду впередъ не оглядываясь и буду идти пока не погибну, и что погибелью своею докажу Полякамъ и Нѣмцамъ что я не предатель.

Послѣ нѣсколькихъ обьясненій отчасти письменныхъ и личныхъ, отчасти же напечатанныхъ въ Нѣмецкихъ журналахъ, не находя болѣе ни какой пользы, ни цѣли моему пребыванью въ Бреславлѣ, я въ началѣ Іюля отправился въ Берлинъ и пробылъ въ немъ до конца Сентября. — Въ Берлинѣ видѣлся часто съ Французскимъ Посланникомъ Emanuel Arago, встрѣчалъ у него Турецкаго Посланника, который неоднократно просилъ меня посѣщать его; но я у него не былъ, NB

не желая чтобъ обо мнѣ говорили что я какимъ бы то не было образомъ служу Турецкой Политики противъ Россіи, въ то время какъ я желалъ напротивъ освобожденья [Турецкихъ] Славянъ изъ подъ Турецкой власти и совершеннаго разрушенья послѣдней. Видалъ также многихъ Нѣмецкихъ и Польскихъ членовъ Прусскаго законодательнаго или Конституивнаго Собранья, большею частью демократовъ, однако держалъ себя отъ всѣхъ въ великомъ отдаленьи, даже отъ тѣхъ съ которыми былъ преждѣ довольно близокъ въ Бреславлѣ: мнѣ все казалось что на меня всѣ смотрятъ какъ на шпіона, и я готовъ былъ каждаго за то ненавидѣть, и отъ всѣхъ удалялся. Никогда ГОСУДАРЬ, не было мнѣ такъ тяжело какъ въ это время; ни преждѣ, ни потомъ, ни даже тогда, когда, [лишившись] лишившись свободы, я долженъ былъ перейти черезъ всѣ испытанья двухъ криминальныхъ процессовъ. Тутъ я понялъ сколь тяжко должно быть положенье дѣйствительнаго шпіона, или какъ подлъ долженъ быть шпіонъ для того чтобъ переносить равнодушно свое существованье. Мнѣ было очень тяжело ГОСУДАРЬ!

Къ тому же горизонтъ Европейскій, для меня демократа, видимо помрачался. За революціею вездѣ слѣдовала реакція или пріуготовленья къ реакціи. Іюньскія Парижскія происшествія имѣли тяжкія послѣдствія для всѣхъ демократовъ не только въ Парижѣ, во Франціи, но въ цѣлой Европѣ. Въ Германіи еще явныхъ реакціонерныхъ мѣръ не было, казалосъ что всѣ пользовались полной свободою; но тѣ у которыхъ были глаза видѣли что Правительства безъ шуму готовились, совѣщевались, собирали силы и ожидали только удобнаго часу для того чтобъ нанести рѣшительный ударъ; и что они терпѣли безтолковую болтовню Нѣмецкихъ Парламентовъ единственно только потому, что еще болѣе ожидали

себѣ от нихъ пользы, чѣмъ опасались ихъ вредныхъ послѣдствій. Они не обманулись: Нѣмецкіе Либералы и Демократы сами себя убили и сдѣлали имъ побѣду весьма легкою.—Славянскій вопросъ также въ это время запутался: война Бана Іелачича въ Венгріи казаласъ Славянской войною, была предпринята какъ будто бы только для того чтобъ защитить Словаковъ и южныхъ Славянъ отъ нестерпимыхъ притязаній Мажіаръ въ сущности же эта война была начало Австрійской реакціи. Я былъ въ сильномъ сомнѣньи, не зналъ съ кѣмъ симпатизировать. Іелачичу рѣшительно не вѣрилъ, но и Косутъ въ это время былъ еще плохимъ демократомъ; онъ кокетничалъ съ Франкфуртскимъ реакціонернымъ Собраньемъ и даже былъ готовъ помириться съ Инспрукомъ и служить ему и противъ Вѣны и противъ Поляковъ и противъ Италіи, еслибъ только Инспрукскій дворъ захотѣлъ согласиться [съ] на его особенныя Венгерскія требованья.

При всемъ этомъ, я былъ принужденъ къ Берлину безденежьемъ. Еслибъ у меня были деньги № то я можетъ быть поѣхалъ бы въ Венгрію, для того чтобъ быть очевидцемъ, и много листовъ прибавилось бы тогда къ сей уже и безъ того многолиственной исповѣди! но денегъ у меня не было, я не могъ пошевелиться съ мѣста. Также не было и сношеній съ Славянами; исключая однаго не- № значительнаго письма Людвига Штура, на которое я хотѣлъ, но не могъ отвѣчать ибо не зналъ его адресса,—я не получилъ изъ Австріи ни строчки и самъ ни къ кому не писалъ.—Однимъ словомъ до самаго Декабря мѣсяца, я оставался въ полномъ бездѣйствіи; такъ что не знаю что даже и сказать объ этомъ времяни, развѣ только, что я ждалъ у моря погоды, твердо намѣреваясь ухватиться за первую возможность для дѣйствія. Въ какомъ же духѣ я хотѣлъ дѣйствовать, ВЫ уже знаете ГОСУДАРЬ! Это было для меня самое

тяжелое время. Безъ денегъ, безъ друзей, прокричанъ какъ шпіонъ, одинъ посреди многолюднаго города, я не зналъ что дѣлать, за что приняться, [а] иногда даже не зналъ [даже] чѣмъ и какъ буду жить на другой день. Не однимъ безденежьемъ [былъ я связанъ] я былъ пригвожденъ къ Берлину, къ Пруссіи и вообще къ сѣверной Германіи еще и клеветливыми слухами, распространившимися на мой счетъ; и хоть политическія обстоятельства ужъ видимо измѣнились и были такого рода что я почти совсѣмъ пересталъ ожидать и надѣяться, однако я не могъ и не хотѣлъ возвратиться въ Парижъ, единственное прибѣжище которое мнѣ оставалось не доказавъ сперва на живомъ дѣлѣ искренность своихъ демократическихъ убѣжденій. Я долженъ былъ выдержать до конца для того чтобъ спасти свою запятнанную честь. Я сдѣлался
№ золъ, нелюдимъ, сдѣлался фанатикомъ, былъ готовъ на всякое головоломное, только не подлое, предпріятье, и весь какъ бы превратился въ одну революціонерную мысль и въ страсть разрушенья.
Въ концѣ Сентября, вѣроятно по требованью Русскаго Посольства, не подавъ впротчемъ самъ къ тому ни малѣйшаго повода, я былъ принужденъ оставить Берлинъ. Возвратился въ Бреславль,
№ но въ началѣ же Октября былъ принужденъ оставить Бреславль *) и вообще всѣ Прусскія владѣнья, съ угрозою что если я возвращусь, то меня выдадутъ Русскому Правительству. Я разумѣется послѣ такой угрозы ужъ и не пробовалъ возвращаться. Хотѣлъ остановиться въ Дрез-

*) Въ Бреславлѣ равно какъ и въ Берлинѣ демократы готовились было къ вооруженному отпору противъ первыхъ реакціонерныхъ мѣръ Прусскаго Правительства. Никогда можетъ быть не была Прусская Шлезія такъ готова къ всеобщему народному возстанью, какъ имянно въ это время.—Я видѣлъ сіи пріуготовленья, радовался имъ, но самъ не принималъ въ нихъ участья, ожидая болѣе рѣшительныхъ обстоятельствъ.

денѣ, но и оттуда былъ изгнанъ, по недоразумѣнью какъ сказалъ потомъ Министръ и на основаньи древняго требованья Россійскаго Посольства. Такимъ образомъ, гонимый изъ края въ край, я утвердился наконецъ въ Анхальтъ—Кöттенскомъ царствѣ, которое страннымъ образомъ, находясь посреди Прусскихъ владѣній, пользовалось тогда вольнѣйшею Конституціею не только въ Германіи, но я думаю въ цѣломъ мірѣ, и сдѣлалось въ слѣдствіе того, хоть и не надолго, убѣжищемъ для политическихъ изгнанцевъ. Я нашелъ въ Кöтенѣ нѣсколько старыхъ знакомыхъ съ которыми учился вмѣстѣ въ Берлинскомъ университетѣ. Тамъ были также и законодательное и народныя собранья и клубъ и Stündchen и Katzenmusik, но въ сущности никто почти не занимался политикою; такъ что до половины Ноября, я съ своими знакомыми [тоже] не зналъ почти другихъ занятій кромѣ охоты на зайцевъ и на другихъ дикихъ звѣрей.—Это было для меня время отдыха. №

Мой отдыхъ продолжался недолго. Судьба готовила мнѣ гробовой отдыхъ въ крѣпостномъ заключеньи.—Еще въ Октябрѣ мѣсяцѣ, когда Банъ Іелачичь, миновавъ Пестъ [1]), пошелъ прямо на Вѣну, [Прагу] а Генералъ Князь Виндишгрецъ оставилъ съ войсками Прагу я хотѣлъ было ѣхать въ сей послѣдній городъ, желая возбудить Чешскихъ демократовъ къ вторичному возстанью. Однако раздумалъ и остался въ Кöтенѣ. Раздумалъ же потому что не имѣлъ еще сношеній съ Прагой и не зналъ какія перемѣны могли произойти тамъ послѣ Іюньскихъ дней и какое было тогда направленье умовъ; съ демократами былъ плохо знакомъ и не надѣялся на успѣхъ, ожидалъ же напротивъ сильнаго противудѣйствія со стороны Чешско-Конституціонной партіи Палацкаго. Въ Прагѣ, №

[1]) Т.-е. Будапештъ. *Прим. ред.*

думалъ я, меня ужъ давно успѣли забыть,—и отчасти для того чтобъ напомнить о себѣ Пражскимъ жителямъ и для того чтобъ дать по возможности Славянскому движенью направленье другое, болѣе сообразное съ моими собственными какъ Славянскими такъ и демократическими ожиданьями, отчасти же для того чтобъ доказать Полякамъ и Нѣмцамъ что я не русскій шпіонъ и проложить себѣ дорогу къ новому сближенью съ ними,—я началъ писать воззванье къ Славянамъ «Aufruff an die Slaven», которое и было напечатано потомъ въ Лейпцигѣ.—Оно находится также въ числѣ обвинительныхъ документовъ.—Я писалъ его долго, болѣе мѣсяца; откладывалъ, потомъ опять за него принимался, нѣсколько разъ измѣнялъ и долго не рѣшался печатать. Я не могъ выразить въ немъ чисто и ясно своей Славянской мысли, потому что хотѣлъ опять сблизиться съ Нѣмецкими демократами, считая сближенье сіе необходимымъ, и долженъ былъ лавировать между Славянами и Нѣмцами,—родъ плаванья къ которому у меня не было ни большой способности, ни привычки, а еще мѣнѣе охоты. Я хотѣлъ убѣдить Славянъ въ необходимости сближенья съ Германскими, равно какъ и съ Мажіарскими демократами. Обстоятельства уже были не тѣ какъ въ Маѣ: революція ослабла, реакція вездѣ усилилась, и только соединенными силами всѣхъ Европейскихъ демократій можно было надѣяться побѣдить реакціонерный Союзъ Правителей.

Въ Ноябрѣ, въ слѣдъ за Вѣнскими происшествіями, было распущено, также насильственнымъ образомъ, Прусское Конститутивное Собранье. Въ слѣдствіе сего въ Кётенѣ собралось нѣсколько бывшихъ депутатовъ, и между протчими Гекзамеръ и Дестеръ, члены центральнаго Комитета всѣхъ демократическихъ Клубовъ въ Германіи. Комитетъ сей былъ впротчемъ не тайный, бывъ избранъ не за долго передъ тѣмъ въ публич-

ныхъ засѣданьяхъ демократическаго Конгресса въ Берлинѣ. Но онъ сталъ вскорѣ основывать тайныя общества въ цѣлой Германіи, и можно сказать что Нѣмецкія тайныя общества начались только съ этаго времяни. Безъ всякаго сомнѣнья существовали и преждѣ нѣкоторыя, а имянно комунистическія, но они оставались рѣшительно безъ всякаго вліянья. До Ноября мѣсяца все дѣлалось публично въ Германіи: и заговоры и бунты и пріуготовленья къ бунтамъ, и всякій могъ знать объ нихъ кто только хотѣлъ. Избалованные революціею какъ бы упавшею съ неба, безъ всякаго усилья съ ихъ стороны, почти безъ кровопролитья, Нѣмцы долго не могли убѣдиться въ возраставшей силѣ Правителъствъ и въ своемъ собственномъ безсильи; они болтали, пѣли, были ужасны на словахъ, дѣти въ дѣлѣ, и думали что свободѣ ихъ не будетъ конца и что стоило имъ только немного поморщиться для того чтобъ привести всѣ Правительства въ трепетъ. Происшествія въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ научили ихъ однако противному; тутъ они поняли что для удержанья легко пріобрѣтенной Свободы, они должны были принять мѣры болѣе серьезныя, и вся Германія стала готовиться тайно къ новой революціи.

Я Дестера и Гекзамера видѣлъ въ первый разъ въ Берлинѣ, но тогда еще [былъ] мало былъ съ ними знакомъ, ибо удалялся отъ нихъ равно какъ и отъ всѣхъ протчихъ людей, Нѣмцовъ и Поляковъ. Въ Кётенѣ познакомился съ ними ближе; они сначала мнѣ не довѣряли, думая въ самомъ дѣлѣ что я шпіонъ; потомъ однако повѣрили. Я съ ними много говорилъ и спорилъ о Славянскомъ вопросѣ; долго не могъ убѣдить ихъ въ необходимости для Нѣмцовъ отказаться отъ всѣхъ притязаній на Славянскія земли; наконецъ успѣлъ убѣдить ихъ и въ этомъ. Такимъ образомъ начались наши политическія сношенья,—первыя положительныя сношенья съ опредѣленною цѣлью,

которыя я имѣлъ съ Нѣмцами, да и вообще съ какою бы то не было дѣйствующею политическою партіею. Они мнѣ обѣщали употребить все свое вліянье на Нѣмецкихъ демократовъ для того чтобъ изкоренить изъ оныхъ ненависть и предубѣжденья противъ Славянъ; я же имъ обѣщалъ дѣйствовать въ такомъ же духѣ на послѣднихъ. Симъ ограничились на первый разъ наши взаимныя обязательства. Такъ какъ они ужъ меня не боялись, то я зналъ о ихъ замыслахъ, пріуготовленьяхъ, объ образованьи тайныхъ обществъ, слышалъ также и о только что тогда начинавшихся сношеньяхъ съ иностранными демократами, но рѣшительно самъ не вмѣшивался въ ихъ дѣла, даже не хотѣлъ спрашивать, опасаясь возбудить въ нихъ новыя подозрѣнья. Самъ же спѣшилъ окончить «Воззванье къ Славянамъ»,, которое и напечаталъ вскорѣ потомъ въ Лейпцигѣ.

Въ концѣ Декабря, отчасти для того чтобъ быть ближе къ Богеміи и жить въ городѣ представляющемъ болѣе средствъ для сношеній со всѣми пунктами чѣмъ Cöthen, отчасти же и потому что услышалъ, что Прусское Правительство намѣревалось перехватать всѣхъ удалившихся въ сей послѣдній, я вмѣстѣ съ Гекзамеромъ и Дестеромъ переселился въ Лейпцигъ. Тамъ случайно познакомился съ нѣсколькими молодыми Славянами, имяна и качества которыхъ подробно изочтены въ Австрійскихъ обвинительныхъ документахъ. Между ними находились два брата: Густавъ и Адольфъ Страка, Чехи учившіеся тогда Богословію въ Лейпцигскомъ Университетѣ. Они оба добрые и благородные молодые люди, преждѣ знакомства со мной не думавшіе о Политикѣ хоть были оба и ревностные Славяне, и ихъ погибель, мной однимъ причиненная, есть великій грѣхъ на моей душѣ. Преждѣ моего пріѣзда въ Лейпцигъ, они были мнѣнья совершенно противнаго моему, большіе почитатели Іелачича; къ

ихъ несчастью я встрѣтился съ ними, увлекъ ихъ, перемѣнилъ ихъ образъ мыслей, оторвалъ отъ мирныхъ занятій и уговорилъ ихъ быть орудьями моихъ предпріятій въ Богеміи; и теперь еслибъ могъ облегчить ихъ участь ухудшеньемъ моей собственной, я съ радостью понесъ бы на себѣ ихъ наказанье. Но все это поздно! Кромѣ ихъ впротчемъ на моей душѣ не было ни преждѣ, ни въ это время, ни потомъ ни однаго увлеченнаго. Только за нихъ я долженъ отвѣчать Богу.

Черезъ нихъ имянно я узналъ что мое «Воззванье къ Славянамъ» нашло сильный отголосокъ въ Прагѣ; что даже отрывокъ изъ него былъ переведенъ и напечатанъ въ одномъ демократическомъ Чешскомъ журналѣ, редакторомъ котораго былъ Dr. Sabina. Это породило во мнѣ мысль созвать нѣкоторыхъ Чеховъ и нѣсколько Поляковъ въ Лейпцигъ на совѣщанье и на уразумѣнье съ Нѣмцами, съ цѣлью положить первое основанье для общаго революціонернаго дѣйствія. Въ слѣдствіе сего я послалъ Густава Страку въ Прагу, съ порученьемъ къ Арнольду, также редактору однаго демократическаго Чешскаго листа, и къ Сабинѣ *), которыхъ впротчемъ зналъ тогда только одни имяна, не бывъ еще знакомъ съ ними лично. Писалъ также въ Герцогство Познанское тѣмъ изъ моихъ Польскихъ знакомыхъ отъ которыхъ болѣе чѣмъ отъ другихъ могъ надѣяться сочуствія и содѣйствія. Но изъ Поляковъ рѣшительно никто не пріѣхалъ, даже никто не отвѣчалъ мнѣ; изъ Праги же пріѣхалъ только одинъ Арнольдъ не дозволившій Стракѣ позвать также и Сабину, отчасти потому что не довѣрялъ ему, отчасти же я ду-

*) Я долженъ тутъ замѣтить что я съ Густавомъ Страка послалъ также и адрессъ къ Славянской Липѣ [52]), Чешскому болѣе или мѣнѣе демократическому клубу; но что Sabina удержалъ оный у себя, найдя его слишкомъ опаснымъ.

маю и по мѣлкой зависти.—Всѣ сіи обстоятельства, открытыя впротчемъ не мною, но самимъ Арнольдомъ и братьями Страка, подробно изложены въ Австрійскихъ обвинительныхъ актахъ. Я не буду входить, ГОСУДАРЬ, въ мѣлочныя подробности, необходимыя въ инквизиціонномъ слѣдствіи, для открытья истинны, но ненужныя и неумѣстныя въ самовольной и простосердечной исповѣди. Упомяну же въ продолженье сего расказа только о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя необходимы для связи, или о тѣхъ существенныхъ фактахъ которые остались неизвѣстными обѣимъ слѣдственнымъ комиссіямъ.

Приступая къ описанью послѣдняго акта моей печальной революціонерной карьеры, я долженъ сначала сказать чего я хотѣлъ; потомъ стану описывать сами дѣйствія.—Моя политическая горячка, раздраженная и разьяренная предыдущими неудачами, нестерпимостью моего страннаго положенья, а наконецъ и побѣдою реакціи въ Европѣ, достигла въ то время своего высочайшаго пароксизма: я былъ весь превращенъ въ революціонерное желанье, въ жажду революціи, и былъ я думаю, между всѣми червленными республиканцами и демократами червленнѣйшимъ.—Планъ мой былъ слѣдующій:

Нѣмецкіе демократы готовили всеобщее Повстанье Германіи къ веснѣ 1849-го года. Я желалъ чтобъ Славяне соединились съ ними а равно и съ Мажіарами, находившимися уже тогда въ явномъ и рѣшительномъ бунтѣ противъ Императора Австрійскаго. Желалъ чтобъ они соединились какъ съ тѣми такъ и съ другими, не для того чтобъ слиться съ Германіею или покориться Мажіарамъ, но для того чтобъ вмѣстѣ съ торжествомъ революціи въ Европѣ утвердилась бы также и Независимость Славянскихъ племенъ. Время же казалось удобно для такого уразумѣнья; Мажіары и Нѣмцы, наученные опытомъ и нуждаясь въ

союзникахъ, были готовы отказаться отъ прежнихъ притязаній. Я надѣялся что Поляки согласятся быть посредниками между Косутомъ и Славянами Венгерскими, и хотѣлъ взять на себя посредничество между Славянами и Нѣмцами.—Я желалъ чтобъ центромъ и главою сего новаго Славянскаго движенья была Богемія а не Польша. Желалъ того по многимъ причинамъ: во первыхъ потому что вся Польша была такъ истощена и деморализирована предыдущими пораженьями, что я не вѣрилъ въ возможность ея освобожденья безъ чужой помощи; въ то время какъ Богемія, почти еще не тронутая реакціею, пользовалась въ то время полною свободою, была сильна, свѣжа и заключала въ себѣ всѣ нужныя средства для успѣшнаго революціонернаго движенья. Кромѣ этаго, я не желалъ чтобъ Поляки стали во главѣ предполагаемой революціи, боясь, что они или дадутъ ей характеръ тѣсный, исключительно Польскій, или даже пожалуй, если имъ это покажется нужно, предадутъ протчихъ Славянъ своимъ старымъ союзникамъ Западно-Европейскимъ Демократамъ, а [можеть быть] еще легче Мажіарамъ. Наконецъ, я зналъ что Прага есть какъ бы Столица, родъ Москвы, для всѣхъ Австрійскихъ, не Польскихъ Славянъ и надѣялся, я думаю не безъ основанья, что если Прага возстанетъ, то и всѣ протчія Славянскія племена послѣдуютъ ея примѣру и увлекутся ее движеньемъ,—на перекоръ Іелачичу и другимъ, впротчемъ не столь многочисленнымъ приверженцамъ Австрійской династіи.—И такъ отъ Нѣмцовъ я ожидалъ согласья, симпатіи, а если нужно будетъ, такъ и вооруженной помощи противъ Прусскаго Правительства, которое увлекшись Россійскимъ примѣромъ и опасаясъ заразы, не захотѣло бы вѣроятно быть бездѣйственнымъ зрителемъ революціонернаго пожара въ Богеміи. Отъ Поляковъ ожидалъ посредничества съ Мажьярами, [офицеровъ] участья, офицеровъ,

а [денегъ] болѣе всего денегъ, которыхъ у меня не было и безъ которыхъ всякое предпріятье становится невозможнымъ. Но мои главныя ожиданья и надежды сосредоточивались на Богеміи.

Я надѣялся еще болѣе на Богемскихъ, Чешскихъ равно какъ и Нѣмецкихъ крестьянъ, чѣмъ на Прагу, чѣмъ на городскихъ жителей вообще. Огромная ошибка Нѣмецкихъ да сначала также и Французскихъ демократовъ состояла, по моему мнѣнью, въ томъ что пропаганда ихъ ограничивалась городами, не проникала въ села; города какъ бы сказать стали аристократами, и въ слѣдствіе того села не [остались] только остались равнодушными зрителями революціи, но во многихъ мѣстахъ начали даже являть противъ нее враждебное расположенье. А ничего казалось не было легче какъ возбудить революціонерный духъ въ земледѣльческомъ классѣ, особливо въ Германіи гдѣ еще существовало такъ много остатковъ древнихъ феодальныхъ постановленій удручающихъ землю; не исключая также и самой Пруссіи которая, при общей свободѣ собственности и людей, сохранила въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, напр. въ Шлезіи, слѣды древняго подданства, и въ которой возлѣ впротчемъ довольно многочисленнаго класса вольныхъ собственниковъ, существуетъ классъ еще многочисленнѣйшій неимущихъ крестьянъ, такъ называемыхъ Häusler и даже совсѣмъ бездомныхъ людей.—Но нигдѣ земледѣльческій классъ не былъ такъ склоненъ къ революціонерному движенію какъ въ Богеміи. Въ Богеміи до 1848-го года феодализмъ существовалъ еще во всей полнотѣ, со всѣми его тягостями и притѣсненьями: Господскіе суды, феодальные налоги и сборы, десятины и другія духовныя повинности подавляли собственность имущихъ крестьянъ. Классъ же неимущихъ былъ еще многочисленнѣе и положенье его тягостнѣе чѣмъ въ самой Германіи. Къ тому же въ Бо-

гемии есть много фабрикъ, а въ слѣдствіе того и много фабричныхъ работниковъ; а фабричные работники какъ бы судьбою призваны быть рекрутами демократической Пропаганды.

Въ 1848-омъ году всѣ притѣсненья, предметы вѣчныхъ неудовольствій и жалобъ крестьянъ, всѣ старые налоги, многосложныя обязательства и работы остановились; остановились вмѣстѣ съ дряхлою жизнью политическаго организма Австрійской Монархіи. Но только остановились, не уничтожились. За притѣсненьем послѣдовала анархія. Правительство испуганное, совсѣмъ потерявшееся, хватавшееся рѣшительно за все чтобъ спасти себя отъ совершеннаго потопленья, вспомнило свою демократическую уловку 1846 года въ Галиціи и объявило вдругъ, безъ всякихъ предварительныхъ мѣръ, неограниченную и безусловную свободу собственности и крестьянъ. Агенты его покрыли Богемскую землю, проповѣдуя благость Правительства. Но въ Богеміи отношенья совсѣмъ не тѣ какъ въ Галиціи. Въ Богеміи притѣсняющій и ненавидимый классъ богатыхъ собственниковъ, дворянъ, Аристократіи, состоитъ не изъ Польскихъ заговорщиковъ, а изъ Нѣмцовъ, душею и тѣломъ преданныхъ Австрійской династіи, преданныхъ еще болѣе Австрійскому старому, столь для нихъ выгодному порядку вѣщей. Народъ пересталъ ходить на барскую работу, не захотѣлъ также и платить другихъ податей кромѣ государственныхъ, да и тѣ платилъ скрѣпя сердце, совсѣмъ не охотно. Классъ собственниковъ, дворяне, аристократія, однимъ словомъ все что составляетъ собственно Австрійскую партію въ Богеміи обнищало, обезсилило; и при всемъ томъ правительство не пріобрело ничего, ибо народъ всегда охотно слѣдовавшій ученью Чешскихъ патріотовъ, не возимѣлъ къ нему за великій подарокъ свободы, сдѣланный не во время, ни особенной любви, ни бла-

годарности. Напротивъ недовѣрялъ Правительству, слыша что оно находилось подъ вліяньемъ Аристократіи, и опасаясь безпрестанно чтобъ оно не вздумало возвратить его вновь къ старому подданству. Наконецъ, необыкновѣнные рекрутскіе наборы, повторенные нѣсколько разъ въ продолженье одпаго года пробудили въ Богемскомъ Народѣ всеобщій ропотъ и совершенное неудовольствіе. При таковом расположеніи легко было подвигнуть его к возстанию.

Я желалъ въ Богеміи революціи рѣшительной, радикальной, однимъ словомъ такой которая, еслибъ она и была побѣждена въ послѣдствіи, однако успѣла бы все такъ переворотить и поставить въ верьхъ дномъ, что Австрійское Правительство послѣ побѣды не нашло бы ни одной вѣщи на своемъ старомъ мѣстѣ. Пользуясь тѣмъ благопріятнымъ обстоятельствомъ что все дворянство въ Богеміи да и вообще весь классъ богатыхъ собственниковъ состоитъ исключительно изъ Нѣмцовъ, я хотѣлъ изгнать всѣхъ дворянъ, все враждебно расположенное духовенство и, конфисковавъ безъ разбора всѣ господскія имѣнья, отчасти раздѣлить ихъ между неимущими крестьянами, для поощренья сихъ къ революціи, отчасти же превратить ихъ въ источникъ для чрезвычайныхъ революціонерныхъ доходовъ. Хотѣлъ разрушить всѣ замки, сжечь въ цѣлой Богеміи рѣшительно всѣ процедуры, всѣ административныя равно какъ и судебныя, какъ правительственныя такъ и господскіе бумаги и документы, и объявить всѣ гипотеки, а также и всѣ другіе долги [неоплаченные], не превышающіе извѣстную сумму, напр. 1.000 или 2.000 Gulden, заплаченными. Однимъ словомъ революція замышляемая мною была ужасна, безпримѣрна, хоть и обращена болѣе противъ вѣщей чѣмъ противъ людей. Она бы въ самомъ дѣлѣ все такъ переворотила, такъ бы въѣласъ въ кровь и въ жизнь народа, что даже

побѣдивъ ее, Австрійское Правительство не было бы никогда въ силахъ ее искоренить, не знало бы что начинать, что дѣлать, не могло бы ни собрать, ни даже найти остатковъ стараго на вѣкъ разрушеннаго Порядка и никогда бы не могло помириться съ Богемскимъ народомъ. Такая революція ужъ не ограничивающаяся одною національностью увлекла бы своимъ примѣромъ, своею червленно-огненною пропагандою не только Моравію и Австрійскую Шлезію, но [также] также Прусскую Шлезію да и вообще всѣ пограничныя Нѣмецкія земли, такъ что и Германская революція бывшая до тѣхъ поръ революціей городовъ, мѣщанъ, фабричныхъ работниковъ, литераторовъ и адвокатовъ, сама бы превратилась въ общенародную.

Но симъ не ограничивались мои замыслы. Я хотѣлъ превратить всю Богемію въ революціонерный лагерь, создать въ ней силу способную не только охранять революцію въ самомъ краю, но и дѣйствовать наступательно, внѣ Богеміи, возмущая на пути всѣ Славянскія племена, призывая всѣ народы къ бунту, разрушая все что только носитъ на себѣ печать Австрійскаго [породы] существованья,—идти на помощь Мажіарамъ, Полякамъ, воевать однимъ словомъ противъ ВАСЪ САМИХЪ ГОСУДАРЬ!

Моравія издавна связанная съ Богеміею своими историческими воспоминаньями, обычаями, языкомъ и никогда не преставшая смотрѣть на Прагу какъ на свою Столицу, а тогда находившаяся съ ней еще и въ особенной связи посредствомъ своихъ клубовъ, Моравія, думалъ я, необходимо послѣдуетъ за Богемскимъ движеньемъ. Съ нею вмѣстѣ увлекутся также и Словаки и Австрійская Шлезія. Такимъ образомъ революція обоймѣтъ край пространный, богатый средствами, центромъ котораго будетъ Прага. Въ Прагѣ должно засѣдать революціонерное Правительство

съ неограниченною диктаторскою властью. Изгнаны дворянство, все противуборствующее [духовенство] духовенство, уничтожена въ прахъ австрійская администрація; изгнаны всѣ чиновники и только въ Прагѣ сохранены нѣкоторые изъ главныхъ, изъ болѣе знающихъ для совѣта и какъ [библ.] библіотека для статистическихъ справокъ. Уничтожены также всѣ клубы, журналы, всѣ проявленья болтливой анархіи, всѣ покорены одной диктаторской власти. Молодежъ и всѣ способные люди, раздѣленные на категоріи, по характеру, способностямъ и направленью каждаго, были бы разосланы по цѣлому краю, для того чтобъ дать ему провизорную революціонерную и воинскую *) организацію. Народныя массы должны бы были быть раздѣлены на двѣ части: одни, вооруженные но вооруженные кое какъ, оставались бы дома, для охраненья новаго Порядка и были бы употреблены на партизанскую войну, еслибъ такая случилась. Молодые же люди, всѣ неимущіе способные носить оружье, фабричные работники и ремесленники безъ занятій а также и большая часть образованной мѣщанской молодежи, составили бы регулярное войско, не Freischarren [53]), но войско которое должно бы было формировать съ помощью старыхъ Польскихъ офицеровъ, а также и посредствомъ отставныхъ Австрійскихъ Солдатъ и Унтеръ-офицеровъ, возвышенныхъ по способностямъ и по рвенью въ разные офицерские чины.—Издержки были бы огромныя, но я надѣялся что они покроются отчасти конфискованными имѣньями, чрезвычайными налогами и ассигнаціями въ родѣ Косутовскихъ. У меня былъ на то особенный болѣе или менѣе фанстастическій финансовый [планъ] проектъ излагать который здѣсь было не у мѣста.

---

*) Первоначально написано было «воинственную». *Примеч. ред.*

Таковъ былъ планъ придуманный мною для революціи въ Богеміи. Я изложилъ его въ общихъ чертахъ не входя въ дальнѣйшія подробности, ибо онъ не имѣлъ даже и начала осуществленья, ни кому не былъ извѣстенъ или извѣстенъ только весьма малыми, самыми невинными отрывками; существовалъ же только въ моей [голов] повинной головѣ, да и въ ней образовался не вдругъ, а постепенно, измѣняясь и пополняясь сообразно съ обстоятельствами. Теперь же, не останавливаясъ на политической и нравственной, ни на политически-криминальной критикѣ с е г о п л а н а, я долженъ ВАМЪ показать ГОСУДАРЬ какія у меня были средства для приведенья въ дѣйствіе такихъ огромныхъ замысловъ.

Во первыхъ, я пріѣхалъ въ Лейпцигъ не имѣя копѣйки денегъ, не имѣлъ даже довольно для своего собственнаго бѣднаго пропитанья, и еслибъ мнѣ Рейхель не прислалъ вскорѣ малую сумму, то я не зналъ бы рѣшительно чѣмъ и какъ жить, ибо для своихъ предпріятій я по совѣсти могъ просить и требовать денегъ у другихъ, но не для себя. Деньги мнѣ были необходимы: «Sans argent point de Suisses!» [54]) говоритъ старая французская пословица, а я долженъ былъ создать рѣшительно все: сношенья съ Богеміею, сношенья съ Мажіарами, долженъ былъ создать въ Прагѣ партію соотвѣтствующую моимъ желаньямъ, на которую бы я могъ потомъ опереться для дальнѣйшаго дѣйствія. Я говорю «создать», ибо когда я пріѣхалъ въ Лейпцигъ не было еще даже и тѣни начала какого либо дѣйствія, все же существовало только въ моей мыслѣ. Отъ Дестера и Гекзамера я денегъ требовать не могъ; ихъ средства были весьма ограничены, не смотря на то что они вдвоемъ составляли Центральный демократическій Комитетъ для цѣлой Германіи; они собирали родъ налога со всѣхъ Нѣмецкихъ демократовъ, но онъ былъ недостаточенъ даже для того чтобъ покрыть

ихъ собственные политическіе расходы. Я надѣялся на Поляковъ, но Поляки на мой зовъ не пріѣхали. Мои новыя отношенья съ ними, а имянно съ Польскими демократами, начались въ Дрезденѣ, и я могу сказать по совѣсти, что до самаго Марта 1849 года, я никогда въ жизнѣ не имѣлъ политическихъ связей съ Поляками, да и тѣ въ которыя я было вошелъ съ ними въ Мартѣ мѣсяцѣ не успѣли развиться.—И такъ денегъ у меня не было, а безъ денегъ могъ ли я что предпринять! хотѣлъ я было ѣхать въ Парижъ отчасти за деньгами, отчасти чтобъ войти въ сношенья съ Французскою и Польскою демократіями, а наконецъ и для того чтобъ познакомиться тамъ съ Графомъ Телеки, бывшимъ посланникомъ, или вѣрнѣе, агентомъ Косута при Французскомъ Правительствѣ, и войти черезъ него въ сношенья съ самимъ Косутомъ; но обдумавъ, отказался отъ сей мысли, отказался отъ нее по слѣдующимъ причинамъ: Мнѣ было извѣстно, имянно черезъ моего друга Рейхеля, что въ слѣдствіе клеветливой корреспонденціи въ «Rheinische Zeitung», Французскіе демократы также усумнились во мнѣ. Когда было напечатано мое «Воззванье къ Славянамъ», я послалъ одинъ экземпляръ Flocon и приложилъ длинное письмо. Въ этомъ письмѣ, я ему изложилъ, сообразно моимъ тогдашнимъ понятьямъ, положенье Германіи и положенье Славянскаго вопроса; извѣщалъ его о моемъ уразумѣніи и полномъ согласьи съ Центральнымъ обществомъ Нѣмецкихъ демократовъ, о готовившейся второй революціи въ Германіи и о моихъ намѣреньяхъ касательно Славянъ и Богеміи въ особенности.

Уговаривалъ его прислать въ *) Лейпцигъ, куда сбирался ѣхать, повѣреннаго Французскаго демократа, для приведенья въ связь предполагае-

*) Конец третьей тетради оригинала в пять писчих листов (или 20 страниц; лл. 45—64).

маго Германо-Славянскаго движенья съ Французскимъ. Наконецъ упрекалъ его въ томъ что онъ могъ повѣрить клеветливымъ слухамъ и кончалъ письмо торжественнымъ объявленьемъ, что какъ единственный Русскій [предполагавшій говорить] въ лагерѣ Европейскихъ демократовъ, я долженъ хранить свою честь строже чѣмъ всякій другой, и что если онъ мнѣ теперь не будетъ отвѣчать и не докажетъ положительнымъ дѣйствіемъ что онъ безусловно вѣритъ въ мою честность, я почту себя обязаннымъ прервать съ нимъ всѣ отношенья. Flocon мнѣ не отвѣтилъ и никого не прислалъ, а вѣроятно для того чтобъ показать мнѣ свою симпатію, перепечаталъ все «Воззванье» мое въ своемъ журналѣ; то же самое сдѣлали и Поляки въ своемъ журналѣ «Democrat Polski»; но я ни того, ни другаго въ Лейпцигѣ не читалъ, принялъ же молчанье Flocon за оскорбительный знакъ недовѣрья; а потому и не могъ рѣшиться, даже и для цѣли которую считалъ священною, искать съ нимъ равно какъ и съ его партіею новаго сближенья; не говоря ужъ о Польскихъ демократахъ которые были, если и не первыми изобрѣтателями, то безъ сомнѣнья главными распространителями моего незаслуженнаго безчестья. При таковыхъ отношеньяхъ съ Французами и Поляками, я не обѣщалъ себѣ также и большой пользы отъ знакомства съ Графомъ Телеки, зная что онъ находился въ тѣсной дружбѣ съ Польскою эмиграціею. Такимъ образомъ раздумавъ, я убѣдился что поѣздка въ Парижъ будетъ только пустою тратою времяни; время же было драгоцѣнно ибо до весны оставалось ужъ немного мѣсяцовъ. И такъ я долженъ былъ отказаться и на сей разъ отъ всякой надежды на связи и на средства широкія; долженъ былъ удовольствоваться для всѣхъ издержекъ добровольною помощью бѣдныхъ Лейпцигскихъ а потомъ и Дрезденскихъ демократовъ; и не думаю чтобъ въ продолженье всего времяни

отъ Генваря до Мая 1849-го года, я издержалъ болѣе 400, много 500 талеровъ. Вотъ какими денежными средствами я хотѣлъ поднять всю Богемію!—Теперь же перейду къ своимъ связямъ и дѣйствіямъ.

Въ [предыдущихъ] заграничныхъ показаньяхъ своихъ я нѣсколько разъ объявлялъ, что я никакимъ образомъ не учавствовалъ въ пріуготовительныхъ дѣйствіяхъ Нѣмецкихъ демократовъ для революціи въ Германіи вообще и Саксоніи въ особенности. И теперь долженъ по совѣсти и сообразно съ чистою истинною повторить то же самое. Я желалъ революціи въ Германіи, желалъ ее всѣмъ сердцемъ; желалъ какъ демократъ, желалъ и потому что, въ моихъ предположеньяхъ, она должна была быть знакомъ и какъ бы точкою отправленья для революціи Богемской; но самъ рѣшительно никакимъ образомъ не способствовалъ къ ея успѣху, развѣ только тѣмъ что ободрялъ и поощрялъ къ ней словами всѣхъ знакомыхъ мнѣ Нѣмецкихъ демократовъ, но не посѣщалъ ни ихъ клубы, ни ихъ совѣщанья, не спрашивалъ ни о чемъ, афектировалъ равнодушье и не хотѣлъ даже и слышать о ихъ приготовленьяхъ, хоть и слышалъ многое почти по неволѣ; самъ же былъ исключительно занятъ пропагандою въ Богеміи.—Отъ Нѣмцовъ я ожидалъ и требовалъ только двухъ вѣщей:

Во первыхъ чтобъ они совершенно измѣнили свои отношенья и чувства къ Славянамъ: чтобъ публично и громко выразили свою симпатію къ Славянскимъ демократамъ и въ положительныхъ выраженьяхъ признали Славянскую независимость. Такая демонстрація мнѣ казалась необходимою; необходимою для того чтобъ связать самихъ Нѣмцовъ положительнымъ и громко выраженнымъ обязательствомъ; для того чтобъ подѣйствовать сильно на мнѣнье всѣхъ протчихъ Европейскихъ демократовъ и заставить ихъ [смо]

смотрѣть на Славянское движенье глазами другими, болѣе симпатическими; необходимою наконецъ и для того чтобъ побѣдить закоренѣлую ненависть Славянъ противъ Нѣмцовъ и ввести ихъ такимъ образомъ, какъ союзниковъ и друзей, въ общество Европейскихъ демократій.—Я долженъ сказать что Дестеръ и Гекзамеръ сдержали вполнѣ данное ими мнѣ слово; ибо въ короткое время и единственно только ихъ стараньемъ, почти всѣ Нѣмецкіе демократические журналы, клубы, конгрессы заговорили вдругъ совершенно инымъ языкомъ и въ самыхъ рѣшительныхъ выраженьяхъ объ отношеньяхъ Германіи къ Славянамъ, признавая вполнѣ и безусловно право послѣднихъ на независимое существованье, призывая ихъ къ соединенью на обще-Европейское революціонерное дѣло, обѣщая имъ союзъ и помощь противъ франкфуртскихъ притязаній, равно какъ и противъ всѣхъ другихъ Нѣмецкихъ реакціонерныхъ партій. Такая сильная, единодушная и совсѣмъ неожиданная демонстрація произвела и на другихъ желаемое дѣйствіе: не только Польскіе демократы въ Парижѣ, но Французскіе демократы, Французскіе демократическіе журналы и даже Итальянскіе демократы въ Римѣ заговорили также о Славянахъ какъ о возможныхъ и желанныхъ союзникахъ. Славяне же съ своей стороны, и имянно Чешскіе демократы, пораженные и обрадованные сею внѣзапною перемѣною, въ свою очередь также стали выражать въ Чешскихъ журналахъ свою симпатію къ Европейскимъ и даже къ Нѣмецкимъ и Мажіарскимъ демократамъ.—Такимъ образомъ первый шагъ къ сближенью былъ сдѣланъ.

Но это было не все; надо было побѣдить ненависть Богемскихъ Нѣмцовъ къ Чехамъ, не только смягчить ихъ враждебныя чувства, но уговорить ихъ соединиться съ Чехами на общее революціонерное дѣло. Задача не легкая, ибо ненависть бываетъ

всегда тамъ сильнѣе и глубже гдѣ она происходитъ между племенами живущими близко и находящимися другъ съ другомъ въ безпрестанномъ соприкосновеньи. Къ тому же ненависть между Нѣмцами и Чехами въ Богеміи была ненависть свѣжая, основанная на животрепещущихъ воспоминаньяхъ, разьяренная и растравленная неусыпными стараньями Австрійскаго Правительства. Она пробудилась въ первый разъ въ началѣ революціи 1848-го года въ слѣдствіе двухъ противоположныхъ, другъ друга уничтожавшихъ направленій обѣихъ національностей: Чехи, составляющіе двѣ трети Богемскаго народонаселенья, хотѣли и съ полнымъ правомъ хотѣли, говорю я, чтобъ Богемія была исключительно Страною Славянскою, въ совершенной независимости отъ Германіи; а потому и не хотѣли посылать депутатовъ въ Франкфуртское Собранье. Нѣмцы же напротивъ основываясь на томъ что Богемія всегда принадлежала къ Германскому Союзу и съ давнихъ временъ составляла интегральную часть древней Германской Имперіи, требовали ее окончательнаго соединенья, сліянья съ вновь возрождавшеюся Германіею. Чехи не хотѣли и слышать о Вѣнскомъ Министерствѣ; Нѣмцы, кромѣ Вѣнскихъ министровъ, не хотѣли признавать никакой другой власти. Такимъ образомъ произошла распря жестокая, поджигаемая съ одной стороны Инспрукомъ, съ другой же Вѣнскимъ Правительствомъ; такъ что когда, въ іюнѣ 1848-го года, Прага возстала, Нѣмцы поднялись со всѣхъ трехъ сторонъ Нѣмецкой Богеміи и ринулись вольными толпами (Freischaren) на помощь австрійскимъ войскамъ. Впротчемъ Генералъ Князь Виндишгрецъ принялъ ихъ довольно холодно и поблагодаривъ, отпустилъ ихъ домой. Съ тѣхъ поръ вражда между Чехами и Нѣмцами никогда не переставала и ее побѣдить было не легко.—Гекзамеръ и Дестеръ были мнѣ въ этомъ отношеньи очень полезны, равно какъ

и Саксонскіе демократы: они нѣсколько разъ посылали отъ своего имяни агентовъ въ Нѣмецкую часть Богеміи, на которую дѣйствовали постоянно и неусыпно также и посредствомъ демократовъ обитавшихъ на всей Саксонской границѣ; такъ что къ Маю ужъ множество Нѣмцовъ въ Богеміи были обращены въ новую вѣру, и хоть я и не имѣлъ съ ними непосредственныхъ отношеній, знаю однако что многіе готовы были соединиться съ Чехами для общей революціи.—Симъ ограничились мои отношенья съ Нѣмецкими демократами, въ ихъ же собственныя дѣла, повторяю еще разъ, я не вмѣшивался.—Теперь обращусь къ Чехамъ.

Arnold пріѣхалъ одинъ на мой зовъ въ Лейпцигъ. Впротчемъ я былъ радъ и тому, бывъ ужъ наученъ довольствоваться немногимъ. Онъ пробылъ въ Лейпцигѣ всего только сутки, не смотря на все мое старанье удержать его долѣе. Въ такое короткое время я не могъ ни распросить его хорошенько о Богеміи и Прагѣ, ни передать ему вполнѣ свои мысли. Къ тому же три четверти сего времяни по крайнѣй мѣрѣ были употреблены на безполѣзные переговоры съ Дестеромъ и Гекзамеромъ; они было вздумали созвать въ Лейпцигѣ публично Славяно-Германскій Конгрессъ; даже въ это время Нѣмцы не могли еще совершенно излѣчиться отъ несчастной страсти къ Конгрессамъ; но я рѣшительно воспротивился сему нелѣпому проекту. На серьезные переговоры глазъ на глазъ съ Арнольдомъ мнѣ осталось всего четыре много пять часовъ; я старался воспользоваться ими сколько было возможно для того чтобъ уговорить Арнольда быть моимъ соучастникомъ, дѣйствовать со мной за одно, въ моемъ направленьи и духѣ.

Опираясь на всѣ вышеупомянутыя причины, доводы и аргументы, я старался убѣдить его въ необходимости ускорить революцію въ Богеміи; а для достиженья сей цѣли, зная что онъ имѣлъ сильное вліянье на Чешскую молодежь, на Чещ-

ское бѣдное мѣщанство, особенно же на Чешскихъ мужиковъ, которыхъ онъ зналъ хорошо, бывъ долгое время управляющимъ имѣній Графа Рогана, и для которыхъ теперь писалъ почти исключительно въ своемъ демократическомъ, простонародномъ журналѣ,—я просилъ его употребить это вліянье на революціонерную пропаганду. Просилъ его организовать сначала въ Прагѣ, а потомъ въ цѣлой Богеміи тайное общество, планъ для котораго мною однимъ созданный, былъ у меня ужъ готовъ. Планъ сей въ своихъ главныхъ чертахъ былъ слѣдующій.

Общество должно было состоять изъ трехъ отдѣльныхъ, другъ отъ друга независимыхъ и другъ о другѣ не знающихъ обществъ, подъ различными названьями: одно общество для мѣщанъ; другое для молодежи; третье для селъ. Каждое было подчинено строгой Іерархіи и безусловной дисциплинѣ, но каждое въ своихъ подробностяхъ и формахъ сообразовалось характеру и силѣ того класса для котораго оно было назначено. Общества сіи должны были ограничиться малымъ числомъ людей, включивъ въ себя по возможности всѣхъ людей талантливыхъ, знающихъ, энергическихъ и вліятельныхъ, которые повинуясь [центру] центральному направленью, въ свою очередь и какъ бы невидимо дѣйствовали бы на толпы. Всѣ три общества были бы связаны между собою посредствомъ Центральнаго Комитета который бы состоялъ изъ трехъ, много изъ пяти членовъ: я, Арнольдъ, остальныхъ слѣдовало бы выбрать.— Я надѣялся посредствомъ тайнаго общества ускорить революціонерныя пріуготовленья въ Богеміи; надѣялся что оныя будутъ сдѣланы во всѣхъ пунктахъ по одному плану. Ожидалъ что мое тайное общество, которое не должно было расходиться послѣ революціи, но напротивъ усилиться, распространиться, пополняя себя всѣми новыми живыми и дѣйствительно сильными элементами,

обхватывая постепенно всѣ Славянскія земли,— я ожидалъ, говорю я, что оно дастъ также и людей для различныхъ назначеній и мѣстъ въ революціонерной Іерархіи. Надѣялся наконецъ что посредствомъ его я создамъ и укрѣплю свое вліянье въ Богеміи; ибо въ то же самое время, безъ вѣдома Арнольда, я поручилъ одному молодому человѣку, Нѣмцу изъ Вѣны (Студенту Ottendorf, бѣжавшему послѣ въ Америку), организировать по тому же самому плану общество между Богемскими Нѣмцами, въ центральномъ комитетѣ котораго я не учавствовалъ бы явно сначала, но былъ бы его тайнымъ предводителемъ; такъ что если бы проектъ мой пришелъ къ исполненью, всѣ главныя нити движенья сосредоточились бы въ моихъ рукахъ, и я могъ бы быть увѣренъ что замышляемая революція въ Богеміи не собьется съ пути ей мною назначеннаго. На счетъ же революціонернаго Правительства изъ сколькихъ людей и въ какихъ формахъ оное должно будетъ состоять, я не имѣлъ еще опредѣленныхъ мыслей; хотѣлъ преждѣ познакомиться по ближе съ самими людьми, равно какъ и съ обстоятельствами; не зналъ приму ли я въ немъ явное участье, но что я буду учавствовать въ немъ и учавствовать непосредственно, сильно, въ этомъ я не сомнѣвался. Не самолюбье и не честолюбье, но убѣжденье основанное на годовомъ опытѣ, убѣжденье что никто между знакомыми мнѣ демократами не будетъ въ состояньи такъ обнять всѣ условья революціи и принять тѣхъ рѣшительныхъ, энергическихъ мѣръ, которыя я считалъ необходимыми для ея торжества, заставили меня наконецъ откинуть прежнюю скромность.

Наконецъ я хотѣлъ еще овладѣть, посредствомъ Арнольда и его приверженцовъ въ Прагѣ, Славянскою Липою, Чешскимъ, или вѣрнѣе, Славянскимъ Патріотическимъ обществомъ, признаннымъ центромъ всѣхъ Славянскихъ обществъ и клубовъ во всей Австрійской Имперіи. Я вообще

не придавалъ большой важности клубамъ, не любилъ и презиралъ ихъ даже видя въ нихъ только сходки для глупаго хвастовства, для пустой и даже вредной болтовни. Но Славянская Липа была исключеньемъ изъ общаго правила; она была основана на практическихъ и живыхъ основаньяхъ умными практическими людьми. Она была усиленнымъ политическимъ продолженьемъ организаціи и дѣйствія той могучей литературной пропаганды которая передъ революціей 1848-го года пробудила и можно сказать создала новую Славянскую жизнь. Она и въ это время была живымъ центромъ всѣхъ политическихъ дѣйствій Австрійскихъ Славянъ, и пустила отрасли, имѣла филіативныя общества не только в Бэгеміи но рѣшительно во всѣхъ Славянскихъ странахъ въ Австрійской Имперіи, исключая только Галиціи, и пользоваласъ такимъ всеобщимъ уваженьемъ, что всѣ Славянскіе предводители полагали за честь быть ея членами, и даже самъ Банъ Іелачичь, приступая къ Вѣнѣ, почелъ необходимымъ написать къ ней письмо, въ которомъ какъ бы извиняя свои поступки, увѣрялъ что онъ идетъ противъ Вѣны, не потому что Вѣна совершила новую революцію и слѣдуетъ теперь демократическому направленію, но потому что она есть центръ Германской Національной партіи. Въ Славянской Липѣ учавствовали безразлично Славянские Патриоты всѣхъ партій; сначала преобладала въ ней партія Палацкаго, Словака Штура и Іелачича; но въ послѣдствіи, къ чему впрочемъ и моя брошюра: «Воззванье къ Славянамъ» нѣсколько способствовала, число демократовъ усилилосъ въ ней замѣтнымъ образомъ, и ужъ стали довольно часто слышаться въ ней крики: «Елей Косутъ!» А подъ конецъ и вся Чешская Липа отклонилась рѣшительно отъ прежняго направленья и, громко обьявивъ свои симпатіи къ Мажіарамъ, не захотѣла посылать болѣе денегъ ни

Словакамъ, ни Южнымъ Славянамъ воевавшимъ противъ Косута.—Овладѣть Славянскою Липою было въ то время довольно легко, и она могла сдѣлаться въ рукахъ Чешскихъ демократовъ, довольно сильнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ для достиженья моихъ цѣлей.

Арнольдъ былъ нѣсколько пораженъ и какъ бы смущенъ смѣлостью сихъ послѣднихъ. Онъ мнѣ обѣщалъ впротчемъ многое, но неясно, робко, неопредѣленно, жалуясъ то на безденежье, то на свое плохое здоровье, такъ что когда онъ уѣхалъ изъ Лейпцига, во мнѣ осталось впечатлѣнье, что я почти ничего не достигъ свиданьемъ и переговорами съ нимъ. Прощаясъ онъ обѣщалъ мнѣ однако писать изъ Праги и позвать меня, когда будетъ все хоть нѣсколько [при] подготовлено для начала дальнѣйшихъ, рѣшительнѣйшихъ дѣйствій. Я долженъ былъ довольствоваться его неопредѣленными обѣщаньями, ибо не имѣлъ въ то время рѣшительно никакихъ другихъ средствъ, ни путей для [дѣйствительнѣйшей] пропаганды. Вспоминая теперь, какими бѣдными средствами я замышлялъ совершить революцію въ Богеміи, мнѣ становится смѣшно; я самъ не понимаю какъ я могъ надѣяться на успѣхъ. Но тогда ничто не было въ состояньи остановить меня. Я разсуждалъ такимъ образомъ: революція необходима, слѣдовательно возможна. Я былъ самъ не свой, во мнѣ сидѣлъ бѣсъ разрушенья; воля или лучше сказать упорство мое росло вмѣстѣ съ трудностями, и безчисленныя препятствія не только что меня не пугали, но разжигали напротивъ мою революціонерную жажду, поджигали меня на лихорадочную, неутомимую дѣятельность.—Я былъ обреченъ на погибель и предчувствовалъ это и съ радостью шелъ на нее. Жизнь мнѣ ужъ тогда надоѣла.

Arnold мнѣ не писалъ; я опять ничего не зналъ о Богеміи. Тогда воспользовавшись поѣздкою одного молодого человѣка въ Вѣну (Heimberger—

сынъ Австрійскаго чиновника, бѣжалъ потомъ въ Америку), котораго отчасти также посвятилъ въ свои тайны, просилъ его на возвратномъ пути остановиться у Арнольда и писать мнѣ изъ Праги. Онъ тамъ остался совсѣмъ, впротчемъ по собственной волѣ, и сдѣлался моимъ постояннымъ кореспондентомъ. Такимъ образомъ я узналъ что хоть Arnold по видимому и мало и плохо дѣйствовалъ, однако расположенье умовъ въ Прагѣ становилось день отъ дня живѣе, рѣшительнѣе, сообразнѣе моимъ желаньямъ. Тогда я рѣшился ѣхать самъ въ Прагу и уговорилъ также и братьевъ Страка возвратиться въ Богемію.—Это было въ серединѣ или въ концѣ Марта, а можетъ быть даже и въ началѣ Апреля, по новому стилю; я перезабылъ всѣ числа. Впротчемъ они подробно опредѣлены въ обвинительныхъ актахъ.

Въ это время, въ первый разъ заговорили о вмѣшательствѣ Россіи въ Венгерскую войну и о вступленьи русскихъ войскъ въ Венгрію, на помощь Австрійскимъ войскамъ. Извѣстье сіе побудило меня написать второе «Воззванье къ Славянамъ» (оно было перепечатано потомъ въ «Dresdener Zeitung» и находится въ числѣ обвинительныхъ актовъ), въ которомъ, равно какъ и въ первомъ [я призывалъ Славянъ къ революціи], но еще съ большею энергіею и языкомъ болѣе популярнымъ, я призывалъ Славянъ къ революціи и къ войнѣ противъ Австрійскихъ, а также и противъ Россійскихъ, хоть и Славянскихъ войскъ, «so lange diese den verhängnissvollen Nahmen des Kaisers Nikolai in ihrem Munde führen» [55])! Воззванье сіе было немѣдленно переведено братьями Страка на Чешскій языкъ и напечатано въ Лейпцигѣ на обоихъ нарѣчьяхъ, въ [множествѣ] большомъ количествѣ экземпляровъ. Я поручилъ Чешское изданье братьямъ Страка, а Нѣмецкое Саксонскимъ демократамъ для скорѣйшаго распространенья въ Богеміи.

Я поѣхалъ въ Прагу черезъ Дрезденъ. Въ Дрезденѣ остановился нѣсколько дней; познакомился съ нѣкоторыми изъ главныхъ предводителей Саксонской демократической партіи, впрочемъ безъ всякой положительной цѣли, не имѣя къ нимъ изъ Лейпцига ни рекомендательныхъ писемъ, ни порученій; познакомился съ ними могу сказать случайно, въ демократической кнейпѣ, черезъ Доктора Wittig, знакомаго мнѣ еще со времянъ моего перваго пребыванья въ Дрезденѣ въ 1842-омъ году. Между протчимъ познакомился также и съ демократическимъ Депутатомъ Röckel съ которымъ позже вошелъ въ ближайшую связь и который игралъ въ послѣдствіи дѣятельную роль въ революціонерной Дрезденской, равно какъ и Пражской попыткѣ. Въ Дрезденѣ начались также мои новыя, уже положительныя отношенья съ Поляками. Это случилось слѣдующимъ образомъ:

Я встрѣтилъ совершенно случайно въ Дрезденѣ Галиційскаго Эмигранта и весьма дѣятельнаго члена демократическаго обществ Крыжановскаго, съ которымъ я познакомился въ первый разъ въ Брюсселѣ въ 1847-омъ году; но тогда я не имѣлъ съ нимъ еще никакихъ политическихъ отношеній. Былъ же онъ въ Дрезденѣ на дорогѣ въ Парижъ изъ Галиціи изъ которой кажется былъ принужденъ бѣжать отъ преслѣдованій Австрійской Полиціи. Мы встрѣтились съ нимъ какъ старыя знакомства и послѣ первыхъ привѣтствій, я сталъ дѣлать ему упреки за клевету распространенную на мой счетъ Польскими демократами. Онъ мнѣ на это отвѣчалъ что ни онъ, ни другъ его Гельтманъ съ которымъ онъ жилъ вмѣстѣ въ Галиціи, никогда не вѣрили пустымъ слухамъ, вездѣ и всегда имъ противорѣчили и что напротивъ оба желали моего пріѣзда въ Галицію, гдѣ я могъ быть имъ полѣзенъ и даже сбирались писать ко мнѣ, но не знали моего адреса. Въ чемъ

и какъ я могъ быть полѣзенъ въ Галиціи, онъ мнѣ не сказалъ. Такимъ образомъ послѣ довольно долгаго разговора объ общихъ предметахъ, найдя въ его мысляхъ много сходства съ моими и замѣтивъ въ немъ желанье со мной сблизиться, я открылъ ему свои намѣренья на счетъ Богемской революціи, не входя впротчемъ ни въ какія частности, сказалъ ему что у меня есть связи въ Богеміи и что ѣду теперь въ Прагу для ускоренья революціонерныхъ пріуготовленій; что давно желалъ соединенья съ Поляками для того чтобъ дѣйствовать съ ними въ вмѣстѣ, но что до сихъ поръ всѣ попытки мои для сближенья съ ними не только что остались безъ всякаго успѣха, но навлекли еще на меня гнусную клевету. Онъ съ жаромъ вошелъ въ мои Славянскія мысли и просилъ у меня позволѣнья переговорить о томъ какъ бы сказать офиціально, отъ моего имяни, съ централизаціею.

Я былъ этому радъ и мы согласились съ нимъ въ слѣдующихъ пунктахъ: 1. Централизація пришлетъ двухъ повѣренныхъ которые вмѣстѣ со мной въ Дрезденѣ будутъ заниматься приготовленьями къ Богемской революціи, и которые, когда революція начнется, войдутъ вмѣстѣ со мной въ Центральный общеславянскій комитетъ въ которомъ будутъ учавствовать по возможности представители и протчихъ Славянскихъ племенъ. 2. Централизація возьметъ на себя доставку Польскихъ офицеровъ для революціи въ Богеміи, пришлетъ денегъ, и наконецъ уговоритъ также и Графа Телеки прислать съ своей стороны, съ достаточными средствами, Мажіарскаго агента, для того чтобъ дѣйствовать съ нами на Мажіарскіе полки стоявшіе тогда въ Богеміи, а также и для постоянныхъ отношеній съ Телеки и съ Косутомъ. 3. Хотѣли еще установить въ Дрезденѣ Германо-Славянскій Комитетъ для приведенья въ связь богемскихъ революціо-

нерныхъ приготовленій съ Саксонскими; но сей послѣдній проэктъ остался даже безъ начала исполненья, ибо особенныхъ Саксонскихъ пріуготовленій, какъ я скажу о томъ послѣ подробнѣе, не было. Да можно сказать что и всѣ остальные пункты остались неосуществленными, исключая развѣ только пріѣзда Гельтмана и Крыжановскаго отъ имяни Централизаціи, съ пустыми руками.— Все что я пріобрелъ на сей разъ черезъ встрѣчу съ Крыжановскимъ, это былъ Англійскій пашпортъ съ которымъ я и поѣхалъ въ Прагу, простившись съ Крыжановскимъ отправившимся въ то же самое время въ Парижъ.

Въ Прагѣ я былъ пораженъ самымъ непріятнымъ образомъ, не найдя въ ней ничего, рѣшительно ничего приготовленнымъ. Тайному обществу не было даже положено и начала, и никто казалосъ и не думалъ о близкой революціи. Я сталъ дѣлать Арнольду упреки, но онъ сложилъ всю вину на свое нездоровье. Въ послѣдствіи кажется онъ былъ гораздо дѣятельнѣе; я говорю «кажется» ибо я до самаго конца думалъ что онъ не дѣлаетъ ничего и только отъ Австрійской слѣдственной комиссіи узналъ, если это справедливо, что онъ потомъ дѣйствовалъ ревностно и сильно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ осторожно, что даже самые близкіе люди не подозрѣвали его дѣятельности.—Кромѣ Арнольда, я имѣлъ одинъ разъ вечеромъ совѣщанье со многими Чешскими демократами, пришедшими ко мнѣ по приглашенью, но пришедшими къ моему великому неудовольствію въ числѣ превышавшемъ мои ожиданья. Совѣщанье было шумное, безтолковое и оставило во мнѣ впечатлѣнье что Пражскіе демократы великіе болтуны и что они болѣе склонны къ легкому и самолюбивому риторству чѣмъ къ опаснымъ предпріятьямъ. Я же кажется напугалъ ихъ рѣзкостью нѣкоторыхъ вырвавшихся у меня выраженій. Никто изъ нихъ, казалосъ мнѣ, не по-

нималъ единственныхъ условій при которыхъ была возможна Богемская революція. Равно какъ и Нѣмцы, отъ которыхъ впротчемъ Чехи вообще многому научились, не смотря на свою ненависть къ нимъ, всѣ были болѣе или менѣе заражены страстью къ клубамъ и вѣрою въ дѣйствительность пустой болтовни. Я убѣдился и въ томъ, что оставивъ широкое поле для ихъ самолюбья и уступивъ имъ всѣ внѣшности власти, мнѣ будетъ не трудно овладѣть самою властью, когда революція начнется. Я видѣлъ потомъ нѣкоторыхъ глазъ на глазъ, и замѣтивъ что паралельно съ моими замыслами шли въ то же самое время нѣсколько другихъ предпріятій, менѣе рѣшительныхъ, съ видами болѣе отдаленными, но клонящимися однако къ одной и той же революціонерной цѣли, я сталъ думать о средствахъ воспользоваться ими.—Для сего я долженъ бы былъ остаться въ Прагѣ, но это было рѣшительно невозможно; ибо не смотря на все мое старанье сохранить мое присутствіе тайнымъ, Пражскіе демократы были такъ болтливы, что на другой же день не только вся демократическая партія, но всѣ Чешскіе либералы знали [о моемъ пр.], что я находился въ Прагѣ; а такъ какъ Австрійское Правительство ужъ и тогда преслѣдовало меня за мое первое «Воззванье къ Славянамъ», то я былъ бы безъ всякаго сомнѣнья арестованъ, еслибъ не удалился во время.

За неимѣньемъ другихъ средствъ, я долженъ былъ положить всѣ свои надежды на братьевъ Страка, умы которыхъ я успѣлъ такъ сказать обработать и напитать своимъ духомъ въ продолженье болѣе чѣмъ двухмѣсячнаго ежедневнаго, ежечаснаго свиданья. Я далъ имъ полныя и подробныя инструкціи, касательно всѣхъ пріуготовленій къ революціи въ Прагѣ и въ Богеміи вообще; уполномочилъ ихъ дѣйствовать за меня и въ мое имя, и хоть и не знаю хорошо и въ по-

дробности что они потомъ дѣлали, однако долженъ обьявить себя отвѣтственнымъ за ихъ малѣйшія дѣйствія, отвѣтственнымъ и повиннымъ въ тысячу разъ болѣе чѣмъ они сами.

Кратковремянное пребыванье въ Прагѣ было достаточно чтобъ убѣдить меня, что я не ошибался надѣясъ найти въ Богеміи всѣ нужные элементы для успѣшной революціи. Богемія находилась тогда въ самомъ дѣлѣ въ полной анархіи. Мартовскія революціонерныя новопріобрѣтенья (Die Märzerrungenschaften, любимое выраженье того времяни) уже подавленныя въ протчихъ частяхъ Австрійской Имперіи въ Богеміи оставались еще въ полномъ цвѣтѣ. Австрійское Правительство имѣло еще нужду въ Славянахъ, а потому и не хотѣло, боялосъ коснуться ихъ реакціонерными мѣрами. Въ слѣдствіе этаго въ Прагѣ, равно какъ и въ цѣлой Богеміи царствовала еще безграничная свобода клубовъ, народныхъ собраній, книгопечатанья; эта свобода простиралась такъ далеко, что Вѣнскіе студенты и другіе Вѣнскіе бѣглецы, которыхъ въ Вѣнѣ въ то же самое время разстрѣливали, въ Прагѣ ходили по улицамъ явно, подъ своимъ имянемъ, безъ малѣйшаго опасенья. Весь народъ какъ въ городахъ такъ и въ селахъ былъ вооруженъ и вездѣ недоволенъ: недоволенъ и недовѣрчивъ, потому что чувствовалъ приближенье реакціи, боялся потери вновь пріобрѣтенныхъ правъ; въ селахъ боялся грозящей аристократіи и возстановленья прежняго подданства; недоволенъ наконецъ въ высшей степени въ слѣдствіе вновь возвѣщеннаго рекрутскаго набора,—и въ самомъ дѣлѣ былъ вездѣ готовъ къ возмущенью.—Къ тому же въ Богеміи находилось тогда очень мало войска; и то что было состояло большею частью изъ Мажіарскихъ полковъ, которые чувствовали въ себѣ неопреодолимую склонность къ бунту. Когда Студенты встрѣчали Мажіарскихъ Солдатъ на улицѣ

и привѣтствовали ихъ крикомъ: «Елей Косутъ!», Солдаты отвѣчали тѣмъ же самымъ крикомъ, не обращая вниманье на присутствовавшихъ и слышавшихъ офицеровъ; когда Мажіарскихъ солдатъ посылали арестовать студента за брань или за драку съ полиціею, солдаты соединялись съ студентами и били вмѣстѣ съ ними полицейскихъ чиновниковъ. Однимъ словомъ, расположенье Мажіарскихъ полковъ было такое, что лишь только началось революціонерное движенье въ Дрезденѣ, полуэскадронъ стоявшій на границѣ, услыша о томъ взбунтовался и прискакалъ въ Саксонію безъ всякаго зова.—Болѣе двухъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и Австрійское Правительство въ продолженье сего времяни употребило безъ сомнѣнья всѣ возможныя средства, для того чтобъ искоренить революціонерный, Косутовскій духъ изъ Мажіарскихъ полковъ; но духъ сей запустилъ такіе глубокіе корни въ сердцѣ каждаго Мажіара, еще болѣе простаго чѣмъ образованнаго, что я убѣжденъ, что если даже и теперь начнется война, крикъ «Елей Косутъ» будетъ достаточенъ для того чтобъ взбунтовать ихъ и перевести на сторону непріятеля.—Въ тоже время это не подлежало ни малѣйшему сомнѣнью; я былъ твердо увѣренъ что они въ первый день, въ первый часъ соединятся съ Богемскою революціею; — пріобрѣтенье важное ибо такимъ образомъ [чтобъ сдѣлать ядро] было бы положено крѣпкое начало революціонерному войску въ Богеміи. — Наконецъ для пополненья картины, надо еще прибавить что Австрійскіе финансы находились въ то время въ самомъ плачевномъ состояньи: въ Богеміи ходили ужъ не Государственныя, а партикулярныя бумаги; каждый банкиръ, каждый купецъ имѣлъ свои ассигнаціи; были даже деревянныя и кожанныя монеты, какъ только бываетъ у народовъ находящихся на самой низкой степени Цивилизаціи.

Революціонерныхъ элементовъ было поэтому много; слѣдовало только овладѣть ими, но на это у меня рѣшительно не доставало средствъ. Однако я все еще не отчаявался. Я поручилъ братьямъ Страка завести на скоро тайныя общества въ Прагѣ, не придерживаясь строго стараго плана, для исполненья котораго ужъ не доставало болѣе времяни, но сосредоточивъ главное вниманье на Прагу, для того чтобъ приготовить ее какъ можно скорѣе къ революціонерному движенью; особенно просилъ ихъ завести связи съ работниками и составить исподоволь изъ самыхъ вѣрныхъ людей силу состоящую изъ 500, 400 или 300 людей, по возможности, родъ революціонернаго батальона на который бы я могъ безусловно положиться и съ помощью котораго могъ бы овладѣть всѣми остальными Пражскими, мѣнѣе или совсѣмъ не организированными элементами. Овладѣвъ же Прагою, я надѣялся овладѣть и всею Богеміею, ибо [надѣялся] намѣревался принудить главныхъ предводителей Чешской демократіи соединиться со мной, принудить ихъ къ тому или убѣжденьемъ, или удовлетвореньемъ ихъ самолюбья, предоставивъ имъ по вышерѣченному всѣ почести и всѣ выгоды власти, а еслибъ ни то, ни другое на нихъ не подѣйствовало, такъ и силою.—Просилъ наконецъ ихъ искать знакомства со всѣми, однако не выказываться, не болтать, быть скромными, не оскорблять ничьего самолюбья, а наблюдать внимательно за всѣми движеньями, за всѣми параллельными предпріятьями, опасаясь чтобъ насъ не предупредили,—и писать мнѣ обо всемъ со всевозможною подробностью въ Дрезденъ, откуда обѣщалъ прислать имъ денегъ, а когда прійдетъ время пріѣхать и самъ съ Польскими офицерами.

Вскорѣ по моемъ возвращеньи въ Дрезденъ явились туда Крыжановскій и Гельтманъ, уже отъ

имяни демократической Централизаціи. Они мнѣ не привѣзли ничего; ни денегъ, ни польскихъ офицеровъ, ни Мажіарскаго агента, а только сердечное участье и множество комплиментовъ отъ Польскихъ равно какъ и отъ Парижскихъ демократовъ. На счетъ денегъ узналъ я, что Централизація сама находилась въ неимовѣрной бѣдности, равно какъ и французскіе демократы, истощенные прошлогодними Іюньскими днями; что Польскіе офицеры будутъ и будутъ въ большомъ количествѣ, изъ Франціи равно какъ изъ Познанскаго Герцогства, лишь только найдутся деньги, необходимыя для ихъ доставки; и наконецъ что Графъ Телеки богатъ средствами, но что онъ не рѣшается войти съ нами въ отношенья и располагать Мажіарскими деньгами для движенья Богемскаго, не получивъ на то позволенья отъ Косута, которому онъ писалъ объ этомъ предмѣтѣ и ждалъ отвѣта. Такимъ образомъ я не былъ въ состояньи сдержать ни одного изъ обѣщаній данныхъ мною сначала братьямъ Страка, въ послѣдствіи же черезъ нихъ и Арнольду и другимъ Чешскимъ демократамъ, вошедшимъ въ сношенья съ ними по моемъ отъѣздѣ изъ Праги, [воспользоваться первымъ] Я долженъ былъ содержать братьевъ Страка въ Прагѣ, а для сего долженъ былъ какъ нищій просить милостыню у всѣхъ знакомыхъ и ни отъ однаго не получилъ ни копѣйки, кромѣ выше упомянутаго Депутата Röckel, неосторожнаго, болтливаго, эксентрическаго, но ревностнаго демократа, который, для того чтобъ доставить мнѣ хоть нѣкоторыя средства, продалъ даже свою мебель.

Я познакомился въ послѣдствіи съ покойникомъ Барономъ Baier бывшимъ преждѣ офицеромъ въ Австрійской службѣ, потомъ же принявшемъ участье въ Венгерскомъ возстаньи; онъ командовалъ нѣкоторое время Мажіарскимъ отрядомъ не помню въ какой Венгерской крѣпости,

былъ тяжело раненъ и въ слѣдствіе этаго удалившись изъ Венгріи, сдѣлался не знаю ужъ какимъ образомъ агентомъ Графа Телеки въ Дрезденѣ, гдѣ кажется исключительно занимался вербовкою офицеровъ для Мажіарскаго войска. Онъ мнѣ показалъ письмо Графа Телеки въ которомъ сей распрашивалъ его о Богеміи; я воспользовался симъ случаемъ и уговорилъ его написать подъ моею диктовкою письмо къ Телеки, въ которомъ онъ, отъ моего имяни, извѣщалъ его о готовившейся Богемской революціи, представляя ему всѣ выгодные результаты долженствовавшіе послѣдовать изъ оной для самихъ Мажіаръ и требуя наконецъ присылки повѣреннаго съ деньгами. Телеки отвѣчалъ что онъ пріѣдетъ самъ; и кажется что онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ въ Дрезденѣ, но поздно, ибо я ужъ сидѣлъ тогда въ заключеньи.—Симъ ограничились всѣ сношенья мои съ Мажіарами.

Между тѣмъ моя переписка съ братьями Страка продолжалась; они требовали денегъ; я посылалъ имъ сколько могъ, т.-е. очень не много; но утѣшалъ ихъ будущими надеждами, уговаривая ихъ крѣниться, также какъ и я самъ крѣпился въ это время, и не оглядываясь, безъ остановки, на перекоръ всѣмъ трудностямъ и препятствіямъ, готовить революцію и позвать меня когда приблизится время къ возстанью. Они были въ самомъ дѣлѣ очень дѣятельны какъ я узналъ въ послѣдствіи отъ слѣдственной комиссіи; изъ писемъ же ихъ я не могъ узнать многаго, такъ были они неотчетливы и темны.—Я сказалъ теперь все касательно моихъ Богемскихъ предпріятій и дѣйствій, изъ которыхъ посылка Рёкеля въ Прагу была послѣднимъ.

Но скажу прежде какія у меня были отношенья къ пріѣхавшимъ Полякамъ, а имянно къ Гельтману и Крыжановскому. Я могу съ полнымъ правомъ сказать что не было рѣшительно

никакихъ. Между нами даже и въ это время не было совершенной довѣренности, ни съ ихъ, ни съ моей стороны: они мнѣ никогда ни полъ слова не сказали о своихъ Польскихъ дѣлахъ, которыми какъ мнѣ казалось они занимались гораздо болѣе чѣмъ Богемскими, что было впротчемъ не трудно, ибо послѣдними они совсѣмъ не занимались; платя имъ скрытностью за скрытность, я съ своей стороны удержалъ также многое отъ нихъ въ тайнѣ, показывалъ имъ только верьхи своихъ собственныхъ замысловъ и не допускалъ ихъ входить въ не посредственныя отношенья съ Богеміею. Я одинъ переписывался съ Прагою, и все что они знали, знали они единственно только черезъ меня; когда я получалъ неблагопріятныя извѣстья, я [его] умалчивалъ ихъ; когда же извѣстья были благопріятныя, я старался увеличить оныя въ глазахъ ихъ; однимъ словомъ я ихъ держалъ нѣсколько въ сторонѣ отъ всѣхъ дѣйствительныхъ обстоятельствъ и приготовленій и считалъ себя въ правѣ дѣйствовать въ отношеньи къ нимъ такимъ образомъ, ибо видѣлъ ясно, что Централизація не приславъ съ ними мнѣ никакой помощи, ни денегъ, ни офицеровъ, ни обѣщаннаго Мажіарскаго агента, прислала только ихъ двоихъ, и не для того чтобъ въ самомъ дѣлѣ соединиться со мной, но для того чтобъ по возможности овладѣть Богемскимъ движеньемъ и употребить оное на достиженье своихъ собственныхъ, мнѣ неизвѣстныхъ цѣлей, сообразно своему исключительно Польскому направленью. Я видѣлся съ Гельтманомъ и Крыжановскимъ часто, почти всякій день, но болѣе какъ пріятель, чѣмъ какъ соумышленникъ; [и стр.] мы рѣдко говорили о Богемскихъ приготовленьяхъ, они даже рѣдко спрашивали меня объ нихъ, или потому что замѣтили мою неоткровенность, а можетъ быть и потому что переставъ ожидать отъ нихъ большихъ результатовъ, интересовались болѣе другими, мнѣ неизвѣстны-

ми дѣлами. Только въ одной мѣрѣ условились мы положительно, а имянно въ необходимости установить въ Прагѣ общеславянскій революціонерный комитетъ, когда революція начнется; все же остальное было предоставлено нами будущему вдохновенью и обстоятельствамъ. Они имѣли вѣроятно свои замыслы, я же расчитывая на преобладающее вліянье свое въ Прагѣ имѣлъ твердое намѣренье устранить ихъ лишь только они окажутся противниками.—Гельтманъ и Крыжановскій имѣли также и въ Дрезденѣ связи совершенно независимыя отъ моихъ.—Но для окончанья моей исторіи обращусъ теперь въ послѣдній разъ къ Нѣмцамъ:

Нѣмцы рѣшительно странный народъ и судя по тому что я видѣлъ, живя между ними, не думаю чтобъ судьба имъ готовила долгое политическое существованье.—Когда я сказалъ что въ послѣднее время Нѣмецкіе демократы стали централизироваться, то я хотѣлъ выразить симъ, что они наконецъ поняли необходимость центральнаго дѣйствія и центральной власти, много и часто объ нихъ говорили и дѣлали даже движенья какъ будто бы централизировались, но дѣйствительной централизаціи, [между ними не было] не смотря на существованье центральнаго демократическаго комитета, между ними не было. Избравъ сей комитетъ, они думали что сдѣлали все и не почли нужнымъ ему повиноваться.—Что дѣлаетъ Французскихъ демократовъ опасными и сильными это чрезвычайный духъ дисциплины: Французы различныхъ характеровъ, состояній и положеній, различнѣйшихъ направленій, даже различныхъ партій умѣютъ соединяться для достиженья общей цѣли, и когда разъ соединились, тогда ужъ никакое самолюбье, ни честолюбье, рѣшительно ничто не въ состояньи разъединить ихъ, до тѣхъ поръ пока предположенная цѣль не достигнута. Въ Нѣмцахъ, напротивъ преобла-

Разительная истинна. !!!

даетъ анархия. Плодъ протестантизма и всей политической Исторіи Германіи, анархія есть основная черта Нѣмецкаго ума, Нѣмецкаго характера и Нѣмецкой жизни: анархія между провинціями; анархія между городами и селами; анархія между жителями однаго и того же мѣста, между посѣтителями однаго и того же кружка; анархія наконецъ въ каждом Нѣмцѣ взятомъ особенно, между его мыслью, сердцемъ и волею. «Jeder darf und soll seine Meinung haben!»[56]). Вотъ первоначальная заповѣдь, Нѣмецкаго катехизиса, правило которымъ руководствуется каждый Нѣмецъ безъ исключенья; а потому никакое политическое единство между ними не было, да и не будетъ возможнымъ.

!!! Неоспоримая истинна.

Такъ, въ это самое время, когда необходимо было тѣснѣйшее соединенье всѣхъ демократовъ и всѣхъ либераловъ, для того чтобъ бороться съ нѣкоторымъ успѣхомъ противъ торжествовавшей реакции, не только демократы съ либералами, и не только демократы цѣлой Германіи, но даже демократы однаго и того же Нѣмецкаго Государства не могли, не умѣли да и не хотѣли соединиться. Jeder wollte seine Meinung haben. Всѣ были разъединены мѣлкимъ еще болѣе самолюбивымъ, чѣмъ честолюбивымъ соперничествомъ. Такъ ни Бреславль, ни Кёльнъ не хотѣли покориться Берлину, а въ то же время враждовали и между собою. Кёнигсбергъ былъ самъ по себѣ; Прусская Саксонія также. Не говорю о Бранденбургѣ и Помераньи державшихся постоянно на сторонѣ Монархіи; еще мѣнѣе говорю о Герцогствѣ Познанскомъ въ которомъ преобладала въ то время глубочайшая ненависть безразлично ко всѣмъ носящимъ только Нѣмецкое имя. Вестфалія клонилась болѣе на сторону Кёльна. Гановеръ составлялъ вмѣстѣ съ другими приморскими землями особенную группу приходившую въ соприкосновенье съ протчею Германіею только черезъ

Правда.

Шлезвигъ-Голштейнскую войну, въ которой впрочемъ либералы принимали гораздо болѣе участья чѣмъ демократы. Демократы Саксонскаго Королевства имѣли свой собственный Центрэльный Комитетъ, который былъ также Комитетомъ и Тюрингскихъ демократовъ. Баварія, исключая Фальца и сѣверной части Франконіи, не была почти тронута демократическою пропагандою. Остальная же часть южной Германіи: Баденъ, Вюртембергъ, равно какъ и оба Гессенъ и протчія небольшія Герцогства внѣшнимъ образомъ признавали Центральный Комитетъ; ибо учавствовали въ его избраньи на демократическомъ Конгрессѣ въ Берлинѣ, но въ сущности ставили его ни во что; никогда не слушали его приказаній, не посылали ему даже денегъ, группировались же большею частью вокругъ демократовъ Франкфуртскаго Конститутивнаго Собранья, которое съ самаго начала соперничествовало и враждовало противъ Сѣверныхъ демократовъ.—Такъ что въ дѣйствительности Централизаціи не было, а центральный комитетъ Германскихъ демократсвъ находился въ самомъ бѣдственномъ положеньи.

Онъ былъ бѣденъ, онъ былъ не могучь, онъ состоялъ наконецъ изъ членовъ неспособныхъ къ этому дѣлу. Трое были выбраны въ него: Дестеръ, Гекзамеръ, да еще Графъ Рейхенбахъ; но послѣдній удалился изъ него въ самомъ началѣ; дѣйствовали только Гекзамеръ и Дестеръ. Гекзамеръ человѣкъ молодой, честный, невинный, не глупый, но весьма ограниченный, не скоро понимающій, демократическій доктринеръ и утопистъ. Дестеръ,—я не скрою отъ ВАСЪ ГОСУДАРЬ что говорю о нихъ такъ подробно, только потому что знаю что оба спаслися бѣгствомъ,—Дестеръ напротивъ человѣкъ живой, талантливый, скорорабочущій, скоро но поверхностно понимающій, нѣсколько плутъ и пройдоха, впротчемъ не своекорыстный, политическій Интригантъ, принадлежитъ къ шко-

лѣ Кёльнскихъ т.-е. болѣе или мѣнѣе коммунистическихъ демократовъ, остроуменъ, находчивъ, увертливъ, умѣетъ раздразнить Министра въ парламентскомъ преньи, однимъ словомъ способный къ партизанской политической войнѣ; и могъ бы быть Нѣмецкимъ Duvergier de Hauranne при Нѣмецкомъ демократическомъ Тьерсѣ, еслибъ такой нашелся въ Германіи; но не имѣющій ни довольно обширнаго ума, ни довольно характера для того чтобъ быть предводителемъ партіи.

Я постоянно остерегалъ себя отъ вмѣшательства въ ихъ дѣла; живя однако съ ними въ продолженье двухъ мѣсяцовъ, или не много мѣнѣе, въ одномъ домѣ, я зналъ многое и могу сказать съ увѣренностью и по совѣсти, что Центральный Комитетъ хлопоталъ много, но не сдѣлалъ рѣшительно ничего къ успѣху предполагаемой революціи, не смотря на то что полагалъ на нее свои послѣднія надежды; ибо самъ Дестеръ мнѣ говорилъ, что это будетъ рѣшительная и послѣдняя попытка, и что если она не удастся, то должно будетъ отложить всѣ революціонерные замыслы на долгое, долгое время. И что жъ они дѣлали? Вмѣсто того чтобъ, оставивъ въ сторонѣ всѣ другія дѣла, заняться исключительно приготовленьями къ ней, они употребляли большую часть времяни на предметы второстепенные, незначительные, на вопросы которые привели ихъ даже въ безчисленныя противурѣчья со [различными] многими отдѣленьями демократической партіи. Они смѣялись надъ Саксонцами которые твердо вѣрили въ незыблемость своей вновь [иму] ими созданной демократической к о н с т и т у ц и и; говорили имъ что вторая революція была необходима даже для сохраненья тѣхъ еще ненарушенныхъ политическихъ правъ, остатковъ революціонерныхъ пріобрѣтеній 1848-го года, до которыхъ реакція тогда еще не дерзала коснуться, говорили что безъ второй революціи все будетъ невѣрно, шатко;

а сами дѣйствовали, какъ будто бы не сомнѣвались ни малѣйшимъ образомъ въ твердости политическаго фундамента на которомъ они стояли: Дестеръ гораздо болѣе заботился о своемъ выборѣ во второе Прусское Законодательное собранье чѣмъ о революціонерныхъ приготовленьяхъ; Гексамеръ занимался пустою, безполѣзною, напыщенно-поздравительною публичною перепискою съ Французскими, Италіянскими и Польскими демократами; оба хлопотали объ основаньи въ Берлинѣ новаго демократическаго журнала, котораго хотѣли быть редакторами; собирали вездѣ подписку и перессорились по этому случаю со всѣми демократами; тогда какъ явно было что если не будетъ второй революціи, то и существованье сего журнала въ Берлинѣ будетъ невозможно, и что если революція удастся то и всѣ предыдущіе хлопоты, ссоры и подписки будутъ рѣшительно безполѣзны. Когда Арнольдъ пріѣхалъ въ Лейпцигъ, вмѣсто того чтобъ заняться единственною цѣлью его пріѣзда, т.-е. соединеньемъ движенья Богемскаго съ Германскимъ, или хоть вмѣсто того чтобы распросить его о Богеміи, о которой они оба почти ничего не знали,—они ни о чемъ другомъ почти съ нимъ не говорили какъ о несчастномъ журналѣ, да еще о вышеупомянутомъ Славянско-Германскомъ Конгрессѣ. Другихъ переговоровъ, условій, общеположенныхъ мѣръ не было: «мы готовимъ къ вѣснѣ революцію, постарайтесь и вы приготовиться къ этому времяни»,—вотъ все что Арнольдъ услышалъ отъ нихъ. По этому одному можно видѣть каковы были ихъ приготовленья и мѣры для революціи въ самой Германіи.

Я не говорю чтобъ они ужъ рѣшительно не сдѣлали ничего и совсѣмъ не думали о приготовленьяхъ къ революціи; говорю только что дѣйствія ихъ были незначительны, недостаточны и ни малѣйшимъ образомъ не способствовали къ

успѣху послѣдней; такъ знаю я напр. что они организировали тайныя общества въ разныхъ пунктахъ Германіи, но общества сіи остались безъ всякаго вліянья въ Майскомъ всеобще-Германскомъ Повстаньи; не сомнѣваюсь также и въ томъ что они имѣли связи съ нѣкоторыми изъ главныхъ предводителей демократической Партіи, въ разныхъ частяхъ Германіи, хоть и не имѣли о томъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній; но знаю положительно что они были со многими въ ссорѣ: съ Бреславлемъ, съ Центральнымъ Комитетомъ Саксонскихъ демократовъ; и наконецъ и во Франкфуртѣ имѣли гораздо болѣе враговъ чѣмъ друзей, такъ что наканунѣ Баденской революціи Южно-Германскіе демократы не только воспротивились ихъ вмѣшательству, но даже просили ихъ не пріѣзжать къ нимъ. Я узналъ объ этомъ обстоятельствѣ по особенному случаю о которомъ скажу послѣ.

Могли бы спросить меня: Если Центральный Комитетъ былъ въ самомъ дѣлѣ до такой степени безсиленъ и бездѣятеленъ, [откуда] какимъ образомъ могъ онъ произвесть въ цѣлой Германіи вышеупомянутую единодушную и сильную демонастрацью въ пользу Славянъ, и откуда взялись у него вдругъ энергія и дѣятельность и вліянье для той неусыпной пропаганды между Богемскими Нѣмцами? На это я буду отвѣчать слѣдующее: ничего не было легче какъ произвесть такую демонстрацію; для сего у нихъ были и достаточное вліянье и всѣ нужныя средства; они имѣли кореспонденцію со всѣми демократическими журналами, а кромѣ сего имѣли адресы всѣхъ главныхъ предводителей комитетовъ и клубовъ, на которыхъ дѣйствовали часто помимо комитетовъ, посредствомъ знакомыхъ вліятельныхъ людей; вѣдь ничего нѣтъ легче какъ уговорить всякаго Нѣмца по всякому дѣлу, до тѣхъ поръ пока онъ мнитъ себя самостоятельнымъ и не подозрѣваетъ

что его хотятъ подчинить какой нибудь дисциплинѣ.—Я сочинялъ статьи которыя Дестеръ и Гекзамеръ посылали въ журналы отъ своего имяни; ихъ же заставлялъ писать, въ моемъ присутствіи, почти подъ моею диктовкою, письма, общія для всѣхъ клубовъ; и не давалъ имъ покоя пока они не сдѣлали всего что мнѣ казалось необходимымъ. Такимъ образомъ во многихъ журналахъ вдругъ появились статьи симпатическія для Славянъ; а клубы, уже приготовленныя письмами и обьясненьями Центральнаго Комитета, послѣдовали ихъ примѣру, и стали сочинять громкіе адрессы къ Славянамъ. Начавшись же разъ, движенье сіе продолжалось потомъ ужъ безъ всякаго внѣшняго побужденья. Пропаганда въ Богеміи осталась бы также безъ всякаго исполненья, еслибъ я не принуждалъ къ ней безпрестанно членовъ Центральнаго Комитета, но еще болѣе знакомыхъ мнѣ Лейпцигскихъ демократовъ, которые въ свою очередь дѣйствовали посредствомъ своихъ знакомыхъ живущихъ на Богемской границѣ. И все это было сдѣлано безъ особенныхъ мѣръ, заговоровъ, условій, и такъ просто, по доброму знакомству.

Еще разъ повторяю, общихъ разговоровъ о предстоящей революціи было въ цѣлой Германіи много, но общаго заговора къ ней, общей организаціи, плана центральнаго управленья и дѣйствія рѣшительно не было, не смотря на то что былъ избранъ центральный комитетъ для центральнаго управленья и для центральнаго дѣйствія. Всеобщность Германскаго повстанья въ Маѣ 1849-го года была гораздо болѣе плодомъ единодушнаго дѣйствія Нѣмецкихъ Правительствъ, чѣмъ согласья Нѣмецкихъ демократовъ. Еще за полгода всѣ знали что весною будетъ революція, потому что поняли наконецъ, что Правительства, начавшія разъ и съ успѣхомъ реакціонерное движенье, не остановятся на половинѣ

дороги и не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не возстановятъ совершенно стараго порядка, разрушеннаго революціею 1848-го года. Всѣ ожидали къ веснѣ еще рѣшительнѣйшихъ реакціонерныхъ мѣръ и всѣ готовились отвѣчать на нихъ революціонернымъ отпоромъ, и ждали неотвратимой, всѣми предвидѣнной коллизіи Франкфуртскаго Парламента съ Властителями Германіи, какъ общаго знака для общаго повстанья. Другаго единодушья кромѣ сего между Германскими демократами не было. Дѣйствія же центральнаго комитета ограничились тѣмъ что онъ всѣхъ поощрялъ къ революціонернымъ пріуготовленьямъ, но онъ не могъ и не умѣлъ сдѣлаться центромъ самихъ пріуготовленій; всѣ же части Германіи готовились сами собою, особенно, каждая сообразно своему характеру, обстоятельствамъ, положенью, независимо отъ центральнаго комитета, безъ всякой связи другъ съ другомъ; и еще разъ говорю, общность пріуготовленій состояла только въ томъ, что всѣ знали что всѣ готовятся, знали не только демократы, но и противная партія, ибо всѣ готовились и организировали даже тайныя общества громко.

Всѣ готовились, но мало приготовили. Я впротчемъ не могу судить о дѣйствіяхъ южныхъ демократовъ, ибо исключая однаго раза о которомъ упомяну въ послѣдствіи, я послѣ весны 1848 года не приходилъ съ ними въ соприкосновенье. [Но могу судить о Саксонскихъ подготовленьяхъ]: Кажется что въ Баденѣ существовало нѣчто въ родѣ дѣйствительной организаціи. Но могу судить о Саксонскихъ пріуготовленьяхъ, потому что видѣлъ ихъ въ близи, хоть никакимъ образомъ и не учавствовалъ въ нихъ. Я знаю что у нихъ не было ни плана, ни организаціи, ни даже назначенныхъ предводителей для возмущенья. Все было предоставлено случаю. Это оказалось явно въ Дрезденской революціонной попыткѣ

которая была такъ мало предугадана самими руководителями демократической партіи, что они хотѣли было всѣ наканунѣ разъѣхаться; и никто ни въ Дрезденѣ, ни въ протчихъ городахъ Саксоніи не зналъ что имянно теперь начинается всѣми давно пророчествованная революція; и когда она началасъ, ни кто не зналъ, ни что дѣлать, ни куда идти, всякій же слѣдовалъ своему собственному инстинкту; ибо ничего не было предуставленнаго. Трудно повѣрить, но въ самомъ дѣлѣ было такъ. Я теперь стараюсь собрать всѣ воспоминанья, для того чтобъ сказать что нибудь положительное о пріуготовленьяхъ Саксонскихъ демократовъ, и не нахожу рѣшительно ничего; развѣ только что въ нѣкоторыхъ углахъ Саксонской земли существовали микроскопическія, игрушечныя тайныя общества состоявшія изъ 5, 6, много изъ десяти людей, большею частью изъ работниковъ; или что въ нѣкоторыхъ городахъ, а имянно въ Дрезденѣ, въ Хемницѣ, а потомъ и въ Лейпцигѣ, были надѣланы жестяныя ручныя гранаты, дѣтская безвредная игрушка, на которую однако Саксонскіе демократы полагали большую надежду. Оружья и амуниціи готовить было ненужно, ибо вся Саксонія, равно какъ и вся Германія, была вооружена предшедшею революціею; а что необходимо было приготовить, это планъ для возмущенья, планъ для цѣлой Саксоніи, равно какъ и для каждаго города въ особенности; должно было избрать людей для предводительства, установить революціонерную Іерархію; условиться въ первыхъ шагахъ, въ первыхъ мѣрахъ предполагаемой революціи; должно было перенести революціонерную пропаганду изъ городовъ въ села, уговорить мужиковъ принять участье въ движеньи для того чтобъ революція была общенародною, сильною, а не уединенно-городскою, легкопобѣждаемою.—Ничего подобнаго не было даже и въ зачинѣ, всѣ пріуготовленья огра-

ничились пустяками. [одним] Однимъ словомъ Саксонскіе демократы сдѣлали довольно для того чтобъ быть осужденными потомъ какъ Государственные Преступники, но [ничего для того] не сдѣлали ничего для успѣха самой революціи.— Можно бы было сказать тоже самое и обо мнѣ, съ тою только разницею, что я былъ однимъ, а ихъ много; у нихъ были всѣ средства, а у меня никакихъ. Саксонская слѣдственная комиссія долго искала слѣдовъ заговора, плана, приготовленій къ бунту и тайныхъ связей Саксонскихъ демократовъ съ протчими Германскими демократами,— и, ничего не найдя, утѣшила наконецъ себя мыслью что заговоръ существовалъ въ самомъ дѣлѣ и заговоръ страшный, съ связями широкими, съ планомъ глубокимъ, съ средствами безчисленными, но что бѣжавшій Röckel, ничтожнѣйшій между тремя весьма малоспособными [и мало дѣятельными] членами Саксонскаго Демократическаго Комитета, унесъ съ собою въ Лондонъ всѣ его тайны и нити. Я говорю утѣшилъ себя сею мыслью, ибо стыдно должно было быть Нѣмецкимъ Правительствамъ, что они такъ долго могли трепетать передъ Нѣмецкими демократами. Впротчемъ такъ какъ все въ мірѣ относительно, то и Нѣмецкіе демократы могли быть страшны Нѣмецкимъ Правительствамъ.

Но пора мнѣ оставить сіи общія разсужденья на счетъ жалкой революціонерной дѣятельности Нѣмецкихъ демократовъ и, возвратившись къ себѣ самому, привести къ окончанью свою не менѣе жалкую исторію. Мнѣ остается теперь немного прибавить.

Я показалъ чѣмъ ограничились мои отношенья съ Дестеромъ и Гекзамеромъ, равно какъ и съ Лейпцигскими демократами; [но изьяснилъ] изьяснилъ почему я съ увѣренностью ожидалъ и почему желалъ Нѣмецкой революціи; прибавилъ, сообразно съ истинной, что самъ я ни малѣйшимъ

образомъ не вмѣшивался въ Нѣмецкія дѣла. То же самое долженъ я сказать и о своемъ пребываньи въ Дрезденѣ, до самаго дня выбора Провизорнаго Правительства. Я жилъ въ Дрезденѣ не для Саксоніи и не для Германіи, единственно только для Богеміи, выбралъ же его своимъ мѣстопребываньемъ, какъ ближайшее мѣсто къ Прагѣ. Равно какъ и преждѣ въ Лейпцигѣ, я не посѣщалъ здѣсь ни клубовъ, ни демократическихъ совѣщаній; скрывался напротивъ, не зная навѣрное, будетъ ли Дрезденская полиція терпѣть мое безпашпортное присутствіе въ Дрезденѣ или нѣтъ. Видѣлся съ немногими; зналъ многихъ демократовъ, но рѣдко встрѣчался съ ними; демократа и депутата Tschirner который, по моему убѣжденью, былъ главный, если не единственный, хоть и весьма жалкій пріуготовитель Саксонской революціи, я видѣлъ два, много три раза, и не у него, также ни у себя на квартерѣ, а въ общей демократической кнейпѣ, былъ знакомъ съ нимъ очень поверхностно, даже разговаривалъ мало. Единственные два Нѣмца съ которыми я имѣлъ въ Дрезденѣ положительныя дѣловыя отношенья, были Dr. Wittig редакторъ Дрезденской демократической газеты и вышеупомянутый демократическій депутатъ August Röckel. Первый былъ мнѣ полѣзенъ во многихъ отношеньяхъ; редакція его журнала служила мнѣ вмѣсто конторы для моихъ Пражскихъ сношеній; а самый журналъ, во всемъ что касалось Славянскаго вопроса, находился подъ моимъ исключительнымъ вліяньемъ.—Еще ближе былъ я связанъ съ Демократомъ Röckel; сей много способствовалъ къ пропагандѣ въ Нѣмецкой Богеміи, посредствомъ своихъ связей съ пограничными Саксонскими Демократами; искалъ для меня денегъ, когда деньги становились мнѣ необходимы, и какъ я ужъ выше замѣтилъ, продалъ даже свою мебель, для того чтобъ доставить мнѣ возможность содержать братьевъ Страка, т.-е.

мою единственную надежду на революцію, въ Прагѣ. Я не скрывалъ отъ него своихъ предпріятій, равно какъ и онъ ничего не скрывалъ отъ меня; но я въ его Нѣмецкія дѣла и связи не вмѣшивался, а когда нужно было пользовался симъ послѣднимъ для своихъ цѣлей.—Между Нѣмецкими демократами съ которыми я былъ хорошо знакомъ, не имѣя съ ними никакихъ положительныхъ, дѣловыхъ отношеній, находился одинъ Dr. Erbe, Альтенбургскій демократъ, депутатъ и изгнанникъ, потомъ же избранный не помню какимъ Саксонскимъ Городомъ во Франкфуртскій Парламентъ; я упоминаю объ немъ потому что знакомство съ нимъ было поводомъ къ тому единственному и случайному соприкосновенью съ Баденскими демократами, о которыхъ я намекалъ выше. Кажется что Erbe, пріѣхавъ во Франкфуртъ, принялъ дѣятельное участье въ Южно-Германскомъ движеньи, и мнѣ сказали что онъ удалился потомъ въ Америку. Нѣсколько дней передъ Дрезденскимъ возмущеньемъ, явился ко мнѣ пріятель Erbe, также Франкфуртскій депутатъ, пріѣхавшій въ Дрезденъ вѣроятно и за другими, впротчемъ мнѣ неизвѣстными, дѣлами. Онъ просилъ меня, отъ имяни Erbe а также и отъ имяни всѣхъ Баденскихъ демократовъ, которые мнѣ черезъ него кланялись, просилъ рекомендательнаго письма въ Парижъ къ Польской Централизаціи: они нуждались въ Польскихъ офицерахъ. Я свелъ его съ Гельтманомъ и Крыжановскимъ, и былъ такимъ образомъ косвенною причиною появленья Генерала Schreide и другихъ Поляковъ въ Баденскомъ Герцогствѣ.—Тутъ увидѣлъ я какъ сильно было несогласье между Сѣверными и Южными демократами, и какъ ничтожно вліянье Центральнаго демократическаго Комитета на послѣднихъ: Дестеръ пріѣхавшій въ этотъ самый день въ Дрезденъ, встрѣтилъ у меня Франкфутскаго пріятеля Erbe; разговаривали много о предстоявшемъ Баденскомъ и

вообще Южно-Германскомъ движеньи; и Дестеръ сказалъ, что онъ желаетъ чтобъ всѣ демократическіе члены насильственно распущенныхъ Нѣмецкихъ Парламентовъ собрались во Франкфуртѣ, для того чтобъ вмѣстѣ съ Франкфуртскими демократами, составить новый демократическій Германскій Парламентъ; пріятель Erbe отвѣтилъ на сіе что Франкфуртскіе и вообще Южно-Германскіе демократы просятъ Господъ сѣверныхъ демократовъ не вмѣшиваться въ ихъ дѣла и не пріѣзжать къ нимъ, а сидѣть дома, да заботиться объ ускореньи революціи на сѣверѣ. Изъ этого произошелъ споръ, потомъ ссора которую здѣсь расказывать было бы неумѣста.

Съ приближеньемъ Мая революціонерныя предзнаменованья становились день ото дня яснѣе и значительнѣе въ цѣлой Германіи. Франкфуртскій парламентъ склонившійся подъ конецъ своего существованья на сторону демократовъ, находился уже въ явной коллизіи съ Правительствами. Германская Конституція была наконецъ состряпана; нѣкоторыя Правительства признали ее, [признали] какъ, наприм. Вюртембергское, но признали противъ воли, устрашенныя явною угрозой бунта. Прусскій Король отвергъ предложенную ему корону; Саксонское Правительство колебалось. Многіе надѣялись что оно покорится необходимости и что дѣло обойдется безъ шума. Другіе предвидѣли коллизію, я принадлежалъ къ числу сихъ послѣднихъ, и бывъ убѣжденъ въ близости всеобщей Германской революціи, поощрялъ письмами братьевъ Страка [ускорить] усилить дѣятельность, ускорить пріуготовленья и приступить къ послѣднимъ, рѣшительнымъ мѣрамъ. Но я не могъ имъ послать ни денегъ и никакой другой помощи, кромѣ совѣтовъ и поощреній; посылалъ имъ по нѣскольку талеровъ, отнимая у себя послѣднія средства, такъ что въ это время я не издерживалъ на себя болѣе пяти,

шести Silbergroschen въ день. Не было денегъ, не было и Польскихъ офицеровъ, не было и возможности пошевелиться; я ждалъ всякій день Графа Телеки, ждалъ также что меня позовутъ скоро въ Прагу,—не зналъ что дѣлать, какъ оборотиться; находился однимъ словомъ въ самомъ затруднительномъ положеньи.

Наконецъ Саксонскій демократическій Парламентъ былъ распущенъ. Это былъ первый шагъ къ реакціи въ Саксоніи; такъ что и тѣ которые прежде сомнѣвались, стали теперь думать о возможности Саксонской революціи, которая однако казалась всѣмъ еще такъ отдаленна, что Röckel опасавшійся преслѣдованій рѣшился удалиться на нѣкоторое время изъ Дрездена. Я уговорилъ его ѣхать въ Прагу; далъ ему записку къ Арнольду и къ Сабинѣ, а также и къ братьямъ Страка и поручилъ ему по возможности ускорить пріуготовленья къ Пражскому возстанью. Съ кѣмъ и какъ онъ тамъ дѣйствовалъ и вообще, что дѣлалось въ Прагѣ по его отъѣздѣ изъ Дрездена, [мнѣ] было мнѣ до самаго конца неизвѣстно, и только отъ Австрійской Комиссіи узналъ я потомъ нѣкоторыя обстоятельства. Въ день его отъѣзда и еще въ его присутствіи, пришелъ ко мнѣ, убѣжденный на то моимъ пріятелемъ и Сотрудникомъ Ottendorfer, Dr. Zimmer бывшій членъ распущеннаго Австрійскаго Парламента, ревностный демократъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ предводителей Нѣмецкой Партіи въ Богеміи, а также бывшій передъ тѣмъ и однимъ изъ самыхъ отъявленныхъ враговъ Чешской Національности; послѣ долгаго и горячаго спора, мнѣ удалось перевести его на свою сторону; онъ простился со мной, обѣщая ѣхать немѣдленно въ Прагу и содѣйствовать тамъ къ соединенью Нѣмцовъ съ Чехами для революціи. Всѣ сіи обстоятельства, открытыя также не мною а самимъ докторомъ Zimmer, подробно изложены въ Австрійскихъ

обвинительныхъ актахъ.—Посылка Рökеля и Доктора Zimmer были моими послѣдними дѣйствіями касательно Богеміи.

Я сказалъ все ГОСУДАРЬ, и сколько не думаю, не нахожу ни одного нѣсколько важнаго обстоятельства, которое было бы мною здѣсь пропущено. Теперь мнѣ остается только изьяснить ВАМЪ, какимъ образомъ оставаясь досѣлѣ чуждымъ всѣмъ Нѣмецкимъ дѣламъ и ожидая быть призваннымъ каждый день въ Прагу, я могъ принять участье и еще такое дѣятельное въ Дрезденскомъ возмущеньи.

На другой же день по отъѣздѣ Рökеля, т.-е. по распущеньи Парламента, начались въ Дрезденѣ безпорядки; они продолжались нѣсколько дней не принимая еще рѣшительнаго характера, но были ужъ такого рода, что не могли иначе кончиться какъ революціею или совершенною реакціею. Революціи я не боялся, но боялся реакціи, которая необходимо кончилась бы арестомъ всѣхъ безпашпортныхъ политическихъ бѣглецовъ и революціонерныхъ волонтеровъ, въ числѣ которыхъ я занималъ не послѣднее мѣсто. Я долго не зналъ что дѣлать, долго ни на что не рѣшался: оставаться [было] казалось опасно, но бѣжать было стыдно, рѣшительно не возможно. Я былъ главнымъ и единственнымъ Зачинщикомъ Пражскаго какъ Нѣмецкаго такъ и Чешскаго заговора, послалъ братьевъ Страку въ Прагу и подвергъ въ оной многихъ явной опасности, поэтому не имѣлъ права самъ избѣгать опасности. Мнѣ оставалось еще одно средство: удалиться въ окрестность и ждать вблизи отъ Дрездена чтобъ движенье приняло болѣе рѣшительный, революціонерный характеръ; но на это были нужны деньги, а у меня я думаю не было болѣе двухъ талеровъ въ карманѣ. Дрезденъ же былъ центръ моей корреспонденціи; я ждалъ Графа Телеки, ежеминутно могъ быть позванъ въ Прагу;—я

рѣшился остаться и уговорилъ къ тому Крыжановскаго и Хельтмана, которые было ужъ совсѣмъ собрались уѣхать.—Оставшись же разъ, я ни по положенью, ни по характеру не могъ быть равнодушнымъ и бездѣйственнымъ зрителемъ Дрезденскихъ происшествій. Воздержался однако отъ всякаго участья до самаго дня выбора Провизорнаго Правительства.

Я не буду входить въ подробности Дрезденскаго возмущенья; оно ВАМЪ *) ГОСУДАРЬ извѣстно и безъ сомнѣнья извѣстнѣе во всѣхъ обьемахъ чѣмъ мнѣ. Къ тому же всѣ обстоятельства касающіяся также и до меня, подробно изочтены въ актахъ Саксонской слѣдственной Комиссіи.—По моему мнѣнью, движенье былс сначала произведено спокойными гражданами, бюргерами, видѣвшими въ немъ сперва одну изъ тѣхъ невинныхъ и законныхъ парадныхъ демонстрацій, которыя такъ ужъ въ это время вошли въ Германскіе нравы, что ни кого болѣе не пугали и не удивляли. Когда же они замѣтили что движенье становится революціею, они отступили и уступили мѣсто демократамъ, говоря что когда они клялись: «mit Gut und Blut fur die neu errungene Freiheit zu stehen!» [56]) они разумѣли мирную, [мирную] безкровную и безопасную протестацію, а не революцію.—Революція была сначала Конституціонная, потомъ же сдѣлалась демократическою. Въ Провизорное Правительство были избраны два представителя Монархическо-Конституціонной Партии: Häubner и Todt (послѣдній былъ нѣсколько дней передъ тѣмъ, правительственнымъ Коммиссаромъ, распустившимъ Парламентъ отъ имяни Короля),—и только одинъ демократъ: Tschirner.—Я зналъ Тота еще со времяни моего самаго перваго пребыванья въ Дрезденѣ, потомъ видѣлъ его мимохо-

*) Конец четвертой тетради оригинала в шесть писчих листов (или 24 страницы; л. л. 65—88).

домъ во Франкфуртѣ, весною 1848-го года; въ Дрезденѣ же встрѣтилъ опять не преждѣ дня выбора его въ провизорное Правительство. Депутата Häubner совсѣмъ не зналъ, а чѣмъ ограничивались до того мои отношенья, мое знакомство съ Чирнеромъ я сказалъ уже выше.

Когда было собрано провизорное Правительство, я сталъ надѣяться на успѣхъ революціи. И въ самомъ дѣлѣ, обстоятельства были въ тотъ день самыя благопріятныя: Народа много а войскъ мало. Большая часть Саксонскаго и безъ того не весьма многочисленнаго войска воевало тогда за Германскую свободу и единство въ Schleswig-Holstein «Stammvervandt und Meerumschlungen»; въ Дрезденѣ оставалосъ я думаю не болѣе двухъ или трехъ баталіоновъ; прусскія войска еще не успѣли прійти на помощь, и ничего не было легче какъ овладѣть всѣмъ Дрезденомъ. Овладѣвъ же имъ и опираясъ на [всю] Саксонію которая вся поднялась и поднялась довольно единодушно, только безъ всякаго порядка и плана; опираясъ также на движенье протчей Германіи, можно бы было поспорить и съ Прусскими войсками, которыя, равно какъ и Саксонцы, не показали великой храбрости въ Дрезденѣ; они употребили цѣлыхъ пять дней на дѣло, которое войсками болѣе рѣшительными могло бы быть покончено въ одинъ день а можетъ быть и скорѣе; ибо въ Дрезденѣ было и много вооруженныхъ демократовъ, но всѣ были парализированы безпутнымъ революціонернымъ Начальствомъ.

Въ день выбора Провизорнаго Правительства, дѣятельность моя ограничилась совѣтами. Это было кажется 4-го Мая по новому стилю. Саксонскія войска парламентировали; я совѣтовалъ Чирнеру не вдавать себя въ обманъ, ибо явно было что Правительство хотѣло только выиграть время, ожидая Прусскую помощь. Совѣтовалъ Чирнеру прекратить пустые переговоры, не терять времяни,

воспользоваться Слабостью войскъ, для того чтобъ овладѣть цѣлымъ Дрезденомъ предлагалъ ему даже собрать знакомыхъ мнѣ Поляковъ, которыхъ было тогда много въ Дрезденѣ, и повести вмѣстѣ съ ними Народъ требовавшій оружья на оружейную Палату.—Цѣлый день былъ потерянъ въ переговорахъ, на другой день Чирнеръ вспомнилъ о моемъ совѣтѣ и о моемъ предложеньи; но обстоятельства ужъ перемѣнились; бюргеры разошлись по домамъ съ своими ружьями, Народъ охладѣлъ; прибывшихъ Freischaaren было еще не много; и кажется появились ужъ первые Прусскіе баталіоны. Однако, уступивъ его просьбѣ а еще болѣе его обѣщаньямъ, я отыскалъ Гельтмана и Крыжановскаго и не безъ труда уговорилъ ихъ принять вмѣстѣ со мною участье въ Дрезденской революціи, представляя имъ какія выгодныя послѣдствія могли произойти изъ ее успѣшнаго хода для самой Богемской, ожидаемой нами, революціи; они согласились и привели съ собой въ ратушу, гдѣ засѣдало Провизорное Правительство, еще одного впротчемъ мнѣ незнакомаго Польскаго офицера. Мы заключили тогда съ Чирнеромъ родъ контракта: онъ объявилъ намъ во первыхъ, что если революція пойдетъ успѣшно, то онъ не удовлетворится однимъ признаньемъ Франкфуртскаго Парламента и Франкфуртской Конституціи, а провозгласитъ демократическую республику; во вторыхъ, [обѣщалъ мнѣ] обязался быть намъ помощникомъ и вѣрнымъ союзникомъ во всѣхъ нашихъ Славянскихъ предпріятьяхъ; обѣщалъ намъ денегъ, оружья, однимъ словомъ все что будетъ потребно для Богемской революціи. Просилъ только не говорить ни о чемъ Тоту и Häubner, которыхъ называлъ предателями и реакціонерами.

Такимъ образомъ мы поселились: Гельтманъ, Крыжановскій, вышеупомянутый Польскій офицеръ и я, въ комнатѣ Провизорнаго Правительства за ширмами. Наше положенье было престран-

нос: мы составляли родъ [штаба] штаба возлѣ Провизорнаго Правительства, которое исполняло безпрекословно всѣ наши требованья; но независимо отъ насъ и независимо даже отъ самаго Провизорнаго Правительства дѣйствовалъ и командовалъ революціонернымъ ополченьемъ Оберъ-Лейтенантъ Heinse, занявшій мѣсто Начальника національной гвардіи. Онъ смотрѣлъ на насъ съ явнымъ недоброжелательствомъ, почти съ ненавистью, и не только что не исполнилъ не одного изъ нашихъ требованій, переходившихъ ему въ видѣ повеленій Провизорнаго Правительства, но дѣйствовалъ имъ на перекоръ, такъ что всѣ наши старанья были напрасны. Въ продолженье цѣлыхъ сутокъ, мы ничего болѣе не требовали какъ только пятисотъ, даже трехъ-сотъ человѣкъ, которыхъ хотѣли сами вести на оружейную палату, и не могли даже собрать пятидесяти человѣкъ, не потому чтобъ ихъ не было, но потому что Heinse не допускалъ къ намъ никого, и разбрасывалъ всѣхъ по цѣлому Дрездену, лишь только прибывали свѣжія силы. Я былъ тогда увѣренъ и теперь еще убѣжденъ, что Heinse дѣйствовалъ какъ измѣнникъ и не понимаю какъ онъ могъ быть осужденъ какъ Государственный преступникъ. Онъ способствовалъ къ побѣдѣ войскъ гораздо болѣе чѣмъ сами войска, которыя, какъ я уже разъ сказалъ, дѣйствовали очень, очень робко.

На другой день, кажется 6-го Мая, мои Поляки да и Чирнеръ съ ними исчезли. Это случилось такимъ образомъ:

Häubner,—я не могу вспомнить объ этомъ человѣкѣ безъ особенной грусти! Я его преждѣ не зналъ, но успѣлъ узнать въ продолженье сихъ немногихъ дней; въ подобныхъ обстоятельствахъ люди скоро узнаютъ другъ друга. Я рѣдко зналъ человѣка чище, благороднѣе, честнѣе его; онъ ни природою, ни направленьемъ, ни понятьями сво-

ими не былъ призванъ къ революціонерной дѣятельности; былъ нрава мирнаго, кроткаго; только что женился и былъ страстно влюбленъ въ свою жену и чувствовалъ въ себѣ гораздо болѣе склонность писать [сент.] ей сентиментальные стихи, чѣмъ занимать мѣсто въ революціонерномъ Правительствѣ; въ которое онъ, равно какъ и Todt, попалъ какъ куръ во щи. Попалъ же онъ въ него виною своихъ конституціонныхъ пріятелей, которыя, пользуясъ его самоотверженьемъ и желая парализировать демократическіе замыслы Чирнера, избрали его. Онъ же видѣлъ въ сей революціи законную, святую войну за Германское единство, котораго былъ пламеннымъ и нѣсколько мечтательнымъ обожателемъ; думалъ что не имѣетъ права отказаться отъ опаснаго поста и согласился. Согласившись же разъ, онъ захотѣлъ честно и до конца выдержать свою роль и принесъ въ самомъ дѣлѣ величайшую жертву, тому что онъ считалъ правымъ и истиннымъ.—Я не скажу ни слова о Тотѣ; онъ былъ съ самаго начала деморализированъ противурѣчьемъ между своимъ вчерашнимъ и сегодняшнимъ положеньемъ, и спасался бѣгствомъ нѣсколько разъ. Но долженъ сказать слово о Чирнерѣ. Чирнеръ былъ всѣми признанный глава демократической партіи въ Саксоніи; былъ зачинщикъ, пріуготовитель и предводитель революціи, и бѣжалъ при первой грозящей опасности, бѣжалъ испуганный еще къ тому невѣрнымъ, пустымъ слухомъ; однимъ словомъ показалъ себя передъ всѣми, друзьями и врагами, какъ трусъ и подлецъ. Онъ потомъ опять явился; но мнѣ было стыдно говорить даже съ нимъ, и я обращался съ тѣхъ поръ болѣе къ Häubnery, котораго полюбилъ и сталъ почитать отъ всей души. Поляки также исчезли; они вѣроятно думали что должны сохранить себя для Польскаго отечества. Съ тѣхъ поръ я не видался болѣе ни съ однимъ Полякомъ. Это было мое послѣднее

прощанье съ Польскою Національностью.—Но я прервалъ свой расказъ; и такъ, Häubner и я пошли на барикады отчасти чтобъ ободрить дерущихся, отчасти же для того чтобъ хоть нѣсколько узнать [о] положенье дѣлъ, о которомъ въ полкахъ Провизорнаго Правительства никто не имѣлъ ни малѣйшаго извѣстья. Когда мы возвратились, намъ сказали что Чирнеръ и Поляки, испуганные ложною тревогою, сочли за нужное удалиться и совѣтовали намъ сдѣлать то же самое. Häubner рѣшился остаться, я также; потомъ возвратился и Чирнеръ, потомъ и Тотъ; но послѣдній пробылъ не долго и опять скрылся.

Я остался не потому чтобъ надѣялся на успѣхъ. Все было такъ испорчено Господами Чирнеръ и Heinse, что только чудо могло спасти демократовъ; не было возможности возстановить порядка; все было до такой степени перемѣшано, что никто не зналъ ни что дѣлать, ни куда, ни къ кому обратиться. Я ожидалъ пораженья, и остался [только потому] отчасти потому что я не могъ рѣшиться оставить бѣднаго Häubner, который сидѣлъ тутъ какъ агнецъ приведенный на заколанье; но еще болѣе потому, что какъ Русскій, болѣе всѣхъ другихъ подверженный подлымъ подозрѣньямъ и не разъ оклеветанный, я считалъ себя обязаннымъ, равно какъ и Häubner, выдержать до конца.

Я не могу ГОСУДАРЬ, отдать ВАМЪ подробнаго отчета въ трехъ или четырехъ дняхъ проведенныхъ мною въ Дрезденѣ послѣ бѣгства Поляковъ. Я хлопоталъ много, давалъ совѣты, давалъ приказанья, составлялъ одинъ почти все Провизорное Правительство, дѣлалъ однимъ словомъ все что могъ чтобъ спасти погубленную и видимо погибавшую революцію; не спалъ, не ѣлъ, не пилъ, даже не курилъ, сбился со всѣхъ силъ и не могъ отлучиться ни на минуту изъ комнаты Правительства, опасаясь что Чирнеръ опять убѣжитъ и оставитъ моего Häubner одного. Собиралъ нѣ-

сколько разъ начальниковъ барикадъ, старался возстановить порядокъ, собрать силу для наступательныхъ дѣйствій; но Heinse разрушалъ всѣ мои мѣры въ зародышѣ, такъ что вся моя напряженная, лихорадочная дѣятельность была всуе. Нѣкоторые изъ комунистическихъ предводителей барикадъ вздумали было жечь Дрезденъ и сожгли даже нѣсколько домовъ. Я никогда не давалъ къ тому приказаній; впротчемъ согласился бы и на то, еслибъ только думалъ что пожарами можно было спасти Саксонскую революцію. Я никогда не могъ понять чтобъ о домахъ и неодушевленныхъ вѣщахъ слѣдовало бы жалѣть болѣе чѣмъ о людяхъ.—Саксонскіе равно какъ и Прусскіе Солдаты тѣшились, стрѣляли въ цѣль на безвинныхъ женщинъ выглядывавшихъ изъ оконъ, и никто тому не удивлялся; а когда демократы стали жечь дома для своей собственной обороны, всѣ закричали о варварствѣ; а надо сказать что добрые, нравственные, образованные Нѣмецкіе Солдаты показали въ Дрезденѣ несравненно болѣе варварства чѣмъ демократы; я самъ былъ свидѣтелемъ того негодованья съ которымъ всѣ демократы, простые люди, бросились на одного вздумавшаго было ругаться надъ ранеными Прусскими Солдатами. Но горе было тому демократу который попадался въ руки солдатъ! Господа офицеры сами рѣдко показывались, берегли себя съ величайшею нѣжностью, а солдатамъ приказывали не дѣлать пленныхъ; такъ что перебили, перекололи и перестрѣляли въ завоеванныхъ домахъ многихъ и не думавшихъ даже мѣшаться въ революцію; такъ былъ заколотъ вмѣстѣ съ своимъ камердинеромъ одинъ молодой Fürst, чуть ли еще не родственникъ одного изъ небольшихъ Германскихъ Потентатовъ, пріѣхавшій въ Дрезденъ для того чтобы лѣчить свои глаза. Я узналъ сіи обстоятельства не отъ демократовъ, но изъ самаго вѣрнаго источника; а имянно отъ унтеръ-

офицеровъ учавствовавшихъ дѣятельнымъ образомъ въ Дрезденскихъ событьяхъ, потомъ же приставленныхъ за моимъ присмотромъ.—Я находился съ нѣкоторыми изъ нихъ въ большой пріязни и узналъ въ крѣпости Königstein отъ нихъ многое, что ни мало не доказываетъ ни человѣколюбья, ни храбрости, ни ума Господъ Саксонскихъ и Прусскихъ офицеровъ.—Но возвращусь къ своему расказу.

Я пожаровъ не приказывалъ, но не позволялъ также чтобъ подъ предлогомъ угашенья пожаровъ, предали городъ войскамъ; когда же стало явно что въ Дрезденѣ ужъ болѣе держаться нельзя, я предложилъ Провизорному Правительству взорвать себя вмѣстѣ съ ратушею на воздухъ; на это у меня было пороху довольно. Но они не захотѣли,—Чирнеръ опять бѣжалъ и съ тѣхъ поръ я болѣе не видѣлся съ нимъ. Häubner и я [выждали], разославъ повсюду приказанья ко всеобщему отступленью, выждали еще нѣкоторое время, когда приказанья наши были исполнены, потомъ удалились со всѣмъ ополченьемъ, взявъ съ собою весь порохъ, всю готовую амуницію и нашихъ раненыхъ. Я до сихъ поръ не понимаю, какъ намъ удалось, какъ насъ допустили совершить не бѣгство, но правильное, порядочное отступленье; въ то время какъ было такъ легко уничтожить насъ въ прахъ на чистомъ полѣ. Я могъ бы подумать что человѣколюбье остановило начальниковъ войскъ, еслибъ, послѣ того что видѣлъ и слышалъ, передъ моимъ заключеньемъ и послѣ, могъ бы вѣрить въ ихъ человѣколюбье; и объясняю сіе обстоятельство опять тѣмъ же: что въ мірѣ все относительно и что Нѣмецкія войска, равно какъ и Нѣмецкія Правительства, созданы для [для Нѣмецкихъ же демократовъ] борьбы съ Нѣмецкими демократами.

Однако хоть ретирада наша была совершена довольно порядочно, войско наше было совсѣмъ

деморализировано. Прійдя въ Freiburg и желая продолжать войну на границѣ Богеміи,—я все еще надѣялся на Богемское возмущенье—мы старались ободрить его, установить въ немъ новый порядокъ; но не было возможности; всѣ были утомлены, измучены, безъ всякой вѣры на успѣхъ; да и мы сами держались кое какъ, послѣднимъ усильемъ, послѣднимъ болѣзненнымъ напряженьемъ.—Въ Хемницѣ вмѣсто ожидаемой помощи, мы нашли предательство; реакціонерные граждане схватили насъ ночью въ кроватяхъ и повезли въ Альтенбургъ для того чтобъ предать Прусскому войску. Саксонская слѣдственная Коммиссія удивлялась потомъ, какъ я далъ себя взять, какъ не сдѣлалъ попытки для своего освобожденья. И въ самомъ дѣлѣ, можно было вырваться изъ рукъ бюргеровъ; но я былъ изнеможенъ, истощенъ, не только тѣлесно, еще болѣе нравственно и былъ совершенно равнодушенъ къ тому что со мною будетъ. Уничтожилъ только на дорогѣ свою карманную книгу, а самъ надѣялся, что, по-примѣру Роберта Блюма въ Вѣнѣ, меня черезъ нѣсколько дней разстрѣляютъ, и боялся только одного: быть преданнымъ въ руки Русскаго Правительства. Надежда моя не сбылась; судьба судила мнѣ жребій другой [и мнѣ остается только благодарить Бога что онъ остан.]. Такимъ образомъ окончилась жизнь моя, пустая, безполѣзная и преступная; и мнѣ остается только благодарить Бога, что Онъ остановилъ меня еще во время на широкой дорогѣ ко всѣмъ преступленьямъ.

Исповѣдь моя кончена ГОСУДАРЬ! Она облегчила мою душу. Я старался сложить въ нее всѣ грѣхи и не позабыть ничего существеннаго; если жь что позабылъ такъ ненарочно. Все же что въ показаньяхъ, обвиненьяхъ, доносахъ противъ меня будетъ противно мною здѣсь сказанному рѣшительно ложно, или ошибочно, или клеветливо.

Теперь же обращаюсъ опять къ своему ГОСУДАРЮ и припадая къ стопамъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, молю ВАСЪ:

ГОСУДАРЬ! я преступникъ великій и не заслуживающій помилованья! Я это знаю, и еслибъ мнѣ была суждена смертная казнь, я принялъ бы ее какъ наказанье достойное, принялъ бы почти съ радостью: она избавила бы меня отъ существованья несноснаго и нестерпимаго. Но графъ Орловъ сказалъ мнѣ отъ ИМЯНИ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА что смертная казнь не существуетъ въ Россіи. Молю же ВАСЪ ГОСУДАРЬ! если по законамъ возможно и если просьба преступника можетъ тронуть сердце ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЬ не велите мнѣ гнить въ вѣчномъ крѣпостномъ заключеньи! Не наказывайте меня за Нѣмецкіе грѣхи Нѣмецкимъ наказаньемъ. Пусть каторжная работа самая тяжкая будетъ моимъ жребіемъ, я приму ее съ благодарностью, какъ милость; чѣмъ тяжелѣе работа тѣмъ легче я въ ней позабудусь!—Въ уединенномъ же заключеньи все помнишь и помнишь безъ пользы; и мысль и память становятся невыразимымъ мученьемъ, и живетъ долго, живетъ противъ воли и никогда не умирая, всякій день умираетъ въ бездѣйствіи и въ тоскѣ.—Нигдѣ не было мнѣ такъ хорошо, ни въ крѣпости Königstein ни въ Австріи, какъ здѣсь въ Петро-Павловской крѣпости, и дай Богъ всякому свободному человѣку найти такого добраго, такого человѣколюбиваго Начальника какого я нашелъ здѣсь къ своему величайшему счастью! и не смотря на то, еслибъ мнѣ дали выбрать, мнѣ кажется что я вѣчному заключенью въ крѣпости предпочелъ бы не только смерть, но даже тѣлесное наказанье.

Другая же просьба ГОСУДАРЬ! Позвольте мнѣ одинъ и въ послѣдній разъ увидѣться и проститься съ Семействомъ; если не со всѣмъ, то по край-

нѣй мѣрѣ съ старымъ отцемъ, съ матерью и съ одною любимою сестрою, про которую я даже не знаю, жива ли она?

Окажите мнѣ сіи двѣ величайшія милости, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШИЙ ГОСУДАРЬ! и я благословлю Провидѣнье освободившее меня изъ рукъ Нѣмцовъ для того чтобъ предать меня въ Отеческія руки ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА).

Потерявъ право называть себя вѣрноподданнымъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, подписываюсь отъ искренняго сердца

кающійся грѣшникъ

Михаилъ Бакунинъ.

На свиданіе съ отцемъ и сестрой согласенъ въ присутствіи Г. Набокова *).

*) Резолюция Николая.

Примеч. ред.

Ваше Императорское Величество

Всемилостивѣйшій Государь!

Когда меня вѣзли изъ Австріи въ Россію, зная строгость русскихъ законовъ, зная Вашу непреоборимую ненависть ко всему что только похоже на непослушаніе, не говоря ужъ о явномъ бунтѣ противу воли Вашего Императорскаго Величества, — зная также всю тяжесть моихъ преступленій которыхъ не имѣлъ ни надежды ни даже намѣренія утаить или умалить передъ судомъ, — я сказалъ себѣ что мнѣ остается только одно: терпѣть до конца, и просилъ у Бога силы для того чтобъ выпить достойно и безъ подлой слабости горькую чашу мною же самимъ уготованную. — Я зналъ, что лишенный дворянства, тому назадъ нѣсколько лѣтъ, приговоромъ Правительствующаго Сената и Указомъ Вашего Императорскаго Величества, я могъ быть законно подверженъ тѣлесному наказанію, и ожидая худшаго, надѣялся только на одну смерть, какъ на скорую избавительницу отъ всѣхъ мукъ и отъ всѣхъ испытаній.

Не могу выразить, Государь, какъ я былъ пораженъ, глубоко тронутъ благороднымъ, человѣческимъ, снисходительнымъ обхожденіемъ встрѣтившимъ меня при самомъ моемъ въѣздѣ на русскую границу! я ожидалъ другой встрѣчи. Что я увидѣлъ, услышалъ, все что испыталъ въ продолженіи цѣлой дороги, отъ Царства Польскаго до Петро-Павловской крѣпости, было такъ противно моимъ болѣзненнымъ ожиданіямъ, стояло въ такомъ противурѣчіи со всѣмъ тѣмъ что я самъ, по слухамъ, и думалъ и говорилъ и писалъ о жестокости Русскаго Правительства, что я, въ первый разъ усумнившись въ истинѣ прежнихъ понятій,

Факсимиле «Исповеди». Первая страница

Окажите мнѣ сіи двѣ величайшія милости, Всемилостивѣйшій Государь! и я благословлю Провидѣніе освободившее меня изъ рукъ нѣмцевъ, для того чтобъ предать меня въ Отеческія руки Вашего Императорскаго Величества.

Потерявъ право называть себя вѣрноподданнымъ Вашего Императорскаго Величества, подписываюсь отъ искренняго сердца

Кающійся грѣшникъ

Михаилъ Бакунинъ.

Исповедь. Последняя страница.

30—32. ПИСЬМА М. А. БАКУНИНА РОДНЫМ ИЗ КРЕПОСТИ.

30.

Любезные родители и вы, милые братья и сестры!—Мне позволили отвечать вам. После стольких лет разлуки, молчанья, хоть и незабвенья, после всех происшествий, приведших меня моею собственною виною в настоящее положенье, лишивших меня решительно всякой надежды когда бы то либо возобновить с вами семейные, сердечные отношения,—такое позволение для меня великая милость и великое счастье.—Благодарю вас, добрые родители, благодарю вас от глубины сердца за ваше прощенье, за ваше родительское благословенье, благодарю вас за то, что вы приняли меня—вашего блудного сына, что вы приняли меня вновь в свой семейный мир и в семейную дружбу.—Свиданье с Татьяною и с братом Николаем возвратило мне мир и теплоту сердца; оно перестало быть равнодушным и тяжелым, как камень, оно ожило и я не могу теперь жаловаться на свое положение; я теперь живу хоть и грустно,—но не несчастливо; беспрестанно думаю о вас и радуюсь—зная, что в семействе нашем царствуют мир, любовь и счастье.—Свиданье мое с братом и сестрою было недолговременно, но достаточно, чтобы убедить меня, что Николай добрая, верная и крепкая опора для всех близких, добрый сын, добрый брат, добрый муж и отец и хороший хозяин; что он соединяет в себе одним словом все те главные качества и достоинства, которые делают человека человеком; это успокоило меня на счет всехъ вас и утишило несколько угрызения моей совести, которая часто напоминает мне, что я совсем не умел

исполнить священных обязанностей; — мои заблуждения по крайней мере не принесли никому кроме меня большого вреда,—вот мне утешенье.

J'ai lu et relu les quelques paroles que me fait dire mon père et je les ai profondement gravées dans mon coeur. Que Dieu nous le conserve longtems; je ne puis ni ne dois espérer de le revoir jamais, mais le savoir vivant parmi Vous est un bonheur, au prix duquel j'aurais donné mon sang.—Quant à Vous chère maman, merci, merci d'avoir voulu venir; j'ai eu bien de torts envers Vous et je sens profondement tout ce qu'il y a de générosité et d'amour dans Votre pardon,— je m'en sens digne au moins parce que je sens pour Vous; les sentiments — voilà la seule monnaie dont je puisse encore disposer; les actions m'étant désormais interdites.—Ecrivez moi de grâce aussi souvent qu'on nous le permettra et parlez moi des moindres incidents de Votre vie de famille,—il n'y a point de détails ennuyeux quand ils concernent des personnes qu'on aime; — mes lettres seront plus courtes, car mon existence est trop uniforme pour donner lieu à de longues descriptions, et le tems est bien passé où j'aimais à me perdre dans des raisonnemens sans fin.—Encore une prière chère Maman, évitez de parler de notre correspondance aux gens indifférents, il vaut mieux je pense pour Vous tous et pour moi, qu'à part le petit nombre de personnes qui me portent un intérêt de coeur, le monde oublie entièrement que j'existe.—Toi Tatiana tu m'écriras le plus souvent, je le sais, ведь ты моя крепостная; Nicolas ne m'écrira pas une ligne, il est paresseux, c'est son droit, un droit de prescription, reconnu par tous et contre lequel personne n'a à redire;—mais vous autres soeurs et frères, ainsi qu'Annette, ma très belle soeur, écrivez moi quelques lignes, ne fut ce que pour que puisse voir les progrès que Vous avez fait en calligraphie.—La présente Vous prouvera que je n'en ai fait aucun pour ma part. [57]).

Прощайте, прощайте! Ваш сын, брат и друг

М. Бакунин [58]).

1852—4-го января.

31.

Добрые Родители, милыя сестры и братья, Вы не знаете какое благодѣянье для меня Ваши письма; онѣ отогрѣваютъ, животворятъ меня.—Бѣдный, бѣдный Николай, бѣдная Анна! Милый братъ я не буду стараться утѣшить тебя; противъ смерти нѣтъ лѣкарства и нѣтъ утѣшенья: вѣра... надежда .. а больше и вѣрнѣе всего любовь, любовь оставшихся, которая растетъ и разжигается со всякимъ новымъ требованьемъ отъ нее;—время только притупляетъ, а не уничтожаетъ горе, но вмѣстѣ оно притупляетъ также и живость чувствъ въ человѣкѣ, а потому время не есть утѣшенье. Но любовь наша окружаетъ, обнимаетъ и поддержитъ тебя; она откроетъ тебѣ новую цѣль, новое поле для дѣйствія и возвратитъ тебѣ новую охоту къ жизни: ты нуженъ такъ многимъ, тебя столько любятъ, ты главная опора нашего семейства; ты свободенъ, силенъ, можешъ быть полѣзенъ, можешъ дѣйствовать и потому я за тебя спокоенъ. Ты легко повѣришъ мнѣ когда я скажу что я охотно отдалъ бы свою безполѣзную жизнь еслибъ могъ выкупить ею жизнь твоего сына.—Теперь ты долженъ вдвойнѣ любить Анну; dans la vie c'est comme à la guerre: plus on perd [camarades] *) de compagnons d'arme et plus étroitement on doit serrer les rangs, sans se laisser décourager par les balles ennemies [59]).

Теперь обращаюсъ къ Вамъ моя милая новая сестра, и начинаю съ того что безъ всякихъ околичностей обнимаю и цѣлую Васъ отъ всей души какъ новый братъ и новый другъ. Вы вошли въ семейство, милая Лиза, не богатое и не блестящее, но въ которомъ за то царствуетъ какъ Вы сами видите тѣсная, неразрывная, горячая, искренняя любовь, а съ этимъ сокровищемъ Вы будете счастливы.—Savez Vous bien comme tous Vous aiment déjà? Si Vous aviez lu les lettres de Maman, de Warinka et de Tatiana, Vous Vous seriez Vous même convaincue que Vous êtes pour le moins un bel ange descendu du ciel pour le bonheur de l'humanité; douée des plus heureuses qualités, Vous avez apporté à notre famille un nouvel élément de bonheur, d'amour et de joie;—

*) Во всех случаях в прямые скобки заключены слова, зачеркнутые Бакуниным. *Примеч. ред.*

soyez donc bénie mille fois, chère et bonne soeur, soyez heureuse comme Vous méritez de l'être.—Quant à moi je me propose de suivre le bon exemple de mon père qui dit on Vous fait un petit bout de cour;—je Vous supplie donc Madame de vouloir bien m'inscrire sur la liste de Vos adorateurs; à nous deux ce sera bien le diable si nous ne parvenons pas à enfoncer complettement Alexandre; mon père [parceque apporter] parce qu'étant du bon siècle, il a gardé toutes les précieuses traditions de la vraie galanterie; et moi à défaut d'autre mérite j'aurai celui de l'absence; je me trouve dans une situation passablemeut romanesque, quoiqu'à vrai dire fort ennuyeusé, ennuyeuse comme tout ce qui est romanesque; mais surtout j'aurai l'avantage immense de Vous être complettement inconnu, ce qui laissant un champ libre à Votre imagination sans doute fort généreuse, Vous permettra de me revêtir de toutes les belles qualités que je ne possède pas, sans aucun risque de Vous désillusioner jamais,—un droit précieux et dont Vous ne manquerez pas d'user j'espère, car plus un adorateur est brillant et plus il en revient d'honneur à l'objet de son adoration.—On m'a fait de Vous un portrait si vivant, chère soeur, que je crois Vous connaitre déjà et déjà je Vous aime de tout mon coeur. Vous ferez le bonheur d'Alexandre puisque c'est la mission des anges [de rendre] de faire des heureux, et lui il ne cessera jamais de Vous aimer et de Vous respecter. A coté de beaucoup d'excellentes qualités, il a dit-on un petit défaut, un défaut dont je n'ai pas trop le droit de médire à la vérité, car en moi c'en était un fort grand et Dieu sait si ce n'est pas moi encore qui lui en laisse le triste héritage: on dit qu'il est encore tant soit peu amoureux de la métaphysique Allemande: c'est une rivale comme Vous voyez, mais pas trop dangereuse je pense, car il faudrait être bien fou pour avoir l'esprit aux abstractions et aux cathégories Hégéliennes, quand on a près de soi une si charmante réalité, une réalité aux grands yeux d'émeraude, comme dit fort poétiquement ma soeur Tatiana.—Quant à moi tout ce que j'ai gagné à mes longues études de philosophie, c'est une horreur profonde pour tout ce qui est abstraction, et ce n'est pas dans la douce région de l'amour mais dans l'étroite cellule d'une prison où s'est terminé mon rêve philosophique [60]).

Поздравляю тебя и радуюсь съ тобой братъ Александръ, ты теперь сдѣлался человѣкомъ, освободился отъ эгоизма, отъ безотрадной пустоты одинокаго существованья и живешь двойною, т.-е. полною, совершенною жизнью.—Дай Богъ тебѣ силы, доброй воли, любви, ума, а особливо здраваго смысла. On a en quelque sorte le droit d'être fantasque et fou tant qu'on vit seul; la punition ne manque jamais il est vrai, j'en suis une preuve; mais au moins ne frappe-t-elle qu'un seul;—on a perdu cette dernière excuse pour la folie du moment qu'on a complettê son existence par celle d'une femme aimée. C'est une bien grande responsabilité que celle d'un mari, mais aussi c'est un immense bonheur et une grande dignité [61]).—Не бойся же другъ, вѣрь въ свое сердце, вѣрь въ спасительную силу любви и съ благословеньемъ нашихъ добрыхъ родителей, съ нашимъ братскимъ благословеньемъ, рука объ руку съ Лизой, ступай смѣло и весело впередъ къ исполненью твоего новаго, прекраснаго призванья. Блюди за собою, но не мучь ни себя ни ее пустыми страхами; фантазіями;—недовѣрье къ себѣ, безпрестанное углубленье и прости выраженье, оно грубо но живописно и вѣрно, безпрестанное ковырянье въ своей душѣ, въ своихъ мысляхъ, въ своихъ ощущеньяхъ также вредно, чуть ли даже не вреднѣе легковѣрной и слѣпой самоувѣренности. Блюди только себя отъ эгоизма, отъ эгоизма въ сердцѣ, въ умѣ, а пуще всего отъ эгоизма въ привычкахъ; я говорю пуще всего, потому что въ сердцѣ твоемъ эгоизма слава Богу нѣтъ; отъ головнаго эгоизма вылѣчитъ тебя дѣйствительный міръ и любовь Лизы, но отъ послѣдняго эгоизма, самаго скучнаго, если и не самаго злаго, и безъ всякаго сомнѣнья самаго противнаго семейному счастью,—отъ эгоизма въ привычкахъ и въ ежедневныхъ мѣлочахъ жизни, отъ этой склонности, естественной всякому человѣку, предпочитать свое спокойствіе, свои забавы, свои коньки, спокойствію, забавамъ и фантазіямъ другаго, Лиза не только что не может вылѣчить тебя, но напротивъ, слѣдуя любви и той потребности самопожертвованья которая живетъ въ сердцѣ каждой благородной женщины, она способна укрѣпить тебя въ немъ, и если самъ не будешь блюсти за собою, ты сдѣлаешся мало по малу, [и самъ] хотя и самъ не замѣчая, самымъ скучнымъ деспотомъ.—

Ne te contentes donc pas d'être un bon mari, taches aussi d'être un mari aimable; l'amabilité est la grâce du coeur comme la loyauté en est la vertu. Ne sois jamais avec Lise ni tiré à quatre épingles, ni en robe de chambre, tant extérieurement qu'interieurement parlant; tâches toujours de produire sur elle une impression agréable, comme le premier jour où tu l'as rencontrée; pour que l'amour reste vivant, il faut chaque jour le mériter de nouveau; il ne s'obtient qu'à force de sacrifices mutuels et par l'immolation continuelle de son moi.—Tu connais Lise et tu ne la connaîs pas; la nature de l'homme étant infinie dans son essence, le coeur humain pourrait être comparé à un livre qui s'écrit de nouveau à mesure qu'on le lit et qui ne s'épuise jamais tant qu'il reste vivant. On ne peut faire de plus grande injure à un homme que de dire qu'on le connait comme ses cinq doigts;—on ne connait un homme qu'en l'aimant; étudies donc bien Lise, étudies la avec amour, avec respect, étudies ses impressions plus que les tiennes propres, efforces toi sans cesse de deviner ses joies, ses fantaisies, ses désirs et traites les pour les moins avec une délicatesse [semblable] égale à celle qu'on observe instinctivement envers les mouvements de son propre coeur. Ne sois jamais ni ennuyeux ni ennuyé; rien ne démoralise tant que l'ennui; ne te crois pas son supérieur parceque tu es son mari et ne tu poses jamais en oracle; laisses le soin de ta supériorité fictive ou réelle à Lise elle-même; les femmes qui aiment sont naturellement portées à se prosterner; toutes les femmes sont des idolatres. Quant à toi n'oublies jamais, qu'en amour comme en sagesse, l'homme ne peut jamais donner plus à la femme qu'il n'en reçoit lui-même, il y a égalité parfaite; du coté de l'homme il y a un enchainement plus logique dans les idées, la puissance de l'abstraction, l'énergie extérieure de la volonté et la force matérielle;—mais la femme lui apporte en retour beaucoup de bon sens, un dévouement héroïque, une générosité naturelle, une délicatesse innée dont il n'est pas capable lui-même une intuition instinctive de ce qui est beau, juste et vrai;—elle lui apporte la beauté et la grace, das ewig Weibliche comme dit Göthe, sans lesquels [toute] toute la force de l'homme serait ignoble et son intelligence éternellement fausse. Sois toujours franc, sincère, loyal, mais ne

pousses jamais la sincérité jusqu'à la brutalité; non seulement taire ce qu'on croit être vrai, mais le quitter par moments est quelquefois plus humain, plus délicat et par conséquent plus vrai que la vérité brutalement ou intempestivement dite; les pédants de la verité sont tous vaniteux, ils font office de bourreau et sont plus nuisibles que les menteurs,—car la vérité n'est vérité vivante et vraie que quand elle part du coeur aussi bien que de la tête, quand elle se trouve en harmonie avec les personnes et les circonstances, avec les dispositions du moment, et surtout quand toute vanité y reste étrangère.—Quand tu te sentiras faiblir cher Alexandre ne dédaignes pas le soutien et l'aide de ta femme, les femmes sont si puissantes quand elles aiment, ne crains pas de t'humilier devant elle en reconnaissant ta faiblesse relative ou momentanée, ne penses pas qu'il soit de ta dignité d'homme et de ton devoir de mari de te complaire dans l'isolement superbe de ta force; quand on est marié, il faut tout mettre en commun: force, intelligence, dévouement et amour;—il ne faut pas avoir la prétention ridicule, vaniteuse, et blessante de donner plus qu'on ne reçoit; il ne faut pas [appuyer] soutenir, mais s'appuyer l'un sur l'autre, il ne faut pas enseigner mais étudier ensemble, il ne faut pas pérorer, mais causer, ce qui est beaucoup plus amusant;—en amour tout doit être dialogue et rien monologue.—En un mot aimes Lise et respectes la, afin qu'elle t'aime et te respecte à ton tour. Grüble nicht, aber denke, liebe und handle, das ist alles:—Que tes occupations ne soyent pas seulement scientifiques, mais réelles, extérieures, impliquant le devoir, les [ennuis] ennuis et la lutte de chaque jour; sois un homme réel sur terrain réel,—ayes confiance en Votre bonheur, en vos forces doublées par l'amour et, rejettant loin de toi tous les doutes et toutes les hésitations maladives, fruits de ton désoeuvrement passé, laisses toi aller tout doucement cher ami à la douce habitude d'aimer, d'agir et de vivre. Aussi, tout en te conseillant de pretter une attention convenable aux petites choses et aux menus détails de la vie qui sont d'une si grande importance dans un ménage, surtout dans le commencement tant que le moule de Votre vie en commun n'aura pas pris consistance ni de forme arrétée, je t'engage également à ne pas devenir un trembleur, un poltron, et à ne pas

pousser la délicatesse de vos rapports jusqu'à une susceptibilité ombrageuse, ce qui serait le père de tous les malheurs qui pourraient Vous atteindre,—ne t'effarouches pas au [premier] moindre petit nuage qui viendra faire ombre sur Votre bonheur conjugal; prends gaiment ton parti dans ce cas et si un malentendu est arrivé par ta faute reconnais le, si c'est par la sienne pardonnes le; après tout Vous n'êtes pas de verre et quelques petits chocs inévitables dans toute communauté ne Vous briseront ni Vous mêmes, ni Votre bonheur, ni Votre amour;—au contraire ils Vous apprendront à Vous connaître et à Vous aimer davantage. Il y a beaucoup de très bons ménages dont le bonheur ne s'entretient que de batailles journalières; et je Vous assure qu'il vaut mieux se donner quelques bonnes [tappes tape] tapes que de se bouder éternellement; quand on s'aime bien ces colloques démonstratifs deviennent une nourriture pour l'amour. Seulement alors, pour que toute chose soit en ordre, quand le mari lève son bras pour frapper, la femme doit nécessairement jouer de ses ongles, et à chaque tape qu'elle reçoit répondre par une bonne égratignure, toujours selon le principe de la communauté; les ongles [sont] étant l'expression naturelle de la grace féminine, comme le poignet est celle de l'intelligence masculine,—ils se complettent mutuellement.—Ainsi donc parité complette en toutes choses, en tendresse comme en colère, en tapes comme en caresses, telle est la loi suprême du mariage.—Vous voyez que je suis conséquent jusqu'au bout dans ma theorie conjugale et n'admirez Vous pas comme elle s'applique bien à toutes les circonstances de la vie.—Ne Vous boudez donc jamais longtems chers amis, suivez fidèlement le précepte de l'Evangile qui prescrit de ne jamais se coucher avant d'avoir déchargé son coeur de tous les griefs,—mais pour peu que Vous Vous sentiez l'envie de Vous prendre aux cheveux, soit en paroles, soit d'une façon plus expressive, Vous pouvez Vous en passer la fantaisie en toute assurance,—Vous Vous amiez trop bien n'est ce pas pour avoir quelque chose [craindre] à redouter d'une petite collision—seulement après Vous êtres fachés, riez bien mes enfants, car la gaîté est le dernier môt de la suprême sagesse.—Pardonnes cher frère cette longue morale; je n'avais pas l'intention de te la faire;—j'ai voulu seulement répondre

aux quelques môts que tu m'as dits sur l'état présent de ton âme, et j'ai fini je ne sais comment par écrire tout un traité; si mes raisonnements sont justes il n'en résulte pas que je sois plus sage que toi; on raisonne toujours mieux sur la position d'autrui que sur la sienne propre, entre donner de bons conseils et les appliquer soi même, il y a comme tu sais un abyme, et c'est à cause de cela même que la critique est aisée et l'art si difficile [62]); вотъ Илья напримѣръ пишетъ что ты одностороненъ и что всѣ убѣжденья твои ложны, можетъ быть онъ и правъ, а ведь я увѣренъ что когда онъ самъ будетъ въ твоемъ положеньи, то равно какъ тотъ офицеръ (въ повѣсти Гоголя), котораго старая тетка женила такъ неожиданно, онъ пришелъ бы въ тупикъ и убѣжалъ бы отъ жены на колокольню. Encore une fois donc je te demande pardon pour ce long sermon, c'est le sermon d'un naufragé: jamais on nesait aussi bien ce [ce qu on doit] que les autres doivent faire, que quand on a fait soi-même tout le contraire de ce qu'on aurait dû faire. Jl me reste à te remercier mon bon Alexandre pour la confiance avec laquelle tu me parles de toi même, c'est une grande preuve d'amitié et je t'en sais gré du fond de mon coeur.—Sois donc heureux bienheureux que tu es! [63]).—Я радъ что ты рѣшился вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ заняться хозяйствомъ; не говоря уже [объ] о существенной пользѣ которая произойдетъ отъ такого совокупленья вашихъ силъ для цѣлаго семейства, я увѣренъ что ты найдешъ въ сельской жизни и въ сельскихъ занятьяхъ полное удовлетворенье всѣмъ потребностямъ твоего ума, твоей воли и твоего сердца.—Въ западной Европѣ земледѣлье перестало быть простою рутиною, но приняло почетное мѣсто въ ряду серьезныхъ, положительныхъ наукъ; его право на это названье и мѣсто оказалось въ многочисленныхъ примѣненьяхъ, утвердилосъ успѣхомъ и выгодою, несомнѣнною мѣркою во всѣхъ хозяйственныхъ теоріяхъ и предпріятьяхъ; и ничего нѣтъ мудренаго; земля равно какъ и индустрія производитъ по неизмѣннымъ физическимъ, химическимъ, органическимъ законамъ, открытье которыхъ необходимо долженствовало имѣть благодѣтельное вліянье на сельское хозяйство;—только земледѣлье въ примѣненьи великихъ новыхъ открытій не шло долго ровнымъ шагомъ съ инду-

стріею по двумъ причинамъ; во первыхъ потому что индустрія обѣщала сначалу большій и скорѣйшій барышъ [а во вторыхъ потому что земледѣлецъ], такъ что всѣ умы и капиталы обратились къ ней исключительно, до тѣхъ поръ пока конкуренція не возстановила равновѣсье, а во вторыхъ потому что земледѣлецъ равно какъ и земля, съ которою онъ живетъ такъ тѣсно что можно сказать съ нею отождетворился, потому что земледѣлецъ, говорю я, любитъ [шагать] шагать мѣдленно, мало по малу и не терпитъ нетерпѣливыхъ прыжковъ. Всякій земледѣлецъ есть консерваторъ любящій старое, не терпящій новизны, риску и требующій несомнѣнных, глаза-колющихъ доказательствъ для того чтобъ рѣшиться на какое нибудь нововведенье.—Въ слѣдствіе этаго земледѣлье, хотя и сдѣлало въ послѣднее время большіе успѣхи, находится еще относительно къ другимъ хозяйственнымъ наукамъ въ дѣтствѣ;—въ Россіи кажется болѣе чѣмъ гдѣ нибудь. Теоретическое изученье этой науки обнимающей столько другихъ, дастъ тебѣ несомнѣнно въ тысячу разъ болѣе дѣйствительнаго, живаго, утѣшительнаго знанья чѣмъ вся нѣмецкая философія взятая вмѣстѣ, послѣднее слово которой равно какъ и послѣднее слово всякой метафизики, есть слово Montaigne: «Que sais-je?»*)—Но теоріи одной недовольно; главное и труднѣйшее дѣло состоитъ въ примѣненьи. Я помню что ужъ въ мое время было въ Россіи много земледѣльческихъ нововводителей и что они большею частью всѣ обанкрутились; это не есть доказательство противъ самой теоріи, но доказательство ихъ поверхностнаго знанья, самаго вреднаго какъ ты знаешь, и что еще хуже, доказательство отсутствія здраваго смысла въ сихъ такъ называемыхъ раціональныхъ хозяйствахъ. Я увѣренъ что нѣтъ такой теоретической истинны которая бы не была удобопримѣняема вездѣ и повсюду; но способы примѣненья безконечно различны и должны сообразоваться съ климатомъ, съ почвою земли, съ средствами, съ обстоятельствами, а преждѣ всего съ характеромъ, привычками, степенью образованности, даже съ предразсудками крестьянъ, безъ доброй воли которыхъ никакой успѣхъ не возможенъ. Открыть

*) Как знать? *Примеч. ред.*

эти способы никакая теорія не можетъ; познанье ихъ пріобретается только посредствомъ долгаго размышленья, съ помощью здраваго смысла, опытомъ, смѣтливостью, практическимъ знаньемъ людей, самыхъ трудныхъ на дѣлѣ, однимъ словомъ дѣйствительною и умною жизнью въ дѣйствительномъ мірѣ.—Еслибъ ты былъ одинъ я бы тебѣ ни зачто въ мірѣ не предложилъ быть хозяйственнымъ реформаторомъ; ты еще кажется слишкомъ влюбленъ въ теорію, а поэтому могъ бы надѣлать много глупостей, а предоставленный себѣ одному вѣроятно раззорился бы въ пухъ, такъ какъ и я самъ раззорился въ другомъ отношеньи.—Но подлѣ тебя братъ Николай, котораго не легко тебѣ будетъ поднять на ноги; онъ будетъ тебя слушать да улыбаться и не подымется съ мѣста пока ты не убѣдишъ его совершенно, такъ что твоя теоретическая прыть найдетъ приличную границу въ его здравомъ разсудкѣ и въ его практической лѣни;—кромѣ этаго ты къ счастью живешъ съ нашимъ добрымъ, умнымъ, многознающимъ отцомъ, совѣты и опытъ котораго не будутъ для тебя потеряны, такъ какъ они были потеряны для меня,—и потому ты можешъ безъ всякой опасности предаться теоретическимъ изысканьямъ; а я увѣренъ что онѣ не будутъ безплодны. Но съ сельскимъ хозяйствомъ неразрывно связано еще другое великое и святое дѣло: попеченье о благѣ крестьянъ. Великая собственность вездѣ налагаетъ священную обязанность печься о неимущихъ, но нигдѣ такъ какъ въ Россіи, гдѣ помѣщикъ обладая землею, обладаетъ также отчасти и волею, обрабатывающихъ ее людей, et je pense que dans l'esprit même de nos institutions, ce privilège ne doit être [regardé] considéré ni comme une sinécure, ni comme une mine d'exploitation, mais bien plus comme une fonction publique, comme une sorte sacerdoce à la fois politique et moral, presque religieux, que le gouvernement confie temporairement a aux propriétaires nobles, comme un devoir bien plus que comme un droit, — [comme] un devoir dont malheureusement bien peu de seigneurs s'acquittent avec honnêteté et conscience. Dans la plupart de ses rapports avec les paysans, le propriétaire noble est à la fois juge et partie interessée, il juge sans appel et exécute lui-même ses jugements; c'est une position [font] extrèmement difficile et fort délicate, qui exige

beaucoup d'honnêteté et un grand sentiment de justice, pour que le propriétaire s'en tire avec honneur; mais aussi quand sa bonne volonté est sincère, cette position lui permet de faire beaucoup de bien; le tout est de savoir s'y prendre et de ne pas courir après les améliorations impossibles, en négligeant celles dont la réalisation est facile. La tache est hèrissée de difficultés je le sais, et la première c'est la collision qui doit arriver fréquemment entre les intérêts du seigneur et ceux de ses paysans; eh bien, sans pousser l'abnégation de soi-même jusqu'au Don-Quichottisme, ce qui d'ailleurs serait d'un mauvais effet, je crois que le propriétaire doit souvent sacrifier les siens; dans sa position exclusive, avec les droits exorbitants dont il jouit, c'est un devoir sacré;—je crois même qu'à tout prendre il est de son intérêt bien entendu de le faire; ce qu'on perd en cens, on le regagne en bonne volonté et cette derniere finira toujours par rendre des cens; il n'y a que les ignorants et les hommes de mauvaise volonté qui puissent encore nier que le bien-être et le contentement des paysans, soit une condition essentielle de la prospérité du seigneur.— La seconde difficultè c'est la défiance naturelle aux paysans, leur opiniâtreté, leur ignorance, le fanatisme de leurs préjugés;—quant à la défiance, il parait que [cet] c'est une qualité inhérente à tous les cultivateurs de la terre; on la retrouve en France, en Belgique, en Suisse, aussi bien qu'en Russie; tous les paysans sont rusés, rétifs, concentrés en eux mêmes tous craignent d'être trompés peut-être parce [parce qu'eux mêmes ils ne] qu'ils ne se sentent que trop enclins à tromper; aucune preuve à priori ne saurait les toucher, pour les convaincre il faut beaucoup de démonstrations à posteriori, sans calembour,—mais ils savent bien apprécier les choses dans leurs résultats et quoique lents dans leur marche, ils sont toujours prêts à marcher.—Pour faire un bien réel aux paysans il ne faut pas brusquer leurs sentiments et leurs préjugés, il faut les tourner,—et pour les combattre il faut les prendre eux mêmes pour point de départ et pour point d'appui; il faut chercher dans la nature [et] même du paysan et dans ses habitudes le moyen de le convaincre et de le faire progresser; je te propose comme tu vois la méthode socratique et la dialectique de Platon, seulement simplifiées et mises en

action. Je crois que dans tout homme quelque peu instruit qu'il soit il se trouve quelques points par où on peut le [prendre] saisir; il s'agit seulement de les découvrir. C'est une méthode un peu lente il est vrai et qui n'exige pas seulement beaucoup de persistance et d'application, mais encore beaucoup d'amour; celle qui consiste en mesures violentes est plus prompte, mais je préfère la mienne, car elle est moins brutale, plus digne, et de plus, fondée comme elle est sur la persuasion et sur la bonne volonté de ceux sur lesquels et pour le bien desquels elle s'applique, elle [est] doit être en même tems et plus sûre et plus durable dans ses résultats.—Pour faire du bien aux paysans il faut un peu les aimer cher Alexandre, il ne faut pas que les rapports du seigneur au serviteur, soyent ceux d'un marteau à une enclume, ou d'un exploitateur à une matière productive, mais bien ceux [d'homm] d'homme à homme, d'âme immortelle à âme immortelle, sans [faire] préjudice de la différence de position, d'instruction etc.—Les paysans sont pour la plupart de grands enfants, des enfants à cause de leur ignorance; une tutelle éclairée, bienveillante et souvent sévère leur est indispensable,—mais ils n'en sont pas moins dignes d'amour, oui dignes de respect, car ce sont toujours et la même essence immortelle, les mêmes douleurs, les mêmes joies, les mêmes aspirations infinies et souvent des qualités sublimes qui se cachent sous leur rude écorce. L'étude du paysan faite dans le but d'améliorer sa situation matérielle et morale, cette étude si pleine de difficultés, à cause de la défiance mutuelle que existe entre les deux parties, peut devenir, j'en suis sûr, une étude pleine de charme et mille fois plus utile sans doute que toutes les occupations inapplicables et abstraites.. Ce n'est pas la faiblesse que je prêche, au contraire je sois persuadé qu'une grande sévérité à coté d'une grande bienveillance et surtout à coté d'une inaltérable justice est absolument nécessaire. Le paysan russe croirait faillir en ne trompant pas quand il peut tromper, et il méprise ceux qu'il trompe et, toujours large dans ses sentiments, il déteste presque au même degré la faiblesse inepte des uns, comme l'injuste opression des autres.—Quoique je ne sois pas grand amateur des punitions corporelles je crois qu'elles ne sont malheureusement encore que trop nécessaires, fais donc

rosser cher ami, fais rosser, mais ne rosses jamais toi-même, c'est ignoble,—et punis toujours de manière à ce que les paysans soyent bien convaincus de la justice de la correction infligée. Une fois qu'ils te sauront juste, une fois qu'ils te verront bienveillant et résolu à la fois, ils finiront par te respecter et puis par t'aimer, et alors tu pourras en faire tu ce que tout voudras. Je sais bien que tout cela est fort facile à conseiller, à dire, mais fort difficile à exécuter;—mais la difficulté d'une chose n'est jamais une preuve contre elle, la moindre entreprise sérieuse offrait mille difficultés; avant de réussir, avant de découvrir la bonne route tu auras sans doute mille déboirs, tu commettras mille bévues, tu auras en un mot une peine infinie,—mais n'est ce pas aussi un digne objet et une sainte chose que de devenir le père, l'ami, le bienfaiteur de quelques centaines d'âmes immortelles tout en travaillant au bien-être et à la prospérité de sa propre famille!

Vois quelle belle, quelle laborieuse existence s'ouvre devant toi, cher Alexandre; n'ai je pas eu raison de dire qu'elle fournira une occupation suffisante à toutes les facultés de ton esprit, de ton coeur et de ta volonté. Entres donc dans cette nouvelle voie avec une résolution ferme, sans arrière-pensées, comme sans arrière-regrets. Que regretterais-tu? Ta liberté perdue?, tes études abstraites?, tes fantaisies sans utilité et sans but? - Mais c'était le vide et tu viens de l'échanger à présent contre une existence à la fois charmante et utile toute remplie d'amour, de jouissances, de devoirs et d'actions réelles. Crois moi Alexandre, il vaut mille fois mieux être un homme complet, c'est à dire vivre, aimer et agir, que d'être un métaphysicien ou un être fantasque et que de s'occuper d'ombres chinoises. Une seule étincelle de ces beaux yeux d'émeraude que tu sais vaut mille fois plus je t'assure et contient mille fois plus de trésors et de science vivante véritable que toute la bibliothèque d'Alexandrie brulée comme tu sais par un musulman philantrope. Et puis tu n'es pas né philosophe, ni moi non plus, ce dont malheureusement je me suis apperçu un peu tard; à moins d'être un grand génie, vois-tu, ce dont le ciel te préserve pour ton propre bonheur et surtout pour celui de Lise, — la femme d'un homme de génie doit nécessairement

devenir malheureuse — à moins d'être un philosophe inné on ne devient pas impunément philosophe; — les grands hommes de savoir et de science sont autrement faits, ils sont organisés de manière à ne rien être pour eux mêmes et tout pour les autres, — ils sont des livres, des abstractions, des déductions logiques, des calculs et des contemplations vivantes, sublimes, si tu veux, mais ils ne sont presque pas des hommes;— malgré toute leur grandeur ou peut-être même à cause d'elle ce sont des êtres incomplets, des monstruosités de la nature;—leur existence individuelle a toujours été pauvre et nulle, souvent même ridicule. Newton par exemple n'a jamais su ce que c'est qu'une femme; tu n'es ni de cette faiblesse, ni de cette force, — sois donc un homme, sois complet, sois réel, sois heureux. — Je te demande encore une fois pardon cher Alexandre pour ces raisonnements infinis; mais comme il me semble qu'entre nos deux natures il y a beaucoup de similitude, je voudrais que ma triste expérience, — pour peu que l'expérience d'autrui puisse servir à quelqu'un, — je voudrais pour que la mienne ne soit pas entièrement perdue pour toi, te signaler encore quelques écueils que je n'ai pas pu éviter.— Les esprits abstraits comme les nôtres sont tellement absorbés dans leurs propres pensées que, pareils à ces joueurs d'échec qui ne voient que leur propre jeu, nous ne faisons nulle attention à ce qui passe dans le monde réel, ni aux pensées, ni aux sentiments, ni aux impressions de ceux qui nous entourent; il s'ensuit premièrement que nous nous formons une foule d'idées fausses; l'homme n'est jamais si bête que quand il pense à lui seul; mais ce qui est encore pis, nous blessons, nous froissons une foule de personnes, à chaque instant, sans le vouloir, et nous nous en faisons des ennemis;—telle a été mon histoire [64]); ты помнишь, ведь я былъ въ Прямухинѣ пугалою для всѣхъ чужихъ. Il n'y a contre ce mal qu'un seul remède, c'est de sortir souvent de son fort intérieur, c'est de se faire par force observateur; ce n'est pas impossible; chaque qualité nécessaire comme chaque défaut se trouvant renfermés en essence dans chaque homme; avec cette différence, que les uns possèdent tout naturellement et sans peine, ce que les autres n'acquièrent qu'à force de beaucoup de travail. Essayes et tu verras que ces sortes de sorties, qui seront d'ailleurs une sorte

d'exercice gymnastique très salutaire à ton esprit, te procureront une foule de petits plaisirs; il n'y a pas d'homme qui ne soit intéressant quand on parvient à le pénétrer. Tu sais, la science naturelle ne méprise rien, elle étudie avec respect et amour le [plus petit] moindre insecte microscopique, et l'étude de l'homme n'est elle pas la continuation de cette science, seulement compliquée de tout ce que son essence immortelle y apporte de trésors et de profondeurs inépuisables [65]). Поэтому и Михаилъ Николаевичъ Безобразовъ даже интересенъ; зачѣмъ напримѣръ онъ живетъ, какъ онъ живетъ? зачѣмъ онъ такъ разставляетъ ноги? — Какъ въ немъ образуются мысли и чувства?—Что онъ думаетъ объ томъ, о другомъ, и зачѣмъ его безсмертная душа выбрала такую телячью наружность?—Вотъ найди ка ты въ Гегелѣ разрѣшенье всѣхъ этихъ важныхъ вопросовъ. — Mais ce n'est pas seulement comme science naturelle, c'est comme un devoir moral et social que je te recommande l'étude des personnes qui t'entourent. Car c'est un devoir pour tout homme d'être agréable aux autres, d'être attentif pour tout le monde, afin de ne blesser personne et de ne froisser aucune habitude, à moins que ces habitudes ne soyent perverses et nuisibles; parcequ'il ne faut jamais pousser la complaisance jusqu'à la complicité; ni même jusqu'à la tolérance d'un mal positif. — Instruits toi, perfectionnes toi dans tous les sens, tu ne peux qu'y gagner, mais n'écrases jamais personne par ta supériorité; n'effrayes personne par tes connaissances; que ta supériorité consiste à être et non à paraître, tâches au contraire de paraître moins que tu n'es; exerces ton esprit à faire briller celui des autres, que toutes les bonnes qualités d'autrui s'épanouissent en ta présence; fais appel non au mauvais mais au bon coté de chaque homme, pour que chacun devienne meilleur près de toi [de cette maniere tu viendras toi même meilleur], ce qui te rendra meilleur toi-même; alors tu seras recherché, aimé, et c'est si bon et si utile que d'être aimé! — Sans te laisser [ennuyer] assomer par les ennuyeux, saches les supporter quelquefois, c'est encore un très bon exercice pour la volonté et le coeur, c'est aussi un devoir, et d'ailleurs, comme mon père me l'a dit souvent, il n'y a pas d'homme assez ignorant, assez bête , dont on ne puisse apprendre quelque chose.—Après cela quand le monde devient

par trop embettant, il y a un moyen, c'est d'en rire, ce qui n'est pas du tout un péché, car tout au contraire quand on rit on ne se fache jamais; et pour me prouver que tu as reçu mes conseils en bon frère, je te prie Alexandre de me tenir au courant de toutes les personnes que Vous voyez, de leurs figures, de leurs habits, comme de leurs manières et de me rapporter surtout les cancans qui font rire papa. — Eh bien! Ne voilà-t-il pas une averse de conseils!—C'est l'épanchement naturel d'une langue raisonneuse et bavarde longtems contenue; malheureusement pour toi elle t'a choisi pour victime; je termine en te laissant comme dernière goutte le conseil de regarder dans les beaux yeux de Lise, toutes les fois que les forces te manqueront — panacée universelle contre tous les maux de tête et de coeur,—et maintenant adieu pour tout de bon [66]).

Теперь добираюсъ до тебя любимый братъ Илья; ты написалъ мнѣ нѣсколько словъ и ничего о себѣ не сказалъ; говоришъ только что Александръ одностороненъ; онъ это и самъ знаетъ; всякій человѣкъ болѣе или менѣе одностороненъ и всякій тянетъ на свою сторону; какая же твоя сторона? — Вотъ Александръ женился и вмѣстѣ съ Николаемъ занимается хозяйствомъ. Павелъ ломаетъ камни, Алексѣй служитъ, музыкальничаетъ, эстествознательничаетъ и тѣшитъ отца своими письмами; я сижу за грѣхи или лучше сказать торчу здѣсь какъ столпъ съ предостерегательною надписью: «не ѣзди по этой дорогѣ».— А ты что дѣлаешь, чѣмъ занимаешся или чѣмъ хочешъ заняться?—Ведь безъ всякаго дѣла жить нельзя. Жду твоего отвѣта и покамѣстъ обнимаю тебя крѣпко и благодарю и за нѣсколько словъ написанныхъ мнѣ тобою.—Сестру Анну много разъ цалую и съ нетерпѣньемъ жду отъ нее письма; ведь она милая уже давно не сказывала мнѣ своихъ сказокъ; Габріелю рекомендуюсъ какъ братъ и прошу его дружбы, а племянникамъ и племянницамъ рекомендуюсъ какъ дядя; ведь у меня теперь столько ихъ, что я долженъ просить васъ пересчитать ихъ подробно, съ означеньемъ ихъ лѣтъ и качествъ. Павелъ и Алексѣй надѣюсъ напишутъ мнѣ также нѣсколько словъ.— Милая, милая Варинька, вотъ я и опять переписываюсъ съ тобой; ведь ужъ давно мы не говорили другъ съ другомъ.— Мы разошлись было и разстались холодно; мы были тогда

оба im Werden begriffen *) оба тянули на свою сторону и другъ друга не понимали; я былъ во многомъ виноватъ противъ тебя, но ты ужъ меня простила; — накинемъ же вѣчное покрывало на время нашего обоюднаго сумасшествія и вспомнимъ самое старое время, время нашего дѣтства. Помнишъ какъ Mes - yeux Rictoir расказывалъ намъ исторіи и ты умоляла его за меня когда онъ награждалъ меня на нѣсколько tems: «j'ai fait une tache sur mon habit et on m'a donné un tems à écrire,—tu as fais une tache etc [67])—а ты просила его Mes - yeux Rictoir, pardonnez! — Помнишь какъ мы вставали рано по утрамъ передъ заутреней и гуляли по нашему милому Прямухинскому Саду, и любовались паутинами разстилавшимися по листьямъ и между деревьями, и ходили на мѣльницу смотрѣть какъ мѣльникъ вынималъ рыбу; — помнишъ какъ по вечерамъ, при лунномъ сіяньи мы прохаживались гуртомъ подлѣ сирень и пѣли: «tout est calme et tout dort...» или «Au clair de la lune»... Помнишъ какъ по зимнимъ вечерамъ съ папинькою мы читали Robinson Suisse и ты была влюблена въ Фрица. — Помнишъ какъ ты ревела задавивъ своего ручнаго воробья, и какъ мы его торжественно хоронили, и какъ тетинька Варвара Михайловна качала головкой смотря на твои горькія слезы,— и какъ ты обидилась когда Borhert осмѣлился написать покойному воробью эпитафью. — Не знаю помнишъ ли ты все это, но я ничего не позабылъ, и когда я вспоминаю время нашего дѣтства мнѣ становится свѣжо на душѣ. Нѣтъ Варинька мы не могли и не можемъ разлюбить другъ друга, напротивъ наша любовь будетъ теперь крѣпче, потому что оба мы стали умнѣе.—Мы оба перестали жить своею жизнью; ты живешь въ сынѣ, я во всѣхъ васъ. Ты любишъ мужа и онъ тебя любитъ, обними же его за меня и скажи ему что и я хочу также любить его, хочу быть ему добрымъ братомъ. — Благодарю тебя за подробности и прошу у тебя еще больше: кто такое Вася, по какому побужденью и съ какою мыслью ты приняла его и что ты ему готовишъ, и какимъ образомъ ты пріобрела себѣ еще третьяго сына Роберта Карловича, и какой у него видъ и сколько ему лѣтъ; — ты видишъ мое

*) Werden begriffen sein. Нарождаться, возникать. *Примеч. ред.*

любопытство не имѣетъ границъ. Я не думаю чтобъ Саша помнилъ меня; да оно и лучше, я не умѣлъ еще тогда быть для него добрымъ дядею; — ты пишешъ что онъ лѣнивъ и слабъ характеромъ; онъ еще въ такихъ лѣтахъ что его еще можно и отъ того и отъ другого, съ его содѣйствіемъ, вылѣчить; — и я собирался было много писать тебѣ объ этомъ предметѣ; но дѣло не къ спѣху, письмо это ужъ и безъ того переполнено разсужденьями и совѣтами, и я боюсь чтобъ оно не сдѣлалось похоже на книгу нашего покойнаго дяди Александра Марковича Полторацкаго. A propos, что дѣлаетъ сынокъ его, нашъ cousin Pierre? Онъ пересталъ къ Вамъ ѣздить; слышалъ я что супруга его Marie сбѣжала; экая какая! — Неужели нашла еще хуже Петра! — Впрочемъ для него потеря не большая; она ему не дорого стоила: только пять фунтовъ Жукова табаку, да нѣсколько глупотрогательныхъ фразъ на счетъ будущности и благосостоянья только что тогда купленныхъ имъ крестьянъ, которыхъ они потомъ оба лупили. — Я помню какъ Любаша бранила меня за эту торговую сдѣлку. — Чтожъ дѣлаетъ онъ теперь? Пьетъ или играетъ въ карты; — должно быть пьетъ; ему нѣтъ другаго выхода; — я непремѣнно долженъ знать объ этомъ. Варинька, онъ твой сосѣдъ, ты мнѣ за него отвѣчаешь;— къ тому же ведь онъ отчасти также и твой воспитанникъ; ты во время оно сильно заботилась объ обращеньи его на путь истинны. Мнѣ очень хочется заставить тебя, мою набожную и святую, немножко позлословить; а такъ какъ о Петрѣ нельзя вѣрно сказать нѣсколькихъ словъ не сказавъ дурнаго слова, то я налагаю на тебя обязанность писать мнѣ объ немъ самые подробные рапорты. — Николай, твой мужъ а мой братъ, долженъ также писать мнѣ; только о предметѣ болѣе пріятномъ; о человѣкѣ котораго мы оба любимъ, о Вертёлѣ. Я съ радостью узналъ что дружба ихъ вынесла пробу времяни; это дѣлаетъ имъ обоимъ честь; радъ былъ также узнать что Verteuil маіоръ и что онъ женится, хотя говорятъ Оресту нашему это и не очень нравится. Поетъ ли еще Verteuil (Juliane du Böse) «Objet chéri», а Николай: Juliane du Böse. Теперь обращаюсь къ тебѣ моя Татьяна. Еслибъ я хотѣлъ высказать все что я къ тебѣ чувствую, все что я о тебѣ думаю, какъ я люблю тебя, то я никогда не кон-

чилъ бы, а потому лучше и не стану начинать; ты ведь и безъ словъ повѣришъ и почувствуешъ. Ты больше чѣмъ всѣ другіе моя, моя крѣпостная дѣвочка или лучше сказать старушка; мученица за всѣхъ и лучшая изъ всѣхъ; ты также какъ и я живешъ не своею жизнью, съ тою только разницею что жизнь твоя не ограничивается чувствами, а есть безпрерывное, живое благодѣтельное дѣло самой святой и горячей любви. — Поцалуй за меня дочерей Николая. —

Къ послѣднимъ обращаюсъ къ Вамъ мои добрые, добрые Родители; я не знаю гдѣ найти выраженья для того чтобъ выразить всю мою горячую благодарность за Вашу любовь; она мое утѣшенье, моя опора, моя сила, мое счастье; да въ самомъ дѣлѣ счастье, я былъ счастливъ, вполнѣ счастливъ когда читалъ Ваши письма; Вы хотите Батюшка чтобъ я занялся переводами; я не думаю чтобъ это было возможно;— да сказать ли вамъ правду, оно стыдно, но прежде всего должно быть откровеннымъ: во мнѣ умеръ всякий нервъ дѣятельности, всякая охота къ предпріятьямъ, я сказалъ бы всякая охота къ жизни, если бъ не нашелъ [бы] новую жизнь въ Васъ; — я не унываю, но также и ничего не надѣюсь, у меня нѣтъ ни цѣли, ни будущности, я не жилъ бы еслибъ не жилъ Вашею жизнью. — Когда я не думаю объ Васъ, я [совсѣмъ] стараюсь совсѣмъ не думать, мысли слишкомъ мучаютъ и гнетутъ меня позднимъ и безплоднымъ сожалѣньемъ прошедшаго, позднимъ раскаяньемъ — я курю цыгаретки, читаю романы, и расказываю себѣ сказки; c'est un peu l'existence d'un mangeur d'opium, un rêve continuel, quelquefois c'est le mauvais rêve d'un Don - Quichotte naufragé, parfois un rêve fantastique à la Hoffman [alterné], suivis fort heureusement pour moi [fort] bien souvent par une conversation vivante et salutaire avec Vous, ce qui me ranime toujours et me rend au sentiment de la rèalité [68]).—Вотъ Вамъ вся моя исторья въ короткихъ словахъ; — но не упрекайте меня ни въ унынь ни въ ропотѣ, любезные родители; — я право не унываю и крѣплюсь по силамъ; чтожъ касается до ропота, то я долженъ бы быть дуракомъ или сумасшедшимъ еслибъ считалъ себя въ правѣ роптать, я долженъ бы былъ быть совсѣмъ деревяннымъ, имѣть каменное сердце, [еслибъ] чтобъ не чувствовать глубокой, искренней благодарности

къ тому, который вмѣсто того чтобъ казнить меня по законамъ, — а я знаю что я заслужилъ по законамъ — предалъ меня въ руки однаго изъ добрѣйшихъ людей въ Россіи;— J'avoue, que me trouvant prisonnier dans une forteresse ètrangère, je redoutais plus que toute autre chose, bien plus que la mort, d'être transporté en Russie,—eh bien ce que j'apprehendais comme le plus grand malheur, devient pour moi un bonheur, un vèritable bonheur; sans parler déjà de la permission que j'ai obtenue de correspondre avec Vous, nulle part je n'ai été traité avec une telle humanité, avec une bonté si délicate;— à part la liberté, un but dans la vie et l'action, il ne me manque absolument rien;— je me trouve ici pour ainsi dire en famille.—Vous connaissez le Genéral, je ne Vous en parlerez donc pas.—Mais tous sont excellents pour moi, depuis le Capitaine qui me visite chaque jour plusieurs fois, jusqu'au moindre soldat.—Le Capitaine est la nature la plus excellente et la plus originale qu'on puisse rencontrer;—ayant toujours le môt pour rire, et quoique sans grande instruction, ayant cette bonté délicate du coeur qui est la vraie delicatesse.—Ne Vous appitoyez donc pas trop sur mon sort chers parents, j'ai beaucoup moins que ce que [que magr.] j'ai merité; laissez moi continuer mes rêves fantastiques et concentrer tout ce qu'il me reste d'existence, de facultés et de vie réelle, en Vous et en Votre bonheur de famille. Vous avez fait une grande perte. Je comprends la tristesse de Nicolas, je comprends qu'il se soit identifié avec l'avenir de son fils et qu'il se sentait mourir en le voyant mourir. Je comprends aussi Votre tristesse à Vous.—Vous aimez tant que Vous avez senti comme lui; cette perte a dû Vous frapper doublement et dans son coeur et dans le Vôtre, d'autant plus que plus on avance en age et plus les pertes deviennent douloureuses; on ne s'aguerrit jamais à la mort de ceux qu'on aime.—Mais au moins Dieu Vous a-t-il envoyé une consolation, c'est Lise. Vraiment en lisant tout ce que Vous m'en dites chère maman et tout ce que m'en disent mes soeurs, il m'a semblé voir un ange radieux descendu tout exprès pour Vous soutenir;— une nouvelle fille pour Vous, une nouvelle soeur pour nous. Que Dieu la bénisse et qu'il Vous bénisse aussi dans Votre

nouvelle joie... J'ose le dire, malgré toutes les [douleurs] douleurs qu'il a plu au Ciel de Vous envoyer, malgré la perte toujours irreparable de Любаша qui était vraiment comme la grace, la paix et l'amour personnifié [dans] de notre famille; malgré les chagrins que nous, et surtout que je Vous ai causés, malgre tout cela, Vous êtes des parents heureux; avec une si grande famille, une famille qui Vous adore dans chacun de ses membres, si étroitement unie dans la joie comme dans le chagrin et composée d'êtres, si nobles et si bons... Voila encore une nouvelle fille qui Vous arrive pour Vous apporter une nouvelle jeunesse, un nouvel amour et un nouveau bonheur!— Vous vivez maintenant comme de bons patriarches entourés et servis par Votre nombreuse, descendence, recueillant enfin après tant d'orages les fruits de Vos peines de Vos sacrifices innombrables... Seul, je fais un peu dissonance dans cette harmonie;—mais je suis le bouc émissaire [dans le désert] de la famille, Vous savez celui que les Juifs chassaient chaque anneé dans le désert, chargé des péchés de tout le monde.— Encore une fois chers parents ne Vous chagrinez pas pour moi; je Vous assure que je ne suis pas malheureux; je suis calme, je suis parfaitement resigné et quand je pense à Vous je suis heureux.—Je suis heureux de me sentir le droit maintenant de m'appeler Votre fils, de prendre part à Votre amour;— mon coeur et mon esprit se sont purifiés dans l'isolement;— je Vous jure qu'il ne me reste pas une seule mauvaise pensée dans la tête, ni un seul mauvais sentiment dans mon coeur; je suis tout amour pour Vous, et reconnaissance pour Celui à qui je dois reconnaissance.—Je Vous jure que si l'on me proposait maintenant de me rendre à la liberté à la condition de reprendre mon existence passée de feu follet, interrompue à tems fort heureusement encore pour moi, je n'y consentirais pas.—Vous pouvez donc m'appeler Votre fils et Votre ami en toute sureté et quoique séparé de Vous, je suis toujours avec Vous; nous sommes tous réunis autour de Vous pour Vous aimer chers et bons parents, bénissez nous donc tous ensemble ef soyez heureux dans notre amour [69]). Жаль только что Павелъ и Алексѣй такъ далеко отъ васъ живутъ;—не могутъ ли они къ вамъ пріѣхать на свѣтлый праздникъ; ведь Вамъ будетъ веселѣе, и поэтому и мнѣ весе-

лѣе. Я съ нетерпѣньемъ жду отъ нихъ писемъ; теперь [про] знаю про всѣхъ, только они остались еще нѣсколько въ тѣни. Напишутъ авось и они.—Я радъ что Марья Николаевна и Хіона Николаевна живутъ съ Вами; они насъ всегда любили; только вотъ что меня смущаетъ: неужели я долженъ перестать называть Хіону Николаевну Фоминькою; нѣтъ буду ужъ называть по старому; вотъ если бы она вышла тогда за мужъ за Маіора Зайченку, такъ была бы маіоршею, почетною дамою,—но погнушалась имъ, а потому и осуждена вѣкъ оставаться Фоминькою,—я надѣюсъ, что она по старой дружбѣ—ведь я былъ во время оно ее фаворитомъ,—надѣюсъ говорю я что она мнѣ напишетъ; должно быть она знаетъ всю современную исторью Новоторжскаго уѣзда, пусть же она мнѣ ее мало по малу раскажетъ, начиная съ исторьи Александры Ивановны Лонгиновой и ея любезныхъ племянницъ.

Прощайте, прощайте... Вашъ *М. Бакунинъ*.

Вопросы: гдѣ деревня Мишукъ?—На какомъ мѣстѣ стоитъ домикъ Александра?—Сколько у сестры Симы дѣтей и какъ ихъ называютъ?—Кто такая Марья Карповна Львова? [70]).

---

35. Михаил Бакунин—жене брата Александра.

Милая, милая Лиза, выздоравливай скорѣй! Тебя всѣ такъ любятъ, что кажись одной этой любви должно бы было быть достаточно для того чтобъ тебя поставить на ноги, не говоря ужъ о докторахъ которые, какъ слышно, кормятъ тебя какъ маленькаго ребенка. Вотъ и весна наступила, всѣ цвѣты готовятся къ новой жизни, охорашиваются для того чтобъ блеснуть красотою,—[неу] неужели-жъ ты, нашь милый, прекрасный, Премухинский цвѣтокъ, отстанешъ отъ другихъ. Надѣюсъ, вѣрю, что письмо это застанетъ тебя ужъ выздоравливающей. Жаль мнѣ тебя, бѣдный братъ Александръ,—но такъ ужъ жизнь устроена, что съ каждымъ счастіемъ сопряжено свое горе. Отрекомендуй меня пожалуйсты своему сыну.—Тебя Сашу и тебя Анну благодарю за письма, вы обѣ умныя и добрые дѣвочки,—

обнимите за меня вашихъ дѣтей, вашихъ дѣтокъ, какъ писала бывало наша необыкновенная, святая Варвара Мих. Желалъ бы я посмотрѣть на Николая въ оранжереѣ: должно быть тепло ему тамъ, а ведь онъ русскій человѣкъ, въ теплѣ же и полѣниться можно, не правда-ли Николай?—Ты другъ Татьяна поцалуй за меня у Батюшки руку и поблагодари, хорошенько поблагодари его за любовь и память,—обними также и добрую маминьку, которая вѣрно хлопочетъ теперь объ огородѣ. Милая Варинька, успокоилась ли ты хоть немного, и долго ли намѣрена еще пробыть въ Премухинѣ? Тебѣ бы никогда не разставаться съ нимъ, а сыну пора ужъ становиться на свои собственныя ноги,—чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Хорошо бы было еслибъ было возможно Павлу сдѣлаться его ментором; онъ вмѣстѣ и умѣлъ бы и присмотрѣть за нимъ, и путеводить его, и уважить самостоятельность его характера. Послѣднее обстоятельство по моему очень важно, но врядъ ли оно совмѣстно съ характеромъ Лангера.—Пусть Александръ твой посвятитъ нѣсколько времяни на гимнастическия упражненія, чтобъ вмѣстѣ съ умомъ образовать также и тѣлесную силу и ловкость: да не будетъ онъ только ученымъ, но также и свѣтскимъ человѣкомъ, совершеннымъ жентельменомъ, [ну] не утрачивая однакожъ ни доброты, ни прямоты, ни чистоты, ни простодушія и избѣгая, какъ безобразія, всякой вычурности и фанфаронства. А главное пусть [пр]работаетъ самъ надъ собою и приучаетъ себя понемногу къ самопознанію, къ отчетливости въ желаніяхъ и мысляхъ, къ постоянству въ цѣляхъ, къ самоограниченію, признаку силы, безъ котораго нѣтъ успѣха ни въ чемъ, къ самообладанію, терпѣнію,—пусть создастъ себѣ умную, добрую, сильную волю,—и будетъ человѣкомъ.—Прощай я заболтался. — Напишите мнѣ скорѣй что Лиза выздоровѣла.

Вашъ *М. Бакунинъ.*

Радъ что Мария Ник. [выздор.] поправилась — поклонитесь имъ отъ меня [71]).

9 Апрѣля 1853 года.

36. Павел Бакунин—Михаилу Бакунину.

Кіев 25 марта 1852 г.

Pour Michel.

Миша, милый друг, я запоздал притти к тебе, а между тем я спешил, моя поспешность смутила порядок слов моих: после столь долгой разлуки говоря с тобою в первый раз, голос мой едва-едва находит ту степень спокойствия, без которой сказать ничего невозможно. Пишу тебе из дали—чрез длинное время; чрез огромное расстояние—мне подумать грустно—что мои слова придут сказать тебе о мне—как чужие люди, ни тебя ни меня не знающие: но я не умею вверить им души своей: ее тревога смутила бы их спокойствие, и они бы ничего тебе не сказали—остались бы немыми знаками, прерванными самым порывом своим.

Я уже писал тебе, но в самом начале голос мой был сломан волнением и опасением: по старой привычке—во мне с тобой так мало разума, и так много смущения—и преданности, так много ребячества любви, которая самой себя не держит, так много тревожных женских порывов чувства, что, как горный поток, только безудержно убегают,—так что я не могу догнать их и дать им какой-нибудь образ.

С тех пор—я бывал один, и научился держаться по себе самом—но говоря с тобой, мой разум не держится под смущением и тревогою души,—ему будто тесно в том близком объятии, которым старое пробужденное чувство, оживленное так долго любимым именем твоим, стремится вновь обнять тебя.

— Расставшись с тобою и до сегодня—вся жизнь моя не заключала в себе ни одного поступка, ни одного действия,—в ней не было происшествий—она была одною, ничем не прерванною мыслею, бесконечным размышлением то горячим, то призрачным, то холодным созерцанием: в эти многие годы моя любовь к тебе—из настоящего мира—опустилась на глубокое дно прошедшего: и заснувшее

чувство стало как спокойствие размышляющего вечернего неба; но внезапно пробужденная,—наружным шумом и голосами, называющими мне имя твое—твое любимое имя, вся мысль опять очнулась—тревожным и живым, беспокойным и настоящим чувством: в нем одно нетерпение,—а мысли некогда,—одно желание вновь услышать и узнать тебя. Я так привык держать образ твой только мыслию, что пробужденное чувство,—несмотря на многие свидетельства не имеет еще в себе ни достоверности, ни ощущения,—что ты с нами—и знаешь о тебе только как о тени,—как о бывшем сновидении. Но на этот тон, на эту тень опрокинулся весь любимый мир души моей,—и покуда тень образа твоего не окажется мне действительностью—все любимое мне только бесконечно падает и не держится.—

Друг,—о чужие люди—худо передают тебе имя это,—которым когда то называл тебя из души в душу—милый друг и нам осталась вся душа,—и ее любимое, на которое мы смотрим в глубине его, как художники:—и если первое полотно, на котором мы только грубо намалевали—черты того любимого образа—испорчено,—мы потеряли только полотно: испорченное полотно можно бросить и взять другое, потому что любимый прекрасный образ всегда с нами. Но во мне мучительная забота: я боюсь узнать,—как глубоко и как сильно душа твоя надломана горем, потому что твое горе не обыкновенное горе в доле людей.—

С тобой говорить мне хочется, — как образ зеркала в зеркало мне хочется опустить все твое размышление в душу свою, но на первый раз мне говорить с тобой трудно: я, как практический человек—мечта-любовь и мысль переплелись в душе моей — и составляют ее единственное содержание, — внешний мир остался мне вполне внешним,—я, как монах древней восточной церкви,—потерянный в своих контемплациях: и, не имея на себе ничего вещественного,—мысль моя, как воздух проникает во все непроницаемое; но я не знаю дверей души твоей—и не могу найти их,—покуда ты их не укажешь мне. Мне кажется, что и ты и я—в таком одиночестве, и так изолированы от внимания посторонних людей, что мы могли бы говорить с тобою, как друзья,—говорящие под открытым небом, и не мало не озабоченные, что их словам

внемлет Бог: сторонние люди, не умея рассуждать ни сердца человека, ни природы вещей, склонны сообщать всему лукавый толк: но таких сторонних людей, при которых благоразумно и осторожно—мерить не только поступки, но и всякое сказанное слово — нет в полном одиночестве: дерзость души и сердца говорящих друг другу о любви, и не рассуждающих, что их слова,—чтобы дойти до друга, — сперва проходят мимо Величеств закона,—не осудятся в нас.

Друг милый,—я уверен,—что нам можно говорить с тобою, как под открытым небом. Люди—не могут слышать нас: а Бог и Царь способны внушить только безусловное доверие!

Скажи мне, прав ли я, — думая так, — и ограничь сам меру слов моих,—и скажи мне, что нам позволено и что не позволено, чтобы, зная, я мог тому держаться.

Твой *Павел Бакунин* [72])

---

37. Перевод Бакунина в Шлиссельбургскую крепость.

Весьма секретно.

Главному начальнику III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, господину генерал-адъютанту и кавалеру графу Орлову.

Коменданта С.-Петербургской крепости генерал от инфантерии Мандерштерна I.

Рапорт.

Во исполнение Высочайшего Его Императорского Величества повеления содержавшийся в доме Алексеевского равелина, преступник Михаил Бакунин, сего числа в 9 часов вечера передан подполковнику корпуса жандармов Тизенгаузену, для доставления в Шлиссельбургскую крепость и из списков об арестантах исключен; о чем Вашему Сиятельству донести честь имею [73]).

Генерал от инфантерии *Мандерштерн I.*

№ 50.
11 марта 1854 года.

38. Прошение В. А. Бакуниной царю.

Всемилостивейший Государь!

Четырнадцать лет я оплакивала сына своего как умершего, но милостию Царя, он снова жив для меня.—Как благодарная мать, молю Бога, да наградит Он Того, кто строгость Царя и Судии смягчил милосердием отца, и да воздаст Ему за утешение, мне дарованное.—Не отвергни, Государь, бессильных выражений моей благодарной души и дозволь мнѣ излить перед Тобою чувства признательности и скорби, переполняющие мою душу. Дозволь мне сказать все, что мать может сказать в пользу сына, ничего не скрывая, и как она не осмелилась бы говорить никому иному.—Слова мои слабы, но снисхождение Вашего Императорского Величества может дать им силу.

Я видела сына моего сокрушенного, вполне чувствующего неизреченную и незаслуженную милость в Бозе почившего Государя, незабвенного Отца России, превратившего для него темницу в самое легкое заключение.—Я видела его горящего желанием искупить кровию свое прошедшее. Невозможность этого составляет главное его мучение и мою величайшую скорбь.—Больно матери знать, что сын ее преступник, но невыносимо думать, что он не имеет возможности загладить вину свою. Легче было бы мне видеть его истекающего кровию, еслибы кровию этою смывался грех его молодости, чем видеть его изнывающего в бездейственном сознании вины и ежедневно умирающего, в ожидании бесславной смерти.

Государь!—Сын мой не бесчестный человек, я первая отреклась бы от него, еслибы заметила в нем чувства, недостойные Вашего милосердия, но я нашла в нем полное раскаяние и жажду загладить ошибки своей молодости, и тем заслужить милости, оказанные ему покойным Государем и Вашим Величеством.

Уже пятеро сыновей моих, верные долгу дворянства, вступили в военную службу, на защиту отечества; благословив их на святое дело, я осталась одна, без опоры, и могла бы, как милости, молить о возвращении мне шестого,

но я молю Ваше Величество о дозволении ему стать с братьями в передних рядах храброго Вашего воинства и встретить там честную смерть или кровью заслужить право называться моим сыном.—Ручаюсь всеми сыновьями моими, что где бы он ни был поставлен волею Вашего Величества, он везде исполнит долг свой до последней капли крови.

Неужели невозможно для него иное наказание, кроме вечного заключения?

Ваше Величество! Простите женщине и матери, которая, кроме Вас не имеет заступника, и никому не дерзнула бы говорить так откровенно, как Вам, своему Государю.—Вашему милосердию вверяю я и свою скорбь, и страх, и надежду, Вашему суду предаю с упованием судьбу мою.

Другие могли бы холодно смотреть на мою горесть, но Вам, Государь, не чужда скорбь ни одного из Ваших подданных, и я, как мать, не могу поверить холодному суду чужих, но беспрекословно и от всей души предаюсь милосердному суду Вашего Величества.

С благоговением имею счастие быть Вашего Императорского Величества *верноподанная Варвара Бакунина вдова коллежского советника.*

21-го марта 1855 года. Жительство имею: Тверской губернии Новоторжского уезда в селе Прямухине [74]).

---

39. Письмо В. А. Бакуниной Дубельту.

Милостивый Государь
Леонтий Васильевич!

Позвольте мне опять обратиться к Вам и к Вашему искреннему и уже не раз мною и всем моим семейством испытанному участию. Последнее свидание мое с сыном Михаилом столько же порадовало, сколько и огорчило меня; порадовало тем, что я нашла его христиански преданным судьбе своей и так терпеливо несущим заслуженное наказание, как я и сама того не ожидала,—не я его, а он меня утешал,

успокаивал и обнадеживал, но огорчило тем, что здоровье его я нашла заметно пошатнувшимся, чему главною причиною недостаток движения. Вы поймете Леонтий Васильевич, что я не прежде успокоилась, как приискав средство, могущее замедлить, если не совершенно остановить развивающую болезнь.—Мне кажется, что токарный станок был бы всего полезнее в этом отношении; но так как при этом предполагаются разные инструменты, коих употребление, по уверению сына моего Михаила, не дозволяется заключенным, то возможность употребления этого средства зависит от новой милости Государя Императора. Сын же мой Михаил, и в лице его я и все мое семейство, испытали уже столько милостей, и притом ничем не заслуженных, что признаюсь Вам откровенно,—мне совестно просить новой милости. Я не желала бы показаться неблагодарною, ничем не довольною,—и потому в настоящем случае обращаюсь прямо к Вам, Леонтий Васильевич, вполне надеюсь, что если возможно исполнение моего желания, то Вы не откажите мне в Вашем содействии и ходатайстве,—если же невозможно, то остановите меня,—и не будете взыскательны к матери, для которой одно горе и одно утешение—дети.

С истинным почтением имею честь быть, Милостивый Государь, покорная к услугам

Варвара Бакунина [75]).

Генваря 30 дня 1856 года С.-Петербург.

---

40. Письмо В. А. Бакуниной кн. В. А. Долгорукову.

Ваше Сиятельство!

Находясь в несчастном положении матери, лишенной сына, я осмеливаюсь прибегнуть к Вам с просьбою о помощи. — Сын мой, Михаил Бакунин, замешанный в Немецких возмущениях 1848-го года, подвергся строгости законов, и с 1849-го года находится в заключении. С горестью понимая, что ни глубокое сердечное раскаяние, ни семилетнее заключение не в силах загладить вины его перед законом, я надеюсь единственно на беспредельность Царского милосер-

дия, а Ваше Сиятельство прошу быть моим ходатаем пред Государем Императором.

Не распространяясь о том, как невыносимо матери видеть сына, постепенно изнывающего в бездействии и одиночестве постыдного, хотя и заслуженного заключения, я скажу одним—тяжким, но справедливым словом: легче мне было бы знать его умершим. Молю у Государя последнего благодеяния, в довершение незаслуженных, но с благодарным сердцем принятых милостей, оказанных мне и несчастному сыну моему: чтобы дозволено бы было ему жить и умереть при мне, чтобы дом мой служил ему не менее настоящего тесным и по крайней возможности тайным заключением, смягченным единственно семейною любовью. Пятеро сыновей моих, из коих трое отцы семейства, никогда не подавшие повода сомневаться в преданности их Престолу и Отечеству, готовы стать поруками за брата, в том, что он ни в каком отношении не выйдет из назначенных ему пределов и ни малейшим образом не употребит во зло испрашиваемой мною милости. Ваше Сиятельство поверите, что сыновья, всегда при мне бывшие, дороги мне не менее того, о котором я прошу, и что, ручаясь за него их честью и жизнью, я вполне понимаю какую тяжелую ответственность беру на себя и на них возлагаю, по их собственному желанию. Но повторяю: пятеро сыновей моих готовы отвечать головами за брата своего Михаила Бакунина.—Допустила ли бы я их до того, если бы малейшим образом сомневалась в сыне, за которого они ручаются и в возможности исполнить то, за что берутся?

Вверяя просьбу, а с нею вместе счастие мое и всего моего семейства великодушному участию Вашему, имею честь быть с совершенным почтением

Вашего Сиятельства готовая к услугам

Варвара Бакунина.

Е. С. К. В. А. Долгорукову.

Августа 31 дня 1856 года.

Жительство имею в С.-Петербурге, на Мойке в доме Пущиных [76]).

41. В. А. Бакунина—кн. А. М. Горчакову.

Ваше Сиятельство

Милостивый Государь

Князь Александр Михайлович!

Несчастная мать, страшась потерять сына, осмеливается обратиться к Вам с мольбою о помощи. Сын мой, Михаил Бакунин, вследствие участия в Немецких возмущениях 1849 года, подвергся строгости законов и уже около 8 лет находится в заключении. Здоровье его ныне уже до такой степени расстроено, что жизнь его не может долго продлиться, если не будет облегчена участь его. Он уже не тот, что был прежде. Видев его, по Всемилостивейшему позволению, в августе сего года, я нашла в нем еще бо́льшую перемену. Он тень самого себя: убитый раскаянием в прошедшем, без утешения в настоящем, без надежды в будущем,—и чем могла я ободрить его?

С растерзанным сердцем я обращаюсь теперь к Вам, полагая, что если Всемилостивейшее прощение не распространилось на моего сына, то причина этому та, что он действовал вне пределов России, против германских правительств, которыми и осужден был. Вы единственная надежда несчастной матери, влияние Ваше на политику иностранных дворов несомненно, и Ваше милостивое участие может устранить препятствия к облегчению горькой участи моего больного сына. Одного прошу, чтобы было дозволено ему провесть остаток дней своих в родном семействе, в деревне Тверской губернии, которое ручается, что родительский дом будет служить ему не менее тесным, но не столь тягостным местом заключения. Пятеро сыновей моих, из них трое отцы семейства, и кои все в последнюю войну с оружием в руках доказали свою преданность Престолу и Отечеству, готовы быть порукой за несчастного своего брата. Ваше Сиятельство не усумнитесь, что мать не решилась бы подвергнуть тяжелой ответственности пятерых сыновей, для облегчения участи одного, если бы не была совершенно уверена в нем и в его раскаянии.

Я бы сама бросилась к ногам Вашего Сиятельства, чтобы вымолить Ваше участие; к несчастию, болезнь и лета мне в том препятствуют и заставляют прибегнуть к письму, которое не может вполне выразить всей жестокости материнской скорби. Но я столько слышала о великодушии Вашей возвышенной и горячей души, что и теперь надеюсь более на снисходительное участие Ваше, чем на недостаточные слова переполненного горем сердца, только от Вас ожидающего отрады и утешения.

С глубочайшим почтением имею честь быть
Вашего Сиятельства
готовая к услугам

Варвара Бакунина.

1856 г. Декабря 24 дня.
Г. Торжок.

P. S. Моя родная племянница, Екатерина Михайловна Бакунина, взялась лично передать Вам это письмо; она дополнит то, что горестное волнение помешало мне высказать. Да внушит ей Бог! [77]).

---

42. Письмо Михаила Бакунина кн. В. А. Долгорукову.

Ваше Сіятельство!

Я болѣнъ тѣломъ и душою; отъ болѣзни телѣсной не надѣюсъ излеченія, но душою могъ бы и желалъ бы отдохнуть и укрѣпиться въ кругу родной семьи.—Не столько боюсъ я смерти, сколько—умереть одиноко въ заточеніи, съ сознаніемъ, что вся моя жизнь, протекшая безъ пользы,—ничего не принесла, кромѣ вреда для другихъ и для себя; я не въ силахъ выразить *Вамъ* какъ мучительны этѣ мысли, какъ онѣ терзаютъ въ одиночествѣ заключенія, и какъ тяжела должна быть смерть при такихъ мысляхъ и въ такомъ заключеніи. Я не желалъ бы умереть, не испытавъ послѣдняго средства, не прибѣгнувъ въ послѣдній разъ къ *Милосердію* ГОСУДАРЯ.

Обращаясь къ *Вашему Сіятельству* съ покорною просьбою исходатайствовать мнѣ отъ ГОСУДАРЯ позволение

писать къ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ.—Долговременное заключеніе притупило мои способности такъ, что я не нахожу болѣе убѣдительныхъ словъ чтобы тронуть *Ваше* сердце. Но *Вашему Сіятельству* извѣстно чего можетъ желать и какъ сильно можетъ желать заключенный; мнѣ же и по собственному опыту, и по словамъ родныхъ извѣстно *Ваше* великодушіе и возвышенный образъ *Вашихъ* мыслей; по этому я могу надѣятся, что безъ подробныхъ объясненій съ моей стороны, *Ваше Сіятельство* примете великодушное участіе въ послѣдней надеждѣ и въ послѣднемъ усиліи заключеннаго къ облегченію своей участи.

Михаилъ Бакунинъ [78]).

1857-го года 3-го февраля.

---

43. Письмо Михаила Бакунина кн. В. А. Долгорукому.

Ваше Сіятельство!

Препровождая при семъ просьбу мою къ ГОСУДАРЮ, прошу Васъ принять выраженіе искренней и глубокой благодарности, за исходатайствованіе мнѣ просимаго мною позволенія. Оно оживило во мнѣ надежду; но суждено ли ей сбыться? Обмануться было бы жестоко.—Осмѣлюсъ просить *Ваше Сіятельство* просмотрѣть и исправить, сколько возможно, мою просьбу? Я такъ одичалъ, и отвыкъ писать, что съ трудомъ могъ окончить ее;—трудно писать, колеблясъ между страхомъ и надеждою, опасаясъ сказать лишнее или недосказать нужнаго. Чувствую, что просьба моя къ ГОСУДАРЮ написана неудовлетворительно, не полно, не ловко, можетъ быть и по формѣ не прилично; но самъ исправить не въ силахъ; только искренность написаннаго—готовъ подтвердить клятвою и честнымъ словомъ. Отъ *Васъ* зависитъ *Князь*,—если Вамъ только угодно будетъ оказать мнѣ столь великодушное снисхожденіе,—исправить ее, сократить лишнее, и дополнить недостающее,—своимъ сильнымъ словомъ, дать настоящее выраженіе моимъ искреннимъ чувствамъ, не умѣющимъ выразиться;—такъ чтобы просьба моя нашла доступъ къ сердцу ГОСУДАРЯ.

Несомнѣваясъ вообще въ великодушномъ расположеніи *Вашего Сіятельства* помогать ближнему; я долженъ однако же, по собственной винѣ, сомнѣваться захотите ли *Вы* оказать эту помощь *мнѣ*. Это безъ сомнѣнія зависитъ отъ степени довѣрія, какую я могу заслужить въ мнѣніи *Вашемъ*. Но чтобы убѣдить *Васъ* въ совершенной чистотѣ моихъ желаній и намѣреній, я не имѣю другаго способа, кромѣ *моего честнаго слова*.—Захотите ли *Вы* удовольствоваться имъ? Повѣрите ли *Вы*, что честное слово свяжетъ меня также крѣпко какъ крѣпостные стѣны?

Князь! Мнѣ уже поздно возвращаться къ дѣятельной жизни, еслибъ я даже и желалъ того; силы мои сломаны; болѣзнь меня сокрушила; я желаю только умереть не въ темницѣ.—Повѣрьте, что никогда я не употреблю во зло ограниченной свободы, данной мнѣ на честное слово;—и не откажите въ великодушномъ содѣйствіи *Вашемъ*, въ счастливыхъ послѣдствіяхъ коего для меня, я никогда не подамъ Вамъ случая раскаяваться.

Михаилъ Бакунинъ [79]).

14-го февраля 1857-го года.

44. Прошение Бакунина Александру II.

«Другаго для него исхода не вижу как ссылку въ Сибирь на поселеніе».

Собственною Его Величества рукою написано карандашемъ: «Другаго для него исхода не вижу какъ ссылку въ Сибирь на поселеніе».

19 февраля.

Кн. Долгоруков.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ.

Многія милости, оказанныя мнѣ незабвеннымъ и великодушнымъ РОДИТЕЛЕМЪ ВАШИМЪ и ВАШИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ, ВАМЪ угодно нынѣ довершить новою милостью, мною не заслуженною, но принимаемою съ глубокою благодарностью: позволеніемъ писать къ ВАМЪ. Но о чемъ можетъ преступникъ писать къ своему ГОСУДАРЮ, если не просить о милосердіи?—И такъ ГОСУДАРЬ, мнѣ дозволено прибѣгнуть къ ВАШЕМУ МИЛОСЕРДІЮ,—дозволено надѣяться. Предъ правосудіемъ, всякая надежда съ моей стороны была бы безуміемъ; но предъ МИЛОСЕРДІЕМЪ ВАШИМЪ ГОСУДАРЬ, надежда есть ли безуміе? Измученное, слабое сердце готово вѣрить, что настоящая милость есть уже половина прощенія; и я долженъ призвать на помощь всю твердость духа, чтобы не увлечься обольстительною, но преждевременною и может быть напрасною надеждою.

Что бы, впротчемъ, меня не ожидало въ будущемъ, молю теперь о позволеніи излить предъ ВАШИМЪ ВЕЛИЧЕ-

СТВОМЪ свое сердце,—чтобы я могъ говорить, передъ ВАМИ ГОСУДАРЬ, такъ же откровенно, какъ говорилъ предъ ПОКОЙНЫМЪ РОДИТЕЛЕМЪ ВАШИМЪ, когда ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ угодно было выслушать полную исповѣдь моей жизни и моихъ дѣйствій. Волю ПОКОЙНАГО ГОСУДАРЯ, переданную мнѣ Графомъ Орловымъ, чтобы я исповѣдался предъ НИМЪ, какъ духовный сынъ исповѣдуется предъ духовнымъ отцемъ своимъ, я исполнилъ, не покрививъ душею; и хотя исповѣдь моя, написанная, сколько я помню, въ чаду недавняго прошедшаго, не могла, по духу своему, заслужить одобренія ГОСУДАРЯ; но я никогда, никогда не имѣлъ причины раскаяваться въ своей искренности, а напротивъ, ей одной, послѣ собственнаго великодушія ГОСУДАРЯ, могу приписать милостивое облегченіе моего заключенія.—И нынѣ ГОСУДАРЬ, ни на чемъ другомъ не могу и не желаю основать надежду на возможность прощенія, какъ на полной, искренной откровенности съ моей стороны.

Привезенный изъ Австріи въ Россію, въ 1851-омъ году, и забывъ благость отечественныхъ законовъ, я ожидалъ смерти,—понимая что заслужилъ ее въ полнѣ. Ожиданіе это не сильно огорчало меня; я даже желалъ скорѣе разстаться съ жизнью, не представлявшею мнѣ ничего отраднаго въ будущемъ. Мысль, что я жизнью заплачу за свои ошибки, мирила меня съ прошедшимъ; и ожидая смерти,—я почти считалъ себя правымъ.

Но великодушію ПОКОЙНАГО ГОСУДАРЯ угодно было продлить мою жизнь, и облегчить мою судьбу въ самомъ заключеніи. Это была великая милость, и однако же, милость ЦАРСКАЯ обратилась для меня въ самое тяжкое наказаніе.—Простившись съ жизнью, я долженъ былъ снова къ ней возвратиться,—чтобы испытать во сколько разъ моральныя страданія сильнѣе физическихъ. Если бы заключеніе мое было отягчено строгостью, сопряжено съ большими лишеніями, я можетъ быть легче перенесъ бы его; но заключеніе, смягченное до крайнихъ предѣловъ возможности, оставляя мысли полную свободу, обратило ее въ собственное свое мученіе.—Связи семейныя, которыя я считалъ навѣкъ прерванными,—возобновленныя милостивымъ позволеніемъ видѣться съ семействомъ, возобновили во мнѣ

и привязанность къ жизни:—ожесточенное сердце постепенно смягчалось подъ горячимъ дыханіемъ родственной любви; холодное равнодушіе, которое я принималъ сначала за спокойствіе, постепенно уступало мѣсто горячему участію къ судьбѣ давно потеряннаго изъ виду семейства,—и въ душѣ пробудилось,—вмѣстѣ съ сожалѣніемъ объ утраченномъ счастіи мирной, семейной жизни,—глубокая, невыразимо мучительная скорбь о невозвратно и, собственною виною, безумно разрушенной возможности, сдѣлаться когда нибудь, на равнѣ съ пятью братьями, опорою своего роднаго дома, полѣзнымъ и дѣльнымъ слугою своего ГОСУДАРСТВА.—Завѣщаніе умирающаго отца, котораго я не переставалъ любить и уважать всѣмъ сердцемъ, даже и въ то время, когда поступалъ совершенно вопреки его наставленіямъ; его послѣднее благословленіе, переданное мнѣ матерью, подъ условіемъ чистосердечнаго раскаянія, встрѣтило во мнѣ уже давно тронутое и готовое сердце.

ГОСУДАРЬ!—Одинокое заключеніе есть самое ужасное наказаніе;—безъ надежды, оно было бы хуже смерти: это смерть при жизни,—сознательное, медленное и ежедневно ощущаемое разрушеніе всѣхъ тѣлесныхъ, нравственныхъ и умственныхъ силъ человѣка; чувствуешь, какъ каждый день болѣе деревенѣешь, дряхлѣешь, глупѣешь, и сто разъ въ день призываешъ смерть какъ спасеніе. Но это жестокое одиночество заключаетъ въ себѣ хоть одну несомнѣнную и великую пользу: оно ставитъ человѣка лицемъ къ лицу съ правдою и съ самимъ собою.—Въ шумѣ свѣта, въ чаду происшествій, легко поддаешся обоянію и призракамъ самолюбія;—но въ принужденномъ бездѣйствіи тюремнаго заключенія, въ гробовой тишинѣ безпрерывнаго одиночества, долго обманывать себя невозможно; если въ человѣкѣ есть хоть одна искра правды, то онъ непремѣнно увидитъ всю прошедшую жизнь свою въ ея настоящемъ значеніи и свѣтѣ; а когда эта жизнь была пуста, безполѣзна, вредна, какъ была моя прошедшая жизнь, тогда онъ самъ становится своимъ палачомъ; и сколь бы тягостна не была безпощадная бѣседа съ собою, о самомъ себѣ, сколь не мучительны мысли ею порождаемыя,—разъ начавши ее, ее уже прекратить невозможно. Я это знаю по восмилѣтнему опыту.

ГОСУДАРЬ! какимъ имянемъ назову свою прошедшую жизнь?—Растраченная въ химерическихъ и безплодныхъ стремленіяхъ, она кончилась преступленіемъ. Однако я не былъ ни своекорыстенъ, ни золъ; я горячо любилъ добро и правду, и для нихъ былъ готовъ пожертвовать собою; но ложныя начала, ложное положеніе, и грѣшное самолюбіе, вовлекли меня въ преступныя заблужденія; а разъ вступивши на ложный путь, я уже считалъ своимъ долгомъ и своею честью, продолжать его до нельзя. Онъ привелъ и ввергнулъ меня въ пропасть, изъ которой только всесильная и спасающая длань ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА меня извлечь можетъ.

Стою ли я такой милости? На это я могу сказать только одно:—въ продолженіе восмилѣтняго заключенія, а особливо въ послѣднее время, я вынесъ такія муки, которыхъ преждѣ не предполагалъ и возможности. Не потеря и не лишеніе житейскихъ наслажденій терзала меня, но сознаніе что я самъ обрекъ себя на ничтожество, что ничего не успѣлъ совершить въ жизни своей, кроме преступленія, не сумѣвъ даже принесть пользу семейству,—не говоря уже о великомъ отечествѣ, противъ котораго я дерзнулъ поднять крамольно-безсильную руку;—такъ что самая милость ЦАРСКАЯ, самая любовь и нѣжныя попеченія моихъ родныхъ обо мнѣ, ничѣмъ мною не заслуженныя, превращались для меня въ новое мученіе: я завидывалъ братьямъ, которые дѣломъ могли доказать свою любовь къ матери, могли служить ВАМЪ ГОСУДАРЬ, и РОССІИ.—Но когда, по призыву ЦАРЯ, вся РУСЬ поднялась на соединенныхъ враговъ; когда вмѣстѣ съ другими ополчились и мои пять братьевъ, и, оставивъ старую мать и малолѣтнія семьи, понесли свои головы на защиту родины; тогда я проклялъ свои ошибки и заблужденія и преступленія, осудившія меня на постыдное, хоть и принужденное, бездѣйствіе въ то время, когда и я могъ бы и долженъ бы былъ служить ЦАРЮ и ОТЕЧЕСТВУ; тогда положеніе мое стало для меня невыносимо, тоска овладѣла мною, и я молилъ одиаго: или свободы или смерти.

ГОСУДАРЬ! Что скажу еще? Если бы могъ я съ изнова начать жизнь. то повелъ бы ее иначе; но увы! прошедшаго

не воротишъ! Если бы я могъ загладить свое прошедшее дѣломъ, то умолялъ бы дать мнѣ къ тому возможность: духъ мой не устрашился бы спасительныхъ тягостей очищающей службы; я радъ бы былъ омыть потомъ и кровью свои преступленія. Но мои физическія силы далеко не соотвѣтствуютъ силѣ и свѣжести моихъ чувствъ и моихъ желаній; болѣзнь сдѣлала меня никуда и ни на что не годнымъ.—Хотя я еще и не старъ годами, будучи 44 лѣтъ, но послѣдніе годы заключенія истощили весь жизненный запасъ мой, сокрушили во мнѣ остатокъ молодости и здоровья: я долженъ считать себя старикомъ, и чувствую что жить мнѣ остается не долго.—Я не жалѣю о жизни, которая должна бы была протечь безъ дѣятельности и безъ пользы; только одно желаніе еще живо во мнѣ: послѣдній разъ вздохнуть на свободѣ,—взглянуть на свѣтлое небо, на свѣжіе луга,—увидѣть домъ отца моего, поклониться его гробу, и,—посвятивъ остатокъ дней сокрушающейся обо мнѣ матери, приготовиться достойнымъ образомъ къ смерти.

Предъ ВАМИ ГОСУДАРЬ, мнѣ не стыдно признаться въ слабости; и я откровенно сознаюсь, что мысль умереть одиноко въ темничномъ заключеніи пугаетъ меня,—пугаетъ гораздо болѣе чѣмъ самая смерть;—и я изъ глубины души и сердца молю ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО избавить меня, если возможно, отъ этаго послѣдняго самаго тяжкаго наказанія.

Каковъ бы не былъ приговоръ, меня ожидающій, я безропотно, заранѣе ему покоряюсь, какъ вполнѣ справедливому, и осмѣливаюсь надѣяться, что въ сей послѣдній разъ дозволено мнѣ будетъ излить передъ ВАМИ ГОСУДАРЬ чувство глубокой благодарности къ ВАШЕМУ НЕЗАБВЕННОМУ РОДИТЕЛЮ и къ ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ за всѣ мнѣ оказанныя милости.

Молящій преступникъ

14 февраля 1857-го года.

Михаил Бакунин [80]).

---

45. Письмо Михаила Бакунина брату Алексею.

Любезный Алексѣй!—Третьяго дня я получилъ, черезъ здѣшняго коменданта, отъ Князя Долгорукова, объявленіе о томъ, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, тронутый моимъ

раскаяніемъ и снисходя на мою просьбу, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ изволилъ смягчить мое наказаніе, замѣною крепостнаго заключенія, ссылкою на поселеніе въ Сибирь, предоставляя мнѣ однако право, остаться на прежнемъ основаніи въ крепости,—я разумѣется принялъ ВЫСОЧАЙШУЮ МИЛОСТЬ съ глубокою благодарностію, ибо вижу въ оной дѣйствительное и большое облегченіе своей участи.— Одно меня печалитъ глубоко: съ маминькою и съ Вами, мнѣ прійдется проститься на вѣки; но дѣлать нечего,—я долженъ безропотно покориться судьбѣ, мною самимъ на себя накликанной.—Теперь у меня остается одно желаніе: увидѣться со всѣми Вами въ послѣдній разъ и проститься съ Вами хорошенько. Надѣюсъ, что ты получишъ это письмо довольно во время, чтобъ успѣть присоединить свою просьбу о томъ къ моей просьбѣ; надѣюсъ такъ же что мнѣ дозволено будетъ проститься съ нашею милой и героической монашенькою, съ сестрою Катей Бакуниной.—Не огорчайся Алексѣй, и если маминька и сестры будутъ слишкомъ горевать обо мнѣ, утѣшъ ихъ,—тамъ, на просторѣ, мнѣ будетъ лучше.

Твой *М. Бакунинъ* [81]).

1857-го года 23-го февраля.

---

46. Письмо М. Бакунина В. А. Долгорукову.

Ваше Сіятельство!

Съ благоговѣніемъ принимаю милость ГОСУДАРЯ и покоряюсъ ЕГО рѣшенію, которое, если и не вполнѣ соотвѣтствуетъ безумнымъ надеждамъ и желаніямъ больнаго сердца, однако далеко превосходитъ то чего я благоразумно и по справедливости ожидать былъ въ правѣ. Не знаю, долго ли плохое здоровіе и одряхлевшія силы позволятъ мнѣ выдержать новый родъ жизни; но сколько бы мнѣ суждено не было еще прожить, и какъ бы тѣсенъ не былъ кругъ окончательно мнѣ предназначенный, я постараюсъ доказать всею остальною жизнію своею, что при всей великой грѣшности моихъ заблужденій, не смотря на важность преступленій мною совершенныхъ, во мнѣ никогда не умирало чув-

ство искренности и чести.—Изъ глубины сердца, приношу *Вашему Сіятельству* благодарность за великодушное и скорое ходатайство, въ слѣдствіе котораго, я, по милости ЦАРСКОЙ, все таки умру не въ тюрьмѣ, а на вольномъ воздухѣ, хоть и умру въ одиночествѣ.

Теперь же, надѣясъ на человѣколюбивое снисхожденіе *Ваше*, мнѣ вновь столь живо доказанное, осмѣлюсъ ли приступить къ *Вашему Сіятельству* съ новою и послѣднею просьбою:

Почти безъ всякой вѣры въ возможность успѣха, рѣшаюсъ однако просить о позволеніи, заѣхать, по дорогѣ въ Сибирь, въ деревню матери, расположенную въ 30 верстахъ отъ города Торжка въ Тверской губерніи,—заѣхать на сутки, или даже хоть на нѣсколько часовъ, чтобы тамъ поклониться гробу отца, и обнять въ послѣдній разъ мать и все семейство, д о м а. Я чувствую сколь просьба моя неправильна, и сколь просимая мною милость будетъ противорѣчить установленному порядку;—но вѣдь для ЦАРЯ все возможно,—а для меня, хоть и не заслуживающаго столь чрезвычайной милости, она будетъ огромнымъ и послѣднимъ утѣшеніемъ.—Мнѣ кажется, что побывавъ хоть одну минуту дома, я наберусъ тамъ добраго чувства и силъ, на всю остальную, не веселую, жизнь.

Если жъ это невозможно; то не будетъ ли мнѣ разрѣшено, увидѣться и провести день, со всемъ напередъ о томъ предувѣдомленномъ семействомъ, проѣздомъ въ Твери? Мать стара, и ей трудно, да къ тому же теперь, было бы и слишкомъ грустно ѣхать въ Петербургъ; а между сестрами и братьями, есть п я т ь человѣкъ, съ которыми я не видался со времени моего злополучнаго отъѣзда за границу, т.-е. съ 1840-го года.—Невыразимо тяжко было бы мнѣ ѣхать въ Сибирь, не повидавшись съ ними въ послѣдній разъ.

Наконецъ, еще преждѣ этаго свиданія въ Торжкѣ или въ Твери, не дозволено ли мнѣ будетъ увидѣться съ тѣми изъ братьевъ, которые будутъ находиться въ Петербургѣ?—Я бы попросилъ ихъ о снабженіи меня нѣкоторыми необходимыми вѣщами, на дорогу и на первое время жительства, На мнѣ нѣтъ никакой одежды; новаго я разумѣется не шилъ,—а тѣ изъ старыхъ платьевъ, которыя устояли про-

тивъ восьмилѣтняго разрушенія, уже нисколько не соотвѣтствуютъ моему настоящему соціальному положенію.

Теперь мнѣ остается только просить *Ваше Сіятельство* положить къ подножью ПРЕСТОЛА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, выраженіе тѣхъ искреннихъ и глубокихъ чувствъ, съ которыми я принимаю ЕГО ЦАРСКУЮ милость—а Вамъ самимъ, изъявить сожалѣніе о томъ, что мнѣ никогда не будетъ суждено доказать *Вашему Сіятельству* свою благодарную и почтительную преданность.

Михаилъ Бакунинъ [82].

22-го февраля 1857 года.

III. В Сибири.

(1857—1861).

47—51. Переезд в Сибирь.

47.

Сего числа в семь с половиною часов вечера арестант, содержащийся в камере № 6-й, отправлен с поручиком Медведевым.

О чем Вашему Превосходительству донести честь имею.

Дежурный по Штабу прапорщик Анисимов.

8-го марта 1857 года.

Его превосходительству господину начальнику Штаба корпуса жандармов. 25 Апреля 1857 г.

48.

Секретный арестант, отправлен, сего числа в $8^1/_2$ часов по полудни, с тяжелым поездом Николаевской железной дороги.

1857 года марта 8-го дня.

Капитан *Толстой*.

49.

от
ШТАБ-ОФИЦЕРА
КОРПУСА ЖАНДАРМОВ
находящегося в г. Омске
№ 8-й.
20 марта 1857 года.
г. **ОМСК.**

О доставленном в г. Омск, секретном арестанте.

Секретно.

28 числа настоящего м-ца, доставлен в г. Омск, поручиком, с.-петербургского жандармского дивизиона — Медведевым, секретный арестант Бакунин, и представлен г. генерал-губернатору Западной Сибири.

О чем имею честь, почтительнейше доложить Вашему Превосходительству.

Майор *Гедде*.

Управляющему III Отделением, Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, Свиты Его Величества, господину генерал-майору и кавалеру Тимашеву 2.

50. Квитанция.

Дана от Штаба отдельного сибирского корпуса, поручику санкт-петербургского жандармского дивизиона Медведеву в том, что секретный арестант присланный г. Шефом корпуса жандармов к г. командиру отдельного сибирского Корпуса при отношении за № 559, 28-го сего марта доставлен в г. Омск исправно и сдан омскому коменданту, вместе с принадлежащею сему арестанту суммою кредитными билетами триста семидесятью руб. серебром.—В удостоверение чего дана сия квитанция с приложением казенной печати в г. Омске Тобольской губернии. 28 марта 1857 года.

Начальник Штаба генерал майор *(Подпись)*.

51.

КОМАНДИРА
ОТДЕЛЬНОГО СИБИРСКОГО КОРПУСА
и
Ген.-Губ. Западной Сибири.
29 марта 1857 года.
№ 15.

Ответ на № 559 о ссыльном Бакунине.

Секретно.

Шефу жандармов, господину генерал-адъютанту и кавалеру князю Долгорукову.

На отношение Вашего Сиятельства от 7-го сего марта № 559, имею честь уведомить, что ссыльный Бакунин доставлен ко мне сопровождавшим его поручиком Медведевым и назначен на поселение Томской губернии в Кийский Округ, где, по приказанию моему, будет подчинен всем тем постановлениям, какие существуют для политических преступников, состоящих на поселении в Сибири [83]).

Генерал от инфантерии *Гасфорд*.

52. Письмо Бакунина кн. В. А. Долгорукову.

Ваше Сіятельство!

Пользуясь отъѣздомъ поручика Медвѣдева, беру смѣлость писать къ Вамъ еще разъ для того, чтобъ въ послѣдній разъ благодарить *Ваше Сіятельство* за могучее ходатайство спасшее меня отъ крѣпостнаго заключенія, и за великодушное снисхожденіе которое я имѣлъ счастіе испытать въ продолженіе моего кратковременнаго пребыванія въ третьемъ Отдѣленіи, и которое сопутствовало мнѣ до самаго Омска, въ лицѣ поручика Медвѣдева. Не мнѣ отзываться и разсуждать объ офицерахъ подчиненныхъ *Вашему Сіятельству*; но не могу умолчать о томъ до какой степени я былъ тронутъ добродушнымъ и внимательнымъ обхожденіемъ поручика Медвѣдева, который умѣлъ соединить строгое исполненіе возложеннаго на него долга съ столь благородною деликатностью, что я, вполнѣ сознавая свою зависимость отъ него, ни разу не имѣлъ случая и почувствовать. Въ назначеніи его моимъ сопутникомъ въ Сибирь, я не могъ не видѣть продолженія той широкой, благородной, истинно русской доброты, которая вызвала меня изъ смерти къ новой, правильной, жизни, и которая, смѣю надѣяться, *Ваше Сіятельство*, не оставитъ меня и въ дальнемъ заточеніи. — Смѣю ли просить *Ваше Сіятельство* переслать приложенное письмо къ матери? Оно хоть нѣсколько успокоитъ ее. Васъ же прошу принять изъявленіе тѣхъ искреннихъ и глубокихъ чувствъ, для которыхъ у меня право не достаетъ выраженій.

Михаилъ Бакунинъ [84]).

Городъ Омскъ,
1857-го года, 29-го Марта.

53. Генерал Казимирский—кн. В. А. Долгорукову.

ИСПРАВЛЯЮЩ. ДОЛЖН.
НАЧАЛЬНИКА
8 ОКРУГА
КОРПУСА ЖАНДАРМОВ.
№ 98.
23 сентября 1857 года.
г. ОМСК.

В Томске находится на жительстве преступник Михаил Бакунин, сосланный туда с лишением прав состояния в начале текущего года.

В проезд мой через Томск, он изложил мне свое стеснительное положение относительно средств его к содержанию себя: чувствуя себя совершенно здоровым и способным трудиться честным образом и тем быть полезным не только для себя, но и для семейства своего, которое теперь должно заботиться об нем и посылать ему от себя—помощь к существованию его,—он просил меня убедительно ходатайствовать у Вашего Сиятельства, еще новой милости для него, чтобы дозволить ему делать поездки по Сибири, так как по существующему положению государственный преступник не может удалиться с места его поселения далее 30 верст без Высочайшего разрешения; а потому всякое торговое или промышленное дело и частная служба становится для него невозможною.

Сделав справку о его поведении и образе жизни, я узнал, что он чистосердечно и глубоко раскаиваясь в прежнем преступлении, чувствует все милосердие над собою Государя Императора и поведением своим заслужил общую похвалу в городе.

На этом основании, входя в его положение, я осмеливаюсь почтительнейше представить на благоусмотрение Вашего Сиятельства его просьбу и письмо, которое получил от него из Томска [85]).

Генерал-маиор *Казимирский*

Шефу жандармов и главному начальнику 3-го Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярци; господину генерал-адъютанту и кавалеру князю Долгорукову 1-му.

54. Письмо Бакунина ген. Я. Д. Казимирскому.

Ваше Превосходительство.
. Милостивый Государь
Яковъ Дмитревичь!

Ободренный снисходительнымъ пріемомъ встрѣченнымъ мною у Васъ, въ г-дѣ Томскѣ, рѣшаюсь прибѣгнуть къ Вамъ съ покорною просьбою, въ надеждѣ что Вы не откажитесъ быть моимъ ходатаемъ передъ высшимъ Начальствомъ.

Милость ГОСУДАРЯ возвратила мнѣ волю и жизнь; пользуясь чистымъ воздухомъ, свободнымъ движеніемъ, и ободренный мыслію, что могу хоть въ нѣкоторой мѣрѣ загладить прошлое, я окрѣпъ здоровіемъ и духомъ.—Теперь мнѣ нужно дѣло и сознаніе что остальные дни моей жизни не протекутъ безполѣзно для семѣйства и общества; мнѣ нужно дѣло собственно для моего духовнаго здоровія, для внутренняго, равно какъ и для внѣшняго соблюденія моего личнаго, человѣческаго достоинства — *Вашему Превосходительству* извѣстно, что во всякомъ возрастѣ и во всякомъ положеніи, бездѣйствіе,—плохой совѣтникъ.—

Наконецъ занятія необходимы мнѣ и какъ средство для жизни, для того чтобъ я могъ освободить многочисленное и небогатое семѣйство свое отъ бремени, наложеннаго на него моею продолжительною и невольною безпомощностію: вотъ ужъ болѣе восьми летъ какъ оно содержитъ меня безъ всякаго вознагражденія съ моей стороны,—да и вся жизнь моя, преданная отвлеченностямъ и запутавшаяся окончательно въ противузаконныхъ направленіяхъ, протекала досѣлѣ безъ всякой для него пользы.—Я сгубилъ свою судьбу, уничтожилъ для себя безвозвратно всякую возможность полезнаго служенія ГОСУДАРЮ и ОТЕЧЕСТВУ,—безвозвратно, ибо я уже не молодъ, мнѣ скоро минетъ 45 лѣтъ, такъ что еслибъ даже неистощимая Милость ГОСУДАРЯ дозволила мнѣ со временемъ снова вступить въ Государственную службу, то и тогда бы я не могъ болѣе надѣяться принесть или пріобресть малѣйшую пользу.—И такъ мнѣ

остается одно: посвятить остальные дни свои пользѣ семѣйства,—стараясь прежде всего освободить его отъ тягости своего содержанія, хоть и не большаго, но для него значительнаго, а потомъ, если мнѣ дастся на то возможность, и если Богу будетъ угодно благословить трудъ мой, возблагодарить его хоть въ малой степени за всю его любовь ко мнѣ, столь мало мною заслуженную,—и за всѣ его безвозмездныя жертвы.

Сибирь, если не ошибаюсь, открываетъ передъ мною, для исполненія сей цѣли, широкое поле. Сибирь благословенный край, хранящій въ себѣ богатства неизсякаемыя, необъятныя, свежія силы, великую будущность, и представляющій нынѣ для умственныхъ, нравственныхъ, равно какъ и для матеріальныхъ интересовъ, предметъ неистощимый. Сибирь можетъ обновить человѣка, она какъ будто дана Провидѣніемъ Россіи для возсозданія судьбы, достоинства и счастія тѣхъ изъ заблудшихъ сыновъ ея, которые посреди своихъ преступныхъ заблужденій, сохранили еще въ себѣ довольно силы и воли для новой правильной жизни.— Таково было мое первое впечатлѣніе, еще более укрѣпившееся во мнѣ пристальнымъ, хоть и не долговремяннымъ и не обширнымъ изученіемъ этаго края,—и таковы мои желанія и мои надежды.

Но осуществить ихъ я до тѣхъ поръ не буду въ силахъ, пока ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ новою милостію, не соблаговолитъ устранить отъ меня тѣ препятствія, которыя нынѣ меня связываютъ. По существующему законоположенію, ни одинъ Государственный преступникъ не можетъ удалиться отъ мѣста своего поселенія, далѣе чѣмъ на 30 верстъ, безъ особеннаго на то ВЫСОЧАЙШАГО разрѣшенія; такимъ образомъ всякое полѣзное предпріятіе, торговое или промышленное, всякая служба по частнымъ дѣламъ, становятся для него невозможными.—Кромѣ того, особенною инструкціею, воспрещается политическимъ поселенцамъ искать занятій по деламъ золотопромышленности; но въ настоящее время, въ Сибирѣ, для человѣка не имѣющаго собственнаго капитала, есть только два занятія: по откупамъ, или по золотопромышленности. По откупамъ врядъ ли порядочный человѣкъ, съ благородными чувствами и

щекотливою совѣстію, рѣшится искать службы;—въ нихъ слишкомъ много грязи.—Въ золотопромышленности же напротивъ, я думаю, можно умною и честною службою, не только достигнуть пользы для себя, но и принесть даже общественную пользу, подавая примѣръ пріобретенія безъ обмана и безъ противузаконнаго утѣсненія рабочаго класса. Я бы съ радостію и со всемъ присущимъ во мнѣ жаромъ бросился въ такую дѣятельность, еслибъ имѣлъ на то возможность и право; возможность безпрепятственно разъѣзжать по Сибирѣ, и право, подъ своимъ собственнымъ имянемъ, заниматься дѣлами.

Но какимъ образомъ ихъ достигнуть?—Просить о новой милости ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА уже разъ столь неожиданно и столь великодушно меня облагодѣтельствовавшаго, я не смѣю,—и потому решаюсь прибѣгнуть къ предстательству *Вашего Превосходительства*, надѣясь что Вы не откажитесь замолвить за меня доброе слово *Его Сіятельству князю Долгорукову*, ходатайству котораго я уже обязанъ свободою. — Теперь я прошу о довершеніи этой свободы, о возвращеніи жизнѣ моей, съ возможностію дѣла, смысла, достоинства и содержанія, — прошу, однимъ словомъ, о позволѣніи сдѣлаться человѣкомъ полѣзнымъ.

Не мнѣ судить о томъ заслужилъ ли я, въ короткое время моего пребыванія въ Сибирѣ, довѣріе *Вашего Превосходительства*, и достоинъ ли я новой ЦАРСКОЙ милости. Могу сказать только одно: желанія и чувства, мною здѣсь высказанныя, искренни, и всею остальною жизнію постараюсь я доказать чистоту своихъ намѣреній и глубину своей благодарности моему БЛАГОДѢТЕЛЮ.—ГОСУДАРЮ.

Еще разъ предавъ судьбу свою въ руки *Вашего Превосходительства* и въ крѣпкой надеждѣ на *Вашу* помощь, прошу Васъ принять увѣреніе въ моей почтительной преданности [86]).

Михаилъ Бакунинъ.

1857-го года 12-го августа.
Г-дъ Томскъ.

55. Извлеченіе изъ письма Михаила Бакунина матери.

Благословите меня, я хочу жениться. Вы удивитесь— в моем положении жениться! Не бойтесь, своим выбором я не навлеку на себя несчастия, ни на Вас бесчестия. Девушка, которая согласилась соединить свою судьбу с моею, образована, добра, благородна; посылаю портрет ее. Отец ее *Квятковский* служит более 12-ти лет по частным делам у золотопромышленника Асташева — белорусский дворянин, жена его полька, но без ненависти к России и католичка без римского фанатизма. Благословите меня без страха: мое желание вступить в брак да служит Вам новым доказательством моего обращения к истинным началам положительной жизни и несомненным залогом моей твердой решимости отбросить все, что в прошедшей моей жизни так сильно тревожило и возмущало Ваше спокойствие. За будущее я не боюсь; у меня есть голова, воля—достанет и уменья; с твердым намерением можно всему научиться; но как и чем буду я содержать жену, семейство в первые годы?—Вы маминька не богаты, детей же у Вас много, и так, несмотря на безграничную уверенность в Вашем желаніи помочь мне, я много надеяться на Вас, в этом случае, не должен и не могу; сам же, связанный по рукам и по ногам недоверием начальства, на которое жаловаться не могу, потому что оно вполне мною заслужено, я не мог положить даже и начала будущего полезного дела и живу средствами, которые Вы, отнимая их у себя, посылаете мне, но которые для содержания семейства были бы слишком неопределенны и недостаточны. Я поселенец, прикованный к одному месту и живущий доселе в принужденном бездействии, не могу дать своей жене ни имени, ни даже материального благосостоянія. Не поступилъ-ли я с неблагоразумною поспешностию, предложив ей теперь мою руку?—По видимому и по обыкновенной людской логике, кажись, что такъ; но внутреннее чувство говорит мне, что нет, и я верю в него; с полною верою предаюсь благодушию правительства, которое, раз спасши меня от крепостной смерти, не откажетъ мне теперь в средствахъ начать новую жизнь и не воспрепятствуетъ мне искать нового счастия на пути законном, правильном и полезном [87]).

56. Министр внутренних дел С. Ланской Главному начальнику III отделения.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.

ДЕПАРТАМЕНТ
ПОЛИЦИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ.

Отделение 2
Стол 2
1 мая 1858 года.
№ 2072.

О ссыльнопоселенце Бакунине.

Генерал-губернатор Западной Сибири представляет, что лишенный прав состояния и сосланный по Высочайшему повелению, в Сибирь на поселение бывший прапорщик Михаил *Бакунин*, во все время своего там пребывания вел себя вполне безукоризненно и обнаруживал постоянно самый скромный образ мыслей и искреннее раскаяние в своих заблуждениях, посему, признавая его заслуживающим облегчения участи и желая дать ему возможность употребить свои дарования на пользу отечества, ходатайствует об испрошении Всемилостивейшего разрешения на определение поселенца Бакунина в гражданскую службу по Западной Сибири, канцелярским служителем, без возвращения ему дворянства и с оставлением под секретным надзором.

Имею честь препроводить при сем означенное представление за № 78 к Вашему Сиятельству на усмотрение, покорнейше прося о последующем почтить уведомлением, с возвращением приложения.

Министр внутренних дел *С. Ланской* [88])

Директор *(подпись)*.

57. Письмо М. Бакунина ген. Озерскому.

Ваше Превосходительство!

Снисходительное вниманіе, оказанное Вами мнѣ въ бытность Вашу въ г-дѣ Томскѣ, даетъ мнѣ нынѣ смѣлость обратиться къ Вамъ съ всепокорнѣйшею просьбою. — *Ва-*

шему Превосходительству извѣстно что я намѣренъ жениться на молодой дѣвушкѣ, которая, несмотря на всю незавидность моего политическаго и въ слѣдствіе того и общественнаго положенія, руководимая единственно великодушною привязанностію, решилась соединить свою судьбу съ моею судьбою.—Послѣ многихъ и довольно бурныхъ испытаній поглотившихъ мою молодость и приведшихъ меня къ извѣстному Вамъ результату, я не былъ въ правѣ ожидать для себя такого счастія, и отнынѣ единственною цѣлію остальныхъ дней моихъ, единственнымъ предметомъ всѣхъ моихъ помышленій должно быть и будетъ устроеніе возможнаго счастія, довольствія и благосостоянія того существа, которое даруя мнѣ какъ бы новую жизнь, возбудило во мнѣ и новый интересъ къ жизнѣ.—*Вашему Превосходительству* не безизвѣстно также, что Антонія Ксаверіевна Квятковская, уже нѣсколько месяцовъ передъ симъ, признана всѣми въ Томскѣ моею невѣстою,—и, оставивъ въ сторонѣ мои собственныя желанія и чувства, одна публичность таковыхъ отношеній,—репутація столь для меня драгоцѣнная дѣвушка мною любимой, требуетъ скорѣйшаго довершенія начатаго дѣла.—Но жениться я не могу, пока не буду сознавать себя въ силахъ упрочить существованіе жены и семейства: ни у меня, ни у ней нѣтъ ничего; я долженъ буду жить и содержать ее своими трудами,—и ничего не желаю я такъ пламенно какъ дѣльнаго труда, который, поглотивъ всю ту дѣятельность, къ которой я чувствую себя способнымъ, далъ бы мнѣ вмѣстѣ и средства для безбѣдной жизни;—но до сихъ поръ я не могъ найти никакаго, такъ какъ политическія условія моего жительства въ Томскѣ, рѣшительно не позволяютъ мнѣ посвятить себя какому бы то не было дѣловому и вмѣстѣ хлѣбному занятію.—Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ найти такаго рода дѣятельность, я окончательно убѣдился что она только тогда сдѣлается для меня доступною, когда мнѣ будетъ дозволено отлучаться изъ мѣста назначеннаго для моего жительства. Въ Сибирѣ, кажется, другихъ значительныхъ дѣлъ нѣтъ, кромѣ транситной торговли, откуповъ и золотыхъ промысловъ. Къ первой я не приготовленъ ни наукою, ни жизнію; къ откупнымъ дѣламъ не чувствую въ себѣ ни способности,

ни охоты. Остаются золотые промыслы; но для того чтобъ заниматься ими, необходимо посѣщать Восточную Сибирь, а я лишенъ этаго права; кромѣ того, лишенный всякихъ правъ, какъ политическій поселенецъ, я не могу ни получать довѣренностей, ни заниматься какими бы то не было дѣлами, подъ своимъ имянемъ.

Вашему Превосходительству равно извѣстно, что, черезъ посредство Генерала Казимирскаго, я приносилъ уже разъ покорную просьбу по сему предмету, къ Генералъ-Адъютанту и шефу Жандармов, *Его Сіятельству князю Долгорукову*, и что получилъ, на первое исканіе мое, отказъ. Теперь побуждаемый столь для меня важными и, для всей будущности моей, столь рѣшительными обстоятельствами, ободренный равно и великодушною снисходительностію оказанною мнѣ *Вашимъ Превосходительствомъ*, осмѣливаюсь приступить къ Вамъ съ новою просьбою.

Я не въ правѣ можетъ быть разбирать причины полученнаго мною отказа, но мнѣ кажется что онъ единственно долженъ быть приписанъ недовѣрію высшаго Начальства къ моему обращенію. Во мнѣ еще предполагаются чувства, намѣренія и стремленія которыя давно уже изглажены изъ моего сердца и тяжкими испытаніями не очень счастливой жизни, и долгимъ размышленіемъ, а болѣе всего, пламеннымъ и неугасаемымъ чувствомъ благодарности и преданности к благодушному и милостивому ГОСУДАРЮ возвратившему мнѣ свободу. Какимъ образомъ увѣрю я Правительство въ искренности моихъ чувствъ?—Слова ничего не доказываютъ, для дѣлъ же, имянно въ слѣдствіе того положенія въ которомъ я нахожусъ нынѣ, у меня нѣтъ никакихъ средствъ. Мнѣ кажется что одно мое намѣреніе жениться могло бы служить доказательствомъ моей твердой рѣшимости посвятить остальную жизнь мирнымъ и законнымъ занятіямъ, но кто можетъ представить это лучше высшему начальству, какъ не *Ваше Превосходительство!* — Ваше предстательство окажетъ мнѣ безъ сомнѣнія огромную помощь; оно можетъ спасти меня изъ состоянія почти безвыходнаго, — и не имѣя другой защиты, я долженъ прибѣгнуть къ Вашему великодушному покровительству.

По кратковременности пребыванія Вашего въ Томскѣ, я мало имѣю честь быть знакомымъ *Вашему Превосходительству*; но Вы вѣрите въ честь людей, а я даю Вамъ честное слово что никогда не подамъ Вамъ повода раскаяваться въ томъ что Вы для меня сдѣлаете.

Съ полною вѣрою предаю свою судьбу в руки *Вашего Превосходительства* и остаюсъ *Вашего Превосходительства* покорнымъ слугою [89]).

Михаилъ Бакунинъ.

14-го Мая 1858 г.
Г-дъ Томскъ.

---

58. Письмо М. Бакунина В. А. Долгорукову.

Ваше Сіятельство.

Удостоенный чести видѣться и проститься съ Вами передъ отправленіемъ меня изъ С-кт-Петербурга въ Сибирь, я былъ утѣшенъ словами *Вашего Сіятельства*, возбудившими во мнѣ надежду, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, столь милостиво освободившій меня изъ крѣпостнаго заключенія, соблаговолитъ, можетъ быть, со временемъ еще болѣе облегчить мою участь.—Полгода спустя по моемъ прибытіи въ Томскъ, я, кажется слишкомъ рано, просилъ о дозволеніи мнѣ свободнаго разъѣзда по Сибирѣ и о правѣ посвятить свободное, ни чѣмъ не занятое время дѣламъ промышленнымъ и торговымъ.—Такая поспѣшность съ моей стороны, послѣ великаго ЦАРСКАГО благодѣянія, только что возвратившаго мнѣ свободный воздухъ и свѣтъ Божій, была безъ сомнѣнія большою ошибкою:—Я могъ показаться неблагодарнымъ, нечувствительнымъ къ милости ГОСУДАРЯ, или не сознательнымъ важности своего преступленія. Съ покорною и вѣрующею терпѣливостію долженъ былъ я ожидать всего отъ ЦАРСКАГО благодушія,—Я поступилъ неблагоразумно;—но нужно ли мнѣ увѣрять *Ваше Сіятельство*, что не очерствелость сознанія и чувства была виною таковой поспѣшности, а только жажда дѣла, которое могло бы дать смыслъ моему нынѣшнему безцѣльному существованію,—и пламенное желаніе освобо-

дить, какъ можно скорѣе, мое небогатое и многолюдное семейство, отъ тягости моего содержанія.—Мнѣ было отказано.

Нынѣ я принужденъ возобновить мою просьбу, обстоятельствами, *Вашему Сіятельству* без сомнения извѣстными.—Милая и добрая дѣвушка привязалась ко мнѣ, и любовью своею, обѣщаетъ мнѣ въ будущемъ счастіе, на которое, ни по лѣтамъ, ни по положенію, я расчитывать не могъ.—Я желаю на ней жениться. Но для этаго, кромѣ разрѣшенія высшаго начальства, я долженъ еще испросить право и возможность заниматься дѣлами, и трудомъ своимъ пріобретать средства для содержанія семейства.—Иначе мнѣ жениться будетъ не возможно.—Слѣдуя порядку, я ужъ обратился съ просьбою по сему предмету къ его Превосходительству Господину Томскому Гражданскому Губернатору, — а нынѣ осмѣливаюсъ обратиться прямо къ *Вашему Сіятельству*, прося *Васъ* извинить великодушно смѣлость, внушенную мнѣ Вашею столь извѣстною добротою и благороднымъ снисхожденіемъ, оказаннымъ Вами мнѣ въ прошедшемъ.

Ваше Сіятельство!—Отъ Васъ зависитъ теперь вся участь моя и возможное счастіе всей моей будущей жизни. Не откажите мнѣ, будьте для меня теперь помощникомъ и спасителемъ, какъ Вы были имъ ужъ разъ, когда рѣшался вопросъ, важнѣе для меня вопроса о жизни и смерти, вопросъ о свободной жизни или о ежедневной нравственной пытки въ пожизненномъ крѣпостномъ заключеніи. Одно Ваше слово воскрѣситъ меня безъ сомнѣнія теперь какъ и тогда, и, открывъ передъ мною широкое и законное поприще для новой, правильной, полѣзной и счастливой дѣятельности и жизни, дастъ мнѣ возможность сдѣлаться вновъ человѣкомъ,— И тогда дѣломъ, а не словами только, постараюсъ доказать, какъ глубоко умѣю ощущать благодарность, и какъ крѣпко и свято намѣренъ держать свое честное слово и свою клятву [90]).

Михаилъ Бакунинъ.

16-го Іюня 1858 г.
Г-дъ Томскъ.

---

59. Письмо Н. Н. Муравьева-Амурского В. А. Долгорукову.

Милостивый Государь
Князь Василий Андреевич!

С сим же курьером повергая на Высочайшее воззрение договор, заключенный мною с китайскими уполномоченными о возвращении России Амура, я поспешаю уведомить Ваше Сиятельство об этом счастливом событии и окончании дела, в котором Вы всегда изволили принимать живое участие.

Естли договор этот удостоится Высочайшего одобрения и Государевой милости к исполнителям, то я имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство ходатайствовать перед Его Величеством, в личную и лучшую для меня награду прощение с возвращением прежних прав состояния остающимся еще в Восточной Сибири государственным преступникам: Николаю Спешневу, Федору Львову, Михайле Буташевичу-Петрашевскому и сосланному в г. Томск родственнику моему Михайле Бакунину.

Примите уверение в искреннем уважении и душевной преданности, с коими имею честь быть Вашего Сиятельства

покорнейший слуга *Николай Муравьев* [91].

Мая 18 дня 1858 года.
Благовещенск на Амуре.

60. Письмо В. А. Бакуниной В. А. Долгорукову.

Ваше Сиятельство!

Ходатайству Вашему и милосердию Государя я уже обязана жизнью сына моего Михаила. Освобожденный из вечного заключения, проведши въ моем доме один незабвенный день, он в дальнем крае воскрес телом и душою, нашел деятельность и семейное счастие. Зная его в таком положении, я спокойно переносила необходимую разлуку, надеясь дожить до той счастливой минуты, когда он заслужит, чтобы милосердие Государя, не забывающего несчастных, вновь осенило его и возвратило мне вполне прощенного. Ныне же надежда эта меня покидает: лета, тревоги, долгое горе и минутная радость разрушили мое здоровье,

и недуг, обнаружившийся во мне нынешним летом, не обещает мне много дней в сей жизни. Мысль о том, что я должна умереть, не простясь с сыном и не благословив его в последний раз, и еще более мысль о будущей судьбе его несчастных детей, непричастных его вине, отравляет мои последние дни и дает мне решимость вновь обратиться к Вам.

Василий Андреевич! Не осудите меня за неумеренность желаний, вспомните, что я мать, — готовлюсь к смерти, и не имею и не могу иметь никаких других помышлений, желаний и радостей, кроме счастия моих детей. Может быть я желаю невозможного, прося полного прощения сыну;— но мы веруем, что сердце Царя—в руках Бога, который милосердию не полагал пределов. Согласитесь же и на сей раз, как прежде, быть предстателем моим пред милосердным Государем—и, может быть, Господь поможет Вам.

Примите с благосклонным участием эту, по всей вероятности, последнюю мою просьбу, и чтобы по воле Государя на нее ни воспоследовало,—позвольте мне сказать Вам в последний раз, что благодарность за сделанное Вами для меня не умрет во мне и по смерти

Варвара Бакунина [92]).

1859-го года, сентября 5-го дня.
Г. Торжок.

61. Переезд М. Бакунина в Иркутск.

Список с отношения Председательствующего в Совете главного управления Западной Сибири г., генерал-губернатору Восточной Сибири от 23 Апреля 1859 г. за № 62.

Вследствие просьбы, из государственных преступников, канцелярского служителя Михаила Бакунина о выдаче ему подорожной на проезд в г. Иркутск, для поступления там в гражданскую службу, томский гражданский губернатор, снабдив Бакунина видом на свободное проследование в г. Иркутск, сообщил о сем начальнику тамошней губернии.

Честь имея довести о сем до сведения Вашего Сиятельства, долгом считаю присовокупить, что упомянутый Бакунин, быв отставным прапорщиком, предан законному суду за самовольное пребывание за границею и преступные там сношения с обществом злонамеренных людей, за что, по

Высочайше утвержденному 12 декабря 1844 г. мнению Государственного совета, приговорен к лишению чина и дворянства и ссылке, в случае явки в Россию, в Сибирь в каторжную работу. Но благополучно царствующий ныне Государь Император, во Всемилостивейшем внимании к раскаянию сего преступника, изволил оказать облегчение его участи, повелев ссылку в каторжную работу заменить отправлением в Сибирь на поселение.

По доставлении Бакунина в г. Омск, он, 30 марта 1857 г., отправлен в Томскую губернию, где и причислен на поселение к Нелюбинской волости, Томского округа, но проживал по болезни в г. Томске, под строгим надзором местной полиции, а по ходатайству г. генерал-губернатора Западной Сибири, Бакунину Всемилостивейше разрешено, как видно из отношения г. министра внутренних дел от 29 мая м. г. за № 138, поступить в гражданскую службу в Сибири, по примеру других политических преступников канцелярским служителем четвертого разряда с продолжением учрежденного над ним надзора [93]).

62. Письмо Н. Н. Муравьева-Амурского В. А. Долгорукову.

14 ноября 1860 года,

Милостивый Государь
Князь Василий Андреевич!

Давно мне писал г. м. Корсаков о желании Вашего Сиятельства, чтобы для Завалишина сделано было, что возможно по его просьбам, а вчера я имел честь получить Ваше письмо 6-го сентября с Запискою о его желаниях, но к сожалению и до сих пор я ничего для него не могу ни сделать, ни ходатайствовать, потому, что он ни об чем меня не просит, а в Высочайше утвержденном положении Сибирского комитета, о котором изволите упоминать в письме Вашем сказано: «предоставить В. С. если Вы М. Г., с своей стороны изволите признать, что Завалишин действительно оказал какие либо особые правительству услуги, войти с представлением в Сибирский комитет о предоставлении Завалишину, и то не иначе как по его

просьбе, каких либо, по ближайшему Вашему усмотрению, облегчений относительно выдачи данной на дом и место принадлежащее Завалишину в Чите, если только предоставление подобных облегчений не будет зависеть от власти самого генерал-губернатора».

Разумеется, что и при прошении Завалишина, встретится затруднение к исполнению в точности этого положения Комитета, ибо, по мнению моему, он никогда не оказал правительству никаких услуг, кроме вреда, но по крайней мере, если он подаст мне просьбу, то я могу ее представить в Комитет без всякого моего мнения о его заслугах, ибо при всем желании сделать Вам угодное, я не могу говорить против совести и убеждения.

Для отъезда в Петербург я жду окончательных известий из Пекина и возвращения сюда г. м. Корсакова, ибо здоровье мое становится день ото дня хуже, и мне необходимо как можно скорее уехать на юго-запад; поэтому я поспешил представить в Сибирской Комитет некоторые предположения мои, составленные по поручению Комитета и привезу еще весьма немного с собою, чтоб рассмотрение этих предположений не задержало меня в столице, ибо климат мне не менее вреден, как и сибирской.

Позвольте мне при этом случае повторить мою просьбу о помиловании Бакунина, я так много уже говорил лично Вашему Сиятельству об нем, что повторять о причинах моей просьбы не буду, но скажу только к прежнему и то, что Бакунин один может быть не пишет никому ложных доносов или дерзких просьб, которых по моему мнению высшее правительство терпеть не должно, и которые ни в каком случае не составляют услуги Правительству [94]).

С истинным уважением и совершенною преданностию
имею честь быть Вашего Сиятельства
покорнейший слуга

Г. Николай Муравьев-Амурский.

10-го октября 1860-го года.
Г. Иркутск.

63. Прошение царю В. А. Бакуниной.

Ваше Императорское Величество

Всемилостивейший Государь!

Великодушие незабвеннаго Отца Вашего возвратило мне сына из верной гибели австрийских тюрем. Ваше милосердие Государь положило конец его заключению, дозволило мне обнять его, прежде отправления в далекий и суровый край, и поселило в сердце моем надежду на возможность еще большей милости в будущем. С тех пор, я четыре года молюсь Богу и живу только надеждою вновь обнять и благословить сына под кровом отца его, уже отшедшего в лучший мир. Годы и болезнь быстро приближают и меня к смерти, а если Бог судил исполниться моей надежде, то она должна исполниться скоро. Призываю Бога в помощь и решаюсь в последний раз просить Вас, Государь, о последней милости.—Дозвольте сыну моему Михаилу ныне уже не пылкому молодому человеку, а семьянину, возвратиться в дом мой, дозвольте ему провести со мною те немногие дни, которые мне осталось прожить, и пусть Бог пошлет такой же полный успех Вашим великим начинаниям, какое полное утешение Вы тем даруете сердцу бедной матери.

Предаю судьбу свою и сына Богу и Вашему милосердию.

Вашего Императорского Величества
верноподданная

Варвара Бакунина [95]).

20-го апреля 1861 года.

IV. Побег.

Побег Бакунина из Сибири.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Материалы, рисующие картину побега Бакунина из Сибири, ограничивались до последнего времени лишь теми документами, которые хранились в IV части «дела» архива б. III отделения. Так как к следствию по делу о побеге была привлечена морская администрация края, то все материалы, по получении их из Сибири, направлялись Управлявшему Морским Министерством Н. Краббе. После того, как картина побега, по мнению Н. Краббе и Долгорукова, была достаточно выяснена, они совместно составили доклад царю, весь же следственный материал остался в Морском Министерстве, в виде «Дела о побеге за границу политического преступника Бакунина». Дело это состоит из 4 томов неравномерного объема В I томе—195 полулистов, во II—68 полулистов, в III—94 полулиста, IV том является приложением к первым трем; в нем находятся две препроводительные бумаги и краткое извлечение из переписки и следственного дела о побеге, составленные полковником Шульманом.

Наиболее ценный материал представляет собой объемистая «записка», заключающая подробный и детальный протокол всего следствия. Эту записку мы воспроизводим, сверив с подлинниками те документы, которые в эту за-

писку включены. Записка эта исчерпывает почти весь официальный материал, имеющийся о побеге Бакунина как в делах б. III Отделения, так и в делах б. Морского Министерства.

Следствие велось более двух лет и, как увидим ниже, полной картины побега не выяснило.

Объявив «в сердцах» выговор Корсакову, и. д. ген.-губернатора Восточной Сибири, и Козакевичу, военному губернатору Приморской области, царь поручил последнему «лично произвести» следствие, «дабы разобрать подробности, каким образом была допущена такая непростительная оплошность».

Следственное дело, по окончании переданное Козакевичем Корсакову, последним было доставлено Управляющему Морским Министерством Н. Краббе, который результаты исследования в виде записки, резюмировавшей следствие, доложил царю. 5 ноября царь, ознакомившись с запиской, наложил резолюцию: «Записку эту сообщить князю Долгорукову для передачи статс-секретарю князю Голицыну. По моему мнению, упущение, если не злонамерение всех лиц, замешанных в этом деле, столь непростительно, что необходимо подвергнуть их строжайшему расследованию и должному взысканию» (дело б. арх. III отд., ч. IV л. 35). Во исполнение этой резолюции следственное дело перешло к князю Долгорукову, вместе с письмом аудитора Котюхова, которое последний направил непосредственно в столицу на имя флота генерал-аудитора, и с объяснениями лейтенанта Афанасьева.

Письмо Котюхова, полученное в Петербурге, помимо Козакевича и Корсакова, и было причиной новых подозрений, не позволивших удовлетвориться произведенным следствием.

От Долгорукова дело перешло к князю А. Ф Голицыну, под председательством которого следственная комиссия

занималась доследованием обстоятельств побега. По окончании работ комиссии дело перешло для нового доследования Управляющему Морским Министерством Н. Краббе. У царя явились подозрения, что побег Бакунина был организован при участии некоторых официальных лиц, и в бумаге Голицына (дело б. арх. III отд. ч. IV, лист. 47) Долгорукову глухо говорится об имеющихся якобы сведениях *«о сношениях политического преступника Бакунина с некоторыми лицами в Восточной Сибири»*. Сведения эти были почерпнуты из письма В. Котюхова. В феврале 1863 года «строжайшее расследование дела относительно побега государственного преступника Бакунина за границу» было, по повелению царя, поручено самому ген.-майору Корсакову (отношен. В. А. Долгорукова Управляющему Морским Министерством Н. Краббе от 27 февраля 1863 г. № 682, лист 85, ч. IV, дело б. арх. III отд.). Это повеление вызвало секретную справку от Н. Краббе, из которой видно, что Краббе указывал царю на щекотливость поручения следствия именно Корсакову, так как в замечаниях комиссии Голицына упоминались «некоторые упущения» в этом деле самого генерала Корсакова. Царь разрешил вопрос следующим образом: «сообщить генерал-майору Корсакову выписку из вышеозначенных замечаний следственной комиссии под председательством статс-секретаря действительного тайного советника князя Голицына, исключив из нее все, относящееся непосредственно до исправляющего должность ген-губернатора ген.-майора Корсакова» (справка из секретного производства по управлению флота генерал-аудитора о побеге политического преступника Бакунина из Николаевска за границу, ч. IV, лист 133, дело б. арх. III отд.).

5 марта 1863 года следственные материалы были препровождены Корсакову

4 февраля 1864 года Корсаков доставил шефу жандармов вновь произведенное следственное дело в двух томах с запиской, резюмирующей следственный материал, составленный по его приказанию полковником Шульманом. По заключению Корсакова виновниками оказались: капитан Петровский, мичман Бронзерт, капитан Сухомлин и лейтенант Афанасьев.

Долгоруков и Краббе в заключении своем признали виновными лишь Бронзерта и Афанасьева, которые, по повелению царя, и были подвергнуты наказаниям.

На этом дело закончилось.

Изучая теперь эти материалы, мы видим, что некоторые вопросы, поставленные следствием, остались невыясненными. Это, впрочем, было ясно и Н. Краббе, в своем «заключении» отмечавшему это обстоятельство.

Совершенно неясным и нераскрытым остался вопрос, не лишенный исторического интереса: удался ли побег Бакунину случайно, просто потому, что ему «повезло», или побег, без сучка—без задоринки совершенный, только потому и удался, что Бакунину помогали? Указания на пособничество в деле имеются. Любопытнее всего то, что следствие, столь «тщательно» искавшее виновников, упорно не хотело этими указаниями заняться. Мы говорим об именах некиих Хитрово и Филипеуса, чиновников Управляющего Приморской областью, на которых в доносе Вебера имеются прямые указания, как на пособников побегу Бакунина. Следствие даже краешком не коснулось этого вопроса, и Хитрово с Филипеусом остались в стороне. Их не приглашали даже для простого опроса, а если и приглашали, то в «деле» никаких следов их опроса не сохранилось. Не опрашивался также и ряд других лиц, знавших Бакунина. В «деле» имеется переписка, указывавшая на то, что некоего надворного советника Бодиско, чиновника в Ни-

колаевске, во время своего там пребывания, часто посещал Бакунин. Об этом Бодиско в следственном деле ни звука. Нет ни звука также об инженер-механике Маюрове, с которым на одном пароходе прибыл в Николаевск 2 июля Бакунин и на которого ссылается в доносе своем Вебер. Из материалов дела явствует совершенно очевидно, что в Николаевске у Бакунина были широкие знакомства. Бакунина здесь знали, как ссыльного. Знал это и Бодиско, у которого бывал Бакунин, знали это многие другие и в том числе лейтенант Афанасьев, по докладу которого Бакунину разрешено было выехать из Николаевска.

Мы не высказываем здесь утвердительно гипотезы о том, что побег Бакунина был организован с участием третьих лиц, оставшихся неизвестными. Мы утверждаем лишь, что следственный материал оставил неосвещенными некоторые вопросы, и картина обстоятельств, сопутствовавших побегу, остается неясной. Во всяком случае, возможность пособничества побегу Бакунина со стороны некоторых лиц в Николаевске не исключена.

64. Первое извещение о побеге.

ШТАБ-ОФИЦЕРА
КОРПУСА ЖАНДАРМОВ
находящегося
в Иркутской губернии.

17 сентября 1861 года.
№ 39.
ИРКУТСК

Состоявший на службе при здешнем откупе Михаил Бакунин, с разрешения Исправляющего должность генерал-губернатора Восточной Сибири, свиты Его Величества генерал-маиора и кавалера Корсакова, уволен был по собственным делам на Амур; заехав предварительно в Кяхту, был у некоторых тамошних купцов, и как слышно взял от них комиссию,—у купца Сабашникова и некоторых других, за что получил, как говорят, около 3.500 рублей и отправился до Николаевска.

Слухи дошли в Иркутск, что Бакунин воспользуясь разрешением генерал-губернатора ехать только до Николаевска, употребил во зло к нему доверие: сел на судно и отправился в Декастри, откуда отплыл в Америку; толки эти, хотя могут быть здесь и неверны, но подтверждаются приехавшими с Амура.

О чем имею честь почтительнейше донести Вашему Сиятельству [96]).

Подполковник *Дувинг.*

Иркутск.

Шефу жандармов и Главному начальнику III-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии господину генерал-адъютанту и кавалеру князю Долгорукову 1-му.

65. Письмо ген. Корсакова В. А. Долгорукову.

Милостивый Государь
Князь Василий Андреевич.

Обстоятельство, крайне обеспокоившее меня побуждает сообщить Вашему Сиятельству известие, дошедшее до меня, по распространившимся слухам, хотя и не подтвердившимся еще официальным путем. Известие это состоит в том, что известный г-н Бакунин, находившийся на Амуре по собственным делам, сел в Николаевске на казенный клипер «Стрелок», отправлявшийся в гавань Декастри, где, пересев на иностранное судно, ушел в море на юг от гавани Декастри

Чтобы разъяснить Вашему Сиятельству основательность настоящих опасений моих относительно возможности побега Бакунина, позвольте сообщить некоторые подробности, сопровождавшие дозволение ему отправиться на Амур.

С самого приезда моего из С.-Петербурга в Иркутск и вступления в управление вверенным мне краем я поставил Бакунина относительно себя в то положение, в котором он должен был находиться. Затрудняясь в содержании себя и семейства своего, Бакунин поступил на службу по золотопромышленности к г-ну Бернардаки (это было еще в начале прошлого года), но (так как получая жалованье, он вместе с тем не получал в течение года никакого занятия, что имело весьма неприличный вид), то еще в бытность в Иркутске графа Николая Николаевича Бакунин нашел необходимым отказаться от занимаемого им места, и братья его, как мне известно, дали вексель Бернардаки на уплату всей суммы, которую Бакунин забрал из откупного управления в счет своего содержания, следующего ему за то время, которое он считался на службе у г-на Бернардаки. Вслед за сим Бакунин неоднократно обращался ко мне по поводу затруднительного положения своего и, наконец, весною нынешнего года объявил мне, что один из Кяхтинских купцов *) предлагает ему порядочное содержание

*) Сабашников.

и на первый раз одну тысячу рублей сер. (в том числе путевые расходы), если он примет на себя поездку на Амур с целью осмотра и определения местных условий для предполагаемых им на Амуре промышленных и торговых предприятий, вследствие чего Бакунин просил дозволения моего отправиться туда.

По первому впечатлению, какое произвела на меня просьба Бакунина, я выразил ему неудобство поездки на Амур вследствие настоящего положения его, но Бакунин, ссылаясь, что ему разрешено вступить на государственную службу в Сибири, не ограничиваясь какою-либо в ней местностью, и, вместе с тем, угадывая мысль мою в неудобности иметь за ним там полицейский надзор, показал себя глубоко оскорбленным и стал представлять мне сверх того, что в Иркутске остается у него любимая жена, которую он никак не решится оставить, что, если он и желает ехать на Амур, то только потому, что не видит других средств к существованию и просил принять участие в его затруднительном положении. Зная, что хотя образ мыслей Бакунина во многом заслуживал упрека, но что в Сибири он всегда пользовался репутациею человека, неспособного на поступок бесчестный, я потребовал от Бакунина честное слово, что он не употребит во зло невозможности повсеместного бдительного надзора за ним в обширной Амурской стране, и что до окончания навигации он возвратится в Иркутск. Бакунин несколько раз дал мне честное слово в исполнении моего требования.

Не менее того в то же время было сообщено о поездке Бакунина местному приморскому начальству.

Отправление Бакунина из Николаевска морем в Декастри, переход его там на иностранное купеческое судно и отправление на нем в море дают мне повод полагать, что справедливость слухов о побеге его имеет некоторое основание, и что он, презрев данное им мне честное слово, ушел за границу.

Обстоятельство это крайне тревожит меня и хотя, повторяю, я не имею еще никаких официальных сведений о бегстве Бакунина, но считаю обязанностию сообщить Вашему Сиятельству о всем вышеизложенном и, если опасения мои

подтвердятся то прошу доложить Государю Императору, что, признавая себя вполне виновным в упуске Бакунина, доверившись его клятве, хотя и сделал это единственно в уважении крайне стеснительного его положения в содержании себя и семейства своего честным трудом; самою тяжелою для меня мыслию в этом случае есть то, что этою моею непредусмотрительностью я подвергнусь неудовольствию Его Величества, исполнения воли которого считал и считаю для себя всегда постоянною и священною обязанностию [97]).

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего Сиятельства покорнейший слуга

Михаил Корсаков.

Иркутск, 17 сентября 1861 года.

66. Заключение следственной комиссии А. Ф. Голицына.

Секретно.

Милостивый государь
князь Василий Андреевич.

Ваше Сиятельство, изволите быть известны, что состоящая под председательством действительного тайного советника статс-Секретаря князя Голицына комиссия, рассмотрев следственное дело и некоторые полученные по оному в Морском Министерстве сведения относительно побебега за границу политического преступника Бакунина, нашла:

1) Исправляющий должность генерал-губернатора Восточной Сибири свиты Его Величества генерал-майор Корсаков *4-го июня 1861 года* выдал Бакунину *открытое предписание*, по которому все командиры казенных пароходов, находившихся в плавании по рекам Шилке, Амуру, Усури и Сунгари, обязаны были принимать его на пароходы *без всякого препятствия и с будущим*.

На каком основании выдано Бакунину *такое открытое предписание* и почему дозволено ему беспрепятственно совершить поездку на *казенных* пароходах, без означения

цели его путешествия, времени, какое разрешено пробыть в оном и мест, в коих он мог быть, из дела не видно, и генерал-майор Корсаков об этом не спрошен.

Между тем представляются следующие соображения: 1) *Бакунин принадлежит к числу важных политических преступников* и хотя впоследствии, по Высочайшему повелению, ему разрешено вступить на службу в Сибири *канцелярским служителем 4 разряда, но с оставлением его под полицейским надзором*. На основании же 560 ст. 2 кн. XV т. св. зак. угол., в отношении состоящих под надзором полиции, постановлено: «*наблюдать за их поступками и смотреть, чтобы они никуда не скрылись и далее того места, где им определено жить, не отлучались*», а потому *выдача* Бакунину *открытого предписания* не соответствует приведенной статье закона. *Открытые листы*, по закону, выдаются в потребных случаях, служащим лицам и командам, командируемым по надобностям службы, Бакунин же, как из дела видно, предпринимал путешествие по Сибири *по частному делу, как доверенный, уполномоченный купцом Сабашниковым* и потому не мог получить открытого листа.

2) Бывший иркутский гражданский губернатор действит. ст. сов. Извольский *того же 4 июня* (т.-е. в тот день, когда был выдан открытый лист генерал-губернатором) выдал Бакунину *вид на свободный проезд в Приморскую Область Восточной Сибири и обратно в Иркутск, назвав в оном Бакунина бывшим прапорщиком, получившим Высочайшее повеление на вступление в гражданскую службу*, а на другой после того день, 5-го июня, сообщив о сем военному губернатору Приморской области, добавил, *что Бакунин находится под надзором полиции*. Но по какому поводу, об этом последнем обстоятельстве, не было упомянуто в выданном Бакунину виде и на каком основании выдан самый вид, *когда Бакунин уже имел открытый лист от генерала-губернатора*, равно с какою целью Бакунин *назван бывшим прапорщиком, получившим Высочайшее повеление* на вступление в гражданскую службу, тогда как *он по суду был лишен всех прав состояния*, из дела не видно и действ. ст. сов. Извольский как об этом, так и о нарушении 560 ст. XV т. угол. зак., не спрошен.

3) Конверт с упомянутою бумагою, для скорейшего доставления в Николаевск, *с первым отправляющимся курьером* или с кем будет признано удобным, препровожден действительным статским советником Извольским, *5-го июня*, в Штаб морских и сухопутных войск в Восточной Сибири, где он был получен *того же числа старшим адъютантом капитан-лейтенантом Сгибневым* и передан, находившемуся в Иркутске, мичману 27 флотского экипажа *Бронзерту*, который, по случаю отправления его генерал-губернатором в Кяхту, передал, в Иркутске же, мичману *Волкову*, а сей последний, заболев, оставил пакет у себя и прибыл с ним в Николаевск только *8 августа*, где передал пакет мичману *Бронзерту*, которым он и был представлен в канцелярию военного губернатора Приморской области *9-го августа*. Таким образом, от времени написания бумаги, до получения ее на месте, прошло *более двух месяцев*. Между тем Бакунин прибыл в Николаевск *2 июля* на пароходе «Амур» *вместе с мичманом Бронзертом и 9 числа того же месяца* отправился за границу.

Задержание пакета в Иркутске и позднее доставление его в Николаевск подлежат подробному исследованию, равно как и то обстоятельство: почему пакет передан мичманом Бронзертом мичману же Волкову, тогда как первый вместе с Бакуниным, на одном пароходе, прибыл в Николаевск и следовательно мог доставить пакет, тем более, что гражданский губернатор *именно просил ускорить доставлением этого пакета* по принадлежности и *бумагу* свою о сем *обозначил* надписью: «*нужное*».

4) Управляющий Приморскою областью Восточной Сибири, за отсутствием свиты Его Величества контр-адмирала Козакевича, капитан 1 ранга *Петровский*, по прибытии Бакунина в Николаевск и по докладу просьбы его, исправлявшим должность начальника штаба, лейтенантом *Афанасьевым*, разрешил принять Бакунина на клипер «Стрелок», отправлявшийся 9 июля в Де-Кастри. Хотя Петровский и Афанасьев объяснили при следствии, *что им неизвестно было ни о личности Бакунина, ни о том, что он состоит под полицейским надзором*, почему они и не могли стеснять его свободы, тем более, что Бакунин имел *открытое предписа-*

ние генерал-губернатора. Но против такого объяснения имеются в виду следующие данные, подлежащие точнейшему обследованию: 1. *С Бакуниным* на пароходе *прибыли в Николаевск*, в *качестве пассажиров*, начальник артиллерии Восточной Сибири, генерал-майор *Кондратьев*, и чиновник особых поручений при генерал-губернаторе *Гурьев*, которые, по объяснению Афанасьева, *были хорошо знакомы* с Бакуниным *и следовательно знали его личность*. От них Афанасьев и Петровский легко могли бы узнать, кто такой Бакунин, во время пребывания последнего в Николаевске; кроме сего сам Афанасьев говорит, что он, бывая в квартире знакомого ему чиновника Бодиско и встречая там Бакунина, спрашивал о нем и узнал, что Бакунин *сосланный в Иркутск*. 2. В тот день, когда Бакунин отправился на клипере «Стрелок» из Николаевска, *и был еще в виду города*, аудитор военно-судной коммиссии в портах Восточного Океана *Котюхов* объявил Афанасьеву, что Бакунин *намерен бежать за границу*, о чем он, Котюхов, получил письмо от неизвестного, и советовал послать немедленно за «Стрелком» пароход «Амур», готовый к отплытию вверх по реке Амуру, но Афанасьев остался равнодушным к такому объявлению Котюхова, сказав ему: «а нам что за дело до Бакунина, пусть себе бежит, отвечать за него будем не мы, а генерал Корсаков».

При следствии Афанасьев скрыл это обстоятельство, и только по прибытии в Петербург,вследствие личного объяснения со мною, представил докладную записку, в которой изъяснил, между прочим, что аудитор *Котюхов действительно объявлял ему о намерении Бакунина бежать за границу и в доказательство показал клочек бумаги*, исписанный с поправками, *в виде письма, в котором писавший высказывал, что едет с помощью друзей за границу, а жена его приедет туда через Петербург, что в письме было означено имя одного из друзей писавшего, но так зачеркнуто, что совершенно нельзя было разобрать и что Котюхов говорил, что это письмо Бакунина и отказался выдать* его, сказав что это его секрет;— но Афанасьев не дал веры словам Котюхова *и не доложил* о сем капитану 1 ранга Петровскому.

Между тем аудитор Котюхов, в сентябре сего года, прислал флота генерал-аудитору письмо, в котором подробно

объясняет дошедшие до него сведения о намерении Бакунина бежать за границу и о действиях своих к предупреждению побега.

Содержание этого письма, равно и другого, приписываемого Бакунину, должно подлежать самому строгому и внимательному расследованию.

5. В полученном Котюховым письме от неизвестного говорится, что *Хитрово и Филипеус помогают побегу Бакунина*, и что они имеют большое влияние на управлявшего Приморскою Областью капитана 1 ранга Петровского. Но кто такие Хитрово и Филипеус, какие были их отношения к Бакунину и в чем заключалась их помощь, из дела не видно и обстоятельство это не исследовано.

Вместе с сим заключением коммиссии действ. тайн. сов. кн. Голицын сообщил мне в отношении от 17 декабря за № 451, что по всеподданейшему докладу всех вышеизложенных обстоятельств Государь Император Высочайше повелеть соизволил для дополнения дела, по *сделанным комиссиею замечаниям*, препроводить таковое ко мне с тем, чтобы, по окончании исследования, был представлен мною всеподданнейший доклад, *совокупно* с Вашим Сиятельством и *со включением в оный имеющихся в III Отделении сведений о сношениях политического преступника Бакунина с некоторыми лицами в Восточной Сибири*, при чем иметь в виду и обстоятельства, описанные аудитором Котюховым, в письме его к флота генерал-аудитору, *касательно своевременного заявления* начальству о намерении Бакунина к побегу за границу. Вместе с тем Его Величеству благоугодно было положить на всеподданейшем докладе следующие Высочайшие резолюции: против заключения комиссии, что выдача Бакунину открытого предписания не соответствует приведенной статье закона, — «справедливо», против того, что Афанасьев и Петровский легко могли бы узнать о личности Бакунина от прибывших вместе с ним на пароходе в Николаевск генерал-майора Кондратьева и чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Гурьева,—«*весьма справедливое замечание*», и наконец против заключения комиссии относительно дальнейшего направле-

ния дела,—«*при этом многое может объяснить сам генерал-майор Корсаков, находящийся теперь в Петербурге*».

Имея в виду, что по вышеизложенным замечаниям комиссии привлекаются к настоящему следственному делу исправляющий должность генерал губернатора свиты Его Величества генерал-майор Корсаков и бывший Иркутский гражданский губернатор действительный статский советник Извольский и что относительно порядка исследования действий генерал-губернаторов установлены в законе особые правила, я повергал все вышеизложенное на Высочайшее Государя императора воззрение и Его Императорское Величество повелеть мне соизволил войти о сем в совещание с Вашим Сиятельством и представить вместе с Вами соображения о том,—какое следует дать дальнейшее направление делу о побеге Бакунина за границу.

Уведомляя Ваше Сиятельство о таковой Высочайшей воле, имею честь покорнейше просить Вас почтить меня Вашим отзывом о тех мерах, какие Ваше Сиятельство изволите признать удобнейшими для окончательного разъяснения обстоятельств дела о побеге Бакунина за границу.

При чем покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в моем истинном почтении и совершенной преданности [98]).

Н. Краббе.

№ 742, 25 декабря 1862 года С.-Петербург.

67. Уведомление о поднадзорности Бакунина.

ИРКУТСКОЕ
Общее Губернское Управление.
ОТДЕЛЕНИЕ I
Стол I
5 июня 1861 года.
№ 85.

Господину военному губернатору Приморской области Восточной Сибири.

Выдав сего числа за № 84 бывшему прапорщику Михайлу Бакунину, получившему Высочайшее повеление на вступление в гражданскую службу, вид на свободный проезд в вверенную Вашему Превосходительству область, я имею честь уведо-

мить о том Вас, Милостивый Государь, и присовокупить, что Бакунин находится под надзором полиции [99]).

Гражданский губернатор *Извольский*.
Управляющий отделением (подпись).

Получено
9 августа.

68. Письмо аудитора В. Котюхова к флота генерал-аудитору П. Н. Глебову.

29 сентября 1862 г.

Ваше Превосходительство
Павел Николаевич.

В октябре м-це прошлого года обстоятельства принудили меня оставить коронную службу. Не выслужив узаконенного срока в звании аудитора, я не мог получить отставки без особенно уважительных причин, почему и подал, через командира сибирской флотилии и портов Восточного Океана, на Высочайшее имя прошение следующего содержания:

«Сознавая себя неспособным к отправлению занимаемой мною должности, на основании 42 ст. 1 кн. 2 т. св. зак., всеподданнейше прошу, дабы повелено было уволить меня вовсе от службы».

Желая оправдаться, лично, перед Вашим Превосходительством, в составлении столь странного прошения, я, испросив себе отпуск, вознамерился отправиться, по первому зимнему пути, в Петербург; но так как в Приморской области, почтовые лошади давались только проезжающим по курьерским подорожным,—то я, променяв на деньги все скудное свое достояние, купил нарту, собак и пустился в путь. Трудности и неудобства подобного путешествия, а еще более совершенный недостаток корма для собак, принудили меня остановиться и зазимовать в Михайловском селении. Истратив на содержание себя, в продол-

жение зимы, все свои деньги, я воротился на первом пароходе в Николаевск и поселился в квартире младшего брата своего, состоящего здесь на службе и получающего весьма ограниченное содержание.

Эти обстоятельства заставляют меня обратиться к Вашему Превосходительству с настоящим письмом для того, чтобы разъяснить причины, давшие начала моему странному и в высшей степени компрометирующему меня прошению. Причины эти изложены отчасти в письме моем на имя контр-адмирала Козакевича, от 4 октября прошлого года, а потому копию с сего письма имею честь представить Вашему Превосходительству.

Копия.

69. Письмо Котюхова к губернатору Приморской области Козакевичу.

Ваше Превосходительство
Петр Васильевич.

По приезде из С. Петербурга Вы изволили изъявить мне публично свое неудовольствие и сказали, что я могу выехать из Николаевска, если того желаю. Не смея разъяснить себе причин, возбудивших гнев Вашего Превосходительства против меня, я, тотчас же, подал прошение об увольнении меня от службы и рапорт о немедленном разрешении мне отпуска. Но г. Афанасьев, от имени Вашего Превосходительства, объявил, что меня уволят отсюда тогда лишь, когда на мое место явится другой чиновник аудиториатского ведомства. Видя в этом явное препятствие к моему выезду, я получил обратно прошение и рапорт, и ныне, продолжая службу в Приморской области, при самых неблагоприятных для меня обстоятельствах, решился написать это письмо, с тем, чтобы доказать, самыми убедительными фактами, что я подвергся гневу Вашего Превосходительства совершенно безвинно, и что

последствия Вашего гнева сделали положение, мое невыносимым.

Поступив на службу Его Величества, я кроме форменной присяги в церкви, произнес еще другую присягу в душе своей: поступать сообразно обязанностям моим, как чиновника и человека. Я свято хранил до сих пор этот обет и не сделал, кажется, ничего такого, за что бы можно было упрекнуть меня пред законом и совестью. Несмотря на это, я имел однакож несчастье заслужить неудовольствие Вашего Превосходительства и заслужил его именно за безукоризненное исполнение священных обязанностей, возложенных на меня законом и моим званием. В этих печальных обстоятельствах меня утешает одно лишь, что Ваше Превосходительство не сами лично убедились в небылой вине моей, а поверили только на слово лицам, Вас окружающим, которые, в настоящем случае, употребили во зло доверие Вашего Превосходительства, и, обвиняя меня пред Вами, представили факты в искаженном виде и далеко не высказали всей правды. Это я утверждаю смело потому, что зная Ваше Превосходительство, как человека благородного, никак не могу допустить, чтобы Вы стали преследовать меня за то только, что я сам не сделал и не допустил других сделать уголовного преступления. Подлинные и самые убедительные доказательства правоты моего дела находятся в моих руках и по первому требованию могут быть представлены Вашему Превосходительству. Теперь же я осмеливаюсь рассказать Вам истинную историю двух обстоятельств, послуживших, по всей вероятности, основанием к моему обвинению: мичман Гумберт написал дерзкую бумагу комиссии Военного суда *). Комиссия донесла об этом г-ну Петровскому и просила

*) По делу о матросе Коковине.

подвергнуть виновного законному взысканию. Г. Петровский, продержав у себя донесение это несколько дней, призвал меня в свою квартиру и попросил, весьма вежливо, уничтожить упомянутую бумагу, а, вместо ее, подшить к делу другую, написанную в более приличных выражениях. Тогда же первая бумага г. Гумберта внесена была в журнал, приобщена к тому делу, по которому подана и сделано по ней постановление суда, подписанное восьми членами оного. Следовательно, уничтожая один документ, нужно было, вместе с ним, уничтожить несколько других судебных актов, вырвать из дела постановление, сделать подчистки в журналах, словом—совершить уголовное преступление, равносильное преступлению крестьянина Птицына, обвиняемого в похищении дел из Окружного суда.

Признаюсь Вашему Превосходительству, что я не верил ушам своим, слушая такое предложение начальника области. Конечно, мне бы следовало представить прямо без обиняков все неприличие требования г. Петровского и отказать на отрез. Но зная уже из одного происшествия, о котором расскажу ниже, взгляд г. Петровского на службу вообще и на законы в особенности, я побоялся подвергнуться его негодованию (как раз уже пред тем подвергся) и отвечал уклончиво, что просьба его не может быть исполнена без согласия всех вообще членов суда. Я был уверен, что после такого ответа г. Петровский найдет неприличным входить в сношение с целым комплектом суда, составленного, как известно, из весьма разнородных элементов и откажется от дальнейшего преследования своей странной идеи, тем более, что он, как командир портов, имел полное право прекратить это дело административным порядком; но я ошибся. Г. Петровский, нисколько не задумавшись, сказал: «в таком случае попросите пожалуйста членов суда, чтобы

они уничтожили рапорт г. Гумберта и заменили его вот этим. (При сих словах он подал мне новый письменный отзыв Гумберта в комиссию), скажите им, что ведь это пустяки, что за это никто из них отвечать не будет, а ежели бы просьба Ваша не подействовала на них, то дайте мне знать,—я сам прийду в суд и попрошу лично г.г. членов». Я обещал исполнить это требование г. Петровского, и, приглашенным раньше того в заседание комиссии Военного суда, ассесорам объявил волю г. исправлявшего должность командира портов и передал, слово в слово, мой разговор с ним. Глубокое молчание, воцарившееся после слов моих в присутствии, прервано было одним из членов, сказавшим мне, что он никак не может поверить тому, что я говорю, и, как после объяснил, не поверил потому, что ему казалось менее всякого вероятия в том, чтобы г. Петровский, занимавший столь важное место, решился на подобного рода предложение и кому же,—присутственному месту.

Я дал знать г. Петровскому, находившемуся тогда в штабе, о результатах моих действий, и он тотчас явился с бывшим обер-аудитором..... *) в суд и повторил, от начала до конца, предложение, сделанное мне пред тем в его квартире...

Вопросительные взоры всех членов устремились на меня; некоторые из них громко спрашивали моего мнения. «Господа, отвечал я, Вы можете делать все, что Вам угодно, но я, по долгу своему, обязан Вас предварить, что, по существующим узаконениям, (узаконения эти тогда же были прочитаны) виновные в уничтожении судебных актов подвергаются лишению прав состояния». Г. Петровский возразил уверением, что все это вздор, что за такое уничтожение актов никто ответственности не подвергнется, по-

*) Фамилия неразборчива.

тому, будто бы, что никакая высшая власть не узнает об этом, что всю ответственность он принимает на себя, что по возвращении из С. Петербурга Вашего Превосходительства, он расскажет Вам обо всем, и дал слово за Вас, что Вы не только не будете преследовать никого за это дело, но еще уничтожите его, и прекратите непременно, ежели бы оно, по каким нибудь причинам, вышло наружу.

Нужно было иметь уж чересчур много уверенности в безграничное влиянии свое, чтобы позволить себе так смело внушать целому присутственному месту мысль о безнаказанности за преступление и о том, что Ваше Превосходительство приложите непременно печать Вашей власти к столь важному беззаконию. Понятно, что речь г. Петровского заключала в себе следующий смысл: «Господа, действуйте смело и не бойтесь ничего: Вашим сообщником будет сам губернатор, а он, по силе дарованной ему свыше власти, сумеет скрыть следы вашего преступления». Предложение г. Петровского было отвергнуто единодушно; исполнить его просьбу отказались даже такие члены суда, которые привыкли рабски ползать перед властью и почитать ее выше всего на свете, выше самого закона. Судебные акты спасены, а я, за спасение их, обвинен пред Вашим Превосходительством *).

---

*) Г. Петровский, рассказывая впоследствии об этом происшествии, старался представить меня в высшей степени жестокосердным, хотевшим, во что бы то ни стало, погубить молодого человека, а себя выставить филантропом, желавшим, во что бы то ни стало, спасти неопытного юношу. Это также несправедливо, как и все остальное: я был всегда более чем в хороших отношениях с г. Гумбертом и желал ему, по крайней мере, столько же добра, сколько и г. Петровский,—и если не согласился сам и не допустил других сделать уголовного преступления уничтожением судебных актов, то отнюдь не имел в виду вредить этим г. Гумберту, а

Не трудно было предвидеть, что дело это кончится для меня так, как действительно кончилось, т.-е. немилостью Вашего Превосхоцительства, потому что г.г. Петровский и Афанасьев, имели всегда свободный доступ к Вам, имеют вместе с тем возможность представлять всякое дело в таком виде, какой более согласен с их целями, желаниями и интересами. Я был уверен, что беззаконие г. Петровского будет представлено Вашему Превосходительству как доблесть, а мое поведение, в этом случае, как злейшее преступление, и не ошибся. За то впали в ошибку г.г. Петровский и Афанасьев: они, надо полагать, были уверены, что я не посмею оправдываться перед Вашим Превосходительством, или, если и стану оправдываться, то не найду никаких доказательств моей невинности. Между тем они, вероятно, забыли, что во всяком заседании военного суда, ведется журнал, и что журнал заседания, в коем предложено было уничтожение судебных актов, написан со всею точностью и подписан всеми членами суда, кроме одного, который, боясь прогневить г. Петровского, прикинулся сумасшедшим. Посредством этого журнального постановления я мог бы, во всякое время, оправдаться не только перед Вашим Превосходительством, но и пред самим Государем и пред 60-ю слишком миллионами русских, пробужденных в настоящее время от

только исполнил, в сем случае, прямую свою обязанность. С другой стороны, если г. Петровский хотел спасти Гумберта, то разве он не мог этого сделать, не прибегая вовсе к противозаконным мерам. Он, как командир портов, имел полное право назначить над Гумбертом следствие, или без этого кончить дело одним выговором, что он и сделал после. Для чего же г. Петровский не поступил таким образом тотчас по донесении комиссии о дерзости Гумберта, а попробовал сначала других средств? Обыкновенной человеческой логикой объяснить этого, не допуская присутствия тогда задней предосудительной мысли у г. Петровского, мне кажется, нельзя.

долгой апатии и равнодушия ко всему их окружающему. Эти 60 миллионов русских достаточно подготовлены для того, чтобы понять и оценить, если бы потребовалось, достойным образом, действия г. Петровского и мои. Но я не хотел мстить г. Петровскому за немилость Вашего Превосходительства и за зло, мне сделанное; я не пустил в ход этого журнала, между прочим, и потому, что в нем скомпрометировано имя Вашего Превосходительства (разумеется, имел в виду при этом, что мне, сколько бы то ни было, надо служить под Вашим начальством). Но я жалуюсь Вам, Ваше Превосходительство, я Вас одних покорнейше прошу расследовать лично вину мою и решить,— справедливо ли я несу на себе следствия Вашего гнева, или нет. Между тем немилость Вашего Превосходительства производит на меня чрезвычайно чувствительное действие: находясь в опале, я подвергаюсь, на всяком шагу, оскорблениям больших и малых, которые, зная Ваше ко мне нерасположение, стараются обижать меня всеми средствами, предполагая, вероятно, что этим они делают угодное Вашему Превосходительству. Меня называют человеком с беспокойным характером, но скажите сами, могу ли я быть спокоен, когда вижу, что мне, на всяком шагу, готовы подставить ногу. Откровенно говорю, что положение мое становится, с каждым днем, более и более несносным: я лишился спокойствия душевного, а вместе с ним и прежней энергии и уже не могу, хотя бы и хотел, с таким рвением, как прежде, заниматься службой. Поэтому я прибегаю к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбой: дозвольте мне оправдаться перед Вами, или уехать из Приморской области под каким бы то ни было предлогом. Служить здесь, при Вашей немилости, мне решительно невозможно, и я предчувствую, что рано или поздно участь моя получит самую печальную развязку: попирать

ногами закон, для угождения власти, я не умею и учиться не хочу. Между тем за добросовестное отношение моих прямых обязаностей я подвергался неоднократно тяжким оскорблениям, как это доказывается между многими другими и следующим обстоятельством: однажды является в суд караульный унтер-офицер из гауптвахты и объявляет, что один подсудимый, матрос, желает поговорить со мною. Полагая, что этот подсудимый хочет сообщить что нибудь, касающееся его дела, еще судом в то время неоконченного, я, с разрешения презуса, отправился на гауптвахту. По приходе моем туда, два подсудимых показали мне лохмотья, коими были одеты, и объявив один, что он за два года не получал из казны одежды, следующей ему по положению, а другой—за год, и что оба они, во все время содержания под стражею (около полугода) носят без перемены имеющиеся у них по одной рубахе,—просили моего ходатайства о выдаче им, по крайней мере, белья. При сем подсудимые объяснили, что они обратились с просьбой своей ко мне потому, что дежурные по караулам офицеры не обращают внимания на их претензии.

Я донес комиссии, которая, в свою очередь, донесла рапортом о нуждах подсудимых г. Петровскому. На рапорте этом последовала резолюция следующего содержания: «Гауптвахты не ревизуются, а аудитору туда не ходить и рачительнее заниматься своим делом».

Такая резолюция правителя обширного края, написанная во второй половине XIX столетия, в то время, когда Государь и вся Россия столь пламенно желают водворять всюду строжайшую справедливость, искоренять злоупотребления, в каком бы виде ни являлись они, улучшать быт всего населения, не исключая и преступников, удивила и конечно огорчила не без причины меня,—получившего столь неожиданный, незаслу-

женный и горький упрек, и за что же?— За исполнение обязанности моей, как аудитора и как человека. Уж для чего г. Петровский написал такую резолюцию,—решительно не понимаю... Разве для того только, чтобы испытать,—способна ли природа мелкого чиновника чувствовать оскорбления, наносимые ему рукой человека, одаренного большой властью. Так, по крайней мере, я объясняю себе эту резолюцию теперь; но в то время, как она была мне объявлена, я судил совсем иначе: зная, что г. Петровский был болен глазами, я подумал, что тот, кто читал ему упомянутый рапорт комиссии, не прочел так, как он был написан, а как нибудь иначе. Как бы то ни было, чувствуя себя оскорбленным до глубины души, я написал докладную записку г. Петровскому, в которой старался доказать свою правоту, и упомянул, совершенно в доброй вере, о глазной его болезни. Г. Петровский, не знаю почему, принял это за насмешку.

Я бы не упомянул теперь вовсе об этом обстоятельстве, если бы не знал из достоверных источников, что, между прочим, г. Петровский обвинил меня перед Вашим Превосходительством и в написании к нему дерзкой докладной записки. Копия с этой записки находится в моих руках, и я покорнейше прошу Вашего Превосходительства убедиться лично,—заключается ли в ней хотя малейшая доля какой либо дерзости. Правда, в ней находится многое, что могло не понравиться г. Петровскому, но это многое было вызвано именно его резолюцией.

Ваше Превосходительство! Только вера в Ваше беспристрастие и совершенную невинность свою в настоящем случае внушила мне мысль обеспокоить Вас этим письмом. Вникните обстоятельно в мое положение, или дозвольте мне удалиться отсюда. Простите мне это письмо. Я знаю, что и оно может быть названо дерзкой вы-

ходкой, но тогда следует допустить, что мелкий чиновник, потому только, что он мелкий, не может пользоваться общечеловеческими правами и должен, со стоическим самоотвержением и подобострастием, терпеть всевозможные оскорбления, наносимые ему своеволием важных лиц. Но мне кажется, что Ваше Превосходительство совершенно другого мнения об этом предмете, и будете судить о нем единственно по законам справедливости и чести.

С истинным к Вам почтением имею честь быть покорнейшим Вашего Превосходительства слугою.

В. Котюхов.

Продержав у себя несколько дней это письмо, г. Контр-Адмирал Козакевич призвал меня к себе и спросил: «Откуда Вы взяли, что я на Вас сердит».

Продолжение письма П. Н. Глебову.

— «Ваше Превосходительство сами сказали мне об этом, публично, по возвращении Вашем из Петербурга, а г. Афанасьев дает мне чувствовать это на всяком шагу». «Вздор,—закричал Губернатор,—глупостей не делать. Я знаю, Вам досадно, что я не сделал Вас Обер-Аудитором».— «Конечно, Ваше Превосходительство, отвечал я, и это доказывает Вашу немилость и рекомендует меня весьма дурно пред Аудиториатским Начальством:—Я, специально образованный по части военно-судной, должен представлять на ревизию дела Архивариусу Штаба, человеку не имеющему почти понятия о законах. Какого мнения должно теперь быть обо мне Аудиториатское Начальство и чем я заслужил такое мнение». «Вздор, глупостей не говорить и служить хорошенько», закричал снова Губернатор. «Я не могу служить при преследованиях меня г. Афанасьевым и другими». «Так подавайте в отставку». Я исполнил

это приказание и в прошении об увольнении меня от службы решился заявить о своей неспособности, потому что по другим причинам меня бы не уволили. При подаче прошения я хотел объяснить г. Козакевичу причины ненависти ко мне г. Афанасьева, но г. Козакевич не дал мне и слова больше сказать и приказал выйти из комнаты.

Причины этой ненависти заключаются, между прочим, в следующем: Однажды возвратившись из военно-судной Комиссии раньше обыкновенного, я нашел на столе, между бумагами, письмо, копию которого имею честь представить Вашему Превосходительству.

70. Письмо Вебера к Котюхову.

«Два раза заходил я к Вам добрейший Василий Григорьевич, и к несчастию ни разу не застал Вас дома. Между тем дело, заставившее меня искать Вас, весьма важно и не терпит ни малейшего отлагательства. Отчаявшись увидеться с Вами сегодня, я решился написать эту записку. Дело заключается вот в чем.—Не безызвестный Вам, Бакунин приехал сюда затем, чтобы бежать за границу. Это я знаю достоверно. Для некоторых причин, весьма важных для меня, я намерен, во что бы то ни стало, помешать его побегу. Но как приняться за дело, каким образом расстроить его планы? Задача не легка, потому что из тех же источников, из коих я почерпнул известие о замысле Бакунина, я узнал с достоверностью и то, что Хитрово с Филипеусом помогают или по крайней мере обещались способствовать его побегу.

Ежели бы я не знал по горькому опыту, какое страшное влияние имеют эти лица на слабоумного правителя нашей области, я бы избрал для действий моих в этом случае самый простой, вместе с тем самый удобный и надежный путь, т.-е. я

бы явился к Петровскому, рассказал о намерении Бак. и дело с концом, а Петровскому осталось бы только попросить Бакунина сесть волей или неволей на пароход, готовый к отплытию, и отправиться туда, откуда приехал, т.-е. прямешенько в Иркутск. Но я предвижу, что первым действием Петровского, по выслушании меня, будет—послать за Хитрово или Филипеусом и спросить у них: должен ли он верить тому, что он услышал от меня и что надлежит ему предпринять в эдаком казусном обстоятельстве. Ответ этих господ и последствия ответа легко предугадать. Эти и подобные им причины заставили меня обратиться к Вам, добрейший Василий Григорьевич, с просьбою принять участие в этом деле и помочь мне исполнить с успехом высказанное здесь намерение мое, прося вместе с тем извинения Вашего в том, что я вздумал обременять Вас подобного рода делами, исполнение коих будет по всей вероятности не легче и не безопаснее для Вас, чем для меня самого. Единственное лицо, к кому можно обратиться в настоящем случае, с некоторою надеждою на успех—это Афанасьев, (не думайте, чтобы я не знал настоящей цены этому господину), но он кажется не знает и не принимает никакого участия в замысле Бакунина, по крайней мере мне неизвестно об этом. Поэтому ему можно, без видимой опасности, рассказать о намерениях Бакунина и попросить расстроить каким нибудь образом план этого господина.

Вы, вероятно, спросите: почему я сам лично не хочу войти в сношения с Афанасьевым по делу Бакунина, а толкаю Вас в эту беду? Вот мой ответ: я не знаком с Афанасьевым. Ежели бы я, лице частное, явился к Афанасьеву, лицу официальному, и вздумал рассказать, что мне известно о планах Бакунина, то это не только имело бы вид доноса, но и было бы действительным доносом: заслужить же на старости лет название до-

носчика, мне бы страх как не хотелось. Вы, дело другое. Вы с ним знакомы: он Ваш ближайший Начальник, от Вас он примет или по крайней мере должен принять это извещение с благодарностью, потому что оно избавит Правительство от многих неприятностей, а здешние власти, в том числе и его самого, от ответственности пред Правительством. Я думаю, что при этом не нужно затеять формальной переписки: для Правительства все равно каким бы образом не воспрепятствовать побегу Бакунина, лишь бы только воспрепятствовали. Мало этого: нынешний Царь, явивший столько примеров высокого благородства души, был бы более благодарен, ежели бы узнал, что Вы, или кто бы то ни был, удержали от побега государственного преступника, посредством какого нибудь остроумного маневра, чем посредством сборов, темниц и цепей. Притом же действовать открыто, т.-е. посредством формальной переписки, для Вас столько же, или еще более, опасно, чем для меня, потому что переписка эта заденет за живое всеведущих Хитрово и Филипеуса.

Давно ли Вы испытали на себе следствия страшного гнева за то, что дерзнули поступить так, как долг Вашего звания и долг честного человека Вам повелевал!

Ежели Вы согласитесь исполнить мою покорнейшую просьбу, то потрудитесь тотчас по прочтении этого письма отправиться к Афанасьеву и сообщить ему, что, завтра поутру, «Стрелок» выходит в море и что Бакунин каким то образом (вероятно по милости или глупости Сухомлина) попал на это судно и идет в де-Кастри с намерением отправиться оттуда на иностранном корабле: «Горизонт» в Европу и в Америку. Ежели бы Афанасьев не поверил на слово известию, сообщенному Вами, я берусь доставить самые положительные доказательства. Ежели же он откажется от

всякого вмешательства в это дело, то потрудитесь мне сейчас дать знать об этом.

Чтобы Вам не показалось странным и непонятным мое желание удержать от побега Бакунина, я в кратких словах расскажу Вам причины, заставившие меня вмешаться в это дело. Эти причины заключаются в следующем: 1) Я чувствую нелицемерную благодарность к нынешнему Царю за многие милости, излитые на моих соотечественников и на меня самого. 2) Я глубоко убежден, что побег Бакунина сделает много зла его жене, семейству его и Генералу Корсакову, а не принесет решительно никакой пользы ни человечеству, ни России, ни даже ему самому. Бакунин не в состоянии сделать никому добра: это олицетворение эгоизма. 3) Побег Бакунина повредит многим из моих соотечественников, находящимся в изгнании, потому что Правительство, из опасения, чтобы подобные случаи не повторялись между политическими преступниками, усугубит без всякого сомнения надзор за этими несчастными.

Вот причины, заставившие меня искренно желать неуспеха Бакунину. Я думаю, что Вы поймете и оцените надлежащим образом чистоту моих намерений и не откажетесь помочь мне [100]).

Преданный Вам навсегда

Г. Вебер».

8 июля 1861 г.

Продолжение письма П. Н. Глебову.

Письмо это было написано и оставлено у меня накануне. Возвратившись домой поздно вечером, я его не заметил между бумагами и увидел только на завтра, т.-е. 9-го Июля по приходе из военно-судной Комиссии, около 11-ти часов. Тогда клипер «Стрелок» шел уже по лиману, ведя на буксире иностранное судно, но был однако же не далеко. Я, не теряя ни минуты, отправился к

г. Афанасьеву и рассказал все, что узнал о намерении Бакунина, советуя послать немедленно за «Стрелком» пароход «Амур», готовый к отплытию вверх по р. Амуру. Но г. Афанасьев, выслушав меня без особенного внимания, сказал совершенно равнодушно: «а нам что за дело до Бакунина, пусть себе бежит; отвечать за него будем не мы, а генерал Корсаков».

Я стал горячо оспаривать это мнение и доказывать, хотя бы и действительно не пришлось отвечать ему, г. Афанасьеву, за поступок Бакунина,—все-таки он, как начальник штаба, не должен бы равнодушно смотреть на побег врага нашего правительства; что помогать в этом случае Правительству должен не только он, г. Афанасьев, занимающий столь важное место, но и всякий благонамеренный русский, какого бы чина и звания он ни был и проч. Г. Афанасьев стал, повидимому, соглашаться со мною, обещал поймать Бакунина, но парохода Амур не отправил за «Стрелком», даже не счел нужным сделать сигнал клиперу, бывшему еще в виду Николаевска. «Время еще не ушло» говорил г. Афанасьев. «Сухомлин (командир «Стрелка») наверно не скоро дойдет до Де-Кастри, потому что он, по своему обыкновению, посетит сперва все банки на лимане, а я между тем успею послать предписание на пароходе Амур, чрез Кызи, в Де-Кастри». Пароход Амур уже час целый разводил пары. По объявлениям полиции, прибитым к фонарным столбам, он должен был в этот день, т.-е. 9-го Июля, отправиться в Благовещенск. Но прошло несколько часов после моего разговора с г. Афанасьевым, а пароход Амур не двигался с места, к вечеру же и огонь погас на нем. Только через 2 дня, именно 11-го июля, отправился он в Кызи, и на нем послано было предписание начальника штаба на имя г. Сухомлина и частная записка на имя начальника поста в Де-Кастри Подпоручика Корельского, в которых

он (начальник штаба) просил этих лиц остановить Бакунина, а Бакунин был уже в то время далеко.

Чрез несколько дней я узнал, что Бакунин был принят на клипер «Стрелок» не по милости г. Сухомлина, как это предполагало лицо, писавшее ко мне вышеприведенное письмо, а по милости г. Афанасьева.

В следственном деле, произведенном здесь о побеге Бакунина, не упомянуто ни слова о том, что я известил г. Афанасьева о намерении этого преступника; не говорится также ничего о предписании на имя г. Сухомлина и о частной записке на имя г. Корельского. Но документы эти, подписанные рукою начальника штаба, по всей вероятности, существуют еще—первый на клипере «Стрелок», а второй у самого Корельского.

Ваше Превосходительство! Зная из нескольких статей Ваших, и еще более из нескольких судебных дел, произведенных повидимому Вами, Ваш образ мыслей, Ваш характер и взгляд на вещи, я смело доверяю Вам судьбу свою. Справки обо мне легко собрать: способен ли я—это скажет Аудиторское училище Военного Министерства, в котором я окончил курс в 1857 году. Какого я поведения,—пусть скажут враги мои Афанасьев, Свяцкий (Презус военно-судной комиссии) и даже сам контр-адмирал Козакевич. Справедливо-ли я нес на себе последствия гнева г. Козакевича—это видно из дела, копию которого имею честь представить при сем Вашему Превосходительству. Правду ли я написал о Бакунине—об этом утвердительно скажет сам г. Афанасьев, ежели у него спросят, на каком основании он писал записку г. Корельскому и предписание г. Сухомлину о задержании Бакунина. Правда, я виноват пред законом и могу отвечать за то, что ограничился простым извещнием г. Афанасьева о намерении Бакунина, тогда как мне следовало бы формально донести об этом выс-

шему начальству. Но я уверяю Ваше Превосходительство, и Вы, быть-может, сами убедитесь впоследствии, что здешнее высшее начальство всегда смотрело только глазами и действовало только умом г.г. Хитрово, Филипеуса и Афанасьева. Первых двух я, не без основания, подозревал в преступных сношениях с Бакуниным. Поэтому делая формальное донесение, я должен был ожидать от них сильного противодействия. Извещая же г. Афанасьева, не подозреваемого мною в содействии Бакунину, я мог расчитывать на верный успех, потому, что г. Афанасьев, как начальник штаба, имел возможность действовать самостоятельно, без г. Петровского и его советников.

Не утверждаю, что г. Афанасьев был вместе с прочими в сговоре с Бакуниным, потому что не имею на то законных доказательств; но утверждаю, что он имел возможность поймать Бакунина и умышленно не поймал.

Еще утверждаю, что с этого времени г. Афанасьев стал сильнее прежнего преследовать меня теми мелкими гонениями, придирками и оскорблениями, за которые никакой начальник не подвергается ответственности перед законом и даже пред общественным мнением,—но которые сильно действуют на подчиненного, убивая в нем энергию, прилежание к службе и веру в справедливость в этом мире.

Впрочем, имея полную уверенность в правоту моего дела, я спокойно ожидаю решения моей участи, тем более, что решение это зависит от Вашего Превосходительства.

С истинным к Вам почтением имею честь быть покорнейшим Вашего Превосходительства слугою [101]).

Василий Котюхов.

18 мая 1862 года
г. Николаевск.

71. Протокол следствия по делу о побеге Бакунина.

МИНИСТЕРСТВО МОРСКОЕ.

Управление Флота
Генерала Аудитора.

С. Петербург. „23 мая" 1864 г.
№ 419.

Высочайше учрежденная в С. Петербурге Следственная Комиссия под председательством Статс-Секретаря Действительного Тайного Советника князя Голицына, рассмотрев первоначальное следственное дело о побеге политического преступника Бакунина из Николаевска за границу, нашла, что обстоятельства дела сего представляются в следующем виде:

1. Исправляющий должность Генерал-Губернатора Восточной Сибири, Свиты Его Величества Генерал-Майор Корсаков, *4 июня 1861 года* выдал Бакунину *открытое предписание*, по которому все командиры казенных пароходов, находившихся в плавании по рекам Шилке, Амуру, Усури и Сунгари, обязаны были принимать его на пароходы *без всякого препятствия и с будущим*.

На каковом основании выдано Бакунину *такое открытое предписание* и почему дозволено ему безпрепятственно совершить поездку на *казенных* пароходах, без означения *цели его* путешествия, времени, *какое разрешено пробыть в*

оном, и мест, в коих он мог быть, из дела не видно и Генерал-Майор Корсаков об этом не спрошен.

Между тем представляются следующие соображения: 1) *Бакунин принадлежал к числу важных политических преступников* и хотя впоследствии по Высочайшему повелению ему разрешено вступить в службу в Сибири *Канцелярским служителем 4 разряда, но с оставлением его под полицейским надзором*. На основании же 560 ст. 2 кн. XV т. Св. Зак. Уголов., в отношении состоящих под надзором полиции, постановлено: *наблюдать за их поступками и смотреть, чтобы они никуда не скрылись и далее того места, где им определено жить, не отлучались», а потому выдача* Бакунину *открытого предписания* не соответствует приведенной статье закона. 2) *Открытые листы*, по закону, выдаются в потребных случаях служащим лицам и командам, командируемым по надобностям службы; Бакунин же, как из дела видно, предпринимал путешествие по Сибири *по частному делу, как доверенный, уполномоченный купцом Сабашниковым*, и потому не мог получить открытого листа.

2. Бывший Иркутский Гражданский Губернатор, Действительный Статский Советник Извольский, *того же 4 Июня* (т.-е. в тот день, когда был выдан открытый лист Генерал-Губернатором) выдал Бакунину *вид на свободный проезд в Приморскую Область Восточной Сибири и обратно в Иркутск, назвав в оном Бакунина бывшим прапорщиком, получившим* Высочайшее *повеление на вступление в гражданскую службу*, а на другой после того день, 5 Июня, сообщив о сем Военному Губернатору Приморской Области, добавил, что *Бакунин находится под надзором полиции*. Но по какому поводу, об этом последнем обстоятельстве не было упомянуто в выданном Бакунину виде и на каком основании выдан самый вид, когда

Бакунин *уже имел открытый лист от Генерал-Губернатора*, равно с какою целью Бакунин назван *бывшим прапорщиком получившим* Высочайшее *повеление* на вступление в гражданскую службу, тогда как *он по суду был лишен всех прав состояния*, из дела не видно и Действительный Статский Советник Извольский, как об этом, так и о нарушении 560 ст. XV т. Угол. Зак., не спрошен.

3. Конверт с упомянутою бумагою, для скорейшего доставления в Николаевск *с первым, отправляющимся курьером* или с кем будет признано удобным, препровожден Действительным Статским Советником Извольским *5 Июня* в Штаб Морских и Сухопутных войск в Восточной Сибири, где он был получен *того же числа Старшим Адъютантом капитан-лейтенантом Сгибневым* и *передан* находившемуся в Иркутске мичману 27 флот. экип. *Бронзерту*, который по случаю отправления его Генерал-Губернатором в Кяхту, передан, в Иркутске же, мичману *Волкову*, а сей последний, заболев, оставил пакет у себя, и прибыл с ним в Николаевск только *8 Августа*, где передал пакет мичману *Бронзерту*, которым он и был представлен в Канцелярию Военного Губернатора Приморской Области *9 Августа*. Таким образом, от времени написания бумаги, до получения ее на месте, прошло более *двух месяцев*. Между тем Бакунин прибыл в Николаевск *2 июля* на пароходе Амур *вместе с мичм. Бронзертом, и 9 числа того же месяца* отправился за границу.

Задержание пакета в Иркутске и позднее доставление его в Николаевск, подлежит подробному исследованию, равно как и то обстоятельство: почему пакет передан мичм. Бронзертом мичм. же Волкову, тогда как первый вместе с Бакуниным, на одном пароходе прибыл в Николаевск и следовательно мог доставить пакет,

тем более, что Гражданский Губернатор *именно просил ускорить доставлением этого пакета* по принадлежности и *бумагу* свою о сем *обозначил* надписью «*нужное*».

4. Управляющий Приморскою Областью Восточной Сибири, за отсутствием Свиты Его Величества Контр-Адмирала Козакевича, капитан I ранга *Петровский*, по прибытии Бакунина в Николаевск и по докладу просьбы его, исправлявшим должность начальника штаба, лейтенантом *Афанасьевым* разрешил принять Бакунина на клипер «Стрелок», отправлявшийся 9-го Июля в Де-Кастри. Хотя Петровский и Афанасьев объяснили при следствии, *что им неизвестно было ни о личности Бакунина, ни о том, что он состоит под полицейским надзором*, почему они и не могли стеснять его свободы, тем более, что Бакунин имел *открытое предписание Генерал-губернатора*. Но против такого объяснения имеются в виду следующие данные, подлежащие точнейшему обследованию: 1) *с Бакуниным* на пароходе *прибыли в Николаевск, в качестве пассажиров*, начальник артиллерии Восточной Сибири Генерал-Майор *Кондратьев* и чиновник особых поручений при Генерал-Губернаторе *Гурьеве*, которые, по объяснению Афанасьева, *были хорошо* знакомы с Бакуниным и *следовательно знали о его личности*. От них Афанасьев и Петровский легко могли бы узнать кто такой Бакунин, во время пребывания последнего в Николаевске; кроме сего сам Афанасьев говорит, что он бывая в квартире знакомого ему чиновника Бодиско и встречая там Бакунина спрашивал о нем и узнал, что Бакунин *сосланный в Иркутск*. 2) В тот день, когда Бакунин отправился на клипере «Стрелок» из Николаевска, *и был еще в виду города*, аудитор Военно-судной комиссии в портах Восточного Океана Котюхов объявил Афанасьеву, что Бакунин намерен бежать за границу, о чем он Котюхов

получил письмо от неизвестного, и советовал послать немедленно за «Стрелком» пароход «Амур», готовый к отплытию вверх по реке Амуру, но Афанасьев остался равнодушным к такому объяснению Котюхова, сказав ему: «а нам что за дело до Бакунина, пусть себе бежит, отвечать за него будем не мы, а генерал Корсаков».

При следствии Афанасьев скрыл это обстоятельство и только по прибытии в Петербург, вследствии личного объяснения с Управляющим Морским Министерством, представил докладную записку, в которой изъяснил, между прочим, что *аудитор Котюхов действительно объявил ему о намерении Бакунина бежать за границу и в доказательство показывал клочек бумаги*, исписанный с поправками, *в виде письма, в котором писавший высказывал, что едет с помощью друзей за границу, а жена его приедет туда через Петербург, что в письме было означено имя одного из друзей писавшего, но так зачеркнуто, что совершенно нельзя было разобрать и что Котюхов говорил, что это письмо Бакунина* и отказался выдать его, сказав что это его секрет, но Афанасьев не дал веры словам Котюхова и *не доложил* о сем Капитану I ранга Петровскому.

«Между тем аудитор Котюхов, в Сентябре 1862 года, прислал флота Генерал-Аудитору письмо, в котором подробно объясняет дошедшие до него сведения о намерении Бакунина бежать за границу и о действиях своих к предупреждению побега.

«Содержание этого письма, равно и другого, приписываемого Бакунину, должны подлежать самому строгому и внимательному раследованию.

5. В полученном Котюховым письме от неизвестного говорится, что *Хитрово и Филипеус помогают побегу Бакунина* и что они имеют большое влияние на управляющего Приморской Областью капитана I ранга Петровского. Но кто такие Хитрово и Филипеус, какие их были отноше-

ния к Бакунину и в чем заключалась их помощь, из дела не видно и обстоятельство это не исследовано.

О таковом заключении Комиссии было сообщено председателем оной 17 Декабря 1862 года за № 451 Управляющему Морским Министерством с уведомлением, что по всеподданнейшему докладу всех вышеизложенных обстоятельств, Государь Император Высочайше повелеть соизволил: для дополнения дела, *по сделанным Комиссиею заключениям*, препроводить таковое к Управляющему Морским Министерством с тем, чтобы по окончании исследования, был им представлен всеподданнейший доклад *совокупно* с Главным Начальником III Отделения собственной Его Величества Канцелярии, *со включением в оный имеющихся в III Отделении сведений о сношениях политического преступника Бакунина с некоторыми лицами в Восточной Сибири*, причем иметь в виду и обстоятельства, описанные аудитором Котюховым, в письме его к флота Генерал-Аудитору касательно *своевременного заявления* начальству, о намерении Бакунина к побегу за границу. Вместе с тем Его Величеству благоугодно было положить на всеподданнейшем докладе следующие резолюции: против заключения Комиссии, что выдача Бакунину открытого предписания не соответствует приведенной статье закона — «*справедливо*», против того, что Афанасьев и Петровский легко могли бы узнать о личности Бакунина от прибывших вместе с ним на пароходе в Николаевск, Генерал-Майора Кондратьева и чиновника особых поручений при Генерал-Губернаторе Гурьева, «*весьма справедливое замечание*», и наконец, против заключения Комиссии, относительно дальнейшего направления дела, «*При этом многое может объяснить сам Генерал-Майор Корсаков, находящийся теперь в Петербурге*».

После чего Генерал-Адъютант Князь Долгоруков сообщил Управляющему Морским Мини-

стерством, что Государь Император изволил Высочайше повелеть: строжайшее доследование дела относительно побега государственного преступника Бакунина за границу поручить Свиты Его Величества Генерал-Майору Корсакову.

Так как в выше приведенных замечаниях особой Следственной Комиссии упоминалось об упущениях самого Генерал-Майора Корсакова, то относительно исполнения означенного Высочайшего повеления Управляющий Морским Министерством испрашивал разрешение Государя Императора и Его Императорское Величество изволил Высочайше повелеть: сообщить Генерал-Майору Корсакову из замечаний Следственной Комиссии, под председательством Статс-Секретаря Действительного Тайного Советника Князя Голицина, выписку, исключив из нее все относящиеся непосредственно до исправляющего должность Генерал-Губернатора Генерал-Майора Корсакова.

Во исполнение сих Высочайших повелений препровождены 5 Марта 1863 года к Исправляющему должность Генерал-Губернатора Восточной Сибири Свиты Его Величества Генерал-Майору Корсакову: подлинное следственное дело о побеге Бакунина с приложением письма аудитора Котюхова, записки представленной Управляющему Морским Министерством лейтенантом Афанасьевым и помянутой выписки из замечаний Комиссии.

Исправляющий должность Генерал-Губернатора, произведя дополнительное исследование, препроводил оное, вместе с прежним следственным делом, к Шефу жандармов Генерал-Адъютанту Князю *Долгорукову*, при чем приложил составленное по приказанию его, Генерал-Майора Корсакова, состоящим при нем для особых поручений

полковником Шульманом извлечение из переписки и следственного дела о побеге Бакунина.

От Генерал-Адъютанта Князя Долгорукова дело передано Управляющему Морским Министерством.

Из произведенного Исправляющим должность Генерал-Губернатора дополнительного следственного дела видно:

На нижеследующий, обращенный Исправляющим должность Генерал-Губернатора Восточной Сибири от 8-го Марта 1863 года за № 1077, к бывшему Начальнику Иркутской Губернии (впоследствии Начальник Екатеринославской Губернии) Действительному Статскому Советнику Извольскому вопрос: по какому поводу в выданном Бакунину 4 Июня 1861 года виде не было упомянуто, что Бакунин находится под надзором полиции, равно с какою целью назван в этом виде Бакунин — бывшим Прапорщиком, получившим Высочайшее повеление на вступление в гражданскую службу, тогда как он по суду был лишен всех прав состояния? Действительный Статский Советник Извольский отозвался, что в данном им, по званию Начальника Иркутской Губернии, разрешении на проезд Бакунина в Приморскую Область и обратно в Иркутск, не было упомянуто, что Бакунин находится под надзором Полиции потому, что нет в виду закона, обязывающего упоминать об этом обстоятельстве в письменных видах; но как первым пунктом циркуляра Министра Внутренних Дел от 9 Апреля 1857 г. за № 52, требуется только, чтобы при перемене состоящими под надзором лицами местопребывания, или при отправлении их на время, в другие места, был бы учреждаем за ними и там надзор, то и сообщено им, Извольским, о сем Военному Губернатору Приморской Области; такой порядок был принят не в отношении одного Бакунина, а вообще со-

блюдался при дозволении каждому из ссыльных перемены местожительства. Что же касается того, с какою целью Бакунин назван бывшим Прапорщиком, получившим Высочайшее повеление на вступление в Гражданскую службу, тогда как он по суду был лишен всех прав состояния, то по неимению при нем, Извольском, об этом дела, он не может положительно разъяснить этого обстоятельства, но полагает, что в деле должны быть основания к такому показанию.

Вследствие сего, для получения сведения об этом последнем обстоятельстве, было сделано сношение с исправляющим должность Начальника Иркутской Губернии, который и уведомил, что Бакунину дозволено вступить в гражданскую службу в Сибири Канцелярским Служителем 4-го разряда по Высочайшему повелению, изъясненному в отношении бывшего Министра Внутренних Дел к Генерал-Губернатору Западной Сибири от 29-го Мая 1858 г. № 138 (как это видно из отношения председательствовавшего в Совете Главного Управления Западной Сибири к бывшему Генерал-Губернатору Восточной Сибири от 23-го Апреля 1859 года № 62, список с которого передан Управляющему Иркутской губерниею при предложении председательствовавшего в Совете Главного Управления Восточной Сибири от 4-го Июня 1859 года № 16). При выдаче же Бакунину 4-го июня 1861 г. вида на свободный проезд в Приморскую Область, он назван бывшим Прапорщиком, получившим Высочайшее повеление на вступление в гражданскую службу, вероятно потому, что он так назван в виде, выданном ему Начальником Томской губернии 2 марта 1859 года за № 57, с которым он прибыл в Иркутскую губернию.

При этом уведомлении доставлена копия с упомянутого вида.

Копия эта следующего содержания:

72. Вид на жительство, выданный Бакунину в Томске в 1859 году.

В И Д.

«Дан на проезд в Иркутск, для поступления в гражданскую службу, бывшему прапорщику Михаилу Бакунину, которому поступить на службу дозволено по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению; по прибытии в Иркутск Г-н Бакунин обязан явиться к Начальнику Иркутской губернии. Томск. Марта 2 дня 1859 года. Подлинный подписал: Гражданский Губернатор, Генерал-Майор Озерский и скрепил: Исправляющий должность начальника Отделения Деомидов».

В приложенном к доследованию сведении, за подписью исправляющего должность Генерал-Губернатора Восточной Сибири Свиты Его Величества Генерал-Майора Корсакова, значится, что конверт с отношением к Приморскому Губернатору о том, что Бакунин находится под надзором полиции, по личному предложению сделанному им, Исправляющим должность Генерал-Губернатора, Иркутскому Гражданскому Губернатору не был отправлен с почтою и передан для доставления по назначению в штаб войск на том основании, что в то время отправлялись в Николаевск несколько из служащих в Восточной Сибири лиц, которые должны были поспеть на отходящий из Стретенска в Николаевск пароход, одновременно с Бакуниным, переезжая Байкал на пароходе. Почта же, следовавшая по тракту кругом Байкала, не могла по расчету прибыть в Стретенск ко времени назначенному для отхода парохода на Амур.

Также приложена к делу следующая копия с письма Свиты Его Величества Генерал-Майора Корсакова:

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Отделение I
Стол I
18 Октября 1861 г.
№ 2903.

Милостивый Государь
Князь Василий Андреевич.

73. Письмо М. Корсакова—В.А. Долгорукову.

«Прощенный с дозволением вступить в гражданскую службу бывший политический преступник Михаил Бакунин, стесняясь в доставлении себе и жене своей средств к существованию, просил позволения отправиться по частным коммерческим делам на Амур. Зная бедное положение Бакунина и принимая во внимание, что хотя он и находился под полицейским надзором, но не был обязан жить в одной какой либо местности Сибири, я не считал себя вправе лишать его, при таком стеснительном положении, возможности доставлять себе пропитание частной службой тем более, что он своим поведением не подавал никакого повода подозревать его в каком-либо злом умысле, а потому я не препятствовал ему отправиться на Амур, разрешив Командирам казенных речных пароходов, плавающих по рекам Шилке, Амуру, Усури и Сунгари, принимать его беспрепятственно на эти пароходы, и вместе с тем Иркутский Гражданский Губернатор уведомил Военного Губернатора Приморской Области о состоянии Бакунина под надзором полиции. По болезни в пути того лица, с которым пакет был послан из Иркутска, отношение Иркутского Губернатора о том, что Бакунин находится под надзором полиции было получено в Канцелярии Военного Губернатора только в Августе месяце. Между тем Бакунин прибыв в начале Июля в Николаевск и объявив, что он приехал с целью собирать сведения о торговле края, просил дать ему возможность побывать в Де-Кастри, а так как в это время отправлялся туда клипер

«Стрелок», то Управляющий Областью разрешил ему воспользоваться этим случаем, и Бакунин отправился на «Стрелке» в Де-Кастри, с тем чтобы возвратиться в Николаевск через Мариинск. На пути Бакунин пересел на Американское купеческое судно «Викери», чтобы отправиться на нем в залив Св. Ольги, а по последним известиям, полученным Военным Губернатором Приморской Области Бакунин, побыв в заливе Св. Ольги, отправился оттуда в Хакодате для торговых дел, а потому Контр-Адмирал Козакевич просил Русского консула в Хакодате употребить свое влияние и оказать содействие к возвращению Бакунина в Николаевск.

Долгом считаю о вышеизложенном довести до сведения Вашего Сиятельства.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть

Покорнейшим слугою
Михаил Корсаков [102]).

Лейтенант 9 флотского экипажа БРОНЗЕРТ

Показания Бронзерта.

На следующие вопросы	Ответил:
1. Какого числа и месяца 1861 года получил он от Старшего Адъютанта Морского Отделения Штаба Командующего войсками в Восточной Сибири расположенными Капитан Лейтенанта Сгибнева пакет за № 85 адресованный на имя Военного Губернатора Приморской Области?	1) Не имея никаких сведений, чтобы с точностью определить время получения им упомянутого пакета, приблизительно припоминает, что это происходило около половины июня месяца 1861 г.
2. Не был ли он при получении этого пакета предупрежден о безотлагательном доставлении оного по принадлежности?	2) Обстоятельства этого дела объяснены им в точности при отобрании показаний во время пребывания его еще в Николаевске. При чем вновь подтверждает, что ему предупреждений никаких сде-

3. Вследствии каких побудительных причин пакет этот он передал для доставления в Николаевск мичману Волкову, ибо по делу обнаружено, что по поводу таковой самопроизвольной передачи, пакет получен в Николаевске не своевременно и именно после уже бегства Бакунина за границу, а между тем из дела видно, что он прибыл в Николаевск вместе с Бакуниным на одном пароходе,—следовательно, вышеупомянутый пакет за № 85, мог быть получен в Николаевске своевременно, если бы он, Бронзерт, доставил его сам лично?

лано не было о важности данного ему пакета.

3) С разрешения Генерал-Губернатора Восточной Сибири он, Бронзерт, отправлялся в Кяхту, и боясь опоздать во время приехать в Стретенск, откуда вскоре должен был уходить пароход «Чита», и предполагая все таки важность пакета, адресованного на имя Губернатора Приморской Области, счел за нужное передать пакет этот одному из офицеров, отправляющихся прямо в Стретенск. Передал же г. Волкову, потому что он имел уже несколько пакетов, полученных им также от Капитан-Лейтенанта Сгибнева [103]).

Мичман 27 флотского экипажа ВОЛКОВ

Показания мичмана Волкова.

На данные ему вопросы:

1) Какого числа и месяца 1861 года, в бытность его в г. Иркутске, получен им от мичмана Бронзерта пакет за № 85, адресованный на имя Военного Губернатора Приморской Области Восточной Сибири.

Представил следующие ответы:

1) Числа и месяца означенного года когда им был получен пакет от мичмана Бронзерта, не помнит.

2. А как означенный пакет не был им своевременно доставлен по принадлежности, послучаю будто бы болезни его, Волкова, то обязывается он представить неопровержимые доказательства о том: где и с какого времени находился он больным;

2) Ежели пакет был не доставлен во время в г. Николаевск, то это произошло совершенно от случайностей, независящих ни от Бронзерта, ни от него, Волкова. Бронзертом передан был ему пакет, по той причине, что он предполагал мимоездом побывать в Кяхте, следователь-

кто его от этой болезни пользовал; откуда именно, какого числа и месяца 1861 г. отправился по выздоровлении в г. Николаевск; не был ли предупрежден от мичмана Бронзерта о том, чтобы упоминаемый пакет доставлен был безотлагательно по принадлежности.

но он, Волков, мог доставить пакет в г. Николаевск скорее его, а между тем вышло иначе: через несколько дней после отъезда Бронзерта он заболел и пользовал его доктор Гржибовский в гостиннице Розена, до самого выезда его, Волкова, из Иркутска. В доказательство, что он действительно был болен и лечился, ссылается на Капитан-Лейтенанта Сгибнева, почтмейстера Комаровича, чиновника Лаубе, хозяина гостинницы, а в особенности на то, что рецепты г. Гржибовского должны быть записаны в книгу вольной аптеки, из которой получались лекарства. Хотя не помнит положительно время выезда из Иркутска, но это обстоятельство можно видеть из книги станции Иркутска, где прописана его подорожная. Предупрежден от Бронзерта на счет пакета не был и содержания бумаги в пакете совершенно не знал.

Дивизионный доктор войск Иркутской и Енисейской губернии Коллежский Советник Гржибовский отозвался, что в 1861 году он действительно пользовал мичмана 27 Флотского Экипажа Волкова с 7 по 27 июня месяца, как видно из поступавших в аптеку Шульца рецептов [104]).

Исправлявший должность начальника штаба при Командире Сибирской Флотилии и портов Восточного Океана, находящийся ныне, в прикомандировании к 8-му Флотскому Экипажу.

Лейтенант АФАНАСЬЕВ.

Показания лейтенанта Афанасьева.

На вопросы:

1. Имея полную возможность узнать кто такой Бакунин от прибывших вместе с ним в Николаевск пассажиров, равно из вопросов об этом лице, встречавшемся с ним, Афанасьевым, в квартире чиновника Бодиско, он, Афанасьев, при следствии объяснил, что ему неизвестно было о личности Бакунина.

Ответил.

1. Ведя в Николаевске жизнь более уединенную от общества и занятый постоянно исполнением служебных обязанностей он мало встречался с Бакуниным и с лицами, прибывшими с ним в Николаевск, у себя их не видел, и личность Бакунина его вовсе не интересовала, чтобы собирать о нем подробные сведения. Он видел Бакунина в квартире чиновника Бодиско и на вопрос его, Афанасьева: кто этот господин получил ответ: это Бакунин, сосланный в Иркутск, он там давно живет, женился и был хорошо принят у графа. Вопрос его был беглый, между разговором о других предметах, и как он не имел никакого подозрения об этом лице, то и не расспрашивал более. Поэтому хотя он в показаниях при следствии не говорил о неизвестности ему личности Бакунина, но так как действительно не знал когда, за что и на каких правах он сослан, то может утвердительно сказать, что о личности Бакунина не знал. Известность, что он сосланный, еще не объясняет его положения. Спешнев был сослан на жительство в Иркутск, а Подполковник Князь Дадошкалиан сослан туда на службу; между тем оба свободно ездили по Амуру и бывали в Китае и в Японии. Не видя официальных пре-

2. Получив предъявление Аудитора военно-судной Комиссии Котюхова о намерении Бакунина бежать за границу в то время, когда клипер «Стрелок», на котором отправился Бакунин, был в виду, он, Афанасьев, остался равнодушным к личности Бакунина, не принял тотчас же, как исправляющий должность Начальника Штаба, никаких мер преграждения побегу Бакунина, и не сделал надлежащего обо всем том доклада Управляющему Приморской Областью Капитану 1 ранга Петровскому.

достережений Начальства на счет Бакунина, как сделано было в то же время о Богуше, прибывшем на одном и том же пароходе в Николаевск, он, Афанасьев, никак не мог предполагать в нем ничего особенного и подозрительного и как ни Бакунин, ни он, Афанасьев, не искали знакомства между собою, то не было и поводов к ясному сознанию с его стороны значения личности Бакунина.

2) Утром 7-го Июля, когда клипер «Стрелок» снялся с якоря, явился к нему, Афанасьеву, аудитор Котюхов и объяснил, что он имеет сообщить ему важный документ, но для этого он, Афанасьев, должен идти с ним в его квартиру (которая была довольно далеко от Штаба, где он, Афанасьев, жил). Кого или чего касается его секрет, он не говорил. Полагая для себя правилом терпеливо выслушивать всех и каждого и по возможности исполнять предъявляемые желания, он пошел к Котюхову, несмотря на непонятность причин такой таинственности и на полную возможность деликатно отказаться от похождения. На пути к его квартире, он указал ему, Афанасьеву, на видневшийся вдали за Чныррахом клипер «Стрелок» и сказал: там пошел Бакунин; он хочет бежать за границу. На вопрос, какие данные на такое подозрение, Котюхов повел его, Афанасьева, к себе и показал клочек бумаги,

исписанный с поправками, в виде письма, где писавший высказывает, что едет с помощью друзей за границу, а жена его приедет туда через Петербург. Давши ему, Афанасьеву, прочесть эту записку, не выпуская впрочем ее из своих рук, Котюхов стал уверять, что это писал Бакунин к одному из приятелей. На вопрос его, Афанасьева, откуда он достал эту записку, он сказал, что это его секрет. Он, Афанасьев, просил дать ему записку, чтобы иметь какое нибудь основание для доклада Управляющему Областью и для распоряжений, но Котюхов отозвался, что он отдать записку не может. Для переговоров с Котюховым и для уразумения истины нужно было время. Когда он вышел от Котюхова, клипера уже не было видно. В аудиторе Котюхове он всегда видел беспокойного молодого человека, лениво исполняющего свою должность, но честолюбивого, всегда интригующего и озлобленного на неудачу в интригах. Месяца 2 перед этим он был замечен в преднамеренном желании выставить действия местных начальствующих лиц в противузаконном, или смешном виде, за что получил строгий выговор от Контр-Адмирала Козакевича. Возвращаясь в штаб, сильно предубежденный против Котюхова, он, Афанасьев, делал следующее соображение: большого доверия к словам Котю-

хова иметь нельзя, потому что со страстью интриговать и вмешиваться в чужие дела, он может ошибаться, если и действительно говорит с доброй целью. Его вывод подозрения на Бакунина бездоказателен, потому что письмо, так таинственно явившееся, неизвестно когда писанное, хотя бы и от Бакунина, не служит верным основанием. Бакунин путешествует по открытому предписанию: если он действительно под присмотром, то об нем было бы извещение, как сделано о Богуше. Вместе с Бакуниным прибыли в Николаевск знакомые с ним: Начальник Артиллерии Восточной Сибири Генерал-Майор Кондратьев и чиновник Особых Поручений при Генерал-Губернаторе Гурьев, которые, хорошо зная положение Бакунина и путешествуя с ним вместе, вероятно сообщили бы ему, Афанасьеву, или Управляющему Областью, о возможности подозрения, тем более, что знали уже они о его отправлении на клипере в Кастри. Если Котюхов действует благонамеренно, к чему эта необычайная таинственность и проволочка; почему он не объявил этого в квартире его, Афанасьева, когда он мог еще остановить клипер, и почему он не отдал ему, Афанасьеву, записки. Не есть ли эта новая интрига выставить в неблагоприятном и неразумном виде тревогу и поиски начальствующих лиц за Бакуниным. При том, если и

есть какое нибудь вероятие в объяснении Котюхова, то нет совершенно никакой возможности остановить тотчас же Бакунина, потому что клипер «Стрелок» ушел, да и нет никаких данных на такое серьезное официальное распоряжение. Рассуждая таким образом, он сделал заключение, что не имеет никакого повода докладывать о слышанном им Управляющему Приморской Областью Капитану 1 ранга Петровскому, которого, как больного человека, он может только этим без нужды и возможной пользы растревожить. Но между тем, сознавая шаткость своих убеждений в отношении Бакунина, и желая предупредить возможность промаха в его упущении, тотчас же написал две записки: к командиру клипера «Стрелок» Капитан-Лейтенанту Сухомлину, и к начальнику поста в Кастри Подпоручику Карельскому, предупреждая обоих о подозрении на Бакунина и прося их принять меры, чтобы он не оставался долго в Кастри и чтобы подозрение не оправдалось на деле, так как в Кастри постоянно в продолжении лета заходят коммерческие суда. Обе записки отправил в Кастри с особо нарядженным рядовым через Мариинск на пароходе, ушедшим туда в тот же день, рассчитывая на этот путь как на единственную возможность сделать что либо поспешное. К несчастью, его предупреждение не могло иметь по-

следствий, потому что Бакунин не был в Кастри и, пересевши на коммерческое судно у Лазарева мыса, ушел в Ольгу. Из вышеизложенного можно видеть, что он, Афанасьев, по получении предъявления аудитора Котюхова, не остался равнодушным к личности Бакунина и принял возможные меры к воспрепятствованию на случай его побега. Других распоряжений положительно нельзя было сделать. Клипера не было видно. Посылать в догонку за ним речной пароход, который был в Николаевске, кроме неблаговидности, такое распоряжение показало бы одну перепуганную суетливость, так как на изготовление парохода нужно было по крайней мере 2 часа, и было бы безрассудно, потому что речной пароход, как плоскодонное судно, не может плавать в лимане, не подвергаясь опасности быть залитым на волнении. Если бы он доложил в то время Капитану 1 ранга Петровскому о представившемся подозрении, то конечно сложил бы с себя всякую ответственность в упущении Бакунина. Но это-то умолчание и доказывает его добросовестность в деле Бакунина и непреднамеренность. Если человек действует честно, ему не приходит в голову искать возможности устранить от себя ответственность. Его, Афанасьева, занимала в то время мысль найти возможность к предупреждению промаха и отгадка предполагаемой

3. В открытом предписании г. Исправляющего должность Генерал-Губернатора Восточной Сибири от 4 Июня 1861 года предлагалось всем Командирам *казенных речных пароходов*, находящимся в том году в плавании по рекам Шилке, Амуру, Усури и Сунгари принимать Бакунина на вверенные им пароходы без всякого препятствия. Он, Афанасьев, при докладе Капитану 1 ранга Петровскому о просьбе Бакунина дозволить ему сделать переход до Кастри на клипере «Стрелок», сказал, что Бакунин, нутешествуя на *казенных пароходах* но открытому предписанию, заслуживает внимания в своей просьбе, и нет причин отказать ему в дозволении идти на клипер.

интриги аудитора Котюхова, а никак не равнодушие. Поставленный в исключительное положение загадочностью происшествия, немудрено, что он терялся в раздумьи и сделал промах в ограждении себя от ответственности.

3) В Бакунине видел личность, разъезжающую по Амуру с коммерческой и описательной целью, а в имеющемся при нем открытом предписании видел документ доверия к нему и покровительства цели его поездки от Исправляющего должность Генерал-Губернатора Восточной Сибири, и потому точное определение границ его поездки не приходило ему, Афанасьеву в голову, напротив, в подробностях указаний открытого предписания он мог видеть желание Начальника края, чтобы Бакунин не встречал нигде препятствий и задержек в своей поездке, тем более знаменательное, что течение реки Сунгари вне Русской границы. Уважая вполне все распоряжения Исправляющего должность Генерал-Губернатора, он скорее мог ожидать неудовольствия с его стороны от жалоб Бакунина на стеснения и препятствия в поездке, чем от предупредительного внимания к его просьбам. Видеть препятствие на поездку в Кастри потому только, что этого названия нет в открытом предписании, он, Афанасьев, мог считать неуместной, вздорной придиркой к букве, в то время как

он не имел никакого подозрения на Бакунина и видел в нем другую личность, чем он был на самом деле, Притом, живя долго в Николаевске, привык к мысли, что Кастри есть дополнение Николаевска и неразрывно связано с понятием *устье Амура*, как Амурский рейд с морской стороны. По объяснению Бакунина, что он находит нужным видеть Кастри и проехать оттуда в Мариинск, чтобы составить верное описание о торговом пути на этой местности, он, Афанасьев, с своей стороны был убежден в действительной необходимости такой поездки и, по объясненным выше причинам, при докладе Управляющему Областью о просьбе Бакунина идти на Стрелке, положительно не видел причин отказать ему в этом, и находил логичным и справедливым сказать, *что Бакунин путешествуя на казенных пароходах по открытому предписанию заслуживает внимания в своей просьбе и нет причин отказать ему в дозволении*. В понятии его, Афанасьева, просьба Бакунина идти на клипере «Стрелок» в Кастри означала его желание облегчить свой путь удобством переезда и видеть плавание по лиману и морем, потому что он мог бы, без всякой просьбы к местному начальству, проезжать в Кастри из Мариинска, так как между этими близкими между собой пунктами производится постоянное и деятельное

сообщение по озеру Кызи, и никто бы не мог в том ему препятствовать [105]).

Бывший аудитором военно-ссудной комиссии в портах Восточного Океана губернский секретарь **Котюхов,** ныне аудитор 2 пешей бригады Забайкальского казачьего войска.

Показания аудитора Котюхова.

На нижеследующий запрос:

В письме к Флота Генерал-Аудитору от 18-го мая 1862 года, он, Котюхов, между прочим писал: что однажды возвратившись в квартиру свою из военно-судной Комиссии раньше обыкновенного, нашел на столе, между бумагами, письмо от неизвестного человека, в котором сей последний просил его предупредить Лейтенанта Афанасьева о намерении политического преступника Бакунина бежать за границу, и что он, Котюхов, своевременно об этом доводил до сведения г. Афанасьева, который будто бы на это совершенно равнодушно сказал: «а нам что за дело до Бакунина, пусть себе бежит, отвечать за него будем не мы, а Генерал Корсаков».

Лейтенант Афанасьев, не опровергая сделанного им, Котюховым, ему предъявления, говорит по этому предмету так: что когда он по предложению его, Котюхова, прибыл к нему в квартиру, то он показал ему клочек бумаги, исписанный с поправками,

Объяснил:

Вникнув в отзыв г. Афанасьева он, Котюхов, находит, что Афанасьев, повидимому, старается теперь оправдать себя в неприятии своевременно надлежащих мер к удержанию от побега политического преступника Бакунина неуверенностью в подлинности предъявленного им, Котюховым, письма.

1) Оправдание это едва ли может быть принято в уважение, потому что письмо вообще проникнуто было чисто Бакунинским антиправительственным духом (конечно, г. Афанасьев не скажет, что он не знал, что такое за личность Бакунин) и вместе с тем такою неподдельною откровенностью, что нельзя было ни на минуту усомниться в том, что оно писано было Бакуниным, особенно ежели принять в соображение, что выраженное в нем намерение Бакунина уже приведено было в исполнение, и что сам г. Афанасьев не имел ни малейшего в том сомнения; это доказывается, между прочим тем, что им хотя два дня спустя сделано было *на всякий случай* распоряжение о задержании Бакунина. Пусть

в виде письма, где писавший высказывал, что едет с помощью друзей за границу, а жена его приедет через Петербург. В письме было означено имя одного из друзей писавшего, но так зачернено, что совершенно нельзя отгадать. Дав прочитать это письмо г. Афанасьеву, не выпуская впрочем из рук своих, он, Котюхов, стал уверять, что это писал Бакунин к одному из своих приятелей, на вопрос же его, Афанасьева, откуда он, Котюхов, достал это письмо, сказал: «что это его секрет». Против вышеизложенного обстоятельства, он, Котюхов, должен объяснить: 1-ое, подтверждает ли он письмо свое к Флоту Генерал-Аудитору от 18 мая 1862 г., 2-ое, в какой степени находит правдоподобным вышеприписанный отзыв лейтенанта Афанасьева, 3-е, какие имеет доказательства, что письмо было писано не от Бакунина, а действительно от неизвестного человека, 4-ое, не знает ли он по почерку руки этого человека, 5-ое, не сохранилось ли у него сказанное письмо и если оно находится при нем, то обязывается представить оное.

скажет г. Афанасьев, какое другое основание, кроме сообщенного им, Котюховым, сведения, имел он к тому распоряжению, и ежели одно только его, Котюхова, предъявление послужило к тому поводом, то почему же этому предъявлению поверено было не тотчас, после того как оно сделано, а лишь через два дня. Наконец, допустим, что г. Афанасьев действительно сомневался в подлинности письма Бакунина. Пусть же сам он скажет теперь по совести, была ли обнаружена им перед ним, Котюховым, хотя тень этого сомнения. Ежели бы Афанасьев сказал в то время, что он не верит одному лишь тому доказательству, какое им, Котюховым, предъявлено, он представил бы другие, он прямо указал бы на того человека, от которого получено им письмо Бакунина, а тот для бóльшего убеждения Афанасьева, мог бы тоже что-нибудь представить. Конечно, никак не по тому расчету, что командир судна, на котором ушел из Николаевска Бакунин, пока дойдет до Де-Кастри, по своему обыкновению посетит предварительно все банки на Амурском лимане, а до того в Де-Кастри сообщено будет, что Бакунин беглец. Он, Котюхов, знает г. Афанасьева настолько, что ставит его гораздо выше подобных оправданий, и полагает, что настоящей причиной почти бездействия его в этом слу-

чае было убеждение, что побегу Бакунина способствует сам Генерал Корсаков. В этом же роде была впоследствии молва в Николаевске, а из соображений этой молвы с тем, что было сказано ему, Котюхову, Афанасьевым, при извещении его о побеге Бакунина, можно догадываться, кто распространил ее и как следует понимать сокрытие Афанасьевым (не только участвовавшим, но даже руководившим в производстве первого следствия о побеге Бакунина) предъявления его, Котюхова, о намерении этого преступника, и того распоряжения, какое, вследствие предъявления, было сделано. Здесь впрочем кстати сказать, что ежели только письмо Бакунина действительно заподозрено было в подлинности Афанасьевым, то ни по какой другой, а по той же самой причине, так как в письме, относительно участия Генерала Корсакова, встречалось явное противоречие. Здесь Бакунин откровенно сознавался, что Генерал Корсаков, увольняя его на Амур, взял с него честное слово не бежать заграницу.

2) Правда, что письмо местами так зачеркнуто было чернилами, что разобрать зачеркнутое не было никакой возможности.

3) Как назвал он, Котюхов, Афанасьеву того, к кому адресовалось письмо, т.-е. приятелем, другом Бакунина или иначе, не помнит, впрочем здесь ни вопрос, ни ответ,

каков ни был дан последний, не имеют особого значения.

4) Каким образом попало к нему, Котюхову, упомянутое письмо, он не сказал Афанасьеву по воле лица, передавшего оное ему, Котюхову. Впрочем, Афанасьев нисколько не настаивал на этом вопросе, и, повидимому, так был испуган письмом, что не только не потребовал его от него, Котюхова, но даже не выслушал его до конца.

5) Читая и при этом держа письмо в своих руках, он, Котюхов, действительно не выпускал его, потому что был совершенно в нормальном состоянии и в силах держать его. Притом же Афанасьев был настолько деликатен, что не брал его у него из рук.

В дополнение к тому, что изложено им по сему делу в письме к Флота Генерал-Аудитору и в настоящих ответах, объясняет, что письмо Бакунина передано ему, Котюхову, в таком виде, в каком предъявлено им Афанасьеву, Николаевским купцом Вебером, которому, по просьбе его, и возвращено им, Котюховым, в тот же день. Из содержания этого письма, кроме того, что сообщено Афанасьевым, он, Котюхов, помнит между прочим сознание Бакунина в том, что он имел при себе револьвер и яд, которыми намерен был в случае поимки его избавиться от изгннанической жизни.

И 6) что Афанасьев тогда же обнаружил план оправдания своего по настоящему делу, сказав прямо, что вся ответственность за побег Бакунина падает на Генерала Корсакова, и при этом выразился таким образом: «ведь в одно время с Бакуниным прибыл в Николаевск политический преступник Богуш из Иркутска, предписано иметь надзор за ним, отчего же непоследовало такого распоряжения о Бакунине!»

Затем, подтверждает он, Котюхов, письмо свое к Флота Генерал-Аудитору или нет, видно из всего того, что объяснено им, Котюховым, в этих ответах.

В доказательство того, что письмо, о котором спрашивается в 3 пункте сих вопросов, писано не самим Бакуниным, представляет явную несообразность, чтобы Бакунин просил удержать от побега самого себя. Письмо это писано тем купцом, который поименован им, Котюховым, выше [106]).

Спрошенный в Николаевске в присутствии Военного Губернатора Приморской Области и портов Восточного Океана, **Николаевский купец Вебер**

На данные ему вопросы

1) Действительно ли он 8 июля 1861 года писал к Аудитору Котюхову записку, в которой просил его предупредить лейтенанта Афанасьева о намерении политического пре-

Отозвался:

1) Писал ли он или говорил словесно, не помнит, но знает с достоверностью, что одно или другое сделал.

ступника Бакунина бежать заграницу.

2) Упоминал ли он в этой записке, что Хитрово и Филипеус помогают побегу Бакунина; если упоминал, то какие имел на это данные.

2) Не помнит.

3) Точно ли он передавал помянутому Аудитору подлинное письмо Бакунина, в котором сей последний сам сознавался, что он едет заграницу.

3) Не помнит, показывал ли он письмо или только о нем говорил.

4) К кому именно Бакунин писал это письмо, т.-е. к нему, Веберу, или к одному из своих знакомых; в последнем случае: как оно попало в руки его, Вебера.

4) Это письмо было писано не к нему, но к другому лицу, от которого он и получил оное: но дав честное слово, что никогда не объявит его имени, на вопрос этот отвечать не может.

5) Если сказанное письмо Бакунина было им писано к нему, Веберу, то когда именно, т.-е. в то ли самое время, когда Бакунин был в Николаевске. или прежде?

5) Письмо это было писано не к нему, следовательно, не знает, когда было писано, а... *) его не помнит.

6) Был ли он знаком с Бакуниным и не говорил ли Бакунин ему при свиданиях о своих намерениях.

6. С Бакуниным был очень мало знаком, от него ничего не слышал об его намерениях.

Постановление об обыске у Вебера.

Вместе с сими ответами Вебера были препровождены к Исправляющему должность Генерал Губернатора Восточной Сибири:

Следующее постановление:

1863 года июля 27 дня, по рассмотрении ответов Николаевского 3-й гильдии купца Вебера, мною определено: сейчас же в бумагах его произвести обыск Николаевскому полициймейстеру в установленном порядке, ибо

*) Неразборчиво.

хотя Вебер, на требование мое от него письма, ответил, что уничтожил его, но при всем том обыск признается мною необходимым, Свиты Его Величества Контр-Адмирал Козакевич.

и *Акт*, в котором сказано, что того же числа, по распоряжению Господина Военного Губернатора Приморской Области Восточной Сибири, Николаевский Полициймейстер производил в бумагах Николаевского 3-й гильдии купца Вебера и вещах его, при Обер-Аудиторе Чурилове, окружном стряпчем и понятом, в присутствии Вебера, самый тщательный осмотр, при чем никакого письма, писанного к Веберу, в котором бы упоминалось что-нибудь о политическом преступнике Бакунине, а равно и писем Бакунина к Веберу не найдено [107]).

Начальнику Александровского поста подпоручику Карельскому было предписано Военным Губернатором Приморской Области и Командиром Сибирской Флотилии и портов Восточного Океана донести: передана ли и когда именно бумага под № 2288 капитан-лейтенанту Сухомлину, если же не передана, то не осталась ли в делах его, Карельского, и в этом случае также представить с положительным сведением: 1-е, когда именно прибыл тогда в Де-Кастри рядовой Слободчиков; 2-е, когда прибыл туда же клипер «Стрелок», долго ли пробыл в заливе; 3-е, как была исполнена им, Кар., бумага под № 2289, и ежели им было кому-либо писано по этой бумаге, то представить копию, ежели не исполнена им означенная бумага, то объяснить причину, 4-е, представить отношение Штаба Командира Сибирской Флотилии и Портов Восточного Океана от 6 июля 1861 года за № 2216-м, на имя его, Карельского, и 5-е, кроме означенных бумаг не было ли им получено от лейтенанта Афанасьева записок или

писем с предупреждением о подозрении на политического преступника Бакунина.

На предписание это подпоручик Карельский донес, что рядовой № 4 батальона прибыл в вверенный ему, Карельскому, пост в 1861 г. июля 14 дня, который принес 2 конверта один за № 2289 на его, Карельского, имя, а другой за № 2288 на имя Капитана клипера «Стрелок». Клипер этот пришел из Николаевска в Де-Кастри 9 июля 1861 г., 11 отправился в Дуй за углем, и 15 возвратился обратно в Де-Кастри, и предписание за № 2288 было передано ему того же числа.

«Ответ его, Карельского, был написан Начальнику Штаба лейтенанту Афанасьеву такого содержания, что в вверенном ему, Карельскому, посту Бакунина не находится, а также и на клипере «Стрелок», но что он перешел еще в лимане со Стрелка на коммерческое судно, которое в Де-Кастри не зашло, а прошло прямо в море. Что же касается до предписания от Штаба на имя его, Карельского, посланное от 6 июля за № 2216 в 1861 году, то оного не получил и в делах не оказалось, писем и записок от лейтенанта Афанасьева им, Карельским, получено не было, кроме предписания за № 2289».

При чем подпоручик Карельский представил подлинное самим лейтенантом Афанасьевым писанное, секретное предписание его от 9 июля 1861 г. за № 2289.

74. Письмо лейт. Афанасьева подп. Карельскому.

Содержание этой бумаги следующее:

«Начальнику поста в Де-Кастри г. Подпоручику Карельскому.

«На клипере «Стрелок» отправился в Кастри г. Бакунин, политический преступник, сосланный на жительство в Иркутск без права выезда, и прибывший в Николаевск по открытому предписанию Генерал-Губернатора на честное слово не уезжать. Об отправлении его через Кастри в Мариинск сообщено Вам от Штаба. Между про-

чим, по отъезде г. Бакунина, некоторые факты дают повод думать, что с его стороны существует намерение уехать за границу на одном из коммерческих судов из Кастри, что поставило бы здешнее начальство в затруднительное положение в отношении Высшего Правительства. Сообщая о сем Вашему Благородию, покорнейше прошу секретно, но строго наблюдать за г. Бакуниным, чтобы он не уехал за границу и для посещения им коммерческих судов не давать шлюпку, в чем отговариваться можете разными предлогами. В случае же если он поедет без Вас на купеческой шлюпке, то прошу тотчас же ехать за ним или просто попросить вернуться. При этом покорнейше прошу Вас настоящего предписания г. Бакунину не открывать и о присылке каких-либо бумаг с настоящим посланным ему не говорить, чтобы тем не дать повод думать, что его подозревают. В случае если в его поведении Вы заметите что-либо подозрительное, то прошу Вас, не стесняясь предложить г. Бакунину тотчас же отправиться в Мариинск, а в случае сопротивления отправить с провожатыми. Об этом в отношении г. Бакунина прошу Вас сообщить Командиру клипера «Стрелок» и передать на его имя прилагаемое письмо такого же содержания. Вообще в отношении г. Бакунина будет весьма хорошо, если Вы отправите его возможно скорее из Кастри, но по возможности не обижая, а под благовидным предлогом отказывая во всем, кроме отправления в Мариинск. Посланного с этим пакетом рядового 4 батальона Слободчикова прошу Вас прислать в Николаевск на первом военном судне после отъезда г. Бакунина в Мариинск и даже лучше с самим Бакуниным».

Исправляющий Должность Начальника Штаба Лейтенант **Афанасьев.** P. S. Если г. Слепцов в Кастри, то скажите ему коротко, что г. Бакунин под присмотром. Если транспорт

Японец или вообще какое-либо военное судно находится в Кастри, то также сообщите командирам и просите их наблюдения, но под секретом.

Лейтенант **Афанасьев**» [108]).

В приобщенной к делу справке из исходящего журнала Штаба Командира Сибирской Флотилии и портов Восточного Океана, объяснено, что предписанием за № 2216 (о коем упоминается в вышеозначенном предписании Контр-Адмирала Козакевича к подпоручику Карельскому и донесении последнего) требовалось оказать Бакунину содействие во время пребывания его в Де-Кастри, а при отъезде в Мариинск снабдить лошадьми.

Показания ген. Кондратьева.

Начальник Артиллерии Восточной Сибири Генерал-Майор Кондратьев, на вопрос Исправляющего должность Генерал-Губернатора от 2 мая 1863 г. за № 5, о том, что по прибытии 2 июля 1861 г. в Николаевск на пароходе Амур, на коем в числе пассажиров был и Бакунин, не объяснял ли он, Кондратьев, при свидании с Капитаном 1-го ранга Петровским и лейтенантом Афанасьевым, между прочими, разговорами о личности Бакунина, отозвался, что с капитаном Петровским, сколько может припомчить, ему о Бакунине говорить никогда не случалось, даже не знает, видел ли Петровский Бакунина. Что касается до лейтенанта Афанасьева, то раз в общем разговоре, в котором, сколько помнит, принимал участие и Афанасьев, его, Кондр., спрашивали, не знает ли подробностей дела, для которого Бакунин приехал в Николаевск, он, Кондр., отвечал, что знал не более того, что сам Бакунин говорит: что он прибыл по коммерческим делам агентом какого то нового торгового предприятия, но что подробности дела ему, Кондратьеву, тоже не известны, так как он мало ими интересовался. Помнит, что некоторые из присутствующих разбирали: какие коммерческие дела можно вести в Нико-

лаевске, не ожидали, чтобы Бакунин мог удачно действовать на подобном поприще и как Бакунин личность известная многим в Сибири, то легкомыслие, с которым он взялся за незнакомое дело, объяснили другими не практическими его предприятиями в роде не удачного также заведения фермы близь г. Читы и тому подобными. На этих догадках и прекратился разговор о Бакунине, но сколько он, Кондратьев, может теперь заключить из подобного разговора, ни кому из них и на мысль тогда не приходила возможность побега Бакунина за границу, тем более, что сам Бакунин, постоянно и при всяком случае, выражал свои надежды на милость Государя Императора и на возвращение его со временем в Россию, к родным, подтверждая эти свои предположения тем, что ему уже дозволено, ежели пожелает, вступить на Государственную службу в Сибири.

Заключение Козакевича.

Военный Губернатор Приморской Области и Командир Сибирской Флотилии и портов Восточного Океана Свиты Его Величества Контр-Адмирал Козакевич на предложение Исправляющего должность Генерал-Губернатора Восточной Сибири—доставить к нему вышепомянутые предписания лейтенанта Афанасьева к подпоручику Карельскому и капитану-лейтенанту Сухомлину, с подробным его, Контр-Адмирала, по сему предмету заключением, изъяснил, что сообразив предписание лейтенанта Афанасьева за № 2289, содержащее в себе распоряжение его о прекращении преступнику Бакунину возможности побега из Де-Кастри, он, Контр-Адмирал Козакевич, находит означенное предписание весьма юридическим доказательством тому, что Афанасьев, до объявления ему аудитором Котюховым о намерении Бакунина бежать заграницу, действовал не зная не только намерений последнего, но даже и кто он такой был. Фразы написанные в начале предписания Афанасьева, конечно, наводят на

мысль, что ему был известен Бакунин во всех отношениях; но если принять во внимание, что аудитор Котюхов объявил Афанасьеву о намерениях Бакунина 7 июля, то из этого прямо заключить можно, что объявление не ограничивалось одними намерениями, но и обо всем, что только касалось личности Бакунина, что так же мог узнать от лиц, прибывших в Николаевск вместе с Бакуниным из г. Иркутска. За тем вопрос: которого числа июля лейтенант Афанасьев написал предписание Начальнику поста в Де-Кастри за № 2289, разрешается самим предписанием, на котором выставлено 9-е число. Но здесь не лишне сказать, что в исходящем журнале Штаба означенное предписание записано 8 числом собственной рукой Афанасьева. Это могло быть сделано им или по ошибке или для памяти, чтобы на следующий день исполнить задуманное, тем более, что пароход «Амур» вероятно не был готов 8 числа к отплытию из Николаевска, а отправился 9-го и на нем посланы были означенные предписания за №№ 2288 и 2289; скорость доставления конвертов с этими предписаниями доказывает, как лейтенант Афанасьев заботился о недопущении Бакунина к исполнению задуманного побега. К обвинению лейтенанта Афанасьева можно сказать, почему же он, зная о намерении Бакунина 8 числа, тотчас не отправил своих предписаний на пароходе «Амур», но и это упущение вышло во 1-х из местной необходимости в огромной нагрузке парохода «Амур» предметами, всегда имеющими большое значение для казны, и во 2-х намерения Бакунина, сделавшиеся так внезапно известными лейтенанту Афанасьеву, в то время не могли представляться ему столь важными. Необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство: по показанию аудитора Котюхова, он предъявил лейтенанту Афанасьеву о намерении Бакунина бежать заграницу 7-го июля, тогда как сам он

узнал это от купца Вебера 8-го числа. В предписании его, Исправляющего должность Генерал-Губернатора, за № 12 значится 8 июня, но это вероятно описка, так как сам Бакунин прибыл в Николаевск 2-го июля. В совершенном убеждении, что разговор Аудитора Котюхова с лейтенантом Афанасьевым о Бакунине не мог происходить ранее 8-го июля, следовательно, после отплытия клипера «Стрелок», он, Контр-Адмирал Козакевич, выводит окончательное заключение в отношении действий Вебера и Котюхова, особенно последнего—из хода дела видно, что они между собой были коротко знакомы, и потому что было известно Веберу—знал и Котюхов, это доказывает, что ежели Веберу были известны намерения Бакунина ранее бегства его из Николаевска, то конечно знал о том и Котюхов, следовательно прямым долгом его было тотчас заявить обо всем по принадлежности; но он этого не сделал и разговоры его с лейтенантом Афанасьевым после отплытия Бакунина с Николаевского рейда, нельзя уже назвать *объявлением о намерении Бакунина бежать за границу*, а просто можно считать, что Котюхов говорил, что ему были известны намерения Бакунина, и говорил это, конечно, с честолюбивою целью—выставить себя на вид Начальства. Впоследствии же, потерпев неудачу по службе, за недобросовестное исполнение своей обязанности, он воспользовался воспоминанием фактов и дал Правительству такого рода показания, чтобы привлечь лишь к делу Бакунина начальствующих лиц, каких сочтет для этого нужными по своим своекорыстным соображениям.

К этому присовокупил, что в исходящем журнале Штаба под 8 числом Июля 1861 г. за № 2288 действительно записано собственной рукой лейтенанта Афанасьева секретное предписание Командиру клипера «Стрелок» без означения содержания.

При чем доставил требовавшееся подлинное

предписание за № 2289 (приведенное выше), в отношении же предписания за № 2288 отозвался, что клипер «Стрелок» отправился в Кронштадт.

После чего о доставлении сей последней бумаги Исправляющий должность Генерал-Губернатора просил Главного Командира Кронштадтского порта; за не отысканием же ее в делах клипера, истребование оной от капитана лейтенанта Сухомлина, находящегося ныне в Русском Обществе Пароходства и Торговли, поручено морским начальством Главному Командиру Николаевского порта.

Заключение Корсакова.

Препровождая дело, по окончании дополнительного исследования, к Шефу Жандармов г. Генерал-Адъютанту Князю Долгорукову, Исправл. должность Генерал-Губернатора Восточной Сибири изложил, что по мнению его виновными в этом деле оказываются следующие лица: 1) Мичман Бронзерт, в самовольной передаче конверта, в самом же Иркутске, мичману Волкову. 2) Лейтенант Афанасьев, в неправильном докладе Исправляющему должность командира Сибирской флотилии о том, что Бакунин путешествует на казенных пароходах по открытому предписанию Генерал-Губернатора. 3) Капитан 1-го ранга Петровский,—в разрешении Бакунину итти в море, не приняв в соображение положительных о нем сведений. 4) Капитан-лейтенант Сухомлин,—в произвольном разрешении Бакунину не доходя до Де-Кастри пересесть на купеческое судно.

По получении дела от г. Главного Начальника III-го Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, Управляющий Морским Министерством, приняв в соображение, что следственное дело о побеге за границу государственного преступника Бакунина рассматривалось в Декабре 1862 года в особой Комиссии под председательством Действительного Тайного

Советника Князя Голицына и что Комиссией этой сделаны по оному разные замечания, по которым и производилось, согласно особому Высочайшему повелению, дополнительное следствие Исправляющим должность Генерал-Губернатора Восточной Сибири, находил, что следовало бы передать все дело в Комиссию под председательством Действительного Тайного Советника Князя Голицына, для рассмотрения и соображения оного с теми сведениями, которые имеются в виду о Бакунине. Но предварительно доклада о сем Государю Императору просил г. Главного Начальника III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии уведомить о заключении Его Сиятельства по сему предмету.

В ответ Генерал-Адъютант Князь Долгоруков сообщил, что он по этому обстоятельству входил в сношение с председателем упомянутой Комиссии, и г. Статс-Секретарь Князь Голицын уведомил его, что первоначальное производство по означенному делу находилось в рассмотрении председательствуемой им, Князем Голицыным, Комиссии и обстоятельства оного с замечаниями и заключением сей Комиссии были представлены на благоусмотрение Государя Императора, вследствие чего последовало Высочайшее повеление, сообщенное к исполнению Управляющему Морским Министерством 17 декабря 1862 г. за № 451, а потому он, Статс-Секретарь Князь Голицын, находит, что в дальнейшем направлении этого дела следует поступить на точном основании означенного Высочайшего повеления и передача дела сего в председательствуемую им Комиссию была бы не согласна с сим повелением; к тому же после рассмотрения Комиссией дела о побеге Бакунина, не поступало в оную никаких сведений, относящихся до этого дела [109]).

Флота Генерал-Аудитор *П. Глебов*.

Заключение Н. Краббе и В. А. Долгорукова.

По рассмотрении изложенных обстоятельств дела сего, мы находим, что при производстве Генерал-Губернатором Восточной Сибири дополнительного следствия некоторые из замечаний Высочайше учрежденной под председательством Статс-Секретаря Действительного Тайного Советника Князя Голицына Следственной Комиссии остались не расследованными. Принимая во внимание, что заключение сей Комиссии о неполноте начально-бывшего дознания Высочайше утверждено Вашим Императорским Величеством, мы считаем необходимым, предварительно рассмотрения степени прикосновенности лиц к настоящему делу, упомянуть об оставшихся необследованными замечаниях помянутой Комиссии: по сим замечаниям — 1) Не спрошен бывший Иркутский Гражданский Губернатор Действительный Статский Советник Извольский во 1-х, на каком основании выдан им Бакунину вид на свободный проезд в Приморскую Область Восточной Сибири и обратно в Иркутск, когда Бакунин уже имел выданный ему от Генерал-Губернатора открытый лист, по которому все командиры казенных пароходов, находившихся в плавании по рекам Шилке, Амуру, Усури и Сунгари обязаны были принимать его на пароходы без всякого препятствия, и во 2-х, о причине нарушения 560 ст. XV т. 2 кн. Св. Зак. Угол. 2) Не спрошен Чиновник Особых поручений при Генерал-Губернаторе Гурьев, который прибыл в Николаевск на одном пароходе с Бакуниным и, по объяснению исправлявшего должность начальника штаба при командире Сибирской флотилии и портов Восточного Океана лейтенанта Афанасьева, был хорошо знаком с Бакуниным, и, следовательно, знал о его личности. От него, Гурьева, Афанасьев и управляющий Приморской Областью капитан 1-го ранга Петровский легко могли бы знать, кто такой Бакунин, во время пре

бывания последнего в Николаевске. 3) Не приведено в точную известность, кто такие Хитрово и Филипеус, о которых в письме Николаевского купца Вебера к аудитору Котюхову говорится, что они помогают или по крайней мере, обещали способствовать побегу Бакунина, и что они имеют большое влияние на управлявшего Приморской Областью капитана 1-го ранга Петровского. 4) Не исследовано, какие были отношения сказанных Хитрово и Филипеуса к Бакунину, и в чем заключалась их помощь. Относительно степени прикосновенности лиц морского ведомства к этому делу, по следствию обнаруживается, что мичман Бронзерт, полученный им 5-го июня 1861 г. в Иркутске от старшего адъютанта штаба морских и сухопутных войск в Восточной Сибири капитан-лейтенанта Сгибнева запечатанный пакет, в котором заключалось посылаемое Иркутским Гражданским Губернатором к Военному Губернатору Приморской Области сообщение от того же 5-го числа июня за № 85 о состоянии Бакунина под надзором полиции, передал мичману Волкову для доставления, а сей последний, захворав в Иркутске, прибыл с пакетом в Николаевск в то время—когда Бакунин уже успел оттуда выехать. В бумаге, при коей этот пакет поступил в штаб морских и сухопутных войск в Восточной Сибири, о содержании находившейся в оном бумаги не упоминалось, а излагалась только просьба—отправить пакет с первым отправляющимся в Николаевск курьером, или с кем признается удобным к Военному Губернатору Приморской Области Восточной Сибири, при чем просьба эта была мотивирована так: «Желая воспользоваться первым удобным случаем для скорейшего доставления прилагаемого пакета за № 85»; а с боку бумаги написано: «Нужное». На самом же пакете значились только: адрес и №. Бронзерт объясняет, что он, имея позволение Генерал-

Губернатора побывать мимоездом в Кяхте и боясь опоздать к пароходу в Стретенске, а в это же время,—хотя при получении пакета не был предупрежден о безотлагательном доставлении его, но все же, предполагая важность пакета, адресованного на имя Военного Губернатора Приморской Области, счел за нужное передать сей пакет мичману Волкову, как отправляющемуся прямо в Стретенск и имевшему уже пакеты от капитан-лейтенанта Сгибнева. Мичман Волков отозвался, что он захворал через несколько дней после отъезда Бронзерта; предупрежден же последним о безотлагательном доставлении пакета не был. Действительность болезни Волкова подтверждается отзывом пользовавшего его врача, уведомившегося, что он пользовал Волкова с 7 по 27 июня, как видно из рецептов, поступавших в аптеку. По соображении сих обстоятельств, виновность Бронзерта заключается в самовольной передаче им пакета Волкову, тогда как, по порядку, он должен был бы доложить капитан-лейтенанту Сгибневу о своем опасении опоздать прибытием в Стретенск. При этом здесь уместно заметить, что с первого взгляда является виновным и капитан-лейтенант Сгибнев в том, что не предупредил Бронзерта о надобности доставить пакет безотлагательно, но с другой стороны, в оправдание Сгибнева необходимо сказать, что пакет был отдан им офицеру, отправляющемуся с первой возможностью из Иркутска в Николаевск, куда был адресован пакет, а знал ли г. Сгибнев о позволении, данном Бронзерту Генерал-Губернатором заехать в Кяхту, из дела не видно, и Сгибнев против отзыва Бронзерта при следствии не спрошен. Также не имеется точных сведений о том: знало ли Начальство своевременно о болезни Волкова, получившего разные пакеты от капитан-лейтенанта Сгибнева. Затем относительно капитана 1-го ранга Петровского

и лейтенанта Афанасьева, открывается о первом, что судя по отзывам: самого капитана 1-го ранга Петровского, Генерал-Майора Кондратьева, ответам лейтенанта Афанасьева и выражениям о Петровском в письме купца Вебера к аудитору Котюхову не только нельзя думать, чтобы Петровский мог способствовать побегу Бакунина, но даже нет основания к заключению, что Петровский действительно имел достаточный повод не допустить Бакунина выехать из Николаевска; Геперал-Майор Кондратьев отозвался, что сколько может припомнить, ему с Петровским о Бакунине говорить никогда не случалось,— а за сим ни содержание вида, полученного Бакуниным на проезд из Иркутска в Николаевск, ни значившееся в имевшемся у него открытом листе не были таковы, чтобы могли навести положительно на мысль о подозрительности Бакунина. Равно нет по следствию никаких доказательств или уважительных улик к обвинению или подозрению лейтенанта Афанасьева в умышленном содействии или попущении Бакунину на побег; напротив, в пользу Афанасьева служит особенно, во-1-х, то, что не открыто никаких сношений его с Бакуниным или соумышленниками последнего, и, во-2-х, то, что он после отъезда Бакунина из Николаевска поспешил послать предписание о наблюдении за Бакуниным в Де-Кастри, куда пошел пред тем из Николаевска клипер «Стрелок», на котором отправился Бакунин. Но лейтенант Афанасьев виновен, во всяком случае, в том 1) что не доложил в свое время капитану I-го ранга Петровскому о том, что Бакунин, сосланный в Иркутск (о чем знал сам), и что о Де-Кастри не значится в открытом листе у Бакунина, а также 2) в том, что не довел немедленно до сведения Петровского о переданном ему, Афанасьеву, о Бакунине аудитором Котюховым; в этом отношении все оправдания

Афанасьева (неимение официального предостережения о Бакунине, привычка считать Де-Кастри—дополнением Николаевска, таинственность Котюхова, плоскодонность парохода «Амур», нежелание растревожить больного Петровского), как несогласные с требованиями службы и подчиненности, не заслуживают уважения. Что касается командира клипера «Стрелок» капитан-лейтенанта Сухомлина, то он не оказывается виновным, ибо, не имея от начальства никакого особенного приказания насчет Бакунина и считая последнего за человека свободного, он, конечно, не был в праве воспретить Бакунину пересесть на барк Викери, шедший до того на буксире клипера. По сим соображениям и принимая на вид, 1) что хотя доследование, произведенное Генерал-Губернатором Восточной Сибири, заключает в себе неполноты, о коих сказано выше, но как вместе с тем трудно ожидать, чтобы после истечения трех лет со времени события, новое дополнительное исследование повело дело к более важному результату и 2) что лейтенант Афанасьев, уже по одному содержанию открытого листа, имевшегося у Бакунина, мог видеть в Бакунине человека, пользующегося особым доверием Генерал-Губернатора, то следовательно, в сознании значения генерал-губернаторской власти, вероятнее всего, в бездействии своем против Бакунина, руководился боязнью навлечь на себя неудовольствие Генерал - Губернатора за препятствие поездке Бакунина, — мы по общему нашему мнению, полагаем, что казалось бы возможным ограничиться наложением на лейтенанта Афанасьева и мичмана Бронзерта взысканий в порядке административном, а именно: выдержать Афанасьева два месяца в каземате крепости, а Бронзерта месяц на гауптвахте.

О чем повергаем на благоизволение Вашего Императорского Величества [110]).

75. Письмо Вебера Генерал-Адъютанту Лутковскому от 20 Сентября 1863 года.

Ваше Превосходительство!

Военный Губернатор Приморской области, по Высочайшему повелению предложил мне несколько вопросов, касавшихся до побега Бакунина, на которые я ответил или уклончиво или не отвечал вовсе. Причина моего поступка заключается в следующем:

Ежели Вашему Превосходительству будет угодно лично рассмотреть следственное дело, производящееся в настоящее время в Иркутске о побеге Бакунина, то легко убедитесь в том, что я, желая, во что бы то ни стало, помешать Бакунину бежать, написал аудитору Котюхову письмо, в коем подробно изложил обстоятельства, долженствовавшие сопровождать бегство Бакунина, просил известить обо всем лейтенанта Афанасьева, исправлявшего тогда должность начальника Штаба, и посоветовать ему задержать, так или иначе, беглеца. Подлинная записка Котюхова, которую имею честь представить Вашему Превосходительству, может хотя в части подтвердить истину здесь рассказанного.

После этого естественно рождается вопрос: почему я, который два года тому назад изыскивал средства для удержания Бакунина в Сибири, желая, повидимому, оказать услугу Правительству, теперь, когда то же Правительство спрашивает меня о некоторых подробностях, касающихся до этого дела, я отказался отвечать на предложенные мне вопросы? На это я отвечу со всей откровенностью: хотя я искренно желал помешать Бакунину убежать за границу, хотя я дал знать Начальству о его намерениях, все-таки я никак не желал прослыть доносчиком. Я хотел остановить беглеца по причинам, от-

части изложенным в письме моем к Котюхову, но я не хочу участвовать в доносе Котюхова.

Обращаюсь к Вашему Превосходительству с объяснением по этому делу и обращаюсь не как к Генералу Лутковскому, а как к представителю Монарха: говоря с Вами, я воображаю, что говорю с самим Императором, а потому, основываясь на известном всему миру великодушии и высоком благородстве ЕГО, я уверен вперед, что лицо, к которому было адресовано письмо Бакунина, не подвергнется никаким преследованиям закона, а я, называя это лицо, не буду трактован как доносчикъ.

Вот все подробности, относящиеся к письму Бакунина и составляющие сущность вопросов, предложенных мне Контр-Адмиралом Козакевичем.

В конце июня или начале июля 1861 года приплыл в Николаевск на пароходе «Амур» Бакунин, зашел ко мне и спросил о Шатынском (молодом военном инженере, с которым Бакунин познакомился в Иркутске, и с которым я в начале марта приехал в Николаевск). Услышав от меня, что Шатынский месяц тому назад отправился в Иркутск, Бакунин сказал: «в таком случае постарайтесь ради Бога повидаться с Маюровым (инженер-механик) и получить от него мое письмо, адресованное на имя Шатынского. Прочитайте это письмо, авось оно рассеет обычную Вашу апатию и подвинет на деятельность на другом поприще».

Я получил помянутое письмо и узнал из него: 1) что Бакунин, прося дозволения ехать на Амур, дал честное слово генералу Корсакову, что не убежитъ: «давая это слово», — пишет Бакунин, — «я дал себе другое — бежать непременно»; 2) что он рассчитывает на содействие Хитрово, тогдашнего Правителя Канцелярии, которого он надеялся купить на деньги, и

на Филипеуса, делопроизводителя в Штабе, игравшего иногда роль либерала: 3) что его зовет в Лондон Герцен действовать за одно для блага России; 4) что для этой цели он готов жертвовать даже своей женой, которую оставляет на произвол судьбы. Впрочем, письмо было наполнено напыщенными фразами, общими местами и ультра-революционными возгласами.

Чтобы убедить Афанасьева, что Бакунин действительно хочет бежать, я передал это письмо Котюхову, прося его показать Начальнику Штаба. Вот подробный ответ на вопросы, предложенные мне в Николаевске, другие подробности побега Бакунина уже, вероятно, раскрыты следствием.

С истинным почтением имею честь быть Вашего Превосходительства покорный слуга. [111])

Гилярий Вебер.

Благовещенск. 20 сентября 1863 г.

76. Секретное отношение исправляющего должность генерал-г бернатора Восточной Сибири щефу жандармов от 4 февраля 1864 года.

Имею честь препроводить при сем к вашему сиятельству в 2-х томах следственное дело, произведенное мною по Высочайшему повелению о побеге за границу Государственного преступника *Бакунина* и записку, составленную по приказанию моему состоящим при мне для особых поручений полковником Шульманом, с изложением сущности всего дела, по рассмотрении коего оказываются, по мнению моему, виновными следующие лица:

1) *Мичман Бронзерт*,—в самовольной передаче конверта, в самом же Иркутске, мичману Волкову.

2) *Лейтенант Афанасьев*, — в неправильном докладе исправляющему должность командира Сибирской флотилии о том, что Бакунин путешествует на *казенных пароходах* по открытому предписанию генерал-губернатора.

3) *Капитан 1-го ранга Петровский*,—в разрешении Бакунину итти в море, не приняв в соображение положительных о нем сведений.

4) *Капитан-лейтенант Сухомлин*,—в произвольном разрешении Бакунину, не доходя Де-Кастри, пересесть на купеческое судно [112]).

77. Ген. Потапов—Н. Краббе.

Милостивый Государь,
Николай Карлович!

Вследствие отношения за № 431, имею честь с возвращением дела о побеге за границу политического преступника Бакунина и записки из сего дела, составленной в управлении флота генерал-аудитора, уведомить ваше превосходительство, что так как, по соображении обстоятельств этого дела, главною причиною упущений, имевших последствием побег Бакунина, можно считать открытое предписание генерал-губернатора Восточной Сибири, коим командиры пароходов обязывались принимать на оные помянутого преступника,—каковое предписание послужило некоторым лицам и отговоркою, хотя не вполне уважительною, их упущения; также неудовлетворительность распоряжений со стороны местного начальства для предупреждения начальства Приморской области об отъезде его туда и неправильный вид, выданный ему бывшим Иркутским гражданским губернатором, и принимая во внимание, что по этому делу не обвиняются ни генерал-лейтенант Корсаков, ни действительный статский советник Извольский, я полагал бы признанных виновными в том капитана 1-го ранга Петровского, капитана-лейтенанта Сухомлина, лейтенанта Афанасьева и мичмана Бронзерта не предавать суду, а подвергнуть дисциплинарному взысканию; что же касается аудитора Котюхова, то в доказательство того, что он имел основание заявить лейтенанту Афанасьеву о намерении Бакунина бежать за границу, служит прилагаемое письмо, полученное им от Вебера, которое считаю долгом препроводить в подлиннике к вашему превосходительству.

При этом считаю долгом уведомить вас, милостивый государь, что других сведений о сношениях Бакунина в Восточной Сибири, кроме тех, какие были в виду высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии, 3-е отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии не имеет.

Примите, ваше превосходительство, уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности [113]).

А. Потапов.

12 июня 1864 г.

Примечания

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Часть I., лист 227. Подлинник написан рукой Бакунина. Этот отрывок идет под № 1 в списке немецких бумаг, отобранных у Бакунина. Отрывки, идущие у нас под №№ 1—8, имеются в деле *на немецком языке*. В конце каждого отрывка следует подпись; «с подлинным верно. Г. Гаммер Асессор.» Эту подпись мы не воспроизводим. Мы не соблюдаем также порядка, в котором идут бумаги в «деле», а публикуем их в последовательности, соответствующей их содержанию.

2. Лист 228. В списке немецких бумаг № 2. Подлинник написан рукой Бакунина.

3. Лист 229. В списке немецких бумаг № 3. Подлинник написан рукой Бакунина.

4. Лист 230. В списке немецких бумаг № 4. Подлинник написан рукой Бакунина.

5. Последняя фраза переведена буквально. Смысл ее, очевидно, таков: «Славянская нация находит отношение к ней со стороны немцев враждебным; от такого отношения к славянской нации немцы, как разумные и особенно как честные люди, должны раз-навсегда отказаться».

6. Лист 249. В списке немецких бумаг № 10. Подлинник написан рукой Бакунина.

7. № 257. В списке немецких бумаг под № 11. Подлинник написан рукой Бакунина.

8. Напоминаем, что воспроизводятся черновики Бакунина, где мысль часто была лишь первоначально, отрывочно сформулирована и осталась неразвитой.

9. Лист 261. В списке № 12. Подлинник написан рукой Бакунина.

10. Лист 263. В списке № 13. Подлинник написан рукой Бакунина. Настоящий отрывок относится, всего вероятнее, к тому периоду, когда Бакунин пытался рассеять враждебное отношение немцев к славянам. Об этом он подробно говорит в «Исповеди», см. стр. 204—205 настоящего издания.

11. Лист 274. Подлинник на французском языке, написанный рукой Бакунина. Заглавие статьи принадлежит Бакунину.

12. Лист 191. В списке русских бумаг, доставленных Шредером, под № 1. Оригинал на руском и французском языках.

Перевод: «Впечатление, которое я получил, приехав в Дрезден, похоже на то, как если бы мне опрокинули на голову ночной горшок. Мы здесь—среди цвета нашей аристократии, можете себе представить, что это такое. Сообщите мне, пожалуйста, что Вы думаете делать»...

Печатая письмо по новой орфографии, мы сохраняем оригинальную транскрипцию слов и расстановку знаков препинания. Это указание относится ко всем последующим документам аналогичного характера.

13. Лист 193. В списке русских бумаг под № 3. Оригинал на русском и французском языках. Даты нет. На копии надпись: «писанное во вторник, в полдень». Подпись неясна; вероятнее всего Андржейкович.

Помещаем перевод слов и фраз в том порядке, в каком они расположены в письме:

1. epiciers—лавочники, мещане;
2. cette immense majorité—это подавляющее большинство;
3. l'assemblée—собрание;
4. людей страсти и людей убеждений!
5. морскую болезнь;
6. в обетованную землю;
7. Кавеньяк, Виндишгрец, Елачич;
8. «Если вы спите в Дрездене, то, по крайней мере, кто спит, тот не грешит,—тогда как нужно себе представить, в каком глубоком ничтожестве и грязи здесь копошатся».
9. «Избрание Наполеона означает ни что иное, как признак вырождения французского народа—вырождения, которое является естественным следствием его низкого поведения в отношении человечества и революции—во всех случаях после февраля. Низкая и предательская Франция заслужила это смешное положение, наложив сама себе ярмо на шею, но спрашивается—чье? Если бы оно было, по крайней мере, реальным, а не ярмом тени—имени—химеры. В этом и заключается исторический рок. Бессилие в настоящем,—низость и позорный эгоизм—вот те преступления, которые связывают ее с прошлым. Как дряхлый старец, она пытается жить воспоминаниями, она одевает на себя снова платье, которое носила, когда была молодой, думая, что платье ей вернет молодость. Это возмездие за изгнание рабочих—ирландцев, немцев, савойцев,—за предательство революции в Германии, Бельгии, Италии, Польше, за предоставление умирать с голоду, да, буквально, умирать с голоду полякам, которые покинули свою страну, чтобы сражаться под ее знаменами.

Нет, мой дорогой, когда свободный и могущественный народ делает все это, когда он спускается до политики, достойной времен Дюбарри, это значит, что господа французы—действительно дряхлые старцы и что не им дано завершить дело человечества».

10. Для аристократа сказано не плохо,—и это может произвести впечатление на немцев.

11. «Ответь мне, что я должен сделать; пришли мне русский или французский экземпляр и пиши мне так, чтобы я мог тебя читать— твой брат по революции».

14. Лист 192. Оригинал на русском языке. В списке русских бумаг под № 2. Даты нет. На копии документа надпись, указывающая, что письмо это написано «в среду вечером». Подпись разобрать невозможно. Мы приписываем это письмо Андржейковичу, автору писем, помещенных у нас под №№ 10 и 11. За наше утверждение говорят и содержание письма (ср. с № 11) и стиль.

Речь идет, как и в письме № 11, вероятнее всего, о «воззвании к славянам».

15. Лист 197. В списке русских бумаг под № 4. Подлинник написан рукой Бакунина латинскими буквами. Без даты. Без подписи.

16. Лист 197. В списке русских бумаг под № 5. Датировано 12 сентября 1848 г. Из Вены.

Вероятно это то самое письмо, которое Бакунин упоминает в «Исповеди» (см. стр. 187 наст. издания.).

Вслед за приведенным выше письмом в списке русских бумаг под № 6 (лист 199) идет «записка о русских судах». Автор ее неизвестен. Мы полагаем, что она написана кем-либо из русских друзей Бакунина.

Довольно обширная по объему, она имеет весьма незначительную историческую ценность. Для характеристики этой записки приведем наиболее существенные места, полагая излишним воспроизводить ее целиком.

«Если есть ветвь организации в России, в которой можно более всех видеть примеры деспотизма, то это есть гражданские процессы. Несмотря на то, что самодержавною же властию назначены известные правила и законы, они ежедневно нарушаются в пользу одного, которому Монаршая власть покровительствует за дружбу или за так называемые придворные заслуги, делаются частные исключения на счет его противника, которые, разумеется, уничтожают всякую мысль о собственности.

Суды, начиная с высшей инстанции и кончая низшею, наполнены теми людьми или, лучше сказать, нелюдьми, которых в России называют техническим словом подъячие. Люди, лишенные всякой чести, достигшие дворянства путями более чем подлыми, из низшего сословия. Нельзя представить до какой степени пагубен этот отвратительный класс людей, до чего доходит наглость этих купцов права, торгашей справедливости. Они громко говорят о своих взятках или, как они называют, доходах. Они берут за всякое дело без исключения, попавшееся несчастным образом под их руки. У них нет ничего святого. Деньги есть их Бог. Народ с презрением на них смотрит. Одно название чиновника уже заставляет подозревать в нем подъячего.»

«В каком положении находится судебная часть. Гражданские и уголовные законы до 1832 года, как и все права в России, находились более чем в жалком положении. Множество указов, начиная с уложений царя Алексея Михайловича, одни другому противоречащие,

составляли то, что называлось законом. Так что судья честный находился всегда в недоумении,—на основании которого из указов решить дело. Судья же бесчестный, в которых недостатка никогда не было, делал из суда торговую лавку и продавал справедливость с молотка. Еще Екатерина II убедилась в невозможности такого состояния и учредила комитет, в который были посажены самые пустые, за то самые старые служивые, не разбирая хорошенько, были ли это старые негодные генералы или интриганы придворные, читавшие насилу ее подпись и писавшие очень исправно свою. Им было поручено собрать все указы и потом составить из них одно целое. Но вошел на престол Николай, а все еще указы не были собраны; а комитет не переставал замещать умерших безголовных членов своих подобными же и сколько возможно худшими еще, награды же за невидимые заслуги этих господ сыпались и сыпались от щедроты руки их Господина. Наконец, Николай, понявши очень хорошо, что одна умная Русская голова сумеет устроить все это, но что на это надо непременную его волю, чтоб победить Русскую лень, приказал окончить все к 1832 году и поручил это Сперанскому. В 1832 году вышел свод в 15-и томах, заключавший в себе все узаконения Империи. Труд этот немного уменьшил своеволие судьи... Но частые противоречия в Своде заставили правительство предписывать всем судам представлять обо всем, что найдут они неясным. Новые указы и объяснения старых глупостей составили огромные томы под названием *продолжений*. После Сперанского занял его место Дашков, человек высокого ума, европейского образования, стремящийся к истине; но не надолго: он умер, и вот вместо его определен Блудов, умный, добрый, честный, но окончательно неосновательный теоретик. В 1842 году выдано было новое издание Свода, наполненное ошибками. Противоречащие статьи запутали не одного судью. Чиновники, занимавшиеся этим изданием, награждены были 3 и более наградами, Блудов сделан был графом; а судьи горевали о прежнем издании».

17. Лист 231. Оба отрывка в списке под № 5. Подлинники написаны рукой Бакунина. История с обвинением Бакунина в шпионстве может считаться выясненной. Так как корреспонденция появилась в № газеты от 6 июля 1848 г., определить время, когда написаны были эти черновики, не представляет труда. Подробности самой истории см. 1) Ю. М. Стеклов—«Михаил Александрович Бакунин», его жизнь и деятельность. ч. 1. Москва, 1920 г. Изд. И. Д. Сытина. 2) Вяч. Полонский—«Бакунин. Из истории русской интеллигенции. Том I. «Бакунин—романтик» Москва, 1922 г. Гос. Изд-во.

18. Лист 235. Подлинник на немецк. яз. написан рукой Бакунина. В списке под № 6. Среди бумаг, представляющих собой варианты писем Бакунина редактору «Neue Rheinische Zeitung» имеются еще два черновика (в списке немецких бумаг под № 7 и 8), которые мы не воспроизводим, так как оба варианта являются частями того же письма с незначительными уклонениями от отрывков, приведенных нами.

19. Лист 268. В списке № 17. Подлинник на немецком яз. написан рукой Бакунина. Под № 16 в списке имеется отрывок, состоящий из двух первых абзацев этого письма, отличающийся тем, что вместо обращения «дорогой Руге» стоит «Господин Редактор», а в начале второго абзаца вместо слов «дорогой друг» стоит «Господин редактор». Во всем остальном строки тождественны. Этот отрывок мы не воспроизводим. Из №№, напечатанных нами выше, Стекловым и Полонским опубликованы: полностью №№ 10, 13, 15, 16, 17 и частично № 11.

20. В списке немецких бумаг под № 15. Подлинник написан рукой Бакунина.

21. Лист 274. Подлинник на французском языке написан рукой Бакунина, без даты. Опубликовано Стекловым и Полонским.

22. Лист 210. В списке русских бумаг под № 9. Без обозначения места. Год не обозначен. Адресован в Кетен на имя депутата доктора фон Бера. Написано, по нашему мнению, в 1848 г.

23. Лист 209. В списке русских бумаг под № 8. Даты нет. Не обозначено место, где письмо было написано.

24. Лист 207. В списке русских бумаг под № 7. Адресовано в Париж на имя А. Рейхеля rue Bourgogne № 4 для передачи М. Бакунину.

25. Лист 212. В списке русских бумаг под № 10. Год не обозначен. Адресовано из Парижа в Берлин на имя Густава Сигмунда, Breite Gasse, № 1.

М. И. Полудинская—родная сестра Н. Сазонова. В копиях ее писем, попавших в III Отделение, имеется подпись «М. Полудина». Возможно, что она имела привычку не дописывать последних букв фамилии и переписчик превратил ее в Полудину.

Тотчас же по получении этих писем гр. Орлов запросил Московского губернатора гр. Закревского, «действительно ли проживает в Москве, на Ильинке, в Юшковом пер. в доме Мещанинова г-жа Полудина, а также собрать подробные сведения об образе ее жизни, состоянии, занятиях и, в особенности, дознать, какого она образа мыслей, равным образом справедливо ли, что у нее живет молодой человек, по имени Николай, сын ли ее это, или под сим именем проживает другое лицо».

Закревский ответил длинной бумагой (ч. I, лист 286), с указанием некоторых данных и с обещанием «собрать более подробные сведения».

«Молодой человек, по имени Николай» был малолетним сыном М. И. Полудинской, с которым она была за границей.

Перевод:

Рейхель говорит, что он потому послал эти письма, что я не дала ему других и что иметь хоть эти вам будет приятно, я не нашлась, что ему ответить, но мне стало казаться, что весь Париж радуется.

Они были написаны в плохом настроении, я испытала порядочно неприятностей по отъезде из Брюсселя, я вам расскажу об

этом в письмах из России; теперь у меня только одна мысль, получить от вас как можно скорей весточку. Прощайте, прощайте, увы, я не могу сказать до свидания, а между тем от вас зависит приехать в Берлин, ведь это так близко от Позена. Но прощайте. Да защитит и сохранит вас господь. Я могу только молиться за вас.

Мы часто говорим о вас с Николаем; я вас уверяю, он любит вас от всего сердца.

---

26. Лист 217. В списке русских бумаг под № 11. Подлинник написан рукой Бакунина на русском языке в Берлине.

27. Этой «следующей» записки в делах б. III Отделения среди прочих документов, относящихся к Бакунину, не оказалось. Возможно, что она вообще не была написана.

28. Лист 295. Подлинник на немецком языке. Воспроизводим копию, имеющуюся в архиве. Опубликована указанными выше авторами. Записка была представлена в Петербург фон Шредером при письме от $^{5}/_{17}$ апреля 1850 г. (лист 294, часть I «дела»). В письме своем (подлинник на французском яз.) Шредер писал между прочим:

«Содержание письма лишний раз свидетельствует о путанице в его понятиях и о той непреодолимой ненависти, какую он испытывает по отношению к русскому правительству.

Это политические бредни, повторение сказанного в его бумагах, касающихся славянства...

... Барон Бейст говорил мне, что сейчас же вслед за prerogation *) саксонского парламента, будет вынесен приговор высшего военного суда, и что тогда последует выдача Бакунина Австрии.

Граф Куфштейн уверяет меня, что Бакунин останется в Праге недолго, так как его немедленно отправят в Краков, где он будет передан следственной комиссии. По всей вероятности, там он не будет придерживаться своего метода отрицания».

Среди немецких бумаг, относящихся ко времени судебного разбирательства в Саксонии, имеется интереснейшее письмо некоего д-ра Чинского, адресованное графу Нессельроде. Письмо это, которое мы приводим полностью, дает любопытный материал как для характеристики жадного внимания, с которым относилось русское правительство к процессу, так равно и условий, в которых протекал самый процесс. Хозяйничанье австрийской следственной комиссии в Дрездене бросает также свет на отношение австрийского правительства к пленному революционеру.

---

*) Вероятно здесь описка. Имеется в виду «перерыв».

Ред.

78. Письмо Чинского графу Нессельроде.

«Ваше Превосходительство обращались ко мне уже ранее с вопросом, когда закончится следствие, начатое по делу о майских беспорядках, в особенности то, что касается Бакунина. По этому поводу могу сообщить Вашему Превосходительству нижеследующее:

По свидетельству Советника Суда Швэбэ, комиссара, которому поручено производство устного допроса, и протоколиста Гаммера, которому поручено, главным образом, производство следствия, оно могло бы теперь уже быть представлено на утверждение, если бы его не задержало вмешательство находящейся в Дрездене австрийской Императорской и Королевской следственной комиссии. Эта комиссия в интересах аналогичного следствия, производящегося в Праге, устраивала здесь обширные расследования и частные допросы обвиняемых, каковые меры лишь отчасти имеют значение для нашего расследования. Тем не менее, Швэбэ и Гаммер надеются довести следствие в течение этой недели до окончательного допроса, если только известия, ожидаемые австрийским следователем из Праги, не вызовут новой отсрочки. Я же со своей стороны, как Ваше Превосходительство сами можете видеть, могу только тем ускорить производство следствия, что буду понуждать Трибунал к неустанной деятельности, и Ваше Превосходительство можете быть уверены, что я это делаю, так как для меня самого в высшей степени важно, чтобы это дело закончилось как можно скорее. Впрочем, я должен засвидетельствовать, что следственный Трибунал работал с неустанной энергией, доказательством чему служит тот факт, что ему понадобился краткий срок нескольких месяцев, чтобы довести до конца такое обширное следствие, в котором замешано несколько сот обвиняемых.

Примите, Ваше Превосходительство, уверение в моем глубочайшем почтении, с которым остаюсь Вашего Превосходительства покорнейшим слугой. Дрезден 17 сентября 1849» (ч. I л. 188).

29. Это извлечение полностью воспроизведено в книге Вяч. Полонского «Бакунин. Из истории русской интеллигенции». т. I, примечание 101 на стр. 386. Отрывки использованы также Ю. М. Стекловым, указан. соч. (примеч. 17).

30. См. собр. соч. и писем А. И. Герцена под ред. М. К. Лемке, т. VI статья «Михаил Бакунин»—стр. 483. См. также «Былое», 1907 г., июль. «Письмо к Мишле» Герцена.

31. Ошибка. Речь на польском банкете Бакунин произнес в ноябре 1847 г.

32. Это письмо, равно как и следующая записка даются нами в переводе с копии на немецком языке.

33. Kriegsrechts vortrag со всеми приложениями находится во II части «дела» о Бакунине (б. архива III Отд.). Опубликовано нами в III томе журнала «Красный архив» за 1923 год.

34. Подлинная «Исповедь» написана на больших листах писчего формата пожелтевшей бумаги без линеек. Почерк характерный бакунинский, бисерный. Листы исписаны с обеих сторон. 1-я и последняя страницы фототипически воспроизведены нами и приложены к настоящему тому. Всего в оригинале «Исповеди» 96 стр. (шитых четыре тетради—по 20—24 стр. и пятая—в 8 стр.). Это, вероятнее всего, беловой экземпляр, переписанный самим Бакуниным, так как помарок очень мало, а те, что имеются, незначительны: изредка зачеркнуты отдельные слова, вписаны другие сверху строк.

Доставлена была «Исповедь» в III Отделение в обертке (наружная страница воспроизведена нами на стр. 99 настоящей книги) с надписью: «От коменданта Санкт-Петербургской крепости». Над этой надписью сделана приписка карандашом:

«Г. Императоръ высочайше повелѣлъ переписать в III отделении, нѣтъ нужды, что разными руками, подъ строгимъ присмотромъ и вѣрнымъ людямъ. Я съ своей стороны прошу первые двѣ и послѣдніе двѣ тетрати наивѣрнѣйше списать. И когда будутъ готовы, мнѣ предъявить.

Гр. Орловъ».

Снизу имеется надпись чернилами:

«Переписанный экземпляр вручен Государю Императору 13-го августа 1851 года, при собственноручной запискѣ графа Орлова.

Л. Дубельтъ».

Переписана «Исповедь» была несколькими писцами-каллиграфами на 146 стр. писчего формата. Этот экземпляр испещрен пометками Николая на полях (нотабене, восклицательные знаки, фразы). Все эти пометки и резолюции покрыты лаком. Принадлежность их Николаю удостоверяется каждый раз надписью Дубельта. С этого экземпляра мы и воспроизводим в соответственных местах пометки Николая. Надписи Дубельта мы не сочли нужным воспроизводить. На первой странице этого же, переписанного, экземпляра имеется резолюция Николая, воспроизводимая нами пред начальными строками «Исповеди».

В некоторых случаях Бакунин делал выноски под текстом. Такие выноски, помещенные внизу под чертой, принадлежат Бакунину. В случаях, когда выноска сделана нами, всегда обозначено: «примеч. редактора». Текст «Исповеди» мы воспроизводим в том виде, в каком он был написан. Все особенности правописания принадлежат Бакунину. Мы сохраняем его начертание даже тогда, когда одно и то же слово он писал по разному (напр., Бельгия и Белгия). Наш текст «Исповеди» может, таким образом, дать полное представление о подлинном бакунинском стиле, а также о той степени, с какой он владел тонкостями русского языка.

35. В Лефортовском архиве (б. архив военного министерства) мы нашли небольшую тетрадь, озаглавленную: «№ 1820. Дело по 3 столу Отделения Императорского Департамента Военного Министер-

ства об увольнении от службы прапорщика 3-й полевой артиллерийской бригады Бакунина. Начато 12 ноября 1835 года. Кончено 2 декабря». Всего в этом деле 7 листов. Включает оно следующие бумаги: первым по порядку идет рапорт начальника Штаба генерал-фельдцейхмейстера от 15 ноября 1835 г. № 8413, уведомляющий дежурного генерала главного штаба о том, что «Его Императорское Высочество, генерал-фельдцейхмейстер» при докладе отношения о Бакунине «соизволил отозваться, что прапорщика 3-й полевой артиллерийской бригады Бакунина следует уволить от службы без всякого преимущества».

Далее следует копия отношения генерала Клейнмихеля, вызвавшего указанный выше рапорт. Приводим это отношение целиком (л. 2).

79.

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ
Департамент Инспекторский

Канцелярия. Санкт-Петербург,
12 Ноября 1835 года.
№ 6659.

Милостивый Государь,

Князь Илья Андреевич.

3-й Полевой Артиллерийской Бригады Прапорщик *Бакунин*, как видно из месячных рапортов, будучи командирован 10-го февраля сего года для покупки в действующие батареи ремонтных лошадей, заболел и по сей причине с 11 прошлого апреля находится в г. Торжке.

Я имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, почтить меня уведомлением как благоугодно будет ЕгоИмператорскому Высочеству Генерал-Фельдцейхмейстеру поступить с означенным офицером?

С совершенным почтением имею честь быть Вашего Сиятельства

Покорнейший слуга Клейнмихель.

Его Сият-ву Кн.
И. А. ДОЛГОРУКОВУ

На рапорте нач-ка штаба Генерал-фельдцейхмейстера красными чернилами имеется пометка: «сего офицера воспрещено увольнять в отпуск и отставку, о сем приказ по артиллерии 834 года за № 83». Эта надпись, очевидно, взволновала генерала Клейнмихеля, потому что дальше следуют два отношения (листы 3 и 4), обращенные в штаб генерал-фельдцейхмейстера, с просьбой о доставке приказа № 83.

Пятым листом идет ответное отношение штаба генерал-фельдцейхмейстера от 30 ноября 1835 года с приложением экземпляра приказа. Приводим приказ целиком (лист 6).

80.

ПРИКАЗ

Генерал-Фельдцейхмейстера

В С.-Петербурге. Февраля, 9 дня, 1834 года,

№ 83.

«Переведенных по Высочайшему Его Императорского Величества приказу февраля, в 3 день последовавшему, в Артиллерийские бригады и Конную роту офицеров, показанных в прилагаемом при сем списке, предписываю, согласно назначению в ротах зачислив, из прежних мест выключить, и приказать находящимся при Артиллерийском Училище офицерам явиться в Штаб Мой по Управлению Генерал-Фельдцейхмейстера для получения отправления. Вместе с сим согласно представлению Главноуправляющего Артиллерийским Училищем Генерал-Адъютанта Сухозанета, предписываю: Прапорщиков: Резваго, имеющего весьма хорошие способности, но оказывавшего постоянное неприлежание к наукам, почему и не был допущен к публичному испытанию, Бакунина и Свиньина, оказавших малые успехи и постоянное невнимание во время всего учебного курса, Яникова и Корсини при хорошей способности обнаруживших нерадение к наукам во время целого учебного курса, считать старшинством в настоящих чинах: Резвого с 1-го февраля 1833 года, Свиньина, Бакунина с 1 марта сего года, а Яникова и Корсини с 1-го генваря будущего 1835-го года, и сверх того последних четырех, равно и Прапорщика Третьякова, впредь до производства их в следующие чины, не увольнять ни в отпуск, ни в отставку.

Подписал: Генерал-Фельдцейхмейстер *Михаил*».

Последним седьмым листом идет приложенный к приказу «список подпоручику и прапорщикам, переведенным в Артиллерийские бригады и Конную роту». 6 по порядку в списке значится: «Бакунин в 3 полевую бригаду, в 3 легкую роту».

36. Сильно экзальтированный.

37. «Русский—прекрасный» или «великолепный парень».

38. Не иначе, qu'à mon corps défendant., «как в целях самозащиты», «как в целях защиты своего дела».

39. «Революция неизбежна, но никак нельзя предсказать, когда и как разразится французская революция; Франция подобна паровому котлу, всегда готовому взорваться, но момента взрыва которого никто не может предвидеть».

40. Пусть вспыхнет мир со всех четырех концов, лиш бы только мы вышли из этого постыдного и невыносимого положения.

41. «Будем готовы, и, когда час пробьет, каждый из нас исполнит свой долг».

42. «Это человек не лишенный таланта; мы им пользовались, но теперь он зашел слишком далеко».

43. «В Париже объявлена республика!»

44. «В Берлине сражаются; после своей речи король бежал. Борьба в Вене; Меттерних скрылся, объявлена республика. Восстала вся Германия. Итальянцы победили в Милане, в Венеции; Австрийцы потерпели постыдное поражение! Объявлена республика; вся Европа будет республикой—да здравствует республика!»

45. «Сам Бог изгнан с неба: там объявлена республика!»

46. «Нам ничего более не остается, как заставить забыть нас».

47. «Чтобы отбросить этот дикий народ в азиатские степи».

48. Предпарламент.

49. «Мы хотим попытаться совершенно потрясенную Австрийскую Монархию оживить, исцелить и укрепить на нашей славянской почве и нашими славянскими силами».

50. Немецкое отечество.

51. Родной и охваченный морем.

52. Первая редакция «Исповеди» приняла «Славянскую Липу» за «Славянскую Лигу». «Лига» пошла в оборот — между тем как Бакунин говорит о «Славянской Липе»—чешско-моравском обществе, образовавшемся в 1848 году; другое аналогичное обществе носило название «Моравский Дуб».

53. Вольные отряды.

54. «Без денег—нет швейцарцев».

55. «До тех пор, пока они идут с роковым именем Николая на устах».

56. «Каждый имеет право и должен иметь свое мнение», или короче—«каждый может сметь свое суждение иметь».

57. Я читал и перечитывал те несколько слов, которые передает мне отец, и глубоко запечатлел их в сердце своем. Да сохранит нам его Господь надолго, я не могу и не должен надеяться когда-либо увидать его, но знать, что он с Вами—это такое счастье, за которое я готов отдать жизнь.—А Вас, дорогая матушка, я благодарю, бладарю за то, что Вы приехали; я очень виноват перед вами и глубоко чувствую все благородство и всю любовь, заключающиеся в Вашем прощении; я чувствую себя достойным его по своим чувствам к Вам; чувства—вот единственная монета, которой я могу еще распоряжаться, тогда как действия мне запрещены на будущее время. Умоляю Вас писать мне так часто, как это нам будет разрешено, и рассказывайте мне о малейших событиях Вашей семейной жизни; нет скучных подробностей, когда они касаются любимых людей; мои письма будут более краткими, так как моя жизнь слишком однообразна для длинных описаний; то время далеко, когда я любил теряться в бесконечных рассуждениях. Еще одна просьба, дорогая Матушка, не говорите о нашей переписке равнодушным людям; я думаю, что лучше и для всех Вас и для меня, чтобы мир совершенно забыл о моем существовании, за исключением нескольких лиц, сердечно ко мне относящихся.

Ты, Татьяна, будешь мне писать чаще всех, я знаю, ведь ты моя крепостная; Николай не напишет мне ни строчки, это его право, право давности, признанное всеми, против которого никто не может возражать; но вы, все остальные братья и сестры, также и Аннета, моя прекрасная невестка, напишите мне несколько строк, хотя бы для того, чтобы я мог видеть ваши успехи в чистописании. Настоящее письмо покажет вам, что я со своей стороны никаких успехов в нем не сделал.

58. Часть 2-я, лист 95. Это письмо, по требованию Николая, было доложено ему, и отправка по адресу была «высочайше разрешена». Опубликовано указанными авторами неполностью. Мы воспроизводим копию, оставшуюся в архиве.

У Бакунина, как и у многих его современников, была привычка чередовать в тексте письма русский язык с французским. Воспроизводим письма такими, как они были написаны, т.-е. на обоих языках, давая каждый раз перевод в примечаниях.

59. В жизни, как на войне: чем более погибает товарищей по оружию, тем теснее смыкаются ряды, не теряя мужества от вражеских пуль.

60. Знаете ли Вы, как Вас уже все любят? Если бы Вы прочитали письма Матушки, Вареньки и Татьяны, то Вы бы сами убедились, что Вы, по крайней мере, прекрасный ангел, сошедший с неба для счастья человечества; будучи одарены самыми счастливыми качествами, Вы внесли в нашу семью новый элемент счастья, любви и радости; будьте же тысячу раз благословенны, дорогая и добрая сестра, будьте счастливы так, как Вы того заслуживаете. Что касается меня, то я намерен последовать хорошему примеру моего отца, который, как говорят, немножко за Вами ухаживает; итак, прошу Вас, сударыня, записать меня в число Ваших поклонников; чорт возьми, если нам вдвоем не удастся окончательно затмить Александра: моему отцу—потому что он, принадлежа к хорошему веку, сохранил самые драгоценные традиции настоящего рыцарства; а мне—потому, что за отсутствием других достоинств, у меня есть достоинство отсутствия; я нахожусь в довольно романтических условиях, хотя, по правде сказать, и довольно скучных, как все романтическое, но главное—я имею огромное преимущество быть Вам совершенно незнакомым; это дает свободное поле деятельности Вашему воображению, без сомнения, очень щедрому, и позволит Вам облечь меня всеми прекрасными качествами, которыми я не обладаю, и я не рискую разочаровать Вас; это драгоценное право; надеюсь, что Вы не преминете им воспользоваться; ведь чем великолепнее поклонник, тем больше бывает чести предмету его поклонения. Мне так живо описали Вас, дорогая сестра, что мне кажется, будто я Вас уже знаю и уже люблю Вас от всего сердца. Вы составите счастье Александра, так как назначение ангелов—делать людей счастливыми, а он никогда не перестанет любить и уважать Вас. Рядом со многими прекрасными качествами у него, говорят, есть один маленький недостаток, о котором я, по правде говоря, не должен говорить слишком дурно; у меня он был

в очень сильной степени, и—Бог знает,—не я ли оставил ему это печальное наследство: говорят, он все еще чуть не влюблен в немецкую метафизику; как видите, это соперница, но, думаю, не слишком опасная, так как надо быть совершенно безумным, чтобы думать о гегелевских абстракциях и категориях, имея подле себя такую очаровательную реальность; реальность с большими изумрудными глазами, как весьма поэтично выражается моя сестра Татьяна. Что касается меня, то все, что я вынес из своего долгого изучения философии—это глубокое отвращение ко всяким отвлеченностям, и не в сладостной области любви, а в тесной тюремной келье закончились мои философские грезы.

61. До известной степени имеешь право быть фантазером и безумцем, пока живешь один; но теряешь последнее право на безумие, как только дополнишь свою жизнь жизнью любимой женщины. Быть мужем—большая ответственность, но это также огромное счастье и большое достоинство.

62. Не довольствуйся же тем, что будешь добрым мужем, старайся быть также и любезным мужем; любезность—грация сердца, а правдивость—его добродетель. Никогда не будь с Лизой ни разряженным, ни в халате, как наружно, так и внутренно; старайся всегда производить на нее приятное впечатление, как в первый день встречи с нею; для того, чтобы любовь продолжала жить, надо с каждым днем вновь ее заслуживать; она достигается только взаимными уступками и постоянным принесеньем в жертву своего я.—Ты знаешь Лизу и ты ее не знаешь. Так как человеческая природа бесконечна по существу, то сердце человеческое можно сравнить с книгой, которая пишется по мере того, как ее читают, и не кончается, пока оно живет.—Нельзя оскорбить человека глубже, чем сказав, что знаешь его, как свои пять пальцев; человека узнаешь только любя; так изучай же хорошенько Лизу; изучай ее с любовью, с уваженьем, изучай ее впечатления более, чем свои собственные; старайся угадывать ее радости, ее фантазии, ее желания, и относись к ним, по крайней мере, с такою же деликатностью, какую бессознательно проявляют по отношению к своему собственному сердцу. Не будь никогда ни скучающим, ни скучным; ничто так не развращает, как скука; не считай себя выше нее, потому что ты ее муж, и никогда не держи себя оракулом; предоставь самой Лизе судить о твоем превосходстве, мнимом или настоящем; любящие женщины естественно склонны простираться ниц; все женщины идолопоклонницы. А ты сам не забывай, что в любви, как и в мудрости, мужчина не может дать женщине больше того, что он сам от нее получает; здесь царит полное равенство; со стороны мужчины есть более логическое сплетение мыслей, способность к абстракции, внешняя энергия воли и материальная сила;—но женщина приносит ему взамен того много здравого смысла, геройское самоотвержение, естественное благородство, вполне врожденную деликатность, к которой он сам не способен, бессознательное чутье ко всему прекрасному, справедливому и нарядному; она приносит ему красоту и грацию das

ewig Weibliche [1]), как говорит Гёте, без чего вся сила мужчины была бы неблагородна, а его ум совершенно ложен. Будь всегда открыт, искренен, честен, но никогда не доводи искренность до грубости; не только умолчать о том, что считаешь правдой, но даже отказаться от него, бывает иногда более человечно, более деликатно, а следовательно, и более правдиво, чем сказанная грубо и не во-время правда; педанты правды всегда тщеславны, исполняют должность палачей и вреднее лжецов, так как правда бывает только тогда настоящей и живой правдой, когда она исходит из сердца так же, как и из головы, когда она находится в согласии с людьми и обстоятельствами, с настроением минуты, и в особенности, когда ей бывает чуждо всякое тщеславие.—Когда ты будешь чувствовать, что ослабеваешь, дорогой Александр, не пренебрегай поддержкой своей жены; женщины бывают так могущественны, когда они любят; не бойся унизиться перед ней, признавая свою относительную или мгновенную слабость, не думай, что достоинство мужчины или долг мужа принуждают тебя удаляться в великолепное одиночество твоей силы. Женатые люди должны делить все: силу, ум, преданность и любовь; не должно иметь смешной, тщеславной и оскорбительной претензии давать более, чем получаешь; надо не поддерживать, а опираться друг на друга; надо не поучать, а изучать совместно, надо не ораторствовать, а беседовать друг с другом, что гораздо интереснее; все в любви должно быть диалогом, а не монологом.—Одним словом, люби Лизу и уважай ее, чтобы и она в свою очередь любила и уважала тебя. Grüble nicht, aber denke, liebe und handle, das ist alles [2]). Пусть твои занятия будут не только научными, но реальными, связанными с жизнью, заключающими в себе обязанности, огорчения и борьбу каждого дня; будь реальным человеком на реальной почве; пусть ваше счастье и силы будут удвоены любовью, и далеко отбросив все сомненья и нездоровые колебания—плоды твоего прошлого бездействия,—отдайся, дорогой друг, сладкой привычке любить, действовать и жить. Итак, советуя тебе обращать должное внимание на мелочи и подробности жизни, имеющие большое значение в браке, особенно вначале, пока ваша жизнь еще не приняла определенной формы, я предлагаю тебе не быть бесхарактерным трусом и не доводить чувствительность в ваших отношениях до подозрительной мнительности, что было бы худшим изо всех могущих с вами быть несчастий;—не пугайся малейшей тучки, которая бросит тень на ваше супружеское счастье. Бодро держись в таких случаях, и если недоразумение произошло по твоей вине, то признайся в этом, а если по ее вине—прости ее; в конце концов, вы не стеклянные, и маленькие столкновения, неизбежные в каждом сожительстве, не разобьют ни вас самих, ни вашего счастья, ни вашей любви;—напротив, они научат вас еще более узнать и полюбить друг друга. Есть много хороших браков, где счастье поддерживается только ежедневными стыч-

[1]) Вечно женственное.
[2]) Не мудрствуй, но размышляй, люби и действуй—это все.

ками; уверяю вас, что лучше дать друг другу несколько хороших шлепков, чем вечно дуться друг на друга. Когда сильно любишь, то эти демонстративные беседы становятся пищей для любви. Но только здесь нужно для порядка, чтобы, когда муж поднимает руку для удара, жена действовала ногтями и отвечала хорошей царапиной на каждый полученный удар, все по принципу взаимности; ногти выражают женскую грацию, как кулак—мужской интеллект; они взаимно дополняют друг друга. Итак, полное равенство во всех вещах, в проявлениях нежности и гнева, в шлепках и в ласках,—таков высший закон брака. Вы видите, что я последователен до конца в своей теории брака и не восхищаетесь ли вы тем, как она хорошо применима ко всем положениям в жизни.—Итак, никогда не дуйтесь долго друг на друга, дорогие друзья, верно следуйте евангельскому правилу, которое не велит ложиться спать прежде, чем не облегчишь своего сердца от всякой скорби,—но если вы почувствуете желанье вцепиться друг другу в волосы,—на словах ли, или более действительным способом,—вы спокойно можете позволить себе эту прихоть; не правда ли, вы слишком любите друг друга, чтобы бояться маленького столкновенья; и посердившись, посмейтесь хорошенько, дети мои, ведь веселость—последнее слово высшей мудрости.—Прости, дорогой брат, это длинное нравоученье, у меня не было намеренья делать его; я желал только ответить несколькими словами на то, что ты говоришь о состоянии своей души и сам не знаю, как написал целый трактат; если мои рассуждения верны, то из этого не следует, чтобы я был умнее тебя; всегда рассуждаешь лучше о положении других, чем о своем собственном; между подачей благих советов и их исполнением—целая пропасть, как тебе известно, и по этой-то причине критика так легка, а искусство так трудно.

63. Итак, я еще раз прошу у тебя прощенья за эту длинную проповедь, это проповедь потерпевшего крушенье на море; только тогда знаешь, что должны делать другие, когда сам сделал как раз противоположное тому, что должен был сделать. Мне остается поблагодарить тебя, мой добрый Александр, за то доверие, с каким ты говоришь мне о себе, это большое доказательство дружбы, и я тебе за него признателен до глубины души. Будь же счастлив, счастливец ты этакий!

64. И я думаю, что по самому духу наших законов это преимущество не должно рассматриваться ни как синекура, ни как предмет для эксплоатации, а, гораздо скорее, как общественная должность, нечто в роде священного служения, политического и нравственного, почти религиозного, вверенного правительством временно помещикам-дворянам, гораздо более в качестве обязанности, чем в качестве права; обязанность, которую, к несчастью, лишь очень немногие хозяева исполняют честно и добросовестно. В большинстве своих сношений с крестьянами, дворянин-помещик бывает в одно и то же время и судьей и заинтересованной стороной; он судит безапелляционно и сам выполняет свои приговоры; это очень трудное и в высшей сте-

пени щекотливое положение; чтобы выйти из него с честью, помещик должен обладать большим чувством справедливости и честности. Но зато, когда его желанье искренно, его положенье позволяет ему делать много добра; все дело в том, чтобы умело приняться за дело и не гоняться за невозможными улучшеньями, пренебрегая теми, исполнение которых легко. Я знаю, что задача полна трудностей, и первая из них та, которая происходит от столкновения между интересами помещика и его крестьян. Не доводя самоотвержение до донкихотства, что к тому же имело бы дурное действие, я думаю, что помещик часто должен жертвовать своими интересами; в его исключительном положении и с принадлежащими ему огромными правами, это его священный долг; полагаю даже, что, в конце концов, он должен это делать в своих интересах; то, что теряешь в процентах, выигрываешь в добром расположении, а это последнее будет в конечном счете приносить проценты. Только невежды и люди злой воли могут еще отрицать, что довольство и благосостоянье крестьян составляют существенное условие процветания помещика. Вторая трудность—это свойственная крестьянам недоверчивость, их упорство, невежество, фанатизм их предрассудков. Что касается недоверчивости, то, повидимому, это качество свойственно всем земледельцам в мире; его находишь во Франции, в Бельгии, в Швейцарии, так же как в России; все крестьяне хитры, прилежны, сосредоточены в себе; все боятся быть обманутыми, быть может, потому, что чувствуют самих себя весьма расположенными обманывать; никакое доказательство à priori не затрогивает их; чтобы их убедить, нужно много доказательств à posteriori—без каламбура;—но они умеют ценить вещи по их результатам, и хотя они идут медленно, но всегда готовы итти.—Для того, чтобы делать добро крестьянам, надо щадить их убеждения и предрассудки; надо их обходить, а чтобы их победить, надо взять их самих за исходную точку и за точку опоры. В природе и привычках крестьянина надо искать средства убедить его и заставить итти вперед. Как видишь, я предлагаю тебе сократический метод и платонову диалектику, только упрощенные и разделенные на части. Я думаю, что в каждом человеке, как бы он ни был образован, можно найти такую сторону, за которую его можно взять; дело лишь в том, чтобы открыть ее. Правда, это довольно медленный способ и требующий не только большого постоянства и прилежанья, но и много любви; метода, употребляющая резкие меры, более скора, но я предпочитаю свою, так как она менее жестока, более достойна; кроме того, так как она основана на убеждении и доброй воле тех, к кому и для блага кого она должна применяться, она должна быть вернее и более длительной в своих результатах. Чтобы делать добро крестьянам, надо их немножко любить, дорогой Александр, нельзя, чтобы отношение хозяина к слуге было отношением молота к наковальне, или отношением эксплоататора к производящей материи, но пусть оно будет отношением человека к человеку, бессмертной души к бессмертной душе, без предрассудков, происходящих от разницы в положении, образовании и т. п.—Кре-

стьяне в большинстве случаев большие дети, дети по своему невежеству; им необходима опека просвещения, благожелательная, часто строгая; тем не менее, они достойны любви, да, достойны уваженья, так как это все та же бессмертная сущность, те же страдания, радости, те же бесконечные стремления, и часто—высокие качества, которые прячутся под грубой корой. Изучение крестьянина с целью улучшить его материальное и нравственное положение, изучение полное трудностей, благодаря разнице в положении обеих сторон,—это изучение, я уверен, может стать полным прелести и тысячу раз более полезным, разумеется, чем все необъяснимые и ученые занятия. Я не проповедую слабости, напротив, я убежден, что совершенно необходима большая строгость рядом с большой доброжелательностью, а главное—рядом с неизменным терпеньем. Русский крестьянин считает слабостью не обманывать там, где он может обманывать, он презирает тех, кого обманывает и, будучи широким во всех проявлениях чувств, он почти одинаково ненавидит бездеятельную слабость одних и несправедливое притеснение других. Хотя я и не большой друг телесных наказаний, но я вижу, что, к несчастью, они еще очень нужны,—вели же сечь, дорогой друг, вели сечь, но никогда не секи сам, это неблагородно; наказывай всегда так, чтобы крестьяне были убеждены в справедливости понесенного наказания. Раз они увидят, что ты справедлив, доброжелателен и в то же время решителен, они кончат тем, что будут тебя уважать, а затем и любить, и тогда ты сможешь с ними делать все, что захочешь. Я знаю, что все это очень легко советовать и говорить и очень трудно исполнять; но трудность какого-либо дела никогда не бывает доказательством против него; малейшее серьезное предприятие представляет множество трудностей; прежде чем ты добьешься успеха, прежде чем найдешь правильный путь, у тебя без сомненья, будет много неудач, ты сделаешь много недосмотров, словом, будешь бесконечно мучиться, но не достойная ли это цель, не святое ли дело—сделаться отцом, другом, благодетелем нескольких сот бессмертных душ, работая в то же время над счастьем и благосостоянием собственной семьи!

Видишь, какая прекрасная, трудовая жизнь открывается перед тобой, дорогой Александр; не прав ли я был, говоря, что она даст занятие всем способностям твоего ума, сердца и воли. Вступай же на этот новый путь с твердым решением, без задних мыслей, и без поздних сожалений. О чем тебе жалеть? О потерянной свободе? Об отвлеченных занятиях? О твоих бесконечных и бесцельных фантазиях? Но ведь это была пустота, а ты только что сменил ее на жизнь прекрасную и вместе с тем полезную, полную любви, радости, обязанностей и реальных действий. Поверь мне, Александр, тысячу раз лучше быть цельным человеком, т.-е. жить, любить и действовать, чем быть метафизиком или фантазером и заниматься китайскими тенями. Одна единственная искра известных тебе прекрасных изумрудных глаз стоит, уверяю тебя, в тысячу раз больше и содержит в тысячу раз больше настоящего живого знанья, чем вся александрий-

ская библиотека, сожженная, как тебе известно, одним человеколюбивым мусульманином. К тому же, ты не рожден философом, и я также, что я к несчастью заметил немножко поздно; если ты только не великий гений, от чего спаси тебя небо ради твоего счастья и в особенности для счастья Лизы,—жена гения необходимо должна быть несчастной,—если только не бываешь природным философом, нельзя безнаказанно стать философом;—великие мужи знания и науки иначе созданы, они созданы так, что они—для себя ничто, а для других все, они—книги, отвлеченности, логические выводы, расчеты и живые созерцанья, если хочешь,—они велики, но они уже почти не люди; несмотря на все свое величие, а может быть, именно вследствие его, это—несовершенные существа, чудовищности природы; их личное существование всегда было бедным и ничтожным, часто даже смешным. Например, Ньютон не знал, что такое женщина; у тебя нет ни этой слабости, ни этой силы, будь же человеком, будь совершенным, реальным, счастливым; еще раз прошу у тебя извиненья, дорогой Александр, за эти бесконечные рассужденья, но так как, мне кажется, между нами есть много сходства, то мне хотелось, чтобы мой печальный опыт—если только чужой опыт может кому-нибудь пригодиться—не был бы совершенно для тебя потерян, чтобы он указал тебе некоторые подводные камни, которых я не мог избежать. Умы абстрактные, вроде наших, до такой степени погружены в собственные мысли, что, подобно тем шахматным игрокам, которые только и видят свою игру, мы совершенно не замечаем того, что творится в реальном мире,—ни мыслей, ни чувств, ни впечатлений окружающих; из этого следует, во-первых, что мы составляем себе множество ложных представлений; человек бывает глупее всего тогда, когда думает об одном себе; но что еще хуже—мы оскорбляем и огорчаем ежеминутно множество людей, сами не желая того, и создаем себе из них врагов;—такова была моя история.

65. Против этого зла есть только одно средство, это—выходить часто из своей замкнутости, делать себя насильно наблюдателем; это не невозможно, так как все необходимые качества и все недостатки заключены в своей сущности в каждом человеке, с тою разницею, что одни совершенно естественно обладают тем, что другие приобретают только усиленным трудом. Попробуй, и ты увидишь, что эти выходы из своей замкнутости, которые будут к тому же чем-то в роде очень полезных гимнастических упражнений, доставят тебе много маленьких радостей; нет человека, который не стал бы интересным, когда удается его разгадать. Ты знаешь, что естественные науки не пренебрегают ничем, они изучают с уважением и любовью малейшее микроскопическое насекомое; а изучение человека не есть ли продолжение этой науки, только усложненное всеми привносимыми его бессмертной сущностью сокровищами и неисчерпаемой глубиной.

66. Но не только как естественную науку я тебе рекомендую изучение окружающих людей, а как нравственный и общественный долг. Ибо долг каждого человека быть приятным для других,

быть привлекательным для всех, чтобы никого не оскорблять и не задевать никаких обычаев, если только это не извращенные и вредные привычки; ибо никогда не следует из любезности становиться соумышленником, ни терпеть положительного зла.—Учись, совершенствуйся во всех отношениях, ты можешь от этого только выиграть, но никого не дави своим превосходством; не пугай никого своими познаньями; пусть твое превосходство заключается в том, чтобы не слыть, а быть; старайся, напротив, казаться менее значительным, чем ты есть; употребляй свой ум на то, чтобы давать блестеть уму других людей; пусть все их хорошие качества расцветают в твоем присутствии; обращайся не к дурным, а к хорошим сторонам каждого человека, для того, чтобы каждый становился лучше около тебя, а это сделает и тебя самого лучше, с тобой будут искать близости, любить тебя, а как хорошо и полезно быть любимым!—Не позволяя скучным людям убивать тебя, умей иногда их выносить; это тоже хорошее упражнение для воли и сердца, это также и долг; к тому же, как отец уже давно сказал мне, нет такого невежественного и глупого человека, от которого нельзя было бы чему-нибудь научиться.

Если свет становится чересчур скучным, то есть одно средство: смеяться над ним; это вовсе не грех, ибо, напротив, кто смеется, тот не сердится; в доказательство того, что ты принял мои советы, как добрый брат, прошу тебя, Александр, сообщить мне о всех, кого вы видаете, об их лицах, одежде, приемах, в особенности же передавать мне сплетни, которые смешат отца. — Ну, разве это не целый *ливень* советов! Это естественное излияние рассудочного и болтливого языка, долго сдерживаемого и выбравшего тебя жертвой к твоему несчастию; кончаю, оставляя тебе в качестве последней капли совет смотреть в прекрасные глаза Лизы всякий раз, как силы тебе будут изменять—это универсальное средство против всех головных и сердечных болей,—а теперь прощай окончательно.

67. Я сделал пятно на платье и мне дали написать тему,—ты сделала пятно на платье и т. д.

68. Это напоминает жизнь курящего опиум, вечные грезы; иногда это дурной сон потерпевшего крушенье Дон-Кихота, иногда фантастический сон à la Гофман, за которым следует, к счастью для меня, живая и здоровая беседа с Вами, что меня всегда оживляет и дает чувство реальности.

69. Признаюсь, что очутившись заключенным за границей в крепость, я более всего, более смерти, боялся быть пересланным в Россию; и что же—то, чего я боялся, как величайшего несчастья, стало для меня счастьем, настоящим счастьем; не говоря уже о полученном разрешении переписываться с Вами, со мной нигде не обращались с таким человеколюбием, с такой деликатной добротой; за исключеньем свободы, цели в жизни и деятельности, у меня решительно ни в чем нет недостатка; здесь я нахожусь, так сказать, в своей семье.—Вы знаете Генерала, поэтому я о нем не стану говорить. Но все прекрасно ко мне относятся, начиная от Капитана, навещающего

меня ежедневно по нескольку раз, и до последнего солдата.—Капитан—прекраснейшая натура и самая оригинальная, какую только можно встретить; у него всегда есть веселое словечко в запасе и хотя он и не отличается особенной образованностью, но обладает той утонченной сердечной добротой, которая и составляет настоящую деликатность.—Итак, не сожалейте слишком о моей судьбе, дорогие родители, я заслужил гораздо большего; предоставьте мне продолжать мои фантастические грезы и дайте мне сосредоточить весь остаток моего существования, способностей и настоящей жизни—на Вас и Вашем семейном счастьи.

Вы понесли большую потерю. Мне понятна печаль Николая, я понимаю, что он отождествился с будущностью своего сына и чувствовал, что умирает, видя, как умирает тот. Я понимаю также и Вашу печаль; Вы так любите его, что чувствовали то же самое; потеря сразила вас вдвойне, в его сердце и в Вашем, тем более, что с годами потери чувствуются все больнее; никогда не привыкаешь к смерти любимых людей.—Но, по крайней мере, Господь оставил Вам одно утешенье—это Лизу. Право, когда я читал то, что Вы, дорогая матушка и сестры говорите о ней, мне казалось, что я вижу светлого ангела, сошедшего для того, чтобы Вас укрепить; это новая дочь для Вас, новая сестра для нас. Да благословит ее Бог, а также и Вас в Вашей новой радости... Смею сказать, что несмотря на вечно незаменимую потерю Любаши, бывшей как бы олицетворением красоты, мира и любви в нашей семье; несмотря на горе, причиненное Вам нами, а в особенности мною, несмотря на все это—Вы—счастливые родители; с такой большой семьей, каждый член которой обожает Вас, так тесно объединенной в радости и горе, и составленной из таких благородных и добрых людей... Вот и еще новая дочь приходит к Вам и приносит Вам новую молодость, новую любовь и новое счастье!—Теперь Вы живете, как добрые патриархи, окруженные и обслуживаемые многочисленным потомством, пожиная, наконец, после стольких бурь, плоды трудов Ваших и бесчисленных жертв... Только я один звучу несколько диссонансом в этой гармонии; но я козел отпущенья в семье, тот самый, которого, Вы знаете, евреи ежегодно изгоняли в пустыню, нагруженного грехами всех людей.—Еще раз, дорогие родители, не горюйте обо мне; уверяю Вас, что я не несчастлив; я спокоен, я совершенно покорился, а когда думаю о Вас,—то счастлив. Я счастлив, что имею теперь право называться Вашим сыном, разделять Вашу любовь; мое сердце и ум очистились в одиночестве; клянусь Вам, что у меня нет ни одной дурной мысли в голове, ни одного дурного чувства в сердце; я весь—любовь к Вам и благодарность к Тому, кому обязан быть благодарным.—Клянусь Вам, что если бы мне теперь предложили возвратить свободу, с условием вернуться к моему прежнему существованию, подобному блуждающему огню, прерванному во-время к моему счастью,—то я не согласился бы на это. — Итак, Вы можете совершенно спокойно называть меня Вашим сыном и другом, и хотя я разлучен с Вами, но я всегда с Вами;

мы все соединились вокруг Вас, чтобы Вас любить, дорогие и добрые родители, благословите же нас всех вместе и будьте счастливы в нашей любви.

70. Ч. II лист 103. Воспроизводим подлинник. Указан. авторами опубликованы краткие извлечения. Вслед за письмом в «деле» идет заметка такого содержания (л. 107).

В письме Михаила *Бакунина* следующие выражения заслуживают некоторого внимания:

«Je me trouve dans une situation passablement romanesque quoiqu'à vrai dire fort ennuyeuse, ennuyante comme tout ce qui est romanesque».

«Quant à moi tout ce que j'ai gagné à mes longues études de philosophie, c'est une horreur profonde pour tout ce qui est abstraction, et ce n'est pas dans la douce région de l'amour mais dans l'étroite cellule d'une prison où s'est terminé mon rêve philosophique».

Я сижу за грехи или, лучше сказать, торчу здесь, как столб с предостерегательною надписью: «не езди по этой дороге».

Перевод:

«Я нахожусь в довольно романтических условиях, хотя, по правде сказать, и довольно скучных, как все романтическое».

«Что касается меня, то все, что я вынес из своего долгого изучения философии—это глубокое отвращение ко всяким отвлеченностям, и не в сладкой области любви, а в тесной тюремной келье закончились мои философские грезы».

Обнадеженный разрешением писать, Михаил Бакунин дал волю своим чувствам и настоящее письмо явилось плодом некоторого его оптимизма. Дубельт не разрешил это письмо отправить по назначению и на препроводительной бумаге, кроме того, наложил резолюцию: «и чтобы писал только о здоровьи». Письмо это, исписанное мельчайшим, без лупы с трудом разбираемым почерком, сохранилось в подлиннике.

Стремясь, как мы уже говорили, воспроизвести документы возможно более точно, мы сохраняем здесь не только орфографию подлинника, но и те помарки и исправления, которые делал Бакунин. Слова взятые нами в прямые скобки [ ] , в письме зачеркнуты.

По поводу одного из позднейших писем Бакунина, не сохранившихся в архиве, Дубельт 16 апреля 1853 г. писал коменданту Петропавловской (С.-Петербургской крепости) (л. 151).

81. Письмо Дубельта коменданту Петропавловской крепости.

«Исправлявший должность Коменданта С.-Петербургской крепости г. Генерал-лейтенант Корсаков при отношении от 10 апреля № 44 препроводил ко мне письмо содержащегося в Алексеевском равелине *Бакунина*, на имя отца его.

Усмотрев в сем письме рассуждения, не свойственные настоящему положению *Бакунина*, я признал необходимым письмо сие удержать

и вместе с тем покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство, не изволите ли приказать предупредить *Бакунина*, дабы он на будущее время ограничивался сообщением своим родственникам только таких сведений, которые необходимы для успокоения их на его счет, и что в противном случае письма его будут удерживаемы в сем Отделении».

Это сердитое распоряжение, без предупреждения сокращавшее корреспондентский пыл заключенного, вызвало такой краткий рапорт:

«О том, чтобы Бакунин меньше писал, не было никому говорено. Настоящее письмо, хотя очень пространно, но в нем нет ничего, кроме сведений о семействе».

Ниже рапорта приписка карандашом, сделанная, вероятно, рукой Дубельта.

«Отправить, но просить, чтобы меньше и четче писали».

Так как письма, о котором сердито писал коменданту Дубельт, в архиве не имеется, можно предположить, что карандашная резолюция на рапорте касается того самого письма, которое было задержано вначале Дубельтом.

71. Лист 112. Воспроизводим подлинник, задержанный в III Отделении.

72. Лист 147. Письмо это по неизвестной причине было задержано в III Отделении и в подлиннике сохранилось в деле. Воспроизводим подлинник.

73. Лист 177. Вслед за переводом Бакунина в Шлиссельбург Комендант Петропавловской крепости в ответ на запрос Управляющего III Отделением, 15 марта 1854 г. уведомлял его о том, что Бакунину выдавалось в день на пищу по 18 коп. сер. в сутки и давались для чтения книги: французские и немецкие романы, математические, физические, геологические и газета «Русский Инвалид». На полях этой бумаги приведена справка: «В Шлиссельбурге положено также по 18 коп. в день; *Лукасинскому*, *Налепинскому*, *Адельту* и *Медоксу* по особому разрешению Его Сиятельства производится на содержание их по 30 коп.».

Ниже резолюция графа Орлова: «Тоже по 30 коп.» (лист 182).

В исполнение этой резолюции коменданту Шлиссельбургской крепости была послана след. бумага (л. 183):

Секретно.

82. Отношение гр. Орлова коменданту Шлиссельбургской крепости.

«18 марта 1854 г. № 536.

Господину Коменданту Шлиссельбургской крепости.

В дополнение к отношению моему от 5 сего Марта № 430 покорнейше прошу В-е П-во о приказании отпускать на содержание помещенного в Шлиссельбургской крепости преступника *Бакунина по тридцати коп.* в сутки. При этом считаю долгом иметь честь уведомить В-е П-во, что во время содержания его в здешней крепости были

даваемы ему для чтения французские и немецкие романы, сочинения математические, физические и геологические и газета «Русский Инвалид» и что все сие можно дозволить ему читать и в настоящем месте его заключения.

Г. А. *Граф Орлов*».

Для характеристики крепостного режима, в котором приходилось жить Бакунину, приведем еще один документ (л. 184):

83. Рапорт коменданта Шлиссельбургской крепости.

«24 Марта 54 г.

Начальнику Штаба-Корпуса Жандармов Господину Генерал-лейтенанту и кавалеру Дубельту.

Коменданта Шлиссельбургской крепости

Рапорт.

Содержащийся во вверенной мне крепости преступник *Бакунин* всепокорнейше просит Ваше Превосходительство об исходатайствовании дозволения: 1) на свидание с братом его; 2) получение от него некоторых съестных припасов с моим первоначально освидетельствованием; 3) от него же на получение дозволенных книг; 4) перед обедом пить рюмку водки; 5) прогуливаться и 6) быть водиму в баню, хотя два последние действия по устройству секретного замка и расстояния от оного бани несоответствуют силе повеления от 11 марта за № 492-м, но удовлетворяя его убедительнейшей просьбе имею честь довести до сведения Вашего Превосходительства.

Так же покорнейше просит дозволить иметь ему чернила и бумагу, разумеется в тетради прошнурованной с перенумерованными листами за скрепою и печатью Коменданта.

При сем имею честь покорнейше просить уведомления Вашего Превосходительства, можно ли дозволить прогулку и хождение в баню Арестанту Геронтию Леонову.

Комендант Троцкий 1-й.

№ 18, 22 марта 1854 года Кр. Шлиссельбург».

На полях карандашом пометка: 1—нет. 2—можно. 3—можно. 4—можно. 5—можно. 6—нет.

В приеме Бакунина был выдан следующий документ:

Секретно.

84. Квитанция.

Дана сия отъ Коменданта Шлиссельбургской крепости, Корпуса Жандармов, Господину Подполковнику Тизенгаузену в том, что доставленный им во вверенную мне крепость Арестант Бакунин мною от него принят, равно и вещи при нем находящиеся также и конверт за № 487 от Господина Подполковника Тизенгаузена

мною получены; в чем и свидетельствую подписом моим с приложением Казенной Печати кр. Шлиссельбург, Марта 12 дня 1854 года.

Комендант Шлиссельбургской крепости, Генерал-Маиор Троцкий 1-й.

74. Лист 226. Воспроизводим подлинник. Внизу первой страницы надпись:

«Прошение сие доставлено было при отношении г. Статс-Секретаря Т. С. Князя Голицына от 13 апреля 1855 года за № 1851, которое было доложено Г. А. Графу Орлову, и Его Сиятельство приказал оставить». Опубликовано.

75. Лист. 250. Эта невинная просьба вызвала, конечно, переписку. К прошению Бакуниной была составлена, прежде всего, следующая справка (лист 252).

«Инструкциею особой команде при секретных арестантах Шлиссельбургской крепости, Высочайше утвержденною 15-го Июня 1849 года, постановлено:

§ 10 пункта а: «иметь крайнюю осторожность и бдительность за содержащимися в Шлиссельбургской крепости арестантами к предупреждению покушения на погубление жизни или повреждение себя; на сей конец, при введении арестанта в секретный замок, обыскивать его и отбирать у него все смертоносные вещи, непременно при самом плац-маиоре; все, что отобрано будет, представлять коменданту для передачи к сбережению. В сем случае никакое к арестанту снисхождение, ни по ласкательным его просьбам, ни по угрозам его, места иметь не должно.

Пунктом 9 того же §, в предупреждение изнурения арестантов от недостатка движения, дозволено выпускать их для прогулки на двор секретного дома, и при этом предписаны строгие правила предосторожности. О том же, чтобы арестантам дозволялись для движения какие-либо механические занятия, нет правил ни в инструкциях о содержании секретных арестантов, ни в Своде законов равно не было и примеров по делам III-го Отделения. 8 февраля 1856 г.».

Был запрошен затем комендант крепости, который ответил след. (лист 258).

85. Рапорт коменданта Шлиссельбургской крепости.

Секретно.

«Начальнику Штаба Корпуса Жандармов, Господину Генерал-Лейтенанту и кавалеру Дубельту.

Коменданта Шлиссельбургской крепости

Рапорт.

Вследствие предписания Вашего Превосходительства, честь имею донести; благоразумное поведение во все время заключения Михаила Бакунина удостоверяет меня, что опасения на дозволение иметь в его комнате токарный станок быть не может,—работа доста-

вляющая ему более движения, полагаю, могла бы быть полезна для его здоровья, которое по бывающим частым желчным припадкам весьма его беспокоит.

Письмо Г-жи Бакуниной имею честь при сем представить.

Комендант Троцкий 1-й.

№ 10, 20-го февраля 1856 года, Креп. Шлиссельбург».

Несмотря, однако, на столь благоприятное заключение, в просьбе было отказано.

76. Лист 280. Опубликовано. Сверху пометка карандашем: «Представить доклад со справкою о сыновьяхъ г-жи Бакуниной, упоминаемых в этом письме. 2 сентября».

К этому письму была составлена *справка* (л. 282).

86. Справка о М. Бакунине.

«*Бакунин*, Михаил, сын помещика Тверской губернии, воспитывался в Артиллерийском училище, произведен из оного в прапорщики, и тем же чином уволен в отставку. Приехав к отцу в деревню, он просил у него дозволения ехать в Берлин, для усовершенствования себя в науках и, получив на это согласие отца, отправился за границу в 1840 году, с законным паспортом.

Первое сведение о нем из-за границы получено было в 1843 году, когда поверенный наш в Швейцарии сообщил, что Бакунин, находясь в Цюрихе, вошел в сношение с обществом коммунистов и по принятии тамошним правительством мер к обнаружению замыслов сего общества, скрылся из Цюриха. Вследствие такого сведения предложено было ему немедленно и не ссылаясь ни на какие причины, возвратиться в Россию и при этом сделано было предостережение, что в случае неисполнения сего он подвергается ответственности по всей строгости законов. По объявлении ему о сем, он обещал поверенному нашему в Швейцарии исполнить это; но уехав потом в Германию, прислал к г. Струве письмо, уведомляя, что ему необходимо, по важным для него делам, ехать в Лондон.

По донесении о сем *Государю Императору* в 1844 году *высочайше* повелено было поступить с *Бакуниным* по силе закона.

В 1847 году получено было сведение, что Бакунин,—присутствуя в Париже в собрании Польских выходцев, бывшем по случаю годовщины Польского мятежа,—читал там речь, исполненную возмутительных мыслей против России, и за это, по настоянию Тайного Советника Киселева, выслан был из Франции.

В 1848 году сообщено было III-му Отделению, что Польская пропаганда намерена была тогда произвести восстание в Южных губерниях России, и что *Бакунин*, принимая особенное участие в сих замыслах, предполагал основать на Австрийско-Сербской границе, в г. Землине главную квартиру своих злоумышленных действий.

В 1849 году прислана была сюда сочиненная им на немецком языке и напечатанная за границею брошюра: «Воззвание к Славянам».

В брошюре этой *Бакунин*, обращаясь ко всем славянам, приглашал их к ниспровержению настоящего порядка и к составлению общего союза Европейских республик, основанного на свободе, равенстве и братстве всех наций, уверяя при этом, что в России брожение умов способствует распространению здесь революционных идей. В этой брошюре, исполненной вообще возмутительных мыслей, он позволил себе также оскорблять Особу почивающего в Бозе *Государя Императора*, представляя действия и намерения Его в ложном виде.

В том же году сообщено было из-за границы, что *Бакунин*, вместе с другими, назначен был от Польского центрального комитета в Валахию, для произведения возмущения в тех местах, которые были ближе к театру действий мятежника Бема.

Бакунин находился, наконец, в числе дрезденских мятежников, но был арестован и, по решению Дрезденского Суда, приговорен к смертной казни. Приговор этот Его Величество Король Саксонский заменил пожизненным заключением в смирительном доме. Но потом, по соглашению Правительств Саксонского и Австрийского, *Бакунин* был передан сему последнему, для суждения его в Австрии, по случаю оказавшегося сильного участия и руководства его в демагогических интригах, происходивших в Богемии и особенно в г. Праге весною 1849 года.

При производстве дела о нем в Праге он сознался: что целью политической его деятельности с 1847 года было восстановление Польши и освобождение России; относительно же Австрии, он имел в виду соединение тамошних Славян с Маджарами и Немцами, для достижения совершенного разрушения, составленной из столь различных наций Австрийской Империи, которой существование нельзя согласить, по его мнению, с мыслью о свободе.

Учрежденный над ним суд приговорил его и там к смертной казни, но это заменено было пожизненным заключением.

В 1851 году *Бакунин* был передан Австрийским Правительством в Россию и, по Высочайшему повелению, заключен в Алексеевский равелин.

Здесь он после свидания с Генерал-Адъютантом Князем Орловым написал письмо к *Государю Императору*.

В письме этом (в копии при сем представляемом) он, открывая все свои преступления и сознавая важность их, представлял *Его Величеству*, что смертную казнь он принял бы с радостью, как наказание достойное, но так как казнь эта в России не существует, то он считал бы милостью для себя ссылку в Сибирь,—только бы не оставлять его в заточении. Другая его просьба была о дозволении видеться с отцом и сестрою.

Его Величество, найдя письмо *Бакунина*, заслуживающим внимания и весьма любопытным и поучительным, изволил передать оное для прочтения *Царствующему* ныне *Государю Императору* и *Всемилостивейше* разрешил *Бакунину* видеться с его родными.

В 1854 году, по случаю тогдашних военных событий, Бакунин по *Высочайшему* повелению, переведен был из Алексеевского равелина в Шлиссельбургскую крепость, где и ныне находится.

В мае сего года Тайный Советник Толстой сообщал, что иностранные газеты распространяют слух о получении *Бакуниным Всемилостивейшего* прощения и что это возбуждает беспокойство в приверженцах порядка. На это было сообщено Тайному Советнику Толстому, что в III-м Отделении о помиловании *Бакунина* никаких сведений не было».

Бакуниной был отправлен следующий ответ (лист. 287).

87. Письмо В. А. Долгорукова В. А. Бакуниной.

«Ее Высокоблагородию В. А. Бакуниной.
11-го сентября 1856 года, № 165 в Москве.

Милост. Государыня,
Варвара Александровна!

Вследствие письма Вашего от 31 августа имею честь уведомить, что при всем желании моем доставить Вам утешение облегчением участи сына Вашего, Михаила *Бакунина*, при настоящих обстоятельствах я не нахожу к этому никакой возможности, и мне остается изъявить искреннее сожаление, что в этом случае я лишен удовольствия сделать Вам угодное.

Примите уверения в истинном моем к Вам почтении и совершенной преданности. Князь Долгоруков».

Вслед за копией приведенного письма в деле (л. 288) имеется краткая записка следующего содержания:

«Мне дали знать, что Г-жа Бакунина все еще намерена утруждать Государя Императора о своем сыне. Сестра ее была начальницею сестер милосердия в Севастополе и теперь живет во дворце у Великой Княгини Елены Павловны; она упрашивает Ее Высочество просить об узнике Государыню Императрицу Марию Александровну. 3 октября 1856 года».

На полях Долгоруков пометил карандашом: «Иметь в виду и на случай востребования приготовить о Бакунине справку. 3 окт.».

77. Лист 293. Опубликовано. Воспроизводим *копию*, имеющуюся в «деле». На копии—надпись, сделанная рукой Долгорукова: «На ходатайство г-жи Бакуниной Высочайшего Соизволения не последовало, о чем я сообщу лично князю А. М. Горчакову. 4 января».

78. лист 299. Опубликовано. Воспроизводим подлинник. На препроводительной бумаге от 6 февраля, при которой комендантом крепости было представлено это письмо, Долгоруков наложил резолюцию:

«Сообщить Бакунину через Г. Л. Троцкого, что он может писать к Государю Императору. 7 февраля».

79. Часть III, л. 2. Воспроизводим подлинник. Опубликовано.

80. Прошение это было издано вместе с «Исповедью». Воспроизводим подлинник.

Неделю спустя, 20 февраля 1857 года, Долгоруков секретным пакетом сообщал коменданту Шлиссельбургской крепости (л. 8):

«Получив доставленное ко мне при отношении вашего Превосходительства за № 8 письмо *Бакунина*, я поставил себе долгом приложенное к оному всеподданнейшее письмо его немедленно повергнуть на *Высочайшее* воззрение.

Государь Император удостоил с благоволением прочесть это письмо и надеясь на искренность чувств, в нем выраженных, изволил *Всемилостивейше* изъявить готовность облегчить участь *Бакунина* освобождением его из крепости, но с тем, чтобы он был отправлен в Сибирь на поселение.

Прошу, Ваше Превосходительство, от имени моего объявить о сем *Бакунину*, присовокупив, что ему предоставляется или воспользоваться даруемою ему милостию или остаться в крепости на прежнем основании, о последующем я буду ожидать Вашего уведомления для всеподданнейшего доклада».

В это же время мать Бакунина вновь обратилась с просьбой, чтобы Бакунину, «по болезненному его состоянию, дозволено было провести последнее время его жизни в ее деревне Тверской губернии, не переступая никогда порога родного дома, за порукою всего семейства» (л. 13). Удовлетворена эта просьба не была.

81. Лист 17. Письмо это было задержано в III Отделении. Воспроизводим подлинник. Опубликовано.

82. Лист 19. Опубликовано. Это письмо было представлено при следующем секретном рапорте Шлиссельбургского коменданта:

«Всемилостивейшее облегчение участи, изъясненное в предписании за № 411, от имени Вашего Сиятельства объявлено мною. Бакунин, с благоговением и глубокою сердечною благодарностью приняв оное, убедительнейше просит меня дозволить письмом излить искреннейшую свою благодарность за благосклонное внимание *Вашего Сиятельства;* убедясь доводами, представляемыми им, я решился без испрошения соизволения на написание письма, в сем только единственном случае дозволить ему, которое имею честь на благоуважение *Вашего Сиятельства* представить.

Комендант Троцкий 1-й.

№ 10. 25-е февраля 1857 года. С представлением письма».

В III Отделении был заботливо составлен весьма подробный церемониал отправки Бакунина в Сибирь. Приводим его полностью. (л. 24).

88. Отправка Бакунина в Сибирь.

К исполнению *Высочайшего* повеления, последовавшего о преступнике *Бакунине*, предлагается сделать следующие распоряжения:

1. Предложить коменданту Шлиссельбургской крепости объявить ему, что он *Высочайше* утвержденным 12-го декабря 1844 года мнением Государственного Совета, быв признан виновным в преступных за границею сношениях с обществом злонамеренных людей, приговорен к лишению чина и дворянства и ссылке, в случае яви

в Россию, в Сибирь, в каторжную работу; но что *Государь Император*, во *Всемилостивейшем* внимании к его раскаянию, изволил оказать облегчение его участи, повелев ссылку в каторжную работу заменить отправлением его в Сибирь на поселение (об объявлении ему сего взять от него подписку).

2. Предписание о сем к Генерал-Лейтенанту Троцкому отправить с нарочным жандармским офицером, который, с двумя жандармами, доставит Бакунина в III Отделение, рассчитывая время своего следования так, чтобы он доставлен был сюда вечером.

3. По доставлении его в III Отделение, поместить его в один из секретных арестантских номеров, с строжайшим наблюдением о недопущении к нему никого, без особого на то разрешения.

4. На следующий день пригласить к 7-ми часам вечера брата и сестру его и дозволить им свидание с ним, но не иначе, как в присутствии Дежурного Штаб-офицера Штаба Корпуса Жандармов Полковника Брянчанинова и в служебном кабинете его. Полковнику Брянчанинову будет дано словесное наставление по сему случаю. *)

5. Объявить здесь Бакунину *Всемилостивейшее* разрешение заехать на одни сутки, для свидания с матерью, в ее деревню (в Тверской губернии), с тем, чтобы при свидании этом не находился никто, кроме самых близких родных его; о чем дано будет должное приказание и офицеру, который будет с ним отправлен.

6. Спросить Генерал-Адъютанта Чевкина, каким способом может быть удобнее отправлен секретный арестант по железной дороге до Твери, с избранием для сего предпочтительно одного из товарных поездов—раннего утреннего или позднего вечернего.

7. Для сопровождения его из С.-Петербурга до места жительства его матери и оттуда в Омск назначить капитана С.-Петербургского Жандармского дивизиона Делихова, которому дать подробную инструкцию, для руководства его в исполнении сего поручения, объяснив в оной, что Бакунину, если он пожелает, дозволяется приобрести тарантас.

8. Принять должные меры, чтобы при отправлении его отсюда решительно никто не провожал его.

9. Сообщить Начальнику Тверской губернии, чтобы Бакунин, по прибытии своем в Тверь, был, без малейшего замедления, отправлен в имение его матери.

10. Для водворения его на поселении в Сибири отнестись к Генералу от Инфантерии Гасфорду, которому Бакунин и должен быть сдан, по доставлении его в Омск.

2 марта 1857 г.

---

*) Я нахожу лучшим свидание установить в одной из комнат Начальника Штаба, так как посетителям возможно будет приезжать тогда с большого подъезда, Бакунина же проводить по задней лестнице через двор.

(*Надпись карандашем, принадлежащая, как и другие карандашные пометы, вероятнее всего — В. А. Долгорукову. Примеч. ред.*)

На полях и в конце текста пометы карандашом в таком порядке: «Исполнить».

«Троцкому написать также, чтобы Бакунин снабжен был необходимою путевою одеждою, и так как он говорит болен цынготною, то чтобы было соображено может ли он теперь быть отправлен в путь или же следует отправлением его повременить.

Жандармский офицер, само собою разумеется, должен заботиться о содержании Бакунина в пути, необходимою пищею и чаем.

Это должно быть предписано и кап. Делихову, кроме того, ему должно быть сказано, каким путем он должен следовать в Сибирь из Твери.

Ген. Гасфорду предварительно написать о Бакунине по почте, дабы он мог приготовиться, как его поселить, и, кроме того, о нем же вручить конверт Делихову.

Когда все распоряжения относительно прибытия Бакунина в С.-Петербург будут сделаны, в то время можно будет секретно предупредить о нем его брата, здесь находящегося, дабы он мог приготовить для него нужное белье и платье.—Об этом мы переговорим еще подробнее. 3 марта».

5 марта 1857 г. комендант крепости Троцкий доложил шефу жандармов рапортом о принятых мерах (л. 37).

Секретно.

89. Рапорт коменданта Шлиссельбургской крепости.

«Вследствие предписания Вашего Сиятельства, от 4-го сего Марта за № 520,—изъясненное в оном мною объявлено Михаилу Бакунину; взятую о таковом объявлении подписку его при сем прилагаю:

Сего числа Бакунин передан для доставления в С.-Петербург присланному С.-Петербургского Жандармского Дивизиона Поручику Медведеву, снабжен он по возможности теплою одеждою; к имеющейся у него собственной, даны: шинель, теплые сапоги и фуражка, в принятии его и одежды взяты расписки от Поручика Медведева об одежде, с тем, чтобы оная по миновании надобности была возвращена в крепость.

Улучшившееся его ныне здоровье не препятствует ныне же к отправлению его в путь, тем более, что перемена жизни с движением и свежестью воздуха при не столь быстрой езде послужат полагаю даже к некоторому улучшению его здоровья.

Комендант Троцкий 1-й.

№ 16. 5 Марта 1857 года. Кр. Шлиссельбург».

На рапорте пометка Долгорукова: «доложено Его Величеству» (л. 37).

90. Подписка.

Изъясненное въ повелѣнии Его Сіятельства Князя Долгорукова, от 4-го Марта 1857 года за № 520-м, Комендантом Шлиссельбургской крѣпости, мнѣ объявлено, въ чемъ и даю сію подписку.

Михаилъ Бакунинъ.

1857-го года. 5 Марта (лист 38).

83. Приведенные 5 документов на листах: 45, 46, 48, 49, 52. Из них опубликован № 50. На бумаге майора Гедде сбоку надпись: «Доложено Его Величеству 26 Апреля. Бакунин отправлен 7 марта». На бумаге Гасфорда пометка Долгорукова: «Читал 28 Апреля».

84. Лист. 54. Воспроизводим подлинник. Опубликовано.

85. Лист 59. Воспроизводим с подлинника. На письме резолюция, написанная рукой Долгорукова: «Уведомить кн. Казимирского, что занятия Бакунин может иметь и в самом Томске — разрешить же ему разъезды по Сибири признается неудобным; что касается до содержания, которое он получает от своих родных, то оно расстроить их не может. 24 Окт.».

86. Лист 61. Воспроизводим подлинник. Казимирский написал на письме. «Лично доложить Его Сиятельству г. Шефу, а Бакунина известить». Опубликовано.

87. Лист. 65. Подлинное письмо было отправлено по назначению. На выписке заметки: «Доложено его величеству». «Не известен ли у нас Квятковский?». Копия, имеющаяся в деле, озаглавлена: «Извлечение из письма преступника Бакунина к матери от 28 марта 1858 года из Томска». Опубликовано.

88. Лист 66. В «деле» за этим отношением идет «справка» о Бакунине следующего содержания:

91. Справка о М. Бакунине.

«Лишенный по суду прав состояния преступник *Бакунин*, по освобождении его в феврале месяце прошедшего года из заключения в Шлиссельбургской крепости, отправлен в Сибирь на поселение и причислен к Томскому округу.

Генерал-Губернатор Гасфорд представляет ныне Министру Внутренних Дел, что преступник сей во все время пребывания своего в Сибири вел себя вполне безукоризненно и обнаруживал постоянно самый скромный образ мыслей и искреннее раскаяние в своих заблуждениях. Признавая его заслуживающим облегчения участи и желая дать ему возможность употребить дарования свои на пользу отечества, генерал Гасфорд просит об исходатайствовании Всемилостивейшего разрешения на определение *Бакунина* в Гражданскую службу в Сибири, канцелярским служителем, без возвращения ему прав дворянства и с оставлением под секретным надзором.

Действительный Тайный Советник Ланской сообщает представление сие на усмотрение Вашего Сиятельства.

Соображение. По принятому правилу политические преступники определяются в Гражданскую службу в Сибири канцелярскими служителями 4-го разряда (которому для выслуги первого офицерского чина назначено 12 лет), и они оставляются под надзором. Права их происхождения в таком случае никогда им не возвращаются.

К исходатайствованию Бакунину поступить в службу на том же основании III Отделение препятствия не находит.

21 мая 1858 г.»

Резолюция, написанная рукой Долгорукова: «Высочайше разрешено исполнить согласно соображению. 23 мая».

89. Лист 72. Воспроизводим подлинник. Опубликовано.

90. Лист 76. Опубликовано. К этому письму 15 июля 1858 г. была составлена след. справка (л. 77):

«Бакунин просил в октябре месяце 1857 года о дозволении ему свободных разъездов по Сибири, для приискания занятий.

Ваше Сиятельство изволили приказать уведомить Генерал-Майора Казимирского, представившего просьбу Бакунина, что он может найти занятия и в Томске, разрешение же ему разъездов по Сибири признано неудобным.

Потом Генерал Гасфорд ходатайствовал о разрешении Бакунину поступить в Сибири в гражданскую службу; на это, по прилагаемому докладу, последовало *Высочайшее* разрешение 23 мая сего года.

Вскоре после того Бакунин обращался к Начальнику Томской губернии с просьбою о даровании ему, для обеспечения средств предстоявшей ему тогда семейной жизни, права отлучаться в Восточную Сибирь и заниматься делами по доверенностям.

Генерал-Маиор Озерский, не считая себя в праве, по краткости пребывания своего тогда в Томске, ходатайствовать по этой просьбе, счел, однако, долгом довести оную до сведения Вашего Сиятельства.

Так как Бакунину было тогда уже разрешено служить, то означенная просьба его оставлена без последствий».

Рукою Долгорукова сделана на полях надпись: «Ответить в том смысле как мы говорили, 23 июля».

91. Лист 80. Воспроизводим копию. Подлинник приобщен к делу о Спешневе 1849 г. № 214, часть 30, согласно справки, имеющейся на копии письма. На подлиннике Долгоруков написал:

«Собственноручно отвечал из Минска, что лица, о коих ходатайствует Граф Муравьев, забытыми не останутся, но что теперь участь их изменена еще быть не может».

92. Лист 82. Воспроизводим подлинник. По этой просьбе последовала следующая резолюция Долгорукова: «Высочайше повелено просьбу г-жи Бакуниной оставить без последствий. Ответа делать ей не нужно. 21 сентября».

93. Лист 85.

94. Лист 87. Опубликовано в извлечениях. Воспроизводим подлинник. На письме резолюция Долгорукова: «Высочайше повелено на счет Бакунина повременить. 13 ноября».

«Д. со справкой о Бакунине лично 11 ноября».

95. Лист 89. Воспроизводим подлинник. На прошении царь написал: «По-моему невозможно». В тот же день, 26 апреля наложил сбоку свою резолюцию Долгоруков: «Оставить без последствий».

96. Часть IV, лист 1. Получено в Петербурге это извещение было 19 октября 1861 г. На следующий день, 20 октября, пришло по тому же поводу пространное письмо генерала Корсакова. На письме Дувинга имеются две надписи, сделанные, очевидно, В. А. Долгоруковым: 1-я (20 октября): «*Письмо свиты Е. В. Г. М. Корсакова оставлено Его Величеством*»; 2-я (22 октября): «*Об этом непростительном случае есть особое письмо от Ген.-М. Корсакова*».

97. Лист 2. 21 октября была составлена соответствующая случаю справка о Бакунине (лист 5), перечислявшая все его прошлые грехи. На справке резолюция:

«Оплошность со стороны Г.-М. Корсакова непростительная, и если побег Бакунина подтвердится, то он заслуживает строжайшего выговора».

Воспроизводим подлинник.

98. Отношение это составлено по записке князя Голицына, посланной Управляющему Морским Министерством Н. Краббе 25 декабря 1862 г. за № 742. Все содержание записки Голицына, за исключением обращения к Управляющему Морским Министерством, вошло в это отношение. Текст Голицына отличается лишь местоимениями и обращениями. Поэтому мы не воспроизводим записки Голицына. Хранится она в «деле» Морского Министерства Флота Генерал-Аудитора, том I, л. 43 и дальше. Курсив подлинника.

99. «Дело о побеге за границу политического преступника Бакунина». «Министерство Морского Управление Флота Генерал-Аудитора». Т. II, л. 10.

100. Воспроизводим подлинное письмо Вебера, находящееся в 1 томе «дела» Морск. Мин-ва (л. 159—160). Копия имеется в IV томе «дела» архива б. III Отделения, л. 125—128.

Котюхов на следующий день по получении письма от Вебера сообщал ему:

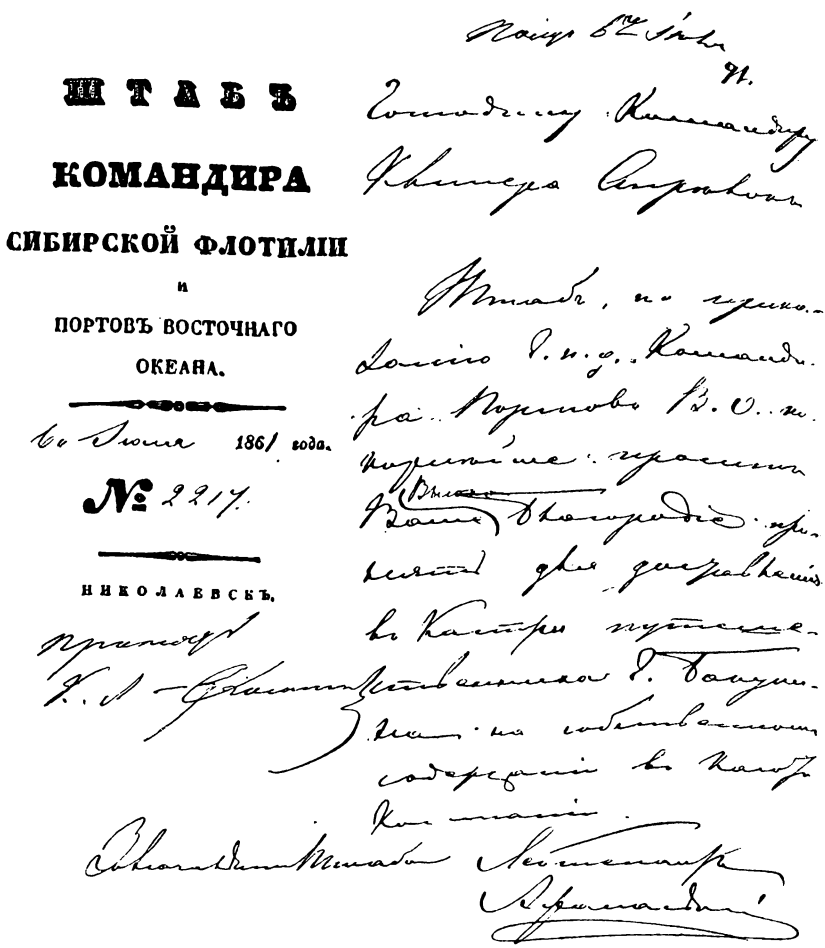
92.

«Гилярий Антонович!

Сейчас узнал я, что Сухомлин принял на Стрелок Бакунина, *в исполнение воли Афанасьева, выраженной в предписании его на имя командира клипера*. А мы хотели руками этого господина поймать беглеца. Дальновидные же мы с Вами политики!!! В. Котюхов» (л. 129).

Приводим также факсимиле предписания, открывшего Бакунину свободный выход из сибирской неволи («Дело Морск. Мин-ва», т. I).

93.



ШТАБЪ
КОМАНДИРА
СИБИРСКОЙ ФЛОТИЛИИ
и
ПОРТОВЪ ВОСТОЧНАГО
ОКЕАНА.

6-го Іюля 1861 года.

№ 2217.

НИКОЛАЕВСКЪ.

«Получено 6 июля.

Господину Командиру Клипера «Стрелок».

Штаб, по приказанию Г.и.д. Командира Портов В. О. покорнейше просит Ваше Высокоблагородие принять для доставления в Кастри путешественника г. Бакунина на собственном содержании в Кают-Компании.

За Начальника Штаба

Лейтенант *Афанасьев*».

101. «Министерство Морское. Управление Флота Генерал-Аудитора. «Дело о побеге за границу политического преступника Бакунина». Т. I, л. 1—19. Воспроизводим подлинник.

102. Сверено с подлинником, находящимся в IV части «дела» б. Архива III Отдел. Лист 8. Получено в Петербурге 18 ноября 1861 г. 13 ноября было отправлено Корсакову письмо мягкого содержания. В этом письме говорилось, между прочим:

«Государю Императору крайне неприятно, что в отношении преступника, столь важного, как Бакунин, не было принято должных мер предосторожности; но Его Величество надеясь, что опасение побега сего преступника может быть напрасно и что он будет отыскан, изволит дожидать дальнейших донесений и подробных об этом сведений».

Полученное же 18 ноября сообщение не оставляло никаких сомнений в том, что «важный преступник» находится за пределами досягаемости.

На полях, около строк, где говорится о болезни лица, с которым пакет был послан, карандашом вопросительная заметка: «Кто это?» На полях бумаги обширная резолюция Долгорукова:

«Высочайше повелено поставить этот случай на вид как самому ген. Корсакову, так и Контр-Адмиралу Козакевичу, который не может быть извинен, хотя бы конверт о Бакунине и не дошел до него своевременно, так как он не мог не знать, кто такой Бакунин.

Неудовольствие *Его Величества* выразить приличными, но положительными выражениями.

Сказать при этом, что Государь Император тем менее мог ожидать снисходительности к Бакунину, что поведение его в Сибири не соответствовало той милости, которая была ему дарована освобождением его из крепости, о чем неоднократно было лично мною сообщаемо Графу Муравьеву-Амурскому и вследствие чего повторяемые ходатайства Графа об облегчении его участи не были удовлетворяемы. 22 ноября».

24 ноября в смысле этой резолюции была отправлена Корсакову бумага. Вместо Козакевича «строгий выговор» был объявлен капитану I ранга Петровскому, управлявшему в июле м-це, ввиду отъезда Козакевича, Приморской областью. Вместе с Петровским строгий выговор получили и «прочие начальствующие лица», не воспрепятствовавшие Бакунину отправиться в Японию (дело б. архива III Отделения, ч. IV, л. 11.)

103. Подлинник письменного показания—дело Морск. Мин. т. III, л. 77.

104. Подлинник—дело Морск. Мин-ва, т. III, л. 70—71.

105. Подлинник—там же, т. III, л. 19—22. Во II томе имеется также письменное объяснение Афанасьева (л. 20—23), не прибавляющее ничего к тому, что имеется в протоколе.

Записка, в которой сообщалось подозрение о намерении к бегству Бакунина, в делах клипера «Стрелок» не оказалось, а найдено

только предложение коменданту клипера принять на пароход Бакунина.

(М. Мин., дело, т. I, л. 178—отношение Управления Николаевского порта. Штаб Главного Коменданта. Николаев. 13 мая 1864 г. № 24).

106. Подлинник—там же, т. III, л. 37—39.

107. Подлинный акт—там же, т. III, л. 56.

108. Подлинник—там же, т. III, л. 66—67.

109. Там же, т. I, л. 95—154. Эта записка, составленная в Управлении Флота Генерал-Аудиториата Морского министерства была одобрена шефом жандармов, и от его имени и имени Управляющего Морским Министерством была послана царю в виде всеподданнейшего доклада.

110. Там же, т. I, л. 165—172. Это заключение с подписями В. А. Долгорукова и Н. Краббе вместе с запиской (см. предыдущее примеч.) в августе 1864 г. представлено царю. 5 августа заключение было утверждено.

Подлинник доклада хранится в книге всеподданнейших докладов за 1864 год (т. I, л. 176).

111. Настоящее письмо Вебера, вместе с запиской В. Котюхова было доставлено ген. Лутковским в III Отделение. В «деле» (ч. IV, л. 123) имеется следующая записка для памяти:

«И. С. Лутковскій передал эти письма частным образом и просит не приобщать их к следственному делу о побеге Бакунина.

Не нужно ли сообщить эти письма Министру Вн-их Дел, у которого производится дело о Бакунине? 20 января».

Сбоку сделана надпись карандашом: «приказать хранить».

112. Дело б. III Отделения, ч. IV, л. 134. Записку, составленную полковником Шульманом, мы не воспроизводим, так как она является извлечением из следственного материала, публикуемого нами.

113. Там же, л. 152. Речь идет о письме Вебера Котюхову, которое воспроизведено нами под № 66 (стр. 340). По докладу Долгорукова и Краббе о результатах следствия царь 5 августа 1864 года приказал Бронзерта посадить на гауптвахту на 1 месяц, а Афанасьева на 2 м-ца—в каземат крепости. («Дело» Морск. Мин-ва, т. I, л. 182—183). 31-го октября того же года инспекторский департамент Морского Министерства уведомлял Управление флота Генерал-аудитора, что повеление царя «в исполнение приведено» (там же, т. I).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН [1]).

Абрамович—11.
Адельт—417.
Аккорт—70, 72, 81, 82.
Александр I—9, 18.
Александр II—95, 97, 284.
Александр Бакунин—252, 253, 255, 257, 261, 262, 263, 265, 271, 272, 407, 409, 411, 413, 414.
Алексей Бакунин—265, 270, 288, 289.
Алексей Михайлович (царь) —389.
Алибо—138.
Альберт (Albert)—133.
Андржейкович—25, 27, 398, 399.
Анисимов, прапорщик—295.
Анна, Annette (невестка Бакунина) — 250, 251, 265, 271, 407.
Араго (Arago Emanuel)—118, 185.
Арнольд, Эмануил — 62, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 72, 73, 75, 76, 78, 80, 81, 85, 193, 207, 208, 209, 211, 212, 215, 220, 227, 236.
Асташев, золотопромышленник — 302.
Афанасьев, лейтенант — 316, 319, 325, 327, 330, 335, 339, 341, 342, 344, 345, 346, 350, 351, 352, 353, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 384, 387, 388, 389, 391, 392, 429, 431.

Бакунин Александр (см. Александр)
Бакунин Алексей (см. Алексей).
Бакунина В. А. (см. Варвара).
Бакунин Павел (см. Павел).
Бакунин Илья (см. Илья).
Бакунин Николай (см. Николай).
Бакунина Татьяна (см. Татьяна).
Бастиа (Bastia Frederic)—118.
Bastide—43, 118.
Безобразов, М. И.—264.
Бейер (Baier, барон)—73, 220.
Бем, Иосиф—421.
Бем-фон, барон—89, 93.
Бекерат—43.
Бер-фон—401.
Beranger—118.
Бернардаки—421.
Бернацкий, Алоизий—118.
Blans Louis—119, 133.
Блудов, гр.—400.
Блунчли (Bluntschli)—108, 110, 112, 113, 114.
Блюм, Роберт—246.
Бобрович—25, 28.
Богуш—362, 364, 373.
Бодиско — 318, 319, 326, 350, 361.

[1]) «Михаил Бакунин» в указатель не включен. *Ред.*

Borhert—266.
Брани, Владислав фон—91.
Браунер—148.
Бронзерт, мичман — 318, 349, 358, 359, 360, 382, 385, 386, 388, 391, 392.
Бруна, д-р.—83.
Брут—138.
Брянчанинов, полк.—424.
Буташевич-Петрашевский, М. В.—308.

Ванка, Франц—64, 75, 76.
Варенька (сестра Мих. Бакунина) — 251, 265, 266, 267, 272, 407.
Варвара Бакунина (мать Мих. Бакунина) — 277, 279, 280, 281, 308, 309, 312, 422.
Варвара Михайловна—272.
Вебер, Гиляр'ий — 318, 319, 340, 343, 372, 373, 374, 375, 381, 385, 387, 389, 391, 392, 429, 432.
Вейтлинг, Вильгельм—109, 112, 113, 114.
Венделин, Демут—90.
Verteuil—267.
Wesniar—39.
Виланд—54.
Виндишгрец, кн. — 20, 26, 37, 181, 189, 206, 398.
Виттиг (Wittig) — 28, 77, 87, 213, 233, 325, 349.
Волков, мичман—359,360,386,391.
Wolowsky—118.
Вольф—142.
Вохоч, Франц—62.
Врангель—26.

Габриель—365.
Гавличек, Франц—66.
Ганка—147.
Гаммер—3, 397.
Гасфорд, ген. — 296, 425, 426, 427.
Гаутч, Вильгельм—79, 85.
Гегель—6, 264.
Гедде, майор—296, 426.
Гейбнер—5, 53, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 245.
Гейнце (Heinse), лейтенант—53, 241, 243,244.
Геймбергер (Ласогорский) — 65, 66, 67, 68, 78, 211.
Гекзамер—76, 78, 190, 191, 192, 201, 205, 206, 207, 225, 227, 229, 232.
Гельтман—48, 53, 70, 74, 213, 215, 219, 221, 222, 223, 234, 238, 240.
Гервег (Herwegh Georg) — 106, 107, 108, 109, 119, 135, 136, 139, 142.
Герцен, А. И.—57, 136, 137, 391, 403.
Гёте—254, 409.
Гизо (Guizot)—29, 30, 49, 59, 127.
Гиргль, Франц—77.
Глебов, П. Н.—329, 343, 383.
Гоблер, Антон—90.
Гоголь, Н. В.—257.
Голицын, А. Ф., кн.—316, 317, 323, 327, 347, 353, 383, 384, 428, 429.
Головин, Иван—117, 136.
Haurann, Duvergier-de — 226.
Горчаков, А. М., кн. — 280, 423.
Госсфельд—77.
Гофман—142, 268, 415.
Гржибовский—360.
Гумберт—331, 332, 333, 335.
Гурьев—326, 327, 350, 352, 364, 384.

Дадошкалиан, кн.—361.
Danton—175.
Дашков—400.
Делихов—425.
Дестер—76, 78, 190, 191, 192, 201,

205, 206, 207, 225, 226, 227, 229, 232, 234, 235.
Деомидов—356.
Дивернцкий, ген.—69.
Дирие-Альфред, фон—91.
Дон-Кихот—268, 415.
Долгоруков, В. А., кн.—278, 279, 281, 282, 284, 289, 296, 297, 298, 301, 305, 306, 308, 309, 315, 316, 317, 318, 321, 323, 352, 353, 354, 357, 382, 383, 422, 423, 426, 427, 428, 431, 432.
Долгоруков, кн. (Илья Андреевич)—404, 405.
Дубельт, Л. В.—96, 99, 100, 277, 278, 403, 404, 416, 417, 418, 420.
Дувинг, полк.—320, 428.
Dubarry—27.
Dupart Pascal—119.
Durieux—118.
Дюшатель—30, 127.

Екатерина II—18, 400.
Елачич (Ielaschich)—26, 63, 156, 817, 189, 192, 195, 210, 398.
Елена Павловна (вел. кн.)—423.

Жирарден (Girardin Emile)—118.
Жуков—267.
Жорж-Занд (см. Занд).

Завалишин, Д. И.—310, 311.
Занд-Жорж—29, 31, 119.
Зайченко—271.
Закревский, гр.—401.

Извольский—324, 325, 329, 348, 349, 354, 384.
Ильинский Л. К., проф.—98.
Илья (Бакунин)—257.

Кавеньяк [Cavaignac]—26, 119, 398.
Казимирский, Я. Д.—298, 299, 305, 426, 427.
Калаус, Карл—62.
Катя (Бакунина)—289.
Квятковский, Ксаверий—302, 427.
Квятковская, Антонина—304.
Кине (Quinet)—119.
Киселев, посланник в Париже—421.
Клейнерт, Павел—77.
Клейнмихель, ген.—404, 405.
Клейнберг-Эдлер-фон—89, 93, 94.
Клука, Винценц—90.
Кованько, М. М., ген.—103.
Козакевич, адм.—316, 325, 330, 339, 340, 345, 350, 355, 375, 378, 379, 381, 390, 431.
Коковин—331.
Колар—147.
Кондратьев, ген-м.—326, 327, 350, 352, 364, 378, 379, 387.
Комарович—360.
Консидеран (Considérant Victor)—119.
Корельский, подп.—344, 345, 365, 375, 376, 378.
Корсаков, М. Н., ген. 310, 311, 316, 317, 318, 320, 321, 323, 324, 326, 328, 343, 344, 347, 348, 351, 352, 353, 357, 358, 369, 371, 373, 382, 392, 417, 428, 430, 431.
Корсини, прапорщик—405.
Котюхов, В. Г.—315, 316, 326, 327, 329, 330, 340, 341, 346, 350, 351, 352, 353, 362, 363, 364, 366, 369, 370, 371, 372, 373, 379, 380, 381, 387, 389, 390, 391, 392, 429, 432.
Коссидьер—133, 139.
Костельский—42.

Кошут (Коссут)—68, 152,156, 187, 202, 210, 211, 214, 218, 220.
Краббе, Н. К.—315, 316, 317, 318, 328, 391, 428, 432.
Красный, Андрей—62.
Крыжановский—48, 52, 68, 70, 72, 74, 213, 215, 219, 221, 222, 223, 233, 234, 238, 240.
Крылов, И. А.—141.
Куфштейн, граф—402.

Ламартин,—143.
Ламенне (Lamennais)—118.
Лангер—272.
Ланской, С.—303, 427.
Лассогорский (Геймбергер)—65.
Лаубе—360.
Ледрю-Роллен—50, 51, 132, 133, 136.
Ледуховский, гр.—143.
Лейхтенбергский, герц.—10.
Лелевель—115, 116, 126.
Лемке, М. К.—402.
Лиза (невестка Бакунина)—41, 251, 253, 254, 255, 262, 271, 272, 408, 409, 413, 414, 415.
Липский—42.
Лонгинова, А. И.—271.
Лукасинский, В.—417.
Лутковский, И. С., ген.—390, 432.
Любаша (Бакунина)—267, 270, 415.
Любомирский—42.
Людовик-Филипп—122.
Львова, М. К.—271.
Львов, Федор—308.

Магдзинский—25.
Mazaniello—183.
Максимилиан—55, 73, 83, 85, 88.
Мандерштерн I—275.
Мандерштрем, гр.—96.
Mammiani, гр.—119.
Marast—118, 122.
Marie—267.
Мария Александровна, имп.—423.
Мария Николаевна—271, 272.
Маркс, Карл—185.
Маюров—319, 390.
Медведев, поруч.—295, 296, 297, 426.
Медокс—416.
Мейендорф, бар.—55.
Менцль, Иосиф—62, 66, 81, 85.
Менцль, Мария—62, 81.
Меравиглиа-Оттомар—91.
Mérodé, гр.—128.
Merrucau—118, 124.
Меттерних (Metternich)—131, 406.
Мещанинов, И. И.—41.
Minatoli—142.
Mirabeau—175.
Михаил, вел. кн.—405.
Мицкевич, Адам—41, 117, 126, 144, 159.
Мишле (Michelet)—119, 403.
Montalambert—128.
Монтэнь—258.
Муравьев-Амурский, Н.Н.—308, 310, 311, 321, 428, 431.
Мушка, Франц—62.

Набоков—248.
Налепинский—417.
Наполеон I—26, 50.
Наполеон III—398.
Неглинский, Леонард—142.
Нессельроде, гр.—35, 48, 402.
Николандер—76.
Николай I—10, 15, 19, 20, 21, 32, 36, 56, 95, 97, 98, 102, 138, 140, 155, 400, 404, 406, 407.
Николай Бакунин—249, 250, 251, 257, 259, 265, 267, 268, 272, 407, 415.
Николай (Полудинский)—401.

Nicolas, Николай (Сазонов)—42, 402.
Никсцайер, Людвиг—91.
Новак, Иосиф—62.
Ноппес, Теодор—91.
Ньютон (Newton)—263, 413.

Озерский, ген.—303, 428.
Oppenheim—42.
Орлов, гр.—58, 98, 99, 101, 102, 158, 275, 285, 401, 403, 418, 419, 422.
Оттендорфер (Ottendorfer) — 74, 83, 209, 236.
Отто, Франц—47.

Павел Бакунин — 265, 270, 272, 275.
Павел I—18.
Павел, апостол—160.
Палацкий — 42, 147, 148, 149, 189, 210.
Пауль, Франц—62, 66.
Pépé, ген.—119, 135.
Пестель, П. И.—117.
Петр Великий—8, 9, 17.
Pierre—267.

Петровский, кап.—318, 325, 327, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 341, 346, 350, 352, 362, 365, 366, 367, 378, 382, 385, 386, 387, 388, 391, 392, 431.
Piat Felix—119.
Полонский, Вяч.—95,400,403.
Полторацкий, А. М.—267.
Полудинская, М. И. — 4, 38, 39, 401.
Потапов, А., ген.—392, 393.
Прейс, Карл—66, 78, 79, 85.
Proudon—119.
Птицын—332.
Пугачев, Емельян—9, 18.
Пушкин, А. С.—169, 177.

Равальяк—138.
Радецкий—35.
Рачинский—27.
Резвый—405.
Рейниш, Эдуард—91.
Рейхель, А.—40, 41, 115, 116, 119, 137, 201, 202, 401.
Рейхенбах (Reichenbach) — 42, 225.
Рекель, К.—5,62,73,74,78,79,82, 83, 84, 85, 213, 220, 221, 232, 233, 236, 237.
Reclame—25.
Роберт Карлович—266.
Robert Cyprica—144.
Робинзон—266.
Роган, гр.—208.
Rhomer, бр.—108.
Росси, Генрих, поруч.—91.
Руге, А. — 6, 28, 33, 105, 106, 143, 401.
Рупперт—66.
Рылеев, К. Ф.—117.

Сабашников—320, 324, 348.
Сабина, Карл—62, 63, 64, 66, 67, 72, 73, 75, 78, 80, 81, 83, 85, 87, 193, 237.
Сазонов, Н. (см. Nicolas)—136, 401.
Саша—267, 271.
Свиньин—405.
Свяцкий—345.
Сгибнев — 325, 349, 358, 359, 360, 386.
Сигмунд, Густав—401.
Сима—271.
Скрыженецкий, ген.—128.
Слободчиков—375.
Слодковский, К.—62, 83.
Сперанский—400.
Спешнев, Н.—308, 361, 428.
Стеклов, Ю. М.—6, 400, 403.
Сторжевский, Э.—4, 36.
Страка (Адольф и Густав) — 62, 64, 66, 68, 69, 73, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 83, 85, 192, 193, 212, 219, 220, 221, 233, 235, 236.

Струве, А.—114.
Сухозанет, ген.—405.
Сухомлин, капит. — 318, 342, 344, 345, 365, 379, 382, 388, 391, 392, 429.

Татьяна Бакунина—249, 250, 251, 252, 266, 267, 272, 407, 408.
Телеки, гр. — 68, 80, 202, 203, 214, 220, 221, 236, 237.
Тизенгаузен—419.
Тимашев—296.
Тишлер, Иоган—90.
Товянский—118.
Тодт (Todt)—238, 240, 242, 243.
Толстой, капитан.—295.
Толстой. Як.—422.
Третьяков—405.
Троцкий I, ген.—419, 420, 423, 424, 426.
Тун, гр.—147, 148.
Тургенев, Н. И.—118, 119, 136, 137.
Тьер (Тьерс)—122, 132.

Урбан—147.

Филипеус—318, 327, 340, 341, 342, 346, 351, 374, 385, 391.
Фишер—68, 76, 78.
Флокон (Flocon) — 119, 133, 134, 139, 202, 203.
Faucher Léon — 118.
Франц, И.—5, 55, 57, 86, 87, 88, 92, 93, 94.
François, Etienne—118.
Фребель, Ю.—108.
Фридеман — 20.
Фридрих-Вильгельм IV—123.
Фритч, Иосиф—70, 71, 72, 77, 80, 81, 82, 83, 85.
Фриц — 266.

Хиона Николаевна—271.
Хитрово — 318, 327, 340, 341, 342, 346, 351, 374, 385, 390.
Хоецкий — 26, 28.

Циммер, К.—62, 74, 83, 85, 236, 237.

Чарторижский, А.—117, 127, 135.
Чевкин — 425.
Чинский—402.
Чирнер—233, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 245.
Чурилов — 375.

Шамболль (Chambolle) — 118
Шатынский — 390.
Шафарик — 147, 148, 150.
Шварценберг, гр.—55, 56.
Швебе—402.
Шмидт — 91.
Schölcher Victor — 119.
Шредер — 3, 4, 5, 6, 397, 401.
Schreide — 234.
Шрек — 60.
Штейн Лоренц (Stein)— 42, 105, 112.
Strauss — 105.
Штернвальд, фон—92.
Штур, Людвиг—28, 147, 187, 210.
Шульман, полк.—315, 354, 391.
Шуман — 42.

Элизар (Elizard Jules)—106.
Erbe — 234, 235.

Яников — 405.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	*Следует читать:*
стр. 89, 7 строка сверху.	губернатором крепости	комендантом крепости (Festungs-Gouverneur).
стр. 100.	Ваше Императорское Величество!	Ваше Императорское Величество
стр. 101, 4 строка сверху.	встретившим	встретившем
стр. 102, 12 строка снизу.	Да, ГОСУДАРЬ, буду исповедываться	Да, ГОСУДАРЬ, я буду исповедываться
стр. 247, 3 строка сверху.	К стопам ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА,	К стопам ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
стр. 248, 9 строка сверху.	ВЕЛИЧЕСТВА).	ВЕЛИЧЕСТВА.
стр. 249.	В заголовке поставлена нумерация: 30—32	33—35 соответственно д. б. изменена нумерация двух документов: 30 на стр. 249 — на 33 и 31 на стр. 251 — на 34.
стр. 305, над текстом.	ген. Озеровскому	ген. Озерскому

РАБОТЫ ВЯЧ. ПОЛОНСКОГО
О
М. А. БАКУНИНЕ.

---

1) БАКУНИН (1814 — 1876). Популярный очерк. 168 стр. Госуд. Изд-во. Москва 1920.

2) БАКУНИН (из истории русской интеллигенции). Монография. Том первый. БАКУНИН-РОМАНТИК (1814—1861). 418 стр. Госуд. Изд-во. Москва — Петербург 1922. Готовится второе, исправленное и дополненное, издание.

3) БАКУНИН В ЭПОХУ 40—60-х ГОДОВ. Предисловие к отдельному изданию „Исповеди". Госуд. Изд-во. 1921.

Готовятся к печати:

БАКУНИН (из истории русской интеллигенции). Монография. Том второй (1861—1876). БАКУНИН АНАРХИСТ.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ М. БАКУНИНА. Том второй.